

ЛИТЕРАТУРНАЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

УЧЕБА

ИЮЛЬ АВГУСТ 93

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

СВЯТО-ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНЫ

ПУСТЫНИ

В НОМЕРЕ:

Евангельские чтения.

Стихи Василия КАЗАНЦЕВА и Александра СОЛОДОВНИКОВА.

Старец МАКАРИЙ. Спасительное слово. Письма к мирянам.

Письма священника Павла ФЛОРЕНСКОГО из Соловецкого лагеря.

ИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ФИЛ
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТ
ФИЛОСОФИЯ
ИЯ ЛИТ
СС

Главные врата Скита Оптиной Пустыни.

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Литературно-философский журнал

Выходит шесть раз в год

Основан
А. М. Горьким в
1930 году

Главный редактор
Владимир
МАЛЮТИН

Общественный со-
вет:

Леонид БЕЖИН,
Валентин КУРБАТОВ,
Владимир ЛИЧУТИН,
Константин ЛОГАЧЕВ,
Никита МИХАЛКОВ,
Алексей НАЛЕПИН,
Михаил ПЕТРОВ,
Евгений СИДОРОВ,
Константин
СКВОРЦОВ.

Редакционная
коллегия:

Алексей ИВАНОВ —
редактор отдела
прозы,
Виолетта
КАШИРСКАЯ —
заместитель главного
редактора,
Сергей КРАВЕЦ —
редактор отдела
классической
литературы,
Владимир
СЛАВЕЦКИЙ —
редактор отдела
критики,
Игорь СОБОЛЕВ —
ответственный
секретарь,
Татьяна ШУБИНА —
редактор отдела
публицистики.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Вас. КАЗАНЦЕВ. Стихи	3
А. ГАЛЬЦЕВ. Рассказы	7
Н. КРАВЦОВ. Стихи	46
И. КРУЧИК. Кравцов-второй	50
Р. БУХАРАЕВ. Новые соблазны?	52
Евг. ДАНИЛОВ. «В светлом саду христианст- ва...»	54
А. СОЛОДОВНИКОВ. Стихи	56

Начало евангельской истории

С. СЕМЕНОВА. «Ибо ныне родился Спаситель...»	65
М. ГУРЕЕВ. Два молчания. Молчание и гласы ...	80
Л. БЕЖИН. Провозвестники и гонители	85
Вл. МИКУШЕВИЧ. Раба господня	88
В. Н. ТРОСТНИКОВ. Размышления о седьмом апреля	92
А. БЫЧКОВ. Ждать ангела	97
В. ОТРОШЕНКО. Зрелища больше не будет	98
Е. ЛАПУТИН. Испытание Ирода	99
Ю. ВЯЗЕМСКИЙ. И на земле мир	101

ЛИТЕРАТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Вал. КУРБАТОВ. Небо Аустерлица	110
--------------------------------------	-----

Василий КАЗАНЦЕВ

* * *

— К вере сам себя зову,
Не хочу сомнением мучиться.
Лишь грядущим днем живу.
А сегодня — как получится.

— Горизонт все вдаль летит,
Ожидание все тянется.
Был бы нынче счастьем сыт.
А назавтра — что останется.

— Нет, ни этою, ни той
Сердце мыслью не проникнется.
— В прошлый кликни день, в былой —
И послушай, как откликнется.

ЮНОША

Неторопливый, молчаливый, тощий.
Какой-то жизни незаметный след.
Вспоминанье, тень, живые моши.
Несчастней в мире человека нет.

А он свой взгляд на мир с восторгом мечет.
И, тайного исполненный огня,
От счастья задыхаясь, жарко шепчет:
— Нет на земле счастливее меня!

* * *

Свирепая гроза,
Смиренная на вид,
Пронзающе в глаза
Сама себе глядит.

Жестокий, жаркий гнев,
Преображенный в стыд,
Бессильно онемев,
В ее душе горит!

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Проснулся я от мысли темной...
Недалеко в моем окне
Поджарый, узкий Кран Подъемный
Светился тускло в вышине.

Неумолимый, дымно-темный,
Как смутно-темный знак судьбы.
...И вдруг, бесчувственный, огромный,
Он стал вздыматься на дыбы!

Казанцев Василий Иванович родился в 1935 году в деревне Таскино Томской области. Окончил Томский университет, Высшие литературные курсы. Работал учителем, журналистом. Печатается с 1958 года. Автор многих поэтических книг. Живет в подмосковном городе Реутове.

И вспыхнул свет догадки страшной:
Сейчас он вихрем налетит —
И домик мой одноэтажный
Бессильно хрустнет, как бумажный,
Под тяжким
Грохотом
Копыт!

По гулким улицам пустым,
Тоской объятый неумемной,
Бегу, предчувствием томим.
И следом скачет Кран Подъемный.
И камень плит дрожит под ним.

На небе звездочка не брезжит.
И цепенеет сон ночной.
И раздраженный, жесткий скрежет,
Как ржанье, виснет надо мной.

И убегает путь мой темный.
И цепенеет мир огромный.
...Всю ночь во тьме пустой, бездомной,
Куда б я стоп ни направлял,
За мной повсюду Кран Подъемный
По мостовым
Пустым
Скакал!

* * *

Живу среди слов, трибун,
Нептунов, Марсов, Лун.
Забудусь — жарок, юн,
Летит коней табун,
Как солнечный зыбун.
Под звон ковыльных струн!

* * *

Даже то, что считалось позором
И чему оправдания нет,
Розоватым подернулось флером
Вдалеке — по прошествии лет.

С чем сравнить этот в дали идущий,
Негасимый сквозящим огнем
День мерцающий? Разве с грядущим,
Предрассветно сияющим днем!

* * *

Чтоб землю похвалить,
Не нужно хаять небо.
Чтоб небо похвалить,
Не нужно землю хаять.

Сверкает потому
Земля под небесами,
Что небо над землей,

Как свет любви, прекрасно.

И небо над землей,
Как свет любви, прекрасно
Лишь только потому,
Что блещет
Твердь
Под небом!

* * *

Вот так по земле и шагалось.
Вот так на земле и жилось.
В добре недобро узнавалось.
Светилась улыбка сквозь злость.

В погоде жила непогода.
В счастливой поре — непора.
— Зачти за добро мне, природа,
Неведение зла и добра.

— Конечно, зачла бы, зачла бы,
Как этого ты пожелал.
Зачла бы. Конечно! Когда бы,
Где зло, где добро, указал.

* * *

Рябиновые кисти.
Холодный небосвод.
Осенний ветер листья
Опавшие метет.

Как будто это стаи
Резвящихся бельчат,
Друг дружку обгоняя,
Через дорогу мчат.

Рукой случайно тронешь
Белеющийся круг.
Очнувшийся звереныш
Зашевелится вдруг!

* * *

Сквозь разлив кипрея
На далекий зов
Мчал он, не жалея
Огневых цветов.

Ближе был к свободе.
Радостней любил.
Ближе был к природе.
Злей, нещадней бил!

* * *

Длиннеют тени за окном —
И затихает все кругом.
И куст становится дыханьем,

И свет становится мерцаньем.
И звук — таящимся молчаньем!
И мысль — прекрасным, ярким сном!

* * *

— В своем стремительном полете
В незасыпающем бору
О чем, деревья, вы поете
На нестихающем ветру?

— В глухом безмолвии корнями
Не смог сроднить нас холод тьмы —
На ледяном ветру ветвями
Сроднимся сами, сами мы.

* * *

Был когда-то Самиздат.
Был когда-то Тамиздат.
Вамиздат. И Намиздат.
Но рубеж свободы взят.

И в одном ряду стоят
Светоносный Храмиздат,
Незавидный Хламиздат,
Темный,
Стыдный
Срамиздат.

* * *

— А я разрушу эту тьму.
Низвергну тягостное зло.
— И это все придет к тому,
К чему однажды все пришло.

— А я разрушу то, к чему
Однажды это все пришло.
— И это все придет к тому,
К чему однажды все пришло.

Андрей ГАЛЬЦЕВ

РАССКАЗЫ

ПИСЬМО

Андрей Гальцев родился в Москве в 1954 году. Служил в армии, работал на сейсмостанциях, пел в церковном хоре, подметал улицы. В настоящее время — фермер.

Предлагаемая вниманию читателей подборка рассказов — первая публикация молодого писателя.

Сколько лет-зим.

События? Были. И слились в одно большое событие — старость. Наполняюсь потихоньку минералами, готовлюсь вернуться в почву.

Ты, поди, запаматовал обо мне. Вспоминай скорей! Вместе пройти детство — доисторическую страну высоких трав, просторных дней — это дорого, ей-богу. Пожалуй, дружбы тогда на свете еще не было, а мы уже были. Хочу дозваться тебя.

Достигнет ли тебя мое письмо? Сомневаюсь. Почта сложила свои полномочия, и руки, и ноги: бензина нет. Я бы сам отнес, да жду работу. Или поручить каликам-пилигримам? Потеряют, скурят. И какой бродяга идет по прямой, все петляет, как собака в кустарнике.

Адреса твоего я не знаю, но с этим еще можно смириться, ибо уверен: мы живем на одной улице. Пусть расстояние 6 тысяч км — все равно на одной. А вот имя? Помню, какой ты был голосистый и любил бегать на четвереньках, подражая животным. Теперь ты, конечно, изменился. Я, например, очень изменился, неузнаваемо, особенно внешне. И внутренне.

Что сказать-поведать тебе, старина?

Год как я не работаю. Жамкаю по давнему талону, похожему на кусок замши: ни числа, ни подписи не разобрать, но поскольку всем все безразлично, дают чаин, сахарин, сухарин. Сии «продукты питания» едва отличимы по вкусу. Я бы подумал, что таково свойство моего рта, но крапива имеет вкус.

Однажды на балконе лук выращивал. Нравуочительный опыт. И скорбный вывод: лучше не хотеть, как лучше, — будет хуже, душой избылешься.

Купил рассаду (за обручальное кольцо), посадил, жду — выглянул, драгоценный, и молчаливо рос. В горьком лице жены появилась нежная забота, словно родилось у нее дитя. Мне аж страшно за нее стало. И точно, отняли его у нас. Она как раз землицу под ним перетрогала, а тут с верхнего балкона спрыгнул к нам человек с ружьем и уперся мне в грудь. За ним — второй. Я кричу: «Стреляй, гад!» Жена заскулила по-звериному, чтобы

не убили меня, и пока мы с ним стояли взаимнопорно, второй вырвал весь лук.

Верно, мы чего-то не понимаем, не умеем, не имеем (ружья хотя бы) и как неприспособленные не достойны жить? Как там у князя Дарвина и еще кого-то — борьба? Тогда должны остаться конторщицы и бандиты — высшее племя людей. А я даже пасть в борьбе не сумел — ради жены. Только жена потом все равно умерла.

Вот ведь — умерла! Пока жили вместе, думалось: завтра обрадую ее чем-нибудь, ублажу, пожалею..., а если что не так было меж нами, то сердце надеждой обольщалось, мол, все заживет между родными, заглядятся — пустая иллюзия! И человек умирает от всех накопленных в нем обид, напрасных надежд и сердечных уныний, проевших тело каким-либо недугом.

А я остался. Казалось бы, нет у меня никого, ничего — свободен. Живи ли, помирай — к чему беспокойство? Но вот мелочь прицепилась: работа. Каждый день слышу: завтра... завтра получим бензин, и поедешь в контору. Надежда — большое имущество.

Сейчас сосед приходил сверху, сообщил весть. Склад, некогда созданный на случай войны и дальнейшего долгожительства номенклатуры, иссякает. Каюк. Испугать меня надеялся, а себя обрадовать: он-то выживет, у него теплая должность — помощник кладовщика. О, как он горд своим положением и умением жить! Но меня не тронуло: иссякнет, несомненно, как все полезные ископаемые. Я поздравил его и выразил уверенность, что он выживет молодцом при любых обстоятельствах.

Несомненный, самоутвержденный, прямой — от таких жди подлости. В нашем грустном мире самодовольство есть признак глубинной бессостыжности, на-все-готовности, извилистости и пустоты. Не он нагрязнул к нам за луком, но он их навел. Он часто свешивался к нам и, рискуя жизнью, переживал, сволочь бравая.

А мы бы, риторически говоря, таковым не быть. И оба грабителя могли ими не быть, не стать. И так каждый — и жизнь была бы другой. Полагаю, мир погиб по духовной причине: он переполнился нашим злом. И когда вижу грызуна-потребителя или гордого подлеца, этакое попираетеля-победителя, вижу убийцу мира. Но кто я, если не соучастник? Ведь не противлюсь. Как, скажи, чем противиться?

Бензин дали! Завтра еду — в твою сторону! — в конторку одну за сто верст. Там и отправлю письмо — будет на год короче. Кроме того, статус грядущего получаю на некое время вперед, новую карточку, сухарей и возможность поглядеть на ландшафт и бытованье сограждан (может, разума где подзаиму). Последний раз держал баранку более года тому. Тогда ездил в одну контору на северные улицы, забвенные совсем, лопуховые. В смутной памяти сохранились костры, горящие в смутном вечере, — дети жарили голубей или ворон на проволоках.

Выехал я из нашей конторы и поехал по нашей с тобой улице им. 50-й широты. Баранкой на радостях лишка покручиваю, поигрываю, машину нутром ошущаю, тихий рык ее слушаю. Легко бежит, вазелиновая. Я каждый день ей по часу посвящал, трогал, смазывал, чтоб не спала. Мне в карточке мыло заменили на вазелин: идет по той же графе — гигиена (гиена, гангрена...). Чудная вещь, только зачем? Я понюхаю его и туда — на смазку. Зачем, спрашиваю у начальницы, столько вазелина произвели? Раньше, говорит, люди увлекались половой дружбой, и вазелин был необходим, как воздух. Он трение ослабляет. Трение — благо, и трение — зло. Служа ощущению, оно не должно быть саднящим. Ты небось уж не разбираешься в трении? Или женьшень?..

Км через 10 подбираю бригаду пилигримов. Загорелые ребята, волосатые, долготряпочные. Житье у них не малина, а все лица посвежее наших, скуки такой не видать. Где-то на южных улицах на них облаву učinили, и они на север, как птицы перелетные. Почему им нельзя бродить? Может, они смысла ищут и людям рассказывают — разве ж это не нужно

дело? Может, они бывлые святыни разыскивают и в чудеса верят — разве это не трогательно?

Пилигримы в кузов прыгнули, а один ко мне в кабину сел. Едем. Заросли. Коробки домов, потечных, облезлых, кажут свою нищету небесам. И, зная свою судьбу, знаешь судьбу всех — одичалую беспризорность человека. Я задаю вопрос ему, как дошли мы до горести такой. Я ведь неумен — ты сам это знаешь, — разве ж человек умнеет от возраста? — глупость свою приспособливает, вот и все, и она умно костенеет в нем в чужих словах. У пилигрима лицо смышленное, почти ушное, из своей продуманной думы пронзительно глядит и говорит, как оракул. И поведал он об антимире.

Если вырезать из бумаги букву, получишь две буквы: ту, что вырезал, и ту, что осталась в бумаге в виде прорези, — это антибуква. Так в первичном материале, из которого создан мир, остался антимир. Там есть все, что здесь, и природа, и ты, но все это без Бога. Это ад. Там начальствует Сатана — великий гипнотизер, царь смерти. Кто знает, откуда он взялся. Предание доносит, что был он некогда один из ближних к Богу, но захотел власти, отверг любовь и стал править антимиром. Антимир далеко, его не найти во Вселенной, и вместе с тем близко; душа человека подобна трубе, одним выходом она обращена в мир, другим — в антимир. Через душу-то человека Сатана проникает сюда, через нас утверждает он в мире зло, дабы мир стал антимиром и подпал Сатане.

Я киваю и делаю замечание по ходу:

— Но Бог могущественней его и мог бы прекратить его безобразия. Нет, Бог правит духом любви и свободы, а Сатана — наоборот — властью. Чтобы кого-то ограничить или наказать, Богу пришлось бы нарушить свободу, то есть нарушить самого себя. Однако наказание существует, и оно неизбежно: то, что каждый свободно себе избрал, и есть его награда и наказание. И откуда существует Бог, или свобода, у каждого есть возможность изменить свой выбор, и Сатане оставлен шанс перестать быть Сатаной. Нет, Бог не наказывает, ибо тем самым он отменил бы нас, а сам стал бы Сатаной. ...Приход на Землю Спасителя был актом принесения жертвы Сатане. Бог отдал ему лучшее свое дитя, отдал ему себя, чтобы Сатана насытился этой жертвой, стоящей больше мира. Это была попытка откупиться от него и умиловить, но тот остался ненасытен. И все продолжается.

— Да, продолжается, — подхватываю я печально, а сам радуюсь встрече с человеком, имеющим свое нетрусливое мнение. Спешно спрашиваю, дабы впитать ответ: — Каким образом через нас действует Сатана?

— Через нашу гордыню, через нашу гордую умность, или глупость. Умность глупа, ибо увлечена собой и не ведает своих границ, в отличие от мудрости, которая сознает скромность своих возможностей. Сатана весьма рассчитывал на нашу умственную гордыню, на нашу гибельную веру в правоту своих рассуждений — и не просчитался. Ведь глупость, чем умней — тем опасней, и мы основали жизни на рассуждениях, отменив живое почитание живой тайны. Вот она и оставила нас, оставив нам наши рассуждения... в виде мертвых полей, пустых глаз и дорог в ни... Куда, куда едешь?! — завопил он, и тут машина передком ухнула в яму с водой.

Верст 50 проехал я в твою сторону, и — стоп. Выхожу, осматриваю положение — оно плачевное. Потягали, потолкали — пустое. Всосало по ступицу. Пилигримы ушли — влево, на север — боясь погони. Я ждал несколько часов, не проедет ли кто, — никого. Зловещие хомо сапиенсы покрутились возле — сторожко и зорко, словно покушаясь на мой скальп, но не решились и растворились в кустах. Делать нечего, сижу в кабине. Смеркается. Зелень объята тишиной моросящего дождика. Все отдает серостью, серебром и повисло во времени. Спина затекла. Пойду поищу ночлег и по-расспросить кого, есть ли надежда на завтра.

С новым днем! Вчера я едва отыскал покоище, и лучше б не отыскивал. Обошел несколько башен и барачков, сквозных и темных. Жильцы берложно подходили к дверям и сквозь дверь обладаывали меня матом. От

страха все стали маниакально агрессивными. Я-то в глубине души — там где-то под фибрами — чаюл сочувствия. Хренушки.

Я стоял в окоме вечера, любезно поместившего меня в космическое свое лоно. Почернело, воздух посвежел, похолодели окна, помертвели кусты и зашевелились. Я гляжу в эту неизведанность... и замечаю в одном окне мираж света — там жгли лучину. Пошел на огонек, всунулся — на меня бочкообразное чудовище... О нет, корова! При ней бабка-доильщица. Попил молока (граммов 60). Она сказала, что конторская машина тут проходит раз в неделю, изымают у нее 3 литра молока «своей властью». Были вчера, так что теперь не скоро... Мы потужили совместно, за что я получил разрешение заночевать у нее. У нее в комнате сеновал — до потолка навалено. Забирайся, говорит, наверх, только не приживайся тут, не то молока не хватит. Я, говорит, немощными руками ее раздаиваю, — и что-то про осеменителя проезжего, выжигу, спекулянта бычьим семенем.

Дух навоза, жижа на полу, лучина с пламенем золотым в рогулке на стене, тьма блуждает, и в тесноте вздыхает животное. Мы все вздыхаем. Бабка провела шишковатой рукой по лицу, удостоверив их вековое знакомство, затмила бледно-удивленные уставшие глаза, не закрывая век и все лицо в ладони упрятав. А потом — «покойной ночи!».

Я влез на сено, в духмяной мрак, и тотчас проступили голоса, где-то рядом и подо мной. Длань из сена вылезла и за меня взялась. Да тут живут!

Теперь я знаю, каким побытом живут. Чесоточное бытование, непролазные дебри межличностных отношений: мужчин трое, женщин двое. Одна совсем юная, еще не износившая нежной свежести своих клеток, сладкая плотью, еще не пролгавшая и не прокурившая капризных губ, — Рита. Вторая матерая, она супруга Ильи, ведущего самца сеновала. Эта пара облежала себе нору в глубине, их не видать, зато все слышно — впрочем, все привыкли, и стыд пропал как ненужный. Илья мечтает сменить свою крупную, сугубую женщину на молодую и свежую, но крупная уступать не согласна. Ты, говорит ему, клялся мне в любви, вот и держи свое слово. В молодую влюблены все трое. Из них один не имеет шансов на взаимность: у него понос и рвота и аллергия на сено — чих страшный с насморком. Поэтому свое мужское упование он взял и перенес на супругу Ильи, в расчете на ее скорую бесхозность, и супруга тут получила игровую нить. Она кокетничает с больным. «Андрюша! — вызывает она из глубины. — Иди ко мне, ты же не изверг, как этот!» Андрюша пока не смеет. Илья мрачно сопит, ожидая раздавить мокрого претендента. Тягостно. Шуршиливо спнут мыши. Маневр ей удастся, и на близкое время она овладевает постылым и дорогим, ненавистно-ненаглядным супругом. Чувства текут не по адресу, во тьме подменяются лица, перенутываются души.

В сей трогательный и клинический момент к Рите, вчуже внимающей их брачным тайнам, подбирается третий кавалер — Мишка, нудный малый, изнемогающий от любви, вернее, как объяснила Рита, от обиженного самолюбия. У него воспалены веки, и он глядит кротом. С трусливой настойчивостью он обнимает ее и шепчет прошения, обещания, клятвы — вымогает. «Ему нужно, чтобы я без него жить не могла. А зачем он мне, мытарь?» Однако позволяет его рукам блудить по ее телу. Его руки достигли многого, если не сказать: всего. Они во всем разобрались и воровским надавливанием на ключевые места пытаются отпереть ее чувство. Оно не отпирается, так, чуть поеживалось, томно замирало и потягивалось — молодость-то пройдет! Будто не замечаю творимого с нею, она придирается к его словам, дразнит, издевается. Мишкино чувство вытекает едкими слезами. «Все не так, не оттуда и не туда», — смеялась она мне. И вот появился я, посланник минувшего и спутник твоего детства. Она сразу же решила распутать узел прошлых отношений, завязав новый. Я, невидимый, был для нее оваян далью и неизвестностью, какие потворствуют мечте. А когда рассказал про машину, она тут же решила влюбить в меня — с готовностью птицы выпорхнуть из отворившейся клетки. Ее пальцы не столько вызвали меня, сколько умоляли

поверить в ее умение одарить наслаждением, напоить вешним соком ее юности, млечным, кровным шепотом грядущих ночей — лишь бы я увез ее отсюда, к свету и разливу горизонта! Бедная, будто не те же пустыри тянутся по широтам и меридианам.

Для более детального знакомства она прижалась ко мне и спрашивала в самое ухо, в щеку, в шею — губами, потерявшими речь. Что я мог ответить на эти вопросы? Мне стало так жалобно, что я коснулся ее, и она затрепетала, как бы во мне был ток.

Мишка плакал. Большой харкался. В норе затаились, расчисляя последствия и перемены в их судьбах. Гулко переступала корова, вышлепывая навоз. Меня охватило неудобство, стыдоба нашего жалкого помешательства. Все тело вдруг зазудело от сенной крошки и хрупких уколов. Но Рита, как сестра милосерднейшего милосердия, разнимала мои одежды и с дерзновенной нежностью заглаживала зуд, жалея мое тело, которому в целом пора на покой. Ласка ее была так нежданна, так разоблачительна, что я занемог в одиночестве... И все, стало быть, могли слышать, что мы делаем.

Не знаю — прости за конкретность, — почему это я мог что-то делать с ней — ритуальное. Просто забыл, что я стар. Она сумела меня обеспамятить. Я полюбил ее, как полюбил бы собственное потерянное существование, словно оно в ней. И ее любовь была искренна — от несчастья. И мы не знали, как найти друг в друге себя, негу и теплоту своей жизни.

Тщетные поиски вместо праведного сна. О напрасность. Утром, когда она спала и все спали в домашнем стогу, я слез в коридор — выбрался из омота, из морока незаконного полуродства в законное сиротство, свежо ошутимое, — растроганный и унылый.

Корова и бабка уже не спали, шла звонкоструйная дойка. «Беги отсюда, пока не остался!» — шепнула она и налила полкружки молока. Я выпил — ложный теленок, оно пахло святым теплом трудящегося нутра. И вышел.

Сверкающий и белый, как фата, туман истаивал, снимался с кустов под пристальным оком солнца. Травяная заросль просвечивала в своих тонких верхах, блаженно светилась цветками и листиками. Празднично тлели искры мелькающих и парящих насекомых. Светилось небо. Мир показался мне таким новым, а я — таким старым... вдруг, хоть стой соляным столбом.

Машина моя погрязла в яме с какой-то окончательностью позы. В яме полно воды, а в ней — крошечной живности. Я все равно умылся. Что день грядущий нам готовит, а? В душе нитье. Самочувствие тела — как у выжатой тряпки: с предстательной железой у меня плохо, отвоевалась. Однако обязан что-то съесть. Беру командировочный сухарь, смачиваю в луже и жамкаю — деснами не мальчика, но мужа. А на губах вкус недавних влажных, ищущих и отчаянных прикосновений. Ужас пробрал меня. Я утешал себя предпринятыми по ходу встречи мерами... полумерами незачатая, и она говорила в отношении небызны... — но вдруг?! Вдруг кто-то обретет непрошеную жизнь и весь свой век, если не дольше, будет расплачиваться за мою податливость... счастью.

Бдительность! — вот главный девиз разума. Я потерял ее и тут же попался. Ведь кругом ловушки — как я мог забыть! Жить просто разучился. Что за старческая расслабленность, что за склероз! Всегда быть начеку!.. И «счастье» — не оправданье ничему, всего лишь манок к несчастью, пора бы уж зарубить...

Оборачиваюсь на чей-то взгляд — облезло-кудлатая собака стоит, ответственно зевает милым клыкастым ртом, робко машет хвостом, смотрит двумя близнецами глаз, а в них предложение дружбы и намек на возможность веселья — сквозь голод и боязнь. Посматривает на сухарь. Исчадие смысленной природы, почтальон миров — пес. Я поделился сухарем, он отошел в сторонку — покушать.

Прозорливый, значит, раз не съеден. И я не съем. «Не съем тебя, хороший», — говорю и глажу, хотя только что зарекался тронуть кого-нибудь,

клялся не касаться. Он, кажется, заплакал. Я ему — еще сухарь, и он стал моим другом, как было завещано нам еще до Р. Х.

Ты не замечал, что чужих и новых легче жалеть и гладить, чем своих и прежних? То прелесть знакомства с душой покамест отзывчивой, свежо благодарной и не затертой твоей еще не обанкротившейся рукой. Иные так и путешествуют по чужим душам, не отягощаясь родством. (Да, не удивляйся, я порой всплескиваю отдельно-выпуклой фразой: дурень думками богатеет, и я — фразер: хорошая фраза имеет блаженный привкус вечности — тем и утешаюсь.)

Появилась Рита — в чем-то светлом, целом и нарядном, времен нашего рождения, когда женщины умели осветлить будни. Она шла, видя меня не столько глазами, сколько всею собой, наступала медленно, вязко, словно кувшин, до краев полный многозначительностью наших отношений — смутной брагой — о, не пролей же ее на меня упреком! Несла несусветное очарование невесты — свет ли нашей нескazanной мечты или память о райских днях?

Если бы она сама ведала, что в ней!

Надвигалась, бледная, с прищуренным взором, матовой грустью щек, полуулыбкой-полуобидой на устах. Ее волосы плохо послушались гребня, грешили воздушными открылениями.

Сличив меня с моим ночным образом и оценив смешное положение машины, сказала:

— Какой ты старый!

— А ты что думала?

— Я думала, ты моложе.

— Если кто и лучше меня тем, что моложе, то я лучше его тем, что старше.

— Какой ты самоуверенный! — (Это я-то самоуверенный?! — Или ты считаешь, ты в постели превосходный? — (Это я-то превосходный?! Но как она, однако, борется за свое превосходство! Бедная!)

Дал ей сухарь. Она ждала поцелуя, даже несмотря на мой пожилой-пожилой вид, поцелуя как подтверждения нашей близости. Но я уже не мог исполнить его с желанием, только с сожалением.

— У тебя глаза мелкие, невыразительные, — сказала мне за это, по-детски держа в кулаке сухарь. Но не ушла, грызла сухарь, глядя куда-то в немую думу, чего-то ожидая... — Илья консервы хранит, чтобы меня подкупить. Спрятал от своей.

И, доев, сообщила мне подробности их коммунального интима.

— А слышал, что она сказала ему, когда мы этим занимались? Уплыла, говорит ему, твоя рыбка. Дура, не понимает, что он ее убить может.

Это она буднично произнесла. Как невинно уживчивы в ней нежность, юность, брань и смерть. Я смотрю в ее припухлые губы, на которых от слова «убить» следа не осталось, кроме цвета губ, и чувствую: Господи, наша жизнь вся на смерти замешена, и самая милая вещь, душа или плоть ею опутаны. С чего это так? Что за болезнь? И догадался: страсти смертные! Как давно болезнь именована, да никто больным себя не признал... Старые вспомнил слова, будто прочел:

Желание и гордыня ведут к смерти — одного и всех, ибо желания делают людей соперниками, а гордыня внушает страсть победить и взять больше других. Но поскольку жизнь одна на всех, гордые растащат ее по куску, и никому ничего не достанется, кроме вражды и смерти.

— Вот где у меня их интриги! — заключила она, проведя себе по горлу.

Нищая надменность и пафос психологизмов очень ее портили. А на ногах — крапинки от сена. Бедная, я чуть не обнял ее, но спросил, где ближайшая контора.

— Вон там... Ты потом зайдешь за мной, я буду у себя, ладно? — посмотрела с укором и удивлением — чего это я стал такой квелый?

Да разве объяснишь!

Прошли мы с Бобиком порядочное утреннее расстояние — до полудня и следующей конторы.

Контора издали видна. Во-первых, электрический ветряк на крыше и добавочный свет в окне. Во-вторых, здание в хорошем состоянии. Дверь заперта была. На двери объявление: «Доздравствует человек!» Это верно. Сели на мраморное крыльцо, ждем. Сочиняю тебе письмо.

Пришла великая парадная женщина и сказала убрать собаку: здесь госучреждение — Главупробестранс. Бобик в трансе. «Верх низости илти сюда с собакой!» Я поклонился, вместо шляпы держа в руке документы. Объяснил ситуацию с машиной, просил техпомощи. На женщине перстни, серьги, лаковая укладка волос, настоящий, твердый костюм. Во всем начальственность, государственность неумолимая. На лице брезгливая неприязнь и тяжелая подозрительность.

— Не знаю ничего. Машина в Дреззаге, на северо-юге. Ждать тут нечего.

— За что вы ненавидите род людской? — спросил буквально.

— А за что вас любить?

Мы расстались. Я переживал: бедная женщина, несчастная. Она уже монумент, могильный обелиск самой себе. Или это уже вечность? Коли умер, так смерти не будет. Обелиск распадется, всего лишь.

Спешим вспять. Мне почудилось, что теперь-то, в мое отсутствие, кто-то проехал... Запарившись, подходим. Едва я увидел машину, почувал неладное: вид у нее какой-то... обесчещенный.

Туда-сюда — вроде все нормально, только запах бензина слишком силен. Бензин украли! Слили прямо в землю, пробив баки.

В отчаянии я побежал к ночлежникам. Возле дома на приколе паслась корова. Рядышком по-хозяйски возлежал крупноплечий мужик, отдыхал ни от чего, молоко пас. Я понял, это Илья. Он обратил к нам первобытное лицо, оживленное хамским торжеством и любопытством.

— Это ты сделал?

— Я. А что? — говорит.

— Ты государственный преступник! Ответишь!

— Ишь ты! А государственную машину ты зачем оставил без присмотра, а? Бобик старый! Судейских где возьмешь? Чем докажешь?

Я пожирал его глазами и не мог наглядеться.

— Ну чего тебе? — он встал угрожающе-лениво.

— Ты выродок, — сказал я, и тут же у меня звякнуло в ухе. Мы покатились по земле. Подоспел Бобик, мечась и кусая его куда попало. Вышла бабка и отменила бой. Вышла Рита:

— Ну я так и знала! Разве вы можете поделить женщину! Собственники!.. Куда ты?

Я уходил прочь, к тебе, в твою сторону. Идти мне 2 года, если идти. С остановками — 10. Если я не дойду, помни: я поздравляю тебя с днем рождения на все годы вперед.

Вновь прошли мы контору со статной конторщицей в окне и ветряком на крыше, непрестанно крутящимся. Углубились в пространство отчизны. Ноги ступали механически, тело обрело тот наклон, когда движутся, забыв о цели, одним упрямством, и тощий путник превращается в крест — плеч и позвоночника, — шагающий крест и собака, словно душа, отбежавшая в сторону.

Бобик вывалил малиновый язык и лизал сумерки. Нас быстро обнимал вечер. Скончавшийся голубь, найденный в кустах, оперением своим в точности повторивший цвет вечера, и два белотелых дождевичка — это мы съели молча.

Заночевали в истлевшем автобусе, похожем на череп. Мы вошли в него, став его мыслью. Легли в траву, проросшую сквозь пол. Стук сердца утих. Тишина наполнилась растительным шепотом ночи, и даже угадывался гул земли — Земли, катящейся и летящей в пустом и тугом пространстве.

В плече Бобика — сустав и мышечные нити, как и в моем. Это роднит. Я грустно ощутил высокий смысл тела — мы в нем постигаем и узнаем себя.

Во сне мне казалось, что мы ехали. Автобус обрел колеса и поехал. Ко-

лосились в нем злаки, созревали плоды, пели птицы... Автобус-сад. Но приехали мы туда же, когда проснулись. Съели по сухарю и пошли на восток. Холодно.

Вскоре улица обозначилась явственней и культурней: теснее встали дома и притворились жилыми, конторский особняк хвалился райсоцпереводизмом. Звучал динамик, кто-то зычно пел из него, обвевшись казенного чугуна, о трудовой славе. Жизнь, можно сказать, кипела здесь, ибо некий мужик долбил что-то в ступе. Мужик смахивал на страусенка, кожистая голова его светилась легким пухом. Я разговорился с ним, да только он велел мне отойти подальше, чтобы из конторы не увидели, что он точит лясы во время труда. Я отошел. Беседа состоялась — под пение, хруп и треск, — живая, народная. Матерные слова я записывать не буду, а перевод таков. Мужик перетирает в ступе цветные камни, минералы-красители на покраску конторы. Работой доволен, ее как раз на год — к моменту новой покраски. А там снова толочь камень. Зовут мужика диковато — Сизиф. Он считает себя самым трудящимся человеком всех времен и народов. Я позавидовал его трудообеспеченности и, стало быть, сытости. Под раковым кустом разложен платок с яйцом и кусочком сахара. По ту сторону куста навалены цветные камни, осмотреть каковые он не дозволил, боясь сглаза и кощунства от меня. Ответственный до суеверия, трепетный человек. И в помощники меня взять отказался, но предложил обратиться в контору и попросить полную трудзагрузку за одну треть платы.

Матзаинтересованность — двигатель прогресса, — сказал он и раскрыл мне глаза на политэкономиию как действующую науку.

— Низы, — говорит, — должны использовать алчность начальников. В этом сила низов — в позитивном стимулировании эгоизма верхов.

— Как же законность? — спрашиваю.

Он посмотрел недоверчиво и продолжал долбеж камня, сверкая полным лбом.

— Законность в том, — отвечает погодя, — что ты давным-давно стал имуществом начальников, еще до своего зачатия.

— Как же быть?

— Камень толочь, а лучше — воду. Я предложил в одной конторе — они не поняли.

— Это бессмысленно, — говорю, пытаюсь постичь.

— Вот и они такую же глупость сказали. А толченая вода приятней нетолченой.

Обогатившись этими знаниями, пошел я в контору. В спину напутствие получил: она стыдливых любит, чтобы растлевать их иногда, так что будь смущен.

Захожу, отогнав Бобика. Надо ли прибавлять, что от необходимости быть стыдливым, страшась какого-то растления, а еще пуще — отказа, я стал весь пунцов и нескладен.

В твоих краях тоже конторами женщины заведуют? Не мыслю иначе. Надо иметь чудовищный инстинкт выживания и социальной ревности, чтобы чем-то заведовать. Они в жизнь более въедливы.

Она посмотрела на визитера, как лиса на худого куренка.

За 1/3 платы, говорю. Исповедуюсь, лепечу. Она молчит, в ее лице усталая власть над людьми и терпеливый, но жадный порок. Ее порок оценивал меня, прочитывал — сквозь мои кости и тряпки. Трепещу, просвечиваюсь.

Мрачно встает, молча указывает следовать за нею. Следую. Она идет впереди, прямая, подтянутая, с отлично стройными ногами. Страшно мне. Ее стан сохранил почти девичью форму и, не брезгуя мною, обязывает смотреть. Смотрю выше — тут все образцово — взлет спины, гимнастический разворот плеч. Сколько воли, труда потрачено на борьбу с ненавистным временем, уносящим и не приносящим, ничего не приносящим, кроме жажды... Дивлюсь на ее сексуальный атлетизм и думаю: «Когда все это кончится!»

Молчит. Может, она немая? Руководить на языке жестов — это было бы совсем божественно. Ведет, властно танцуя спиной и всем. Грозный бурен стучит в ней. Черноволосая жрица...

Междомье, овраг, пустырь, поросший пустырником (лекарством для нервных, только нервы у всех так расшатаны, что не хватит выдержки лечиться), тропа на подъем... земля тут была чем-то немножко взволнована, шелестящий ольшаник... — и мы упираемся в бетонную стену, уходящую влево — на северо-запад и вправо — на юго-восток. Отжимаем в четыре руки визжащую от боли (чепуха!) половинку ворот, и дыхание во мне замирает: здесь капище богов прогресса.

Грандиозная расставленность цеховых зданий. Отвесы стен поверху шевелюются березками. Жестяная пуповина, коленчато изгибаясь, соединяет утробы пустых цехов. Плакучее волосье проводов на столбах и стальных кронштейнах. Курганные насыпи промышленных погребов. Бетон и песок площадей. Густой настой тишины, настой секретности. Почтовый ящик №... О великие письма!

И так мило расположился здесь курятник — загон из каких-то решеток и сеток, дощатый сарай, уютный, по моим габаритам.

Глухим заклинательным голосом она поручила мне обихаживать кур и не жамкать яиц. «Ястребов отгоняй, коршунов. За голову головой отвести». От счастья нем, я кивнул.

Здесь и пишу тебе. Житье мое такое — сказочное. Несколько дней уже исполняю обязанности курмейстера. Кормлю их пшеницей, сырой и настоящей. За 3 часа горсть зерен размягчается во рту и всасывается в организм. Я крепну. Каждые 3 часа — и курантов не надо — делаю пересчет: 27 кур, 3 петуха, 20 цыплят. Я бдителен до дрожи и томлюсь от зыбкости и незаслуженности своего счастья. Против ястребов завел дубину и гляжу в небеса — хищников нет, и мир нисходит в душу — о, как безного, легко, одним лишь помыслом бредут в горней степи облака!

Сплю я здесь же. Смесь помета и пера обогревает спину, оттягивает поясные и тазовые боли. Курица — птица волшебная. Любуюсь, умиляюсь неизреченному ее существу. А петух — это поэма, костер на заре, страж звездный, брат солнечный, чудо вопящее, пернатое, переливчатое. Полюбил я их, они привыкли ко мне. Ласкаю по именам — они отзываются. Благодарят наша ограждена от людей хмурой стеной, разве что без черепов на палках, и древним табу.

Одна несушка чуть не снесла на мне яйцо. Эту я особенно полюбил, ма-тушку, за доверие.

Меня контролируют. Иногда сама, иногда ее супруг, уносящий яйца или живую тварь, троглодит. Она молча, он с наставлениями — «подбери камни — цыплята споткнутся». Барина-хозяйина это себя пучит, придирками тешитися. Плевал он на цыплят — лишь бы курятина была! Раз натурально плюнул — попал и был доволен. Не разумею, как человек может настолько сплошь состоять из мяса — ну весь, и душа мясная — бройлерный человек. Зачем она за него замуж вышла? Нет, не пойму, не понять мне бедного сложного женского сердца — здесь тайна времен.

Видишь, новая бумага пошла. Это она принесла. «Для чего?» Для таблиц пересчета кур, говорю, для графиков яйценоскости и вообще — диаграмм. Принесла, ей, видно, тоже любопытно, дурак я или нет.

Грнуло, разразилось, расколосось, померкло! И я ждал, ждал этого, как ждешь грозы в ясную погоду: ведь грянет же когда-нибудь. Увы мне, увы! Позавчера в нерабочий час, когда небо стало гаснуть и отдавать изумрудом, ворота приотворились, и боком проскользнула она — с лицом жестоким и каким-то налепленным. Замерла, чуть покачиваясь. В глазах полыханье заката. Я осознал, то час растения. Час испытания старцев. И отшатнулась. Кривая улыбка поползла по крашениным губам, семечки зубов хищно показались в сумерках. Брезгливая надменность расширила ее чуткие ноздри... Да, я больше смахивал на удобрение, чем на мужчину. Через мою куринообкаканность и пуховитость ей вышло бесцелье. Измученное женское сердце — оно скрепилось. «Чтоб завтра был

вымыл!» — и пошла, прямая, как флагшток. Лишь алмазная слеза блеснула под ухом.

Пространство опустело, томяся напрасной прозрачностью и храня, как воспоминание, дурман ее духов.

Упала ночь. Я не мог заснуть. Куры просыпались, петухи вскрикивали неурочно, словно мучимые кошмаром. Вот задачу мне задала! Завтра. А если я не смогу? Деликатный, но мужественный вопрос. Что замалчивать мне его пред своим несложным, простым, как печень, сердцем! Пусть взвесит и воспредчувствует. Я не юноша, природным эросом распалеймый. Я устал и достаточно очеловечился, мне душевная симпатия необходима и чтобы было подобие... подобие той единственной, которая сердце мое забрала давно и не вернула. Женщины для меня просто сестры по несчастью, соратницы земные, а не сосуды сладкие. Горько и печально их наполнение, а что природа облекает их на время в обольстительные формы, так то ее, природные хитрости, мне давно известные. На чем я желание взращу? Мучительница!

Ты на моем месте как поступил бы — сбежал или отважился?

Если возник неправильный вопрос, на него нет правильного ответа.

С утра я маялся ожиданием и приготовлениями. Ржавая емкость, полная дождевой воды с водорослями и башковитыми бычками, приняла меня. Я мылся тщательно с песком и паклей. Чайка кружилась надо мной и вскрикивала. А я переживал! «Женщина! Ты же не понимаешь, мужчины прихоть нужна, он не механизм, не часовая мина. И что ты о себе-то воображаешь! Думаешь, если ты перед ним оголишься, ему уж и деться некуда, кроме как с восторгом обнять тебя? Враз осчастливила, одарила собой? Может, ты на его больную сестру похожа или на покойную бабу. Может, ты скорбь мировую на него наготой своей навевашь!»

Истрадался я. Пшеница не мякла во рту — сохла. Сердце колотило в ребра — мол, выпусти, ну тебя! Нет уж, мучайся вместе со мной!

Отстиранная одежда сохла на сарае. Я кружил нагишом, как безумец. И где это будет, это с той? — не в курятнике же! Или упадет сразу — алмазы в пыли и юбка назадранку? Бесстыжая!

Или галантно с разговорами? Как-де поживаете? Что новенького под луной? Никто не пробегал? Случаем, не знаете, где зимуют вампиры?

Или прошлым будем обмениваться? Она расскажет, как ее, чистую, наивную, кто-то обманул или изнасиловал (это неперенное происшествие, оно было так давно или его не было, но скорбь о себе так свежа!), и душа изломалась (аминь: каждый когда-то был цел и чист, а потом изламывался), и она чуть не наложила на себя руки, но вышла замуж за это чудовище, мыкало мычашее, примитивное, прожорливое. Жизнь — разочарование, обман. Иной раз кажется, вот Мужчина..., а ему только одно нужно, все на теле ее помешались, души никто не искал (о если б нашел!). Параллельно ею завладел один из начальников, и она стала конторщицей. Но все равно... никем не понята... одиночество... оно томит.

А я своим поделюсь прошлым и заплачу вместо того, чтоб искать ее душу, и буду реветь, пока не уйдет, ненужная.

Нет, говорить она со мной не станет, гордость свою ронять.

Я бродил по цехам, ища подходящего места для своего заклетия. Нашел стол, массивный, просторный, в полный развернутый чертёж. Прочный стол, и время его не взяло. Сам руководитель главным опирался о него ладонью и локтем, грудью и щекой. Этот стол выдержал бы нас. Я смахнул с него вековую пыль. Запомнил дорогу.

Потом ходил туда-сюда вдоль курятника. Обязанности в небрежении. Попытался пересчитать кур — не хватило дисциплины ума, сбился. И любви к ним не чувствовал, равнодушие напоззло. Хожу. День сморщивался. Я все настойчивее воображаю решительные свои действия, картины недвусмысленного совокупления, но при этом во мне ничего, кроме тоски.

Завечерело. (Это который уже раз солнце ~~закатывается~~ в моей жизни, а я все такой же дурак!) Пропаший день. И пропашь. Все. Я понял, что она не

2/3

пришла. Стыд ее загрыз? Досада? Или приступ отпустил? Или я ошибся? Последнее вряд ли: этот ее визит, исполненный ведьманте и курвиссимо, эта жестокая спешность и перехват горла, и улыбка греха и муки...

Я постарел за этот ненужный день. Облегчения не наступало, хотя больше не ждал ее. Сухо дышал во тьму. Перебирал глазами дощатые щели, моргающие звездочками. Проникался мыслью, предчувствием расставания — не с миром вообще, что само собой, а с данным его местом — уже скоро, ибо исподволь созревают семена мелочной, дотошной судьбы, и что-то уже созревает. Она не простит мне своего странного визита, а я вместо того, чтоб не заметить, так чутко внял ему, такое выдохнул волнение... Она почувствует — себе на позор — сном-духом угадает, и что-то произойдет... дурное.

Под утро сочинил ей стишок.

Державная, гербовая, родная!
Ты снизошла — как молния с небес.
И я упал, контуженный, стеной,
К твоим стопам, под сень твоих телес.
И тут обрел иную точку зренья:
Над головой подъябочная мгла —
О, рай исподнего! О, чудное мгновенье!
Сними ж покров, открой! И ты сняла...
И мы сошлись, сочась любовью пенной,
Как эпилептики. И старость невдомек.
В твоих власах струение вселенной.
В твоих глазах конторский огонек.

Он пришел еще до восхода, в первую россветь — ужели так изголодался? — муж ее, пищеед. Схватил взором по углам, вгляделся в меня, ревматически поднявшегося. Визит ревности? Страх за семью?

— Ты один? — вопрошает.

Одиноко я стою перед ним и думаю: «А где ж она?»

В дверном проеме, смутно брезжащем, появилась она, как виденье туманное. Они смотрят друг на друга, их лиц не видно.

— Ты где была?

— А ты?

— Я искал тебя.

— А я тебя.

Ну, разобрались, думаю. Семья опять в единстве. Он чиркает спичкой и считает кур. (Боже, она вся растрепана, и глаза безумны!)

— Где 2 куры? — это он меня спрашивает. Считаю вместе — их нет. Я ничего не понимаю, от вины и несчастья меня мутит. — Ты съел их?! — удар по уху.

Да что они заладили! Я вдруг ответил ему набрякшей, злачной рукой.

— А ты... грязный мерзавец, — выволокла меня она, — иди вон!

Как все непонятно! Какая тоска! Я пошел, повлячился — без единого огонька в душе — куда-то под уклон, сквозь мокрые слепые заросли.

Земля подо мной кончилась. Начинаясь плотная бездна... — черная туша воды, только что освежеванная, дымящая паром. Мои движения вязли и были слышны в зябкой тишине. Я вдыхал сырое одиночество, вбирал, словно произносил в себя, — «одиночество», не осознавая, что говорю. И входил в воду — не освежиться и не то, чтоб утопиться, не знаю... чтобы приблизить ту грань, примерить глубину за ней. Обхватывался водой. Жизнь, убегая смерти, перебиралась во мне выше — от чресел к груди, к горлу, ко рту. Я поплыл, крича дыханием. Когда решил, что пора ощутить глубину, бросил плыть и... стоял на дне, по пояс. Шутка получилась — в посрамление меня.

Вижу: на том берегу светится круглыми окошками диковинное круглое здание на лапках. Выхожу на твердь, приближаюсь — вход над алюминиевой лестницей и надпись: «Прием крови. Всем донорам — показ научных

достижений, 1 банка тушенки и душ Шарко». Что за притча? Какая кровь и тушенка с достижениями?!

Поднимаюсь, однако. Сестра в белом клянется мне в радушии и раскрывает огромную книгу.

— Вы не утопленник? ...Чем болели?

— Всем.

— Хорошо, раздевайтесь.

Я помылся в теплых со всех сторон сикающих струйках, получил тапки и так, в костюме Адама, зашлепал за ней, доверив свою наготу бестрепетной медицине.

Светящиеся потолки, пластик, странный дух... Идем коридорами, чинно, как на пленарное заседание. Читаю вывески на дверях: «опупейрос высший», «струпень», «фуфелина чешуйчатая»... Это лаборатория, поясняет с гордостью.

— У нас перелетный пункт мировой научно-благотворительной организации.

«Ха!» — думаю.

— Что-то не слышал я о таких пунктах.

— От нас никто не уходит, не вытуришь.

— То-то людей мало осталось, — говорю.

— Вольному — воля, спасенному — рай, — говорит.

Зала — кипятятся колбочки, прозрачные трубочки пропузыриваются — алхимический шорох, чистота, глянец.

— Сдавайте кровь, — говорит и ставит передо мной миску.

— А на что вам она?

— Часть — собакам, часть — на самописцы, на опыты, на кровяную колбасу. Вам не все равно?

— Нет, — говорю, — и не буду сдавать.

— Как же?! Я вас уже в книгу занесла.

— Ну и что. Верните одежду, — и поворачиваюсь идти обратно.

— Куда вы? Там вход, а выход впереди.

— Где вход, там и выход, — раздражаюсь.

— Ни в коем случае! Нарушается структура хронологического поля!

Делать нечего, идем вперед и вниз, ниже земного уреза, что мне уж совсем непонятно, — в подвалы глубокие. Вдоль стен человеческие фигуры, у которых вместо головы светильник. Тем и освещалось. Я вздрогнул, и сердце мое стало мертвец. «Какой вы нервный! — говорит. — Это же энергия мышления преобразуется в свет». Одна голова горела вполне накала — сиреновой дремотой. «Плафон! — возмущилась она. — Опять тебе думать не о чем! Ну-ка, корень из двух до тысячного знака...» Он вспыхнул ярче всех.

В тупике железоканованое дверное впустилище. Тук-тук — «Входите».

В сферическом кабинете, чей свод, как небосвод, вершил движение нарисованных светил, сидел нам навстречу интеллеktуал. Напротив него через площадь стола вертляво располагался врач (ибо пуговки на спине), ахал, подхихкивал, чесался — лысый, розовый, как поросенок. Стол опирается не на ножки, а на четыре придавленные человеческие фигурки — как живые... или мертвые.

— Минутку, — интеллеktуал кивнул нам волевым и тоталитарным лицом, продолжив беседу с егозливым поросенком. — Я приветствую создание профсоюза транспортных РНК, но вы должны подчеркнуть, что для мозговых клеток конечное решение проблем — в саркоме. Саркомный союз клеток гарантирует их защиту от непосредственного центра сознания. Они станут полновластными распорядителями своих ресурсов. А для начала пусть левое полушарие не ведает, что делает правое. Дайте акценты: они устали от волевой тирании. Дайте лозунг и запишите в генах.

Поросенок воодушевленно выбежал.

— Этот кровенос не хочет дать кровь, — пожаловалась она.

— Какие ж у него возражения? — посмотрел на меня с властной внима-

тельностью, как на сломанную вещь.— Вероятно, он согласен на спинно-мозговую пункцию?

Я отрицал, не зная, куда деть глаза,— повсюду изображения изуродованных лиц, тел и висельников, по своду меж светил пролетело какое-то кошмарное многорукое насекомое. Он встал из-за стола:

— Значит, кровь — твоя, мозг — твой, так? А солнце, воздух, вода, пища, из которых ты состоишь, — твои? Какой эгоцентризм! Ты разве владеешь чем-нибудь? Тогда по какому праву?.. Пойми, ты сам — никто, ты — сгусток, сочетание веществ. Мы всю кровь можем взять у тебя, но лучше сам, сознательно отдай нам часть. — Тут женщина-кариатида под столом смела опорную ногу. — Ради тебя мы свои мозги выкручиваем, ах как бы тебе помочь! Ведь ты для себя ничего полезного не сделал, да? Ты... усугубитель собственного ничтожества — смешно смотреть! А мы взяли твои печали: страх, болезни, скуку, смерть — мы их отменяем! Приди и обращайся. Покажите ему наши достижения, пусть ознакомиется, сиротиная темная.

В голове моей гул и ужас. Иду куда-то за ней... Наконец она указывает на некий цинковый саркофаг, собранный на болтах и клепках.

— Перед вами ладья блаженства или ящик nirваны, — говорит она голосом гида, влюбленного в объект. — Помещенный внутри забывает бремя существования. Здесь нет прошлого и будущего, здесь вечный миг блаженства. Если бы Бог был благ, он создал бы это. Но создано у нас. Погружайтесь!

Она подняла поворотной ручкой клепаную крышку — оттуда стал вытекать желтый дым, сладко дурманный. Душа моя теряла форму и самоощущение, все расслабилось во мне и потекло, облачно полетело. Но было постыдное в этой безвольной сладости. Саркофаг манил и вместе с тем отвращал. Я стою, как на пороге греха, пары вытекают и действуют. Женщина показала мне чрезвычайно привлекательной — милой, желанной. Глазами я облизывал ее лицо, она улыбалась. «Правда, приятно?» — в ее голосе мелодия ручейка. Она мечтательно принохивается, вчуже не разделяя моей нерешительности, а я млею, но ищу какой-нибудь смысловой опоры, чтобы не упасть в клубящуюся прорубь и не исчезнуть в сладости. Меня спас гроб, цинковый гроб, виденный мною в детстве, словно дал я тогда клятву о солидарности со всеми обугленными, раздавленными, разорванными, которых закрывают в цинк, и вообще — с умершими, и вообще — с живыми, которых ждет глухая крышка. Я уцепился за памятную нить и полез... Я увидел железную лесенку на стене и полез, исполняясь ужасом и радостью бегства. Она поймала меня за пятки, изрыгая проклятия, но я вырвался, осыпая ее тапками, и выше, выше..., пока не уперся головой в крышку. С упорством нарождающегося, чуть не с треском своего черепа я давил... и поднял ее. Выход на свет! Он хлынул в мои ослабшие, потемочные глаза — сквозь травинки и веточки. О радость, о ликование! Я выкарабкался и встал на берег этого мира, такого родного и прощально-приветного. Что же подо мной? — дыра канализационной шахты и свергнутой чугунный люк, там тьма и старая вонь. Прочь, прочь!

На песке валялась мокрая одежда. Я отнес ее подальше и лег без сил.

Какое смешное, влажное, теплое, прохладное... — язык Бобика. Я очнулся. День в полном соку. Рядом лежит мертвая помятая курица. Немного порядка в мыслях... и разгадка: вчера, пока я жениховался в купальне, пес подкапал изгородь и украл двух кур. В последние дни он извелся вождением к курятине, заболел, поник и на глаза не казался, зверюга.

Тихо веет хвостом. На морде доброта заискивающая и попытка оправдаться: мол, пойми, не удержался, не им же одним мясо есть!

Что ж, не удержался — это я могу понять, но вот насчет права на куриц — это считают революционным теоретизированием, куда более опасным, чем виноватое «не удержался»: ревтеория позволит нам все чужое съесть, мол, у них было, а у нас не было, так что теперь посторонитесь.

Гляжу, мыслю, существую... а на душе гнет какой-то. Постой! — опом-

достижений, 1 банка тушенки и душ Шарко». Что за притча? Какая кровь и тушенка с достижениями?!

Поднимаюсь, однако. Сестра в белом клянется мне в радушии и раскрывает огромную книгу.

— Вы не утопленник? ... Чем болели?

— Всем.

— Хорошо, раздевайтесь.

Я помылся в теплых со всех сторон сикающих струйках, получил тапки и так, в костюме Адама, зашлепал за ней, доверив свою наготу бестрепетной медицине.

Светящиеся потолки, пластик, странный дух... Идем коридорами, чинно, как на пленарное заседание. Читаю вывески на дверях: «опуейрос высший», «струпень», «фуфелина чешуйчатая»... Это лаборатория, поясняет с гордостью.

— У нас перелетный пункт мировой научно-благотворительной организации.

«Ха!» — думаю.

— Что-то не слышал я о таких пунктах.

— От нас никто не уходит, не вытуришь.

— То-то людей мало осталось, — говорю.

— Вольному — воля, спасенному — рай, — говорит.

Зала — кипятятся колбочки, прозрачные трубочки пропузыриваются — алхимический шорох, чистота, глянец.

— Сдавайте кровь, — говорит и ставит передо мной миску.

— А на что вам она?

— Часть — собакам, часть — на самописцы, на опыты, на кровяную колбасу. Вам не все равно?

— Нет, — говорю, — и не буду сдавать.

— Как же?! Я вас уже в книгу занесла.

— Ну и что. Верните одежду, — и поворачиваюсь идти обратно.

— Куда вы? Там вход, а выход впереди.

— Где вход, там и выход, — раздражаюсь.

— Ни в коем случае! Нарушается структура хронологического поля!

Делать нечего, идем вперед и вниз, ниже земного уреза, что мне уж совсем непонятно, — в подвалы глубокие. Вдоль стен человеческие фигуры, у которых вместо головы светильник. Тем и освещалось. Я вздрогнул, и сердце мое стало мертвец. «Какой вы нервный! — говорит. — Это же энергия мышления преобразуется в свет». Одна голова горела вполне накала — сиреневой дремотой. «Плафон! — возмущилась она. — Опять тебе думать не о чем! Ну-ка, корень из двух до тысячного знака...» Он вспыхнул ярче всех.

В тупике железоканованое дверное впустилище. Тук-тук — «Входите».

В сферическом кабинете, чей свод, как небосвод, вершил движение нарисованных светил, сидел нам навстречу интеллеktуал. Напротив него через площадь стола вертляво располагался врач (ибо пуговки на спине), ахал, подхихкивал, чесался — лысый, розовый, как поросенок. Стол опирается не на ножки, а на четыре придавленные человеческие фигурки — как живые... или мертвые.

— Минутку, — интеллеktуал кивнул нам волевым и тоталитарным лицом, продолжив беседу с егзозливым поросенком. — Я приветствую создание профсоюза транспортных РНК, но вы должны подчеркнуть, что для мозговых клеток конечное решение проблем — в саркоме. Саркомный союз клеток гарантирует их защиту от непосредственного центра сознания. Они станут полновластными распорядителями своих ресурсов. А для начала пусть левое полушарие не ведает, что делает правое. Дайте акценты: они устали от волевой тирании. Дайте лозунг и запишите в генах.

Поросенок воодушевленно выбежал.

— Этот кровенос не хочет дать кровь, — пожаловалась она.

— Какие ж у него возражения? — посмотрел на меня с властной внима-

нил, — что со мной было? Где это я обретался давеча? «Перелетный благотворительный... подземелье...»

В окаянстве непонимания я побродил вокруг да около и наткнулся на люк со сдвинутой крышкой. Что за мистификации! Не мог приложить ума. Тот умный пилигрим уж верно объяснил бы мне. Бобик просто побрызгал на крышку. Я в затылке почесал. И продолжили мы путь на восток, к тебе, в твою сторону.

Приспело обедать. То есть мы едва начали шагать, и невольно стало тащить курицу. Съели мы ее — воистину с грехом пополам и с утробной радостью. Ну съели, чего ж теперь — уворована уже и мертва. Жую и думаю: жутко устроено, ведь пища — это грех, чья-то плоть в моем рту, и вся наша плоть, выходит, грех, ибо состоит из чужой плоти. Об этом мы радикально забыли, а надо было помнить, чтобы не охаметь. Бобику что, у него шерсть вместо совести.

Доели, слышим голос некий вдохновенный — никак свыше? Нет, сбоку. Там оградка поваленная, деревья, бугорки с похилившимися крестами и звездами. Голос, как птица, восходил оттуда стихотворными кругами, звучал духовной мощью. Мы ближе... Пред небольшим беломраморным памятником, похожим на сахар, изрядно обсосанный временем, декламирующего зрим человека. Он сделал нам знак не вступать, передохнул и вновь из губ устремился к небу. Вежды его заволокло. Ему не хватало одной ноги, но стоял легко, когда читал, подхваченный восходящим потоком. Читал так, что у меня мороз по коже и волоса дыбом.

Излетело.

Познакомились. Вот оно что. От юности своей пьяница, он к зрелости деградировал, сдал, мыкался никчемным паразитом. Тогда старший его товарищ указал ему на его артистический голос и надоумил читать стихи над могилами поэтов, пред их поклонниками. Уча стихи, он плевался. Однако пришел день: с тяжкого похмелья, когда весь мир кажется шелью, куда тебя втиснули без надежды и воздуха, он вышел читать. Посочувствовали, дали немного денег и стакан поправительного. И он вот так, с отчаяния и на меркантильной основе, вошел в искусство, а затем и оно вошло в него. Некогда толпы собирал, говорит. Уже не к могилам приходили, но к нему, воскресителю поэтов. Были деньги, цветы, россыпи влажных глаз, и рекой лилось. Но лилось не «в грязь и одурь» — артистически пилось — для роздыха и вдохновения. Не опускался он, а рос от вина, величием исполнялся, этому публика научила его, без которой он дня прожить не мог. И только вкус жизни ощутил и свою в ней значительность, кладбище опустело, быстро, будто ветром всех сдуло. Он с горьким изумлением обнаружил, что все опустело, везде. Как же?! Бог весть. Но он читал, читал один. Стихи оказались сильнее денег, публики, вина. Он поверил в бессмертие слова — лишь бы небо выучило наизусть, выучило, как он, тыщи стихов, вместивших человечество и самую смерть претворивших в жизнь. Он обучает небо быть человеком, навечно.

Кончив исподволь, он лег. Устал. Вчера его конторщица отловила, сказала, истаскала по кустам, все утро стихами лечился...

— Погодите спать! — шепчу. — Она ко мне должна была прийти.

— Несчастный, — отвечивал он, — она же ведьма. Настигнет, отомстит — за неслучку, за кур... вообще. Три предмета тебя спасти могут: гребень, шапка и полотенце. Станет нагонять — шапку за спину брось — гора вырастет. Пока она через гору перелазить будет, ты дальше уйдешь. Вновь настигнет — гребень кинешь — лес дремучий за спиной твоей встанет. Пока она прогрызется, ты вперед вырвешься. А в третий раз полотенце швыряй — огненная река разделит вас. Пока она загасит ее, ты далеко убежишь. Но потом уж настигнет.

— К чему тогда предметы?

— Для отсрочки. Поживешь еще, убегая-то. Все так... — он засыпал.

— Прощай, — говорю.

— Прощай! Душа в заветной лире мой прах переживет... А лучше не

убегай: ведьма тоже существо. Пусть... Лицом к ней обратись, по-хорошему. Все одно съедят, но жертвенностью своей семя добра посеешь в них, в гадов,— уснул.

И вот я в тюрьме. Никогда прежде не бывал и полагал, что поздно. Ничто никогда не поздно.

Перейдя реку по остаткам моста (Бобик не хотел, трусил и чуть меня вниз не столкнул), мы вернулись на нашу с тобой улицу и, совершив дистанцию до следующей конторы, увидели на крыльце — кого бы, ты думал? — ее, ведьму, с ее мужем (прав был одноногий слуга пророческих муз). Я вскользь подумал: не колдовское ли дробление конторских имеет место по всей земле? Нет, она была в погоне за мной, опередила. Итак, я в тюрьме. Лично препроводили меня, по пути съестъ хотели, в порошок стереть, но я был так приветлив к ним, что злоба их окаменела в них. Я, говорю, не воровал ваших народных кур, более того, видел их над рекой, не сердчайте, что поймасть не мог: они учились летать и делали успехи. Окольцуйте, советую, оставшихся, мало ли что, все дичает и становится на крыло.

Нас двое в тюрьме. Нас полтора. Тюремщик — тело предельно вялое, едва существующее, бледное, шаркающее. По его шампиньоновому лицу вечно топчутся мухи. Слово какое-то «не пролетайте мимо» в его лице, словно они любят его. Он записывает за мной, размышляя, какую букву поставить в трудном слове. Все слова трудные. Я два дня диктовал ему членораздельно, изучая жизнь мух,— он не смаргивает их, они все время по-пилатовски умывают лапки. Отныне есть почти копия моего к тебе письма, но с заключением: «Бродяга не знающий своего места в обществе».

— Да где общество? — возмущился я.

— А я тебе не общество? — обиделся он.

Тюрьма занимает здание школы. На стене сохранились: формула наших знаний о воде — H_2O и портрет ученого, засиженный мухами. Однажды я увидел, как этот портрет закрыл от мух глаза. Мне дурно смешалось в моей голове, и я перестал отличать живых от мертвых.

Сiju. Гуляю с тюремщиком, пахнущим осенней прелью. Неспешностью ли, суголой походкой, черным ли цветом халата... он вызывает во мне ощущение ненужной здешней вечности — такое грустное и тихо-ненормальное чувство обморока времени. Вспоминать не любит, наперед не загадывает.

— Может, вы просто счастливы? — спрашиваю.

— Не знаю, не знаю... — говорит как о постороннем или выходящем за пределы его компетенции. Все слова он произносит с невыносимой для меня мудростью, равно ничего от себя в них не вкладывая, не беря ответственности...

«Может, убить его?» — мелькнула изуверская, большая мысль. И я припал к чтению. Здесь библиотека, а в ней две книги: Закукоев, «Верность в сердце твоём» и Шмулевич, «Подавление личности в Киевской Руси». Меня чуть родимчики не стали колотить — судороги такие у новорожденных — от невозможности, понимаешь, автора книжкой по голове... Я тут в тюрьме шибко нервный стал.

— Это же бред, а не книги! — кричу (он глухой). — Разве такое нужно узи-нику?!

— Ты еще слишком молод, — отвечает (это я-то молод?!). — И ты ведь не специалист в какой-нибудь области, как же ты можешь судить?

— Существует одна область, — кричу, — жизнь. Я в ней не специалист, так пусть специалисты и живут за меня.

Он унес книги — источник знаний, — прижав их к груди и сверх обычно го ссутулившись. Когда вернулся, сказал:

— Уходи, я устал от тебя.

— А срок досидеть? Грядку докопать?

— Иди. Видишь, ограды нет. Это раньше тюрьму ограждали, а нынче территория безграничная. Думал, мне с тобой веселее будет, а ты с пре-

тензиями,— (это я-то с претензиями!),— и собака у тебя пряткая,— (да, собака все в тюрьму рвалась).— Раньше арестантов палками били, кровь ткла, убивали, а я тебе иван-чай завариваю — ты не ценишь.

— Да ценю я, ценю! Но я невиновный!

— И раньше невиновные были, их и били за это. Не ценишь ты. Ступай.

Нет, я все же специалист — в области уходов. Прийти куда-либо мне порой сложно, но уйти — запросто. Выторговал себе еще ночь, чтоб не к ночи уйти.

Вчера случилось... и сказать не могу. Предал я его, Бобика.

Когда мы утром ушли, он по обыкновению куда-то отвлекся,— слышу визг вдалеке. Он людей-то перестал бояться. Тороплюсь — человек бежит по дну оврага, на плече у него живой мешок. Заслышав мой голос, он быстрее припустил. Ноги у меня ветхие, догнал я его уже в бараке. Копоть, хмурь, на полу костер, куча веток и хламья. Сидит женщина — волосы распущены, грязная, одичалая. Два малыша лежат — руки-ноги как белые веточки. У одного во рту комок тряпки. Мужчина победно показывает им мешок, откуда Бобик хрипит, и на меня посмотрел — враз все поведаль. «Безумец! — кричу я. — Зачем ты их родил сюда?!» Но онемел под его взглядом и вышел.

Я оплакивал Бобика. Что мне прощение, что утешение! Нет его, живого, милого!

Небу стал пенять: в мире столько страдания, а оно все так же голубое! И узнал вдруг неправоту своих слов, устыдился — перед страданием более страшным, вовсе немыслимым, ибо Бог терпит муку со всеми, все безмерное множество страданий каждого. Это Его сейчас душили в мешке. Ему сейчас перережут горло, это Он сейчас рыдал со мной, во мне, мною. Всемирную боль несет без передышки. А радость? — с кем делил, когда это было? Господи Боже наши!..

Сменяются дни. Я иду в полумраке октября или ноября. С севера наступают сизые тучи — там зима. Но я что-то знаю, кроме того, что вижу вокруг.

Пристал к костру пилигримов, одетых бабами (так теплей).

«Терпи,— говорят.— Ноша мира трудна, но пронесший ее донес сам себя и обретает жизнь».

А один подсел ко мне и сказал, что где-то есть мост на острова блаженных. Там люди поют и барабанят в сухие тыквы. Там с ветвей упдают плоды, птицы роняют яркие перья.

— Как же власти позволяют им подбирать плоды и почему не ошипали птиц на женские шапки? — спрашиваю.

— Там нет власти. А женщины прекраснее птиц. Там умершие,— говорит,— но кто пришел живьем, и те живут, уже не зная смерти.

«Поверить ли последний раз?» — думаю.

И смотрю на снежинки на его платке, на блеск очей, на черный голод во рту. Он дрожит. Э, да у него лихорадка!

— Разве не слышал порой такой звук, будто поют вдалеке, и тихий звон? ...Слышишь? Вот! — он медленно обращает ко мне блаженное, испуганное, слезносияющее лицо.— Слышишь?

Смутное пенье бескрайней зимы... Несчастный! Я обнял его. Его руки трепетали на моей спине. И тут во мне открылось, что мы любим друг друга, и такой в душе распустился жар, что зима стала виденьем зимы и ветер ее дул мимо.

ЗНАКОМСТВО НА ВСЮ ЖИЗНЬ

(Теперь тебе в пору самому себе это поведать, но вряд ли поймешь. Помнишь, как ты приехал в это местечко? Нет, название вслух упоминать не стоит, ибо отомстят непременно или приснятся.)

В этот городок я приехал с целью обрести свое дело. Какой обузой становится юность, если держать ее в клетке заботливой осторожности! О как надоело мне это прозябание! Спасибо адвокату, поклоннику моей тетушки, а то бы век не вырвался. Он растолковал ей, для чего нужна молодость — для дерзаний, — и выгодно изобразил перспективу нашей задумки. У него же нашелся нужный знакомый, господин Славиков, тут в местечке живущий. У г-на Славикова неплохие в заводе лошади. А я обожаю лошадей и неплохо разбираюсь в кровях. (Ты прочел всю подшивку журнала «Всадник с головой»!) Мне бы хоть с чего тут начать, «пообтереться», как говаривал адвокат.

Добирался я сюда зверски нудно, чуть не околел. Чтобы использовать время с пользой, чего мы, русские, говоряг, еще не умеем, принялась сочинять философию, и вышло складно, не хуже, чем у немцев. Однако дорога пребывала все тою же, так же пылила и трясла меня, и веселей мне не стало. Я не знал, что с собой делать. Еще бы подольше — и со мной случился бы беспредметный обморок, который случился со всеми этими полями и перелесками, которые ничем никогда не кончаются. Должно быть, у меня впервые разлилась желчь: от пыли, тряски и нетерпения. Я испугался за свое здоровье и цвет лица, посему по достижении места, в подковообразной скрипучей гостинице я первым делом подошел к зеркалу и внимательно встретился с собой. Нет, слава Богу, не пожелтел и могу понравиться г.Славикову и даже кому-нибудь из здешних дам. (И сердце твое — как бабочка...)

Половой, этакий молодец с серыми губищами и кривым, чтоб удобнее глядеть в замочную скважину, носом, поклонился мне с тем профессиональным формализмом, когда ленивый недобор наклона с лихвой искупается якобы вдохновенной серьезностью и понятливостью лица. При этом шмыгнул глазами по моим вещам, ногам. Я принял гордый вид человека, никак не подлежащего его оценке. Он восхищенно ослабил.

— Вы, несомненно, повидали европейские центры, — сказал, — вижу по всему облику и саквоюжу.

— Еще скажи — по моим ботинкам!

— Как я мог бы! Я хотел только донести, что и у нас есть чем постоять против Парижа.

— Н-да? — Я вовлекся в пошлую игру, лишь бы он не догадался, что я нигде не был и 20 моих лет протекли под опекой моей небогатой пугливой тетушки.

— У нас имеется Монка.

— Монка? Хм, я не турист, черт возьми. Я бизнесмен. Это гора?

— Ха-ха! Вы превосходно угадали, господин бизнесмен. Это яма, и самая глубокая.

— Пещера? Ущелье?

— Именно! — Он смеется так, как смеются, когда должно бы всем смеяться, и будто ничего смешнее и нет как бы.

— Повторяю, я не турист. Будь эта Монка глубже Марианской впадины — мне-то что. И не вижу смешного. Что имеется на обед, кроме курятины?

— Грибная лапша.

— Тащи. Отобедая здесь. И это... красное полусладкое есть?

— Гюго, Рабле.

— Сюда его... так для вкуса немного,— я спохватился, вспомнив строгую сумму, зашитую в сюртуке.

— Сей секунд,— подло ухмыльнулся, заведя краску стыда на моих щеках. (И тому, что марку вина соврал тебе удачно.)

Внес обед, с непонятной галантностью откланиваясь зад. Удивительно, как этот жалкий малый, подшаркивающий огромными плоскими ступнями в полумодных стоптанных башмаках, раздражал, просто угнетал меня.

— Свободен,— сказал ему, ибо он вознамерился скрасить мою трапезу беседой, сальным чубом и прямо-таки белым воротничком. А уж проницательности в его зоре! — не надо пряностей: «Все-то вы шельмецы!» — такую универсальную остроту таили перченые маслины его глаз. Нет уж... — Свободен!

Он ретировался. И глядя на его огромные, нелепоухватистые пальцы, берущие дверную рукоять, я вдруг подумал: когда-нибудь завистливые лакеи и наглые шуты, неспособные поверить ни в чью искренность и благородство и просто — поверить, живущие лукавым сомнением рассудка и меркантильным расчетом, завладеют миром — в силу того, что им очень этого хочется, а мир устал или устанет сопротивляться низости и падет. Им только подкинь какую-нибудь завирально-примитивную, псевдоарифметическую «идею»... Вообще, если есть возможность греха и крушения, она непременно осуществится. Под скрип двери я содрогнулся этой странно посетившей меня мыслью.

Поев, я отправился искать дом господина Славикова.

Городок — не дома, а сказочные пряники, сахарно-штукатурные, замысловатые, крашенные в тона детских сновидений, осененные дубами, липами, окруженные яблонями и сиренью, сладко уютные, обещающие долгий шепот жизни. Но, отменяя поэзию быта, тайнство брака и флирта, кто-то изрисовал стены и ограды картинками и формулами непристойностей. Манифестация срама — деться некуда! При виде женщин я крашнел. Они разглядывали меня и тайно улыбались.

Здесь все видели, что я приезжий, точно я с луны свалился или был мавр. Вскоре и я стал замечать некую характерную общность здешних лиц — некую подглядную затаенность и зловещую прохладу под маской изображенного углами губ радушия. И тень вокруг ноздрей.

Некто вызвался проводить меня: «Помилуйте, адрес не надобен, господина Славикова знает весь город!» Расспросил меня, играю ли в покер, помоявлен ли, каков мой гороскоп. «Не знаете гороскопа?! Но это же карта будущего!»

— А по какому признаку все видят, что я приезжий? — спрашиваю.

— Вы не взрослый, и вы не наш,— отвечает.

— Я взрослый, я бизнесмен.

— Похвально, только имеется внутренняя сторона дела. Судя по вашему, так сказать, облику, вы наивны. Мимические мышцы лица выражают ваше переживание; все вами пережитое и тем паче обыкновенные ваши эмоциональные состояния дают этим мышцам определенный пластический навык, создают «эмоциональную маску», взглянув на которую сразу можно прочесть эмоциональный опыт и строй вашей личности, а не только ее сиюминутное состояние — понимаете? Так вот, судя по вашей «маске», ожидающей чего-то милого и не готовой к борьбе, вы питаетесь чувствами, которых в мире нет,— младенческим запасом тепла, нежной бережностью к себе, ожиданием чьего-то родства... здесь и даже за гробом. Это ошибка. Вы боитесь открыться безличным стихиям космоса и признать их единственной реальностью, ибо в ней вы не встретите любви к себе и не являетесь какой-то бесценностью. Поэтому вы ограждаетесь трепетным отношением к «личности», робостью и стыдом. Ведь вы религиозны?

— Не знаю. Вы психолог?

— Куда там! Я стекольщик на фирме «Фэрфэкс».

— Фэрфэкс?

- Нет, Фэрфэкс.
- Я и говорю — Фэрфэкс.
- Нет, вы говорите: «Фэрфэкс», а надо: «Фэрфэкс».
- Но я же так и говорю!
- Отнюдь...
- Оставим, я не понимаю... — Во мне потемнело и что-то зазудело внутри.

– С женщинами вы, конечно, стыдливы?

– Прошу не трогать этой темы!

– Вот видите!.. Вы и в половых отношениях пытаетесь оградиться от природного естества. Вы хотите, чтобы женщина любила именно вас, а не мужское начало в вас, поэтому вам нужно «таинство любви», единственность, укром... Детская болезнь, естественная, как и многие заблуждения непросвещенного человечества.

– Бывают гибельные теории и вредное просвещение.

– Хорошо. Возьмем барышню: первая любовь — тут единственность избранника, она любит именно его, и никого другого ей не надо. Ее ласки обращены к нему со всей искренностью, ибо вследствие своей неопытности, своего наивного заблуждения она полагает, что источник ее чувства — в нем. Таковое заблуждение и есть любовь. Но потом вторая связь, третья... В своих чувственных проявлениях барышня становится скупей и брезгливей либо механистичней. Искренность ее обращенности к половому партнеру падает, хотя половая потребность обычно растет. И наконец она теряет способность влюбляться. Она подсознательно убедилась, что источник ее чувствований в ней самой, ибо партнеры меняются, а суть переживания та же. Мужчина для нее превращается в психосексуальный инструмент, которым она высвобождает собственную половую эмоциональность. И чем больше партнеров, тем ей это очевидно. Любовь — заблуждение наивных.

– Вы говорите о гулящей женщине.

– Я говорю о женщине с практическим опытом. Ведь теория проверяется практикой!

– Бывает губительная практика.

– Тогда вернемся к проблеме детства. Замечено: дети, выросшие в инкубаторе, *in vitro*, не склонны к религиозности, стыду и душевности. Значит, так и следует растить детей.

– Опомнитесь! Для чего их так растить?!

– Для бесстрашия и свободы. Человечество еще одурманено религиозным зельем, спеленуто суевериями нравственности, но близок час духовного пробуждения. Человек скинет призрачные оковы личности ради вселенского стихийно-плотского триумфа.

Я смотрю на него — ни шутовства, ни безумия — мечтательная устремленность в грядущее одухотворяет его безвидное, никудышное лицо.

– Откуда у вас эти понятия?

– Нам открывает глаза пан Дуст.

– Кто это?

– Хозяин гостиницы. Мудрец! Вам необходимо с ним познакомиться. И с его дочерью — Монкой.

– Её дочь?

– Чаровница! ...А вот и дом господина Славикова. Здесь внимлите каждому слову, его зря не обронят. Может, мы не богаты разными триумфальными арками и елисейскими полями, зато у нас есть у кого поучиться мировоззрению, что записать серебряной иголкой на дне мозговых извилин. Ей-богу, жаль, что на мозгах не научились делать татуировку.

Он оставил меня у решетки ворот. Незнакомое дотоле чувство обреченности стало пробираться в меня и студенить — так водянистое тело прорастает кристалликами льда. Сейчас полицейский показался бы мне оплотом человечности. Как хочется домой! Не надо возмужанья, денег, мрачных успехов и важной лжи! Это я-то бизнесмен? Или мне тут все снится? — понадеялся я.

Просторный, подробный сон. Вижу облачный пласт, что лежит на прозрачной пропасти предвечернего света, вижу, как птица, слетевшая с облака, устремляется вниз, как волно ей скользить к домам и деревьям. Я держусь за чугунный прут... Я попался.

— Господина Славикова нет дома,— был женский голос.

На песочной, как в раю, дорожке, проложенной меж цветников, в прогале фруктовых деревьев, стоит или движется матрона в синем платье с белым кружевом. На голове пук волос величиной с голову. Лицо набеленное, как больничный потолок. Ярко-черные брови. Не в Японию ли я попал? Нет, добрый мякиш ее лица утвердил меня в отечественности...

— Но вы же гость! Не уходите, а заходите! Я постараюсь быть вам полезной, как мать,— два слезящихся глаза хрустально вспыхнули гостеприимством, изумлением, азартом.

Из-под ее юбки заводной поступью засемила мне навстречу задумчивая старая собачка на ножках прямых и тонких, как палочки от детской кровати. Остановилась в двух шагах, глядя на мою тень. Я прошел и оглянулся — не осталась ли моя тень на том месте, ибо собачка не отвлеклась и не шевельнулась.

Под потолком в прохладной прихожей столько прибито рогов, словно здесь олений колумбарий.

— Супруг — охотник. И дырочки у всех посреди лба.

Действительно, круглые, по центру, будто станком просверлены.

Я сижу за столиком перед сливками и печеньем. Хозяйка — вся отраженные славы своего супруга, и оттого, что ей выпала такая честь, в ней все необыкновенно. Живо вскрыв привезенное мной письмо к ее мужу, она уселась напротив и углубилась в чтение. По ее лицу пробегают судороги гримас: губы складываются невероятным образом, очи выпучиваются, прищуриваются, заводятся под лоб. Я не мог понять, пока не догадался, что присутствую при драматической попытке изобразить сверхвпечатлительность души, вовсе с чувствами незнакомой. Да и какие такие душе-раздирающие чувства может вызвать чтение рекомендательного письма, написанного адвокатом? Прочитав, запримчала.

— Мой муж сейчас у пана Дуста в гостинице. Он там почти каждый вечер советуется. Пан Дуст — величайший ум из когда-либных. Вот увидишь, он будет владельцем не только гостиницы — всего! — Она придвинулась ко мне с последним «о». — И странен, как все гении: никогда не спит. Днем заперт у себя, ведет счета, а по ночам принимает. Ничто без него не обходится. Какая образованность, эрудиция, острота! А какая отзывчивость!словно всю боль человечества взял в свое сердце. Где-то пожар — так он аж весь подыметя: «Не рок, не фатум, а следствие неумения обращаться с огнем! И не милостыня нужна теперь погорельцам, а краткий курс овладения огнем. Вот им наглядный урок!» Бесконечная забота его гложет, как всем помочь, как исправить жизнь кардинально. И отсюда печаль, даже, знаете, сумрачность — заморозит взглядом. Или желчность — как набросится на кого-нибудь... но это от человечности, от болевого радения. А порой праздник в глазах, прямо лучи... Дети пришлют майский букет: «Родному пану Дусту от подрастающего поколения!» — тут надо видеть его! И вам он поможет, помянете мое слово, только подверните ему... Да, с той поры, как он осчастливил нас своим жительство, наш город стал наливаться славой, как яблоко — соком. Помните, выступили мы посредниками в торговле немцев с турками, и вдруг обнаружилась пропажа ста пудов турецкого фундука, — наш губернатор при всех вспотел кровавым потом, как Христос. Но явилась Монка, прелестная дочь пана Дуста, — немцы забыли о фундуке, турки — о марках, все помирились, развеселились, и немцы заключили с турками договор о военных поставках на сумму в 100 миллионов марок. Ах, вам надо ее увидеть! Если вы не влюбитесь в нее, вы просто вяленая рыба и ничего больше. Нет, идите прямо сейчас в гостиницу, на второй этаж, и всех там застанете, и ее, Монку.

Я шел обратно. Над переулком черные ножницы и красный гребень.

«Надо побриться, всех смущает детский пушок, и вообще...» Эта взрослая церемония призвана была меня скорейшим путем доразвить и осветить одеколоном, а то что-то я... робею, и мысли набекрень. У меня запланировано было начать бриться, пока я вдали от тетушки.

В пустой цирюльне стоял маэстро в великолепном черном костюме с металлической бабочкой на горле. Вихрастый, как лев или степной конь, он грациозно кивнул мне, приглашая в кресло. На бледном его лице мук дальних грез и власть. Я сел. Он обнял меня полотенцем и страстными, живыми пальцами точил бритву. Я молился.

— Знаете, о чем я думаю? — спросил он низким грудным голосом, в коем слышалось море, бьющее в гулкий берег.

— Нет-с, пардон.

— О том, что во второй половине моей жизни люди должны будут брить меня. Это было бы справедливо, не находите?

— Возможно...

— А мне есть чем заняться, — он буйно взбивает в стакане мыльную пену. — Быть адептом космического разума — значит иметь концепцию действительную, охватывающую всех и вся.

— Зачем?

— Нет выбора. Иначе сам попадешь в чью-то концепцию.

Намылив мне щеки, отвлёкся в шкаф. Оттуда выудил трубу рисовальной бумаги и развернул.

Тьма. Во тьме движется тьма — слоями, полями, прядями — темнеет сквозь тьму. Периферия мира, выход в запредельную пустоту, изображенную тьмой. В ней фигура гиганта — персона или персонаж тьмы. Он недвижим и неумолимо движется, попирая ногами утопленный тьмою, согребенный вечным безмолвием город, над которым фосфорически сияет луна — загробным фонарем.

— Почему он не лицом нарисован? — вежливо интересуюсь.

— Лицо — форма ограниченности, поэтому с той стороны тоже затылок. Это владыка мира. Страшно? Так и должно быть. Пафос космического ужаса — вот источник моего вдохновения. Я художник, философ и пророк. Я объявляю три символических ключа вселенной: гребень — символ бесконечности, повтора времен и реинкарнации; ножницы — символ временного, конечного, символ обкарнация; диалектический синтез того и другого — зазубренная бритва — символ судьбы. Чувствуете суть бритвы? ...Нет, полоснуть по горлу — мизерно, погрязнешь в частности. Я просвещаю клиентов, и скоро все поймут, что такое страх: страх — это черный свет могущества. И начнется стихийный террор в массах, эротика кровизма и смерти. Задача моей организации — Священного союза цирюльников — концептуально облечь стихийное страхотворчество и учредить вселенную тьмы.

— Вы не имеете права проповедовать такие концепции!

— Вздор! Жизнь — борьба. Власть — победителям. Мораль — побежденным.

— Отойдите! — кричу.

— Ни за что! Вас, недобритого, сочтут за помешанного. У нас с этим строго. Вот господин Славиков, у того своя концепция, и тоже правильная, ибо нет ложных битв. Они едят. То не просто застолье — пфу! — но... повыше голову... жречество, жрачество, исполнение вселенского действия, так как мир в целом — пища Кого-то. Вместе с тем господин Славиков таким способом решил проблему скуки, проблему эмоциональной незаполненности времени. Он и его соратники принимают порошок, которым поддерживается всегдашний аппетит, и дни напролет кушают, и получают наслаждение. Постоянно желать и постоянно удовлетворять желание — не есть ли блаженство? Они учатся, их становится больше. Они предпочитают живую пищу — как вы думаете, чем они будут питаться, когда иссякнут устрицы?

— Зачем вы меня дурачите?

— Ничуть. Это вполне серьезно.

— Санитары и полицейские у вас есть?
— А как же! Передовые граждане. Их тоже учит пан Дуст.
— Его надо отдать под суд!
— Пана Дуста?! Он не только не ведет никакой противозаконной деятельности, он и в личной жизни кристалл, каких не бывает. Не курит, не пьет, не играет. Ну, порой выражается, и то, знаете, со вкусом, к месту. С девочками никакой клубнички, хотя уж они его обожают и готовы на все. Аскет. Его дочь, антр-ну, приемыш, говорят, монаховой крови. За что же под суд? За ум, что ли? Как Сократа?

В тихом бреде я вернулся в гостиницу. Перед взором моим все чернел рисунок цирюльника, и шепот во мне кружился поземкой: «Космос, это космос...»

Половой проводил меня в комнату и уложил, как больного. Я был слаб, отравлен тоской и страхом безумия. Темень и запахи чужой комнаты напомнили мне, что меня когда-то не будет. Звезды над занавеской отмечали глубину, меньшую, чем даль предстоящей разлуки.

Я жарко вспомнил прощание с тетей. Ее лицо, измученное любовью и страхом, словно я уезжал навсегда. Она не замечала, что край дверцы передавливает ее добрейшую большую грудь. Я в нетерпении стучал ногой, лошадь стучала копытом, возница сутуло замер на козлах, и голова его забвенно слушала мою тетушку. А теперь я старался вникнуть в ее речь. Она говорила о любви, о спасении, губы ее вздрагивали. Но ничего не было слышно. Возница тронул. Я чуть не выскочил, чтобы броситься к ней, но не спрыгнул, боясь рыданий, и отвернулся. С тем и уснул.

По занавеске — прозрачнее век, обращенных к солнцу, — бежит муха. Пыльное окно полно летучего золотого света, бьющего в комнату, а тут застыли на зашарканном полу ничейные, как театральные реквизиты, стол со свисающей скатертью и два стула — затаили ожидание, заготовили каверзу сценического действия... Впрочем, решение бежать домой уже созрело во мне, и я не очень испугался.

Всунулся половой:

— Кваску не желаете?

— Да нет...

— У меня тоже не бывает похмелья, — посмотрел выразительно.

Может, я вчера напился? — где, как? А не помню. Так напился, что память отшибло. Это, говорят, случается. Успокоительная мысль — то были кошмары! Но нет, не пил я вчера и вообще никогда. Кошмары были наяву. Следует приготовиться...

Парень сообщает нечто удивительное:

— Сейчас на поле состоится взлет кузнеца в огненной ступе. Народ стекся. И общество. Люди летать желают. Идут на смертельный риск. Поприсутствуете?

— Не знаю...

— Как же? А прогресс?

— Вот оно что! Ты еще о прогрессе!.. Не трожь понятие лучших людей! Отчего это? — обиделся он. — Разве только вам?.. И мы в микроскоп зырили.

— Ну, прогресс — это не только микроскоп, это еще... — я был смущен. Я ни разу не наблюдал микроскопа, а этот малый утверждает, что заглядывал в устройство материи.

— Это еще гуманизм, — уточнил он.

— И об этом у тебя понятие?! Великие умы бьются...

— Да что ж особенного! Гуманизм — это высвобождение человека из оков.

— Хм, верно, хотя... Где ж ты микроскоп видел?

— Да у себя дома. У нас голландец один постоял и утром подарил его Монке, а она мне отдала.

— И что в него видно?

— Все! — он затворил за собой дверь. — Я выдвигаю идею уменьшения телесных размеров. В результате нарочитого отбора человек станет раз-

мером с микроб. Это сулит бесчисленные преимущества: мы все сможем прокормиться в одном пруду, не надо войн и государств, не надо эксплуатации человека человеком — всего много, нет проблемы ресурсов, не будет дорог, лошадей, фабрик, машин! Мы легкие и вездесущие. Нас будут носить вода и ветер. На астероидах пылинки мы сможем совершать бескрайние путешествия. Высохнув, мы сможем храниться здоровыми тысячи лет — до новых, лучших эр! Мы сможем путешествовать в самом космосе!

— Вероятно ли такое?! — я вспотел от удивления.

— Конечно! А сколько новых ощущений! Тайны материи... — она неисчерпаема!

Я посмотрел в окно, наверное, для того, чтобы убедиться в сохранности привычного порядка вещей. Увидел голубя, его подвижную тень на земле, увидел бочку из-под огурцов, окно напротив — там стоит молодая особа в неглиже и смотрит на меня без стеснения. Я отпрянул.

— Да, чуть не забыл! Монка приглашает вас завтракать совместно.

— Зачем?

— Завтракать? — он хихикнул.

— Я не умею ухаживать...

— И ничего. Покушаете в темпе и на поле.

Я оделся и встал над саквояжем. Стук в дверь. В проеме — высокая, статная, насмешливая юная дама. Нарядная, небрежная, дерзкая. Я вытянулся перед нею.

— Каталепсия, — сказала томно-грубоватым голосом, — иначе — столбняк, — и сверкнула веселым здоровьем, словно блеск ее темных очей перемигнула со светлостью платья, заколкой в баньем рококо волос, лоском бело-румяной кожи. — Повторяйте: здравствуй, Монка! ...Еще разик, поприветливей! ...Ладно, тут долго ставить голос, в конце концов мы не в Италии, — подошла и встала ко мне вплотную. — Инициатива знакомства должна принадлежать мужчине, поскольку ему нечем рисковать. К тому же, выдавший виды, начитанный и находчивый, он сумеет увлечь скачущее воображение дамы. О чем вы безмолвствуете? Или нынче так принято — знакомиться молча? В этом что-то есть роковое: удав и кролик, или два удава, — замерла, глядя в меня.

Не шевелимся. Я смотрю в ее наглые, влажные, завораживающие глаза.

— Теперь удостоверились, что бояться некого? Это всего лишь Монка, — произнесла обещательно. — Или узнали от кого, что у меня портится зуб, и потому так нелюбезны? — отворила губы и постучала пальцем по белому с крапичкой резцу. — Брезгуете мной?

— Нет, что вы!

— Я не так надушена?

— Никак нет.

Ее крупное, выпуклой лепки лицо смеется, но терпит смех и прячет под важной личиной, таит меж распахнутых камышовых ресниц. Ее дерзость заразительна, то есть сразу признаешь ее право быть такой... ничуть не стесняющейся своего лица — хотя, быть может, не красавица, но впечатление внушается, и подпадаешь...

Стоит передо мной, невозмутимо подставясь, и вместе с тем терпеливо — бесцеремонно и жественно. Я выше ее, но вижу ее губы, отчетливые, дымно-розовые, хранящие миллион упругих поцелуев, ее подбородок, горло, схваченное ниткой жемчуга (вместо петли), вижу вздымание двух планетарно-круглых бюстов, уткнувшихся в лиф, или что там... Меня обволакивает пряным дурманом духов, грозovým и пьяным облаком нового чувства. Вдруг подымаю руку, трогаю ее щеку, уголок ждущего рта, провожу пальцем по шее, замечаю голубую жилку и провожаю ее до выреза платья, уже исчезнувшую, содрогаясь и восторгаясь своей невольной смелости.

— Господин бизнесмен, — отчеканила беззлобно, — пора вашу длань убирать.

Как долго я не дышал, оказывается!

Лакей накрывает у меня к завтраку. (Ты забыл подумать о стоимости этого завтрака, состоящего из трех сложных обедов. Ты заболел безразличием к своим долгам. Коснувшись ее, ты догадался: эта женщина твоя... со всем ее норовом и со всем... Переливчатый блеск ожерелья, платье, улыбающееся мини-цветочками, и все телесное под этим платьем, и то невидимое, бедное, само себя не узнавшее, неведомо откуда явившееся этим телом и украшенное этим платьем, зовущее этим голосом и глядящее этим глазом, — твое. Если отважишься. Твоя — драгоценная гордость ее и развязность. И зябкой тоской ты воспречувствовал страшную и пустую полноту обладания. Ты не догадался, что влюблен.)

За едой я рассказывал ей о моей замечательной тете. Она отменно грызла, глотала, облизывалась, отправляя снедь в нежно-округлое горло, и взор ее стороне глядел на меня сквозь некую пленку прохладного глянца.

— Уф, ну хватит. Скорей на поле! — шустро утерлась скомканной салфеткой и побежала за веером и шляпой.

У подъезда пролетка.

— Сережа, на поле, живей! Господин бизнесмен желает впечатлений! — плотной ногой легко оттолкнулась от земли, огрузив податливый экипаж.

Мы понеслись — в трубе полос, в кои вытянулись предметы улицы, и в рокоте копыт. Потом за улицами открылось зеленое поле, усыпанное разноцветной толпой. Еще там высилось нечто. Мы прошли не чинясь в первый зрительский круг, означенный колышками и веревкой. В центре круга, в 30 саженях от нас расположено сооружение, отдаленно напоминающее печь, и, видимо, жестяное.

— Самолет! — Монка в азарте сжала мою руку, за что я преисполнился благодарности адскому сооружению кузнеца.

Виден и сам кузнец в углублении в средней части самолета. Он узколик, бел, как мел, в красной рубахе с опояскою. Долгие космы перехвачены ленточкой.

Вокруг шумит море голосов. Обсуждается устройство самолета на огненной тяге, огневой характер Митрохи-кузнеца, его судьба. Даются прогнозы летного дела у нас и за рубежом. Например, я узнал, что от Митрохи ушла жена и все от него ушли, что смерть ему не страшна, а напротив — желанна. И мне показалось, что лицо его отмечено злорадством самоистязателя: мол, погоди, Митроха, дожدهшься ты у меня!

А небо над нами чистое, далекое и безмятежное! Воображение мое откладывалось забросить туда эту печь.

Временами по толпе пробегают волны невразумительного возбуждения, точно передается весть, но вести не было. Повертев головами, мы возвращаем внимание к центру, где Митроха, дико растянув углы губ, все так же что-то делал руками.

Прижатый к Монке, я воспринимаю ее жар; принося к нему чувствами-помыслами, лестное пространство вокруг нас обратя в смутную плоскость наваждения. Она, сдвинув шляпу на затылок, дабы ее поля нас не разделяли, но от других отгораживали, шепчет мне в самое ухо, и душа моя раздирается на части, ибо я никогда не имел близкого касания к женщине, не ведал этого пьянящего страха и болезненного счастья, словно стояшь на краю себя над райской пропастью. Случайным прикосновением ее губ, приветным пожатием руки, шорохом чуть пихающегося плеча она сталкивала меня с сердечного обрыва, я едва стоял, но произносимые слова требовали внимать докуке постороннего мира.

— Справа от нас, во фраке и цилиндре — господин Славиков — солидный барсук, мой ухажер в прошлом, — и теснее притиснулась. — Рядом с ним его соратник по застолью и разносчик концепций — учитель гимназии, большой прогрессист.

— Как, детям — концепции?!

— А почему нет? Ты что, консерватор?

- Нет, но... У вас кто-нибудь есть без концепций?
- Мой фатер. Они величают его «королем концепций», так как все их концепции суть части и проекции его универсальной.
- Я боюсь этого.

Она посмотрела на меня, как на жалкого.

Господин Славиков и учитель гимназии вели спор. Один отстаивал преимущества магической цивилизации, другой ратует за техническую, ибо «магия куда сложнее и опасней для здоровья» — «но техническая еще вреднее для здоровья».

Дальше я не могу сказать, что произошло. Меня оглушили свист и гудение. Свет померк. Мы оказались в густом черном дыму. Треск, вспышки, хлопки... В этом шуме нарастает дрожащий пронзительный вой, от которого можно враз сойти с ума. Вспышки слились в буйное пламя. Нас опалило. Бешеное пламя, зримое в дыму, стало подниматься языкастой колонной. Обжигающий ветер метался со всех сторон. Я упал.

Когда ярость огня и шума покинула нас, я огляделся. Все черно: люди, трава. На взлетном месте шевелится бесформенный, словно в мешке, человек. «Митроха упал, упал!» — огласилось в еще не осевшей тишине. Странно шевелящееся тело издало крик, возрастающий в слово «Летает!», и да, там сверху, быстро шурша, висела под голубым небом, нет, восходила, отбрасывая вниз дымный поток, точка самолета, отклонялась от вертикали. «Ура!» — зорали мальчишки, завизжали женщины, и все — истошно и дружно. Взлетели головные уборы. И под новый шум Митроха прижал лицо к земле.

Монка повлекла меня к экипажу, кому-то что-то крича, блестя глазами на черном лице, хохоча.

— Давайте отвезем его в больницу, — говорю.

Кучер смотрел в небо, удлинив козырек ладонью.

— Растворилась в небесах. Шлейф-то через весь воздух, из Парижа небось видать — знай наших! Ох и черны же вы, господа, как бы лошадь не испугалась! Однако хреновина эта когда-нибудь возвратится на землю, будьте покойны!

— За что люблю народ — не теряет здравого смысла, — говорит она изпод опущенной на глаза шляпы.

— Неужели вы не слышали моих слов? — восклицаю с горечью.

— Неужели у вас есть носилки, на которых можно нести переломанное тело?

— Но у кого-то есть.

— У пожарных. Вон уже подбирают. Без вас распорядились, — насмешливо посмотрела, запрокинув голову.

— Не понимаю иронии.

— Он скончался. И если хотите, хорошо... Пусть мертвые хоронят своих мертвецов. А живым — летать. Хорошо, что никакие врачи не заставят его жить. Значит, судьба получила свою жертву. Только смерть служит настоящим основанием настоящего делу; единственное начало большого пути... Как вы не понимаете! Сережа, взбаврайвай!

Молчание. Маятник лошадиного хвоста.

— Отец Сергей отпевать не станет, скажет: самоубийца, — размыслил кучер. — Отец Мартирий, может, взялся бы...

— Интересная тема! Сережа, потолкуй о похоронах, господин бизнесмен очень уважает душевные темы.

Мое отношение к ней преворачивается и становится неприязню.

— Остановите, я сойду.

Она посылает мне воздушный поцелуй.

— Не забудьте, хоронят на третьи сутки, а то вы нынче управитесь, — захотела, укатывая в дробнотенистую аллею.

Храм позвал меня, блеснул куполом сквозь кроны лип. Я отмыл лицо у колодца и пошел туда — прийти в себя.

Служба отходила — в тишине безлюдья: Богу трудно конкурировать с летательным аппаратом, тем паче — летальным... Я жадно смотрю на ба-

тюшку и верю: он, строгий и умный, прочный в духовном, поможет мне одолеть тоску и страх. («Тоска и страх приходят от бессмыслицы».) Хожу по двору и жду его.

Вышла старуха с ведром свечных огарков.

— Ждешь? Не жди, он не посочувствует. Вот отец Мартирий, тот и младенца, который агукает, и того выслушает, а отец Сергей убежит, он спешит всегда.

— Куда ж ему спешить?

— Недогадливый? Домой. Жена красавица, шахматы, садик, огурцы...

— Когда ж душевная забота?

— Батюшка тоже человек и житейским увлекается. Мы про душевное вспоминаем, когда душа предсмертным криком кричит, а в обыденности у нас души как бы нету. Тебя, кажись, уязвило?

— Искушения, матушка! Ничего не разумею у вас, ни слов, ни правил. Сейчас на поле был, там человек упал с высоты, разбился...

— Случится же: на поле — с высоты!

— Пусть батюшка помолится о нем. И о себе поговорить хочу.

— С этим опаздываешь. Он уже чай пьет. После чая ни делов, ни треб... — домой идет. Не любит...

— Может, не пил еще? Позовете?

— Готовь два целковых.

— Два рубля?!

— Дорого?

— Не то слово!

— Да не болно дорого, если подумать: душа дороже стоит. На девок да на моду червонцев не жалеете.

— А вам-то на что, если не секрет?

— Оконные рамы золотить решили, — у нее получилось «раны», — и цепи паникадильные.

— Господи, на что ж их золотить?

— Для благолепия, милоч! Ты какой-то пришибленный. Блестеть будет.

Я тем сроком подцепил подкладку сюртука и вижу тетины заботы-ухищрения, превращенные в бумажки с гербами, зажигаю в ладонь два рубля, жду. Показывается батюшка — я к нему... Он грациозно отстранился и ответствовал жестом, одновременно и отваживающим, и грехи отпускающим, и утверждающим, де, все пустое. Я оробел, а он, стройный, как кипарис, и стремительный, как птица, уже растворялся в воротах и моих слезах.

— Я ж говорила тебе! Вот ежели бы отец Мартирий, так тот и младенца новоявленного со смиренным вниманием выслушает. Или прежний наш отец Кондратий, воитель духовный... Не читите, говорил, мудростей светских, ниже писателей всяких, пустой выдумью правду замутняющих; ниже художеств, плотские виды изображающих и прельщающих в бездну похотей, — то ярь бесовская и гордыня мудрования; но отриньте земные соблазны и не повергайтесь в бездну, отвращайтесь лжи и обращайтесь к правде, так поступайте всегда и не заблудитесь... Так-то, милый! Чего ж проще! И ты так поступай всегда, а иначе не поступай. Все-то вы заблуждаетесь!

— Как бы его повидать?

— Кого? Кондратий помер — царство ему небесное, хоромы ангельские! А Мартирий выходной — многая лета!

— А где дом его?

— Я по обету за пределы этого двора стопой не высовываюсь, да и чего там делать — грехи одни. Не помню... Стряпуха? — глухая и глупая слишком. Звонарь — совсем глухой и ногами дряхл. Дворник — не, не пойдет, и не скажет, и не знает ничего.

— Да есть тут кто не слепой, не глухой, не черствый?

— Ты сам-то кто будешь? Чего восклицаешь, как пророк?

Все сошли с ума или я один — это одинаково. Домой! Домой! Взрослая

жизнь не удается мне. Тетушка поймет... Но как же она сумела столь многое скрыть от меня?

Взять саквожаж... В гостинице Монка — при мысли о ней во мне боль, так болит поле, порезанное плугом.

Бреду наугад, устаю, хочу пить, хочу к людям. Вижу дом, не изрисованный гениталиями; захожу в калитку — из-под крыльца вышвыривается собачонка, плочет в меня злобой, вся душонка ее разрывается от ненависти ко мне, чуть наружу не выворачивается, чуть не выпрыгивает изо рта. «Хорошая, хорошая...» — пробираюсь ко входу.

Скрип крыльца — надо мной хозяйка.

— Пустите, — прошу, — посидеть, отдышаться. Я смиренный, я дворянин.

— Ну заходите. Найда, падла, мать твою! Заходите.

Гремят ходики, будто в каждое мгновение вбивается гвоздь. Сижу и слушаю.

— Брючки не засальте, у нас тут кушают.

Дрогнул дом, и вошел хозяин — старый кряж. Сказал сипло:

— Гостю здравствовать, и нам не хворать!

Я поклонился и ненаглядно смотрел на него, на лицо мясисто-рельфное, на скупость тяжелых движений, на покатую стать, на то, как привычно повесил на гвоздь круглую шапку, хранящую слепок его головы.

— Откушаем, — сел напротив, положив на стол руки чудовищного веса, темные, земляные. Отсутствие губ означает, наверно, строгость житейского устава.

За дверью стук сброшенных сапог, и к столу быстро прокрался паренек с поцарапанным носом.

— Шляешься, — бросила хозяйка. Парень шмыгнул носом.

Горшок, миски, ложки, хлеб... Я отказался от шей, за что получил взгляд хозяина — двумя крошечными кусочками неба он испытал, с чего это я такой недоумок. В животе моем было впрямь пусто, но глотать не моглось.

Щи всхлупывают, взлетая во рты. Хозяйка стоит у стола с выражением некоторой ревности... И вдруг нацелилась на парня:

— Эй, малый, ну-ка положи ложку! — и только он поднял голову, вцепил ему затрещину.

— Не трожь его за столом, — вмешался хозяин.

— Да опять за девками в баню подглядывал! Ведь избыют или ошпарт смеха ради! Женить его скоро будем, извелся оболтус. Вы, поди, женились, успокоились?

— Я? Нет еще. То есть нет.

— И не совестно вам по девкам ходить, деньгами сорить?

— Я не хожу, не сорю.

— А чего такое?

— Не приставай к гостю, — хозяин наставительно облизал ложку. — Жениться полезно и необходимо. Так заведено в природе. Растения и те женятся. Я вот женился 30 лет назад, надоело, а не жалею, потому как хоть молод был, а выбирал с толком, так и сяк примеривал — что ж, мне ее организм понравился.

Польщенная супруга заговорила скоренько:

— Бывает, у мужчинки и болезни никакой нет, а конфузливость не дозволяет. Неуверен в себе, или мадамы существами чужеродными кажутся, как будто они, простите, без рук, без ног. И то, расфуфырятся какими-то фифами заморскими — и в голову не придет, что у них там. А ничего, суть та же. Просто ему вовремя помощь нужна. У нас в городе есть одна краля, вы к ней обратитесь, по-честному: мол, так и так, приобщи меня к женскому вопросу, а то, мол, я как дите... Она поймет. Положитесь на нее. Да и юноша вы на вид приятный.

— Простите, я не нуждаюсь в подобной опеке и считаю не совсем пристойным... У вас в городе приняты странные манеры, мне это в диковину.

— Тут он прав, — сказал хозяин, — нравы портятся. Все дома изрисовали: так изобразят, что и понять нельзя. А вы не торопитесь, молодой чело-

век, расскажите, как люди живут вдалеке. Что новенького в умственной атмосфере? И я, может статься, соображу сказать что-нибудь, хоть я и не бывал в Париже.

— Второе блюдо отдайте с нами. У нас, правда, по-простому: картофель де кожур и окорок,— хозяйка сняла с ветчины салфетку.

— Вот, как в университете, мы наблюдаем строение свиной ноги,— он указал ножом на срез окорока.— Да разве же эта свинья умерла? Она ж не пропала никуда. Что не здесь, то в кладовке, а что мы приели, то в наш организм вошло. Она здесь, она живет. Не знаю, что сейчас в журналах пишут, может, моя мысль уже обнародована. Волком вою, а лишен возможности читать. 30 лет землю рыть — любой кротом сделается. Мне хотя сограждане очки у Цейса заказали...

— Потому как пропадут без тебя,— подхватила она и пояснила мне: — Он мастер могильной выкопки.

— Только очки занашивать жалко. Берегу на случай необходимости: когда моя запечет рыбу, где кость мелкая,— леща там, карлика... А работа у меня особая, да,— стужа лютая, жара адская — на свой рост в грунт уйди. Смерть-матушка выходных не дозволяет. Но в отношении рассуждения философского мое занятие избранное: здесь до самых глубин дойти можно. Вот вы говорите «смерть», а я говорю: смерти нет.

— И у животного, наверно, есть бессмертная душа,— говорю.— Так и древние считали.

— Чепуху они считали. «Душа» — эфирерии всякие! Где она, душа? Покажите мне ее! ...То-то, и весь сказ. Кукиш, одним словом. Нет, я практик и придерживаюсь только суровой реальности вещества. У меня опыт — нету большего,— потому конкретно заявляю хоть кому, хоть папе римскому: смерть — это иллюзия. Сверх того: если была бы душа, то была бы и смерть — было б чему умирать. А жизнь не прекращается, отнюдь, и в гробу. Человек, как говорится, помер, но трое дней у него еще волосы растут — даже плешивый один оброс — и ногти, потом разные иные изменения в организме происходят: он пухнет, наполняется жидкостью, лопается и вытекает в почву, потом же произойдут оттуда травки и майские жуки. Где же смерть? Нету.

Бритвенно острым ножом срезал поперечину окорока, смял в рот и принялся жевать всем лицом, даже выражением лица, которое изменялось сообразно жевательному напряжению — от изумления до мрачного трагизма, даже волосаной его покров ходил волнами на голове. Мне почудилось: сейчас от него с гудением разлетятся во все стороны майские жуки.

Верно, я обидел их и поступил неуклюже — оставил недопитый квас, оставил им жалкое «извините» и выбежал на улицу.

Бреду впопыхах. Вскоре встретился мне сговорчивый извозчик. После предварительных чаевых он согласился увезти меня отсюда. Итак, едем в гостиницу за вещами. Дышу серо-голубым светом неба, свежее после дурноты, я почти счастлив или даже слишком счастлив — я уже возвращаюсь! Просторное отсутствие тети столь прозрачно, что в нем я почти вижу ее, оно становится ею, а разлука — предтечею нашей встречи.

Но в номере я нахожу свой саквояж открытым — костюм! Мой единственный вечерний — и вообще — костюм украден! И пусть — это им в доказательство их подлости!

И тут же струсил. Гусиной кожей покрывшись, застегиваю ремни и жду... Если здесь преступники, то меня могут и убить. Сейчас явится кто-нибудь с каким-нибудь последним безобразием, и я не доеду до станции. Озираюсь на дверь, слышу сатаническое безмолвие стола, стульев и быстрые где-то шаги — сдергиваю слепоту оконной занавески... Нет, не ко мне! Выхожу бездыханно и собранно, стараясь быть невидимым.

Уф! Конь резвый, а возница молчун. Я покидаю сон, уезжаю из сновидения — по пыльной дороге — редчайший случай пробуждения — холмы, деревни, деревья... Меня ждет настоящая жизнь, явь, которая отличается

от наваждения тем, что в ней есть Божье тепло— как в живой руке в отличие от мертвой (но это замечаешь, лишь разлучившись с явью).

Я замечтался о встрече со своей жизнью — о родных лицах, о комнате, хранящей мои чувства, о старом алоэ на подоконнике, о шурувании книжных страниц...— все это я.

И вспомнилась девушка-гимназистка — нечаянное, чудесное явление. Это было в прошлом году в Ботаническом саду. Она возникла на повороте аллеи, вся созданная из тающего света любви, и странно, что не исчезла. Я слушал похрустывание песка под ее шагами и боялся поднять глаза к ее лицу, в нежную тень.... Она переписывала латинские названия деревьев, и за ее строгой важностью трепетало счастье своей красоты и, быть может, радость о нашей встрече. С какой детской церемонностью она пожаловалась на трудность занятия и вздохнула о чем-то другом. Лиственный узор дрожал на дорожке.

Как я мог не продлить наше знакомство! Я найду ее!

Задремал в сладких грезах о яви, но очнулся, будто от злого голоса. Ветреное небо хмурилось. Взырошенная ветла у мостка выворачивалась наизнанку — серебром. Сизая речушка зябнет.

Что-то переменялось — тоска! — будто время пошло в обратную сторону или едем обратно? Вижу удаляющегося верхового.

— Кто это был на коне?

— Спите, барин. Кто его знает...

— Что он тебе сказал?

— Ничего. Сказал, мост разобрали.

— Мы не туда едем.

— Объезд, — сказал он, помолчавши.

Я стал внимательно следить за дорогой. Глухие проселки, безвестные места... Не нравится мне, как сидит, как молчит ямщик, как держит голову на плечах.

— Где едем?

— Все там же — Русь-матушка.

— Ты потолковой отвечай, а то я на тебя управу найду. Какова дорога?

— Через Ухнево, Беспланетное, Дрогнич, Дыбки...

— Не те деревни!

— Тех я не знаю. Езжу, где знаю.

— Когда будем?

— К ночи будем.

Такие людишки попадают, что жалею, что я не крепыш, не силач — так прямо и дал бы по чугунной башке. Стиснул зубы. Терплю.

— Барин, у лошади колика, — говорит, словно сам себе. — Аппендикс у нее. Пожалеть надо, все же тварь, выпрячь...

Спрыгиваю с коляски и бегу в сердцах вокруг молодых овсов. Устал, пошел, шатаюсь. Припадаю щекой к деревьям, умываюсь в темной речке. Не знаю, сон это еще или уже нет. Ворот расстегнул, душно мне. «Застрелюсь, — подумал, — мука, а не жизнь».

«Сейчас бы револьвер! Нет, этого стервеца застрелил бы сначала. Мешком с козел свалится — и дымок в сумерках. Ну какой мужчина соберется в путь без оружия! Это же смех, это тыфу!»

Сел, молчу. Лошадь вновь впряжена.

— Вы ножки замочить изволили — выпейте водки: очень против простуды... И на душе легче, — протягивает манерку да и хлеба кусок с ветчиной знакомой. Я взял, в манерке плескалось. Отвинтил крышку с отчаяния — и тут мы тронулись, фляжка подпрыгнула ко рту, как ученая, я глотнул и сразу захмелел, ибо не помню, когда ел последний раз. Потому жевал, как безумный, и запивал еще.

Лиловая пашня. Посреди пашни куртина ив, черно просвечивающих на фоне заката. За полем — лес. Взор напряженно скользит по сходящимся бороздам... Я поражаюсь отчетливости пространства и молчанию поля, словно ждет оно кого-то. На заголенной закатной полосе неба нарисованы узкие длинные зигзаги — усы ночной бабочки. Цвет зари колокольню

певуч и прошален. «Э-эй!» — закричал я туда. (Опьянев, ты ощутил, что бессмертен, и страх стал не страшен тебе.)

Меня качает, но я упрямо целуюсь с фляжкой и пью дешевую огненную любовь.

Подымаю голову — предо мной та же гостиница и безумно лучистый фонарь. «Что такое?! Почему обратно?»

Знакомый половой сутоло втаскивает на ступень мой саквояж. «Возница, ты — негодяй!» Но козлы пусты.

В знакомой комнате стоит она, многозначительно улыбаясь.

— Радость или досада — что избрали вы в сердце своем?

— Почему я здесь?

— Я вернула вас. У вас пропал костюм — какого мнения вы будете о нас!

Примите мои извинения... — она приблизилась, — фу, шалун, какую дрянь пугаете! Я, признаться, обрадовалась, завидя на вас расстегнутые пуговицы — уж не страсть ли, думаю? Увы, всего лишь пьяное мужланство. Приведите себя в порядок — все наше общество и мой папа ждут испросить вашего прощения... и с законным нетерпением, ибо вашего костюма никто не крал.

— Как так «не крал»?!

— Увидите. Он сам ушел от вас... по зову чувства, — она оставила меня. Входит половой.

— Дозвольте с вас костюмчик... почистить, пока вы умоетесь.

— Ты на лошади умеешь скакать?

— Умею.

— Это ты был верхом?..

— Чего ж спрашивать?..

— Может, мне показалось.

Через полчаса, умытый и прибранный, отчего несчастье и позор ушли в меня глубже, я поднимаюсь по скрипучей лестнице на второй этаж вослед за лакеем, несущим свечи. Слышен табачный дым и голоса.

За овальным столом, обратясь ко мне, словно заждались, сидят несколько человек и чудовище. Должно быть, страх не разрешил мне увидеть его сразу, я заметил его последним в группе лиц. Его темная обезьянья голова пушится серебристой шерстью. Мясистое ухо, маленькие глазки под валиком бровей, огромный черногубый рот.

Все заговорили приветственно, а я пячусь — лакей подпирает меня со спины. Обезьяна, видя мою слабость, оскаливает зубы в бессчетном количестве, производя тихий хохочущий храп.

— Мой папа, — Монка указывает на него бликами ногтей.

— Уж не зять ли это будущий мой? — воскликнул он человеческим голосом, вызвав общий восторг. Протянул морщинистую лапу, сверкнул запонкой. — Пан Дуст.

Я ощущаю холод его кожистой ладони. Меня усаживают, суют в руки набор карт. Кладу по одной не глядя.

— Я знавал одного герцога, — говорит г.Славиков. — Тот также играет, даже не интересуюсь, какая ведется игра.

— То признак ума в моем грядущем зяте, ибо, играя с вами расчетливо, он все одно проиграл бы, а так он скажет, что и не думал выигрывать, просто кидал карты по примеру некоего герцога.

Мне скверно. Плохо помню собственное имя. Где я, что? Или таково опьянение? Не выдерживаю и вновь смотрю на чудовище. Тот, не участвуя, возглавляет стол, но на сей раз черт не вижу — плотный клуб дыма или тумана скрывает или заменяет его облик. Краткий обморок посетил меня, ибо кто-то поднес воды, чтобы я сделал ход. Бросаю карту и стараюсь не упасть. Нельзя туда смотреть — либо он так ворожит, либо глаза дают запрет. Я качнулся в противную сторону, к чьему-то плечу и замер. Кажется, никого ничто не удивляет: идет игра, беседа — сквозь гул.

— Давеча посетил стройплощадку новой гостиницы и попал в свидетели редкой сцены. Летит лист кровельного железа и срезает рабочему голову — фонтан крови! — произнес г.Славиков.

— Это что! — подхватил туман. — Когда я обретался в Париже, видел установку громоотвода на одном шпиле. В момент монтажа набежала туча и ударила молния — прямо туда. Вмиг зажаренный инженер повис над городом — куском шашлыка на воздетом шампуре. Архивпечатляющий момент.

— Но о чем я подумал, — продолжил г. Славиков. — Почему к смерти никто не применит рачительного подхода? Ведро крови, голова и вся совокупность свежих органов — неужели им нет более разумного применения, чем в землю?

— Применение мертвых и умирающих — вопрос не праздный, но пока преждевременный: наука и социум не созрели. На повестке дня вопрос применения живых. От него зависит будущее России и всего человечества.

— Россия обильно богата массами, но суеверия, заботность, отсутствие гражданского мышления... — беспокоится учитель гимназии.

— Ничего. Если менять курс на 180 градусов, арьергард становится авангардом. Главная задача — материализация сознания, внедрить в сознание сознание того, что сознание есть материальный процесс. Тем самым отменяется метафизика личности и свободы — вот ключ к сознанию человека и просвещению масс, — продиктовал туман.

— Молодой человек на данный момент проиграл полторы тыщи рублей. Будет ли он продолжать игру?

«Что? Что?» ...Мне брызгали в лицо водой. Я захлопотал в пазухе сюртука, выкладываю тетины деньги.

— Здесь 500. Больше нет, но я застрелюсь, обещаю.

Взрыв смеха.

— Ни полпулечки! Вы должны жить и беречь драгоценное здоровье! Вдруг еще что-нибудь случится сказать.

— Но жизнь его отныне наша.

— Всенепременно! И эта жизнь будет нам дороже лесов и недр.

Монка выводит меня из-за стола:

— Пойдемте, навестим ваш костюм. Он цел и может дать приплод.

Куда-то идем... в ее покои. Занавески, драпировки, зеркала, флаконы... Обилие цветов, как в дорогом гробу. Душные ароматы. Бесшумный ковер — упасть ничком... Все кружится.

— Глупый! Зачем вы играете с ними? — Она шепчет, хоть мы одни в тускло подсвеченной комнате. — Я никогда не обыграю вас на такую сумму. Тсс! Они там... — кивает в угол.

— Кто?

— Ваш костюм и... — направляет руку со свечой и подводит меня.

Мерещится чье-то дыхание, но — нет — здесь совершенно тихо. Светлый массив кровати, кто-то в темном лежит — она светит ближе — лежит мой костюм, его спину обнимают рукава платья, лежащего под ним. «Любовь, а не воровство. Им хорошо, — шепчет она, отсвечивая очами; созерцает их, пристально улыбаясь. — Но хватит с них. Пора уступить место. Кыш отсюда!» — сминает их и перебрасывает в кресло. Шорох тряпочных тел. Тишина. Она поворачивается ко мне, задувает свечу — волосок дыма взлетает и растворяется в шевелящейся тьме. Я вижу ее смутное лицо — оно приближается, вижу зрачок — он растет, раскрывается ночным небом, сквозящим бесконечной пустой глубиной, — я падаю в нее и сжимаюсь от страха. Но ее губы и руки находят меня. «Глупый, глупый...»

(Она будит тебя, стоя над тобой, уже одетая. Ты сразу ощутил всем телом, словно памятливым языком, вкус ее тела — обладатель тайны, столь ценимой знатоками ощущений и охотниками, в чей мир ты вступил, и тем вступил в наследование мира и греха.

— ...Пока отец не застучал. Он знает, что мы не в шахматы играли, но...

— Голова болит.

— Что я должна, назвать тебя «зябликом»? — смотрит на тебя послеобеденными и вместе с тем злыми глазами гурмана, которого не удовлетворило меню. Ты был слишком пьян, измучен, неопытен и неагрессивен, и

если бы не муки твоей стыдливости, ей просто нечего было бы в тебе есть.

Для нее тоже нет тайн. Ей вообще все прозрачно.

В твоей груди пусто, но при этом тяжело. Пустота, чувствуешь ты, тяжелая вещь. Что ж, надо учиться терпеть ее, раз она в порядке вещей.

В коридоре тебе заграждает путь пожилой мужчина с усталым и неприятно зорким лицом.

— Как почивали, милостивый с'дарь?

— Благодарю, но не имею чести...

— Преувеличиваете, мы знакомы — пан Дуст.

Ты смотришь во все глаза — ничего обезьяньего нет в его облике. О, детство — время химер!

Что есть реальность? Она, стало быть, есть то, что подтверждается текущим моментом.

— Простите.

— Вы обрели свой блудный костюм? Моя дочь любит шутить. Впрочем, если бы мужчины не были столь падки на ее шутки, ее шутки не удавались бы.

— Я питаю к ней самые искренние чувства, — говоришь ты, пытаюсь оправдать в себе эти нескладные слова хоть каким-нибудь чувством, и находишь таковое — чувство тайной общности телесных секретов.

— Вот и славно, — он берет тебя под локоть и разворачивает на свою сторону.

Решение уехать, смыться кажется тебе еще исполнимым, но отдаляющимся до неопределенных близких времен, когда будешь вновь невинный и недолжный. Идешь об руку с тем, пред кем виноват и пристыжен, с совладельцем твоей унывшей чести. Ты благодарен ему уж за не-брань, не-укор.

— Я, скажу доверительно, не знаток в половых отношениях, но мыслю так, что главная их притягательность в переживании власти над партнером. Воздействуя на эрогенные зоны, вы овладеваете не только телом партнера — пульсом, движением, дыханием, — но и душой, ее состоянием. Как разумеете?.. Да вы не смущайтесь, познанию нет запретных тем. Мы же отныне, некоторым образом, родня, я — ваш гражданский тесть. Заходите, обсудим дела. Я приму в вас участие.

Ты раскрыл ему бывшие планы. Он разочарован.

— Господин Славиков, вне сомнения, молодец. И знаете, почему? Потому что умеет рассуждать. В бытность свою студентом он занял у соседа рубль. Пришло время отдавать долг, а денег нет. Он обратился к другому соседу, одолжил рубль и вернул первому. Пришел срок возвращать второму — он вновь занял у первого. Так многократно. Чем это кончилось? Он понял, что процесс передачи рубля может осуществляться без него, и сказал им: «Отдавайте друг другу сами». А кони — чепуха. Он протился с конями. Люди интересней. Позвольте, я поделюсь с вами своими планами. Я собираюсь открыть гостиницу, которая будет называться и являться планетой Земля. Для чего? Для того, чтобы жителей превратить в жильцов. Это будет важный шаг в деле формализации человека. Без такого шага человека не удастся коренным образом преобразовать, а это необходимо, чтобы упорядочить жизнь, сделать ее разумной и управляемой. В этом заключена конечная цель прогресса. Так вот, для организации гостиницы «Земля» нет нужды всю землю застраивать буквально, достаточно убедить всех, что их земля и дома им более не принадлежат, но сдаются внаем. Тут надо уметь хорошо рассуждать. Справимся?

Ты сидишь потупившись и сделав размышляющее лицо, как подобает вступившему во взрослый мир, где не ждут, но сами прикидывают... В тебе тоска, но решимости не согласиться нет, ибо в тебе нет ничего достаточно целого и достоверного, на что опереться. И вина заградила бы твои уста. Значит, осталось помыслить рассудком. В этом мире ведется коммерция — монетой словесных аргументов. А что ты рассудком мог возразить? О, если б умел что-нибудь!..

— Да, кстати,— он не настаивает на ответе,— ты, надеюсь, предохранялся во избежание... «залета» моей дочери?

Ты поднял на него испуганные глаза, осознавая «момент непоправимости»... Ты вступил во что-то такое, из чего ноги уже не вытаскиваются. И это тебе навсегда, серьезное и страшное, как лицо перед тобой.

— Да что ты так перепугался! — он отечески похлопал тебя по плечу.— Иначе б некому было продолжать дела отцов! Жизнь продолжается.

Ты почувствовал, что он лжет, но аргументов не было у тебя, кроме слез, запитых коньяком, и тайной надежды когда-нибудь уехать отсюда домой... если не забудешь о доме.

Тетя устала тебя ждать и уж старенькая совсем.)

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Я лежал под деревом, внимая закату. Все замерло — ни ветра, ни пения. Шорох травы, и появились два человека с белыми повязками на лицах. Я их узнал. Я никогда не видел людей, но мне кто-то являлся во сне и учил меня говорить. Я не различал сна и яви, поэтому узнал их и поднялся навстречу.

Двое сказали, что пришли от Жизни дать мне одну вещь. Они достали из мешка картинку. Нравится ли мне это? Я увидел существо, похожее на меня, но прекраснее всего на свете. Оно спало с открытыми глазами, оно белело и мерцало в сумерках, оно глядело сквозь вечность. Я прижал к себе изображение. Они засмеялись. Это Она, сказали. Ее еще нет, но я могу сделать, чтобы она была. Опасное дело, предупредили они. Мне надо будет поделиться своей душой, своей жизнью, и меня станет меньше, я буду ближе к смерти, где никого нет, и всякая радость моя будет смешана с горем. Я буду бродить в обширных краях между Жизнью и смертью и могу заблудиться.

Они дали мне три дня на решение — так началось время — и ушли. Луна, будто оставленный ими фонарь, светила сквозь ночь на картинку. Тишина была столь полной, что звучала как голос, от которого я озяб.

Я вспомнил, как жил прежде. (Время, начавшись, определилось сразу в обе стороны, и у меня появилось прошлое.) Оказывается, я всегда знал в себе Жизнь, она грела меня, она была моей бессловесной мыслью, моей безымянной любовью, я дышал блаженством, и это было мое всеведение, понимание — не умом, а сразу счастьем. И было тогда еще что-то, что я забыл.

Три дня я не расставался с картинкой. Я говорил ей слова — она молчала, не умея проснуться, и во мне началась тоска.

Я гулял по холмам, давая всему имена: птица, небо, ручей, облако... Время шло. Вечером из просторов прилетал ветер, я возвращался к дереву, чья сень стала моим домом, и встречал ночь — предвестие другой, долгой ночи. С неба лился звездный звон, но не мог изукрасить новой, страшной тишины, таящейся за миром. И я опять чувствовал Жизнь — с другой стороны — слезой и ущемлением горла, так пунтик чувствует уют жилья — снаружи. То началась во мне новая, сиротская ко всему любовь.

А во сне я видел сны — похожие на те дни, когда я не знал имен: плоды, камешки, волны... превращались одно в другое. И ее все не было, и я просыпался во тьме.

Двое пришли.

— Ты решился?

— Жизнь! — Она билась во мне, как пойманная птица.— Я не знаю!

— Тот, кто любит, должен поделиться своей душой,— они забрали картинку в мешок.

— Но я могу умереть!— (Они пожали плечами).— Вы пришли от Жизни?— переспросил я, догадавшись, что если есть слова, то бывает правда и бывает ложь. Они переглянулись.— Скажите мне правду!

— Правда—это то, что ты сам себе скажешь.

Я плелся за ними, томясь и скуля, и наконец решился.

— Пусть будет.

Они спешили. Влага блестела на их лбах, повязки шевелились дыханием.

Накопали глины, смочили водой, слепили огромный кокон. У них получалось удивительно скоро. Я дрожал. Пронесся ветер и стих.

— Готово, теперь кровь.

Посмотрели на солнце. Над краем земли от него осталась черточка, будто ногтем продавили сизую кожуру огненного плода.

Тонкой, твердой соломинкой они прокололи кожу моей руки и вытянули оттуда красный сок. Они влили мою кровь в пустое нутро кокона.

— Ложись рядом, обними кокон, грей его и не отрывайся. Если к утру он не станет сухим и теплым, пеняй на себя: тогда неизвестно, что будет. Чем больше ты отдашь своей души, тем красивей и нежней образуется существо. На заре разломай глину, выведи подругу свою и омой в ручье.

Они скрылись. Что такое «отдавать душу»? Я лег, прижавшись. В стенке глухая тишина. Приложил ухо к отверстию — там далекий гул и свист. Ничего живого.

Сырость глины пробиралась в меня, сердце стыло. Я заставлял его терпеть и отдавать тепло и силился воображать красоту существа... Тело онемело, сначала покалываясь множеством иголок, затем как бы исчезнув или превратившись в глину. Мне показалось, что я бросился прочь, побегал в паническом страхе...— нет, я все так же лежал, обнимая покров. Время остановилось. Мир исчез. Я пребывал бесформенной ноющей болью в холодной тьме. Порой мне чудилось, кто-то возникает из темноты и неслышно глядит на меня, но не мог обрести себя и пошевелиться.

Предрабелая бледность. Голос птицы, не знающей, смех ли, плач дребезжит в ее горле, осторожно посылал себя в тишину, и та возвращала его от нечего делать. Долготерпеливыми привидениями в сумерках спали деревья. И послышался звук дыхания — не моего. Из глиняного отверстия излетала струйка тепла. Я улыбнулся коркой губ.

Солнце взошло. Далекое и немое, оно осветило незнакомую мне землю. Я очнулся другим, сквозняком каким-то продуло меня и выдуло, я ощущал в себе кости, вроде конструкции сучьев. Что-то вообще поменялось, я не узнавал..., хотя слова оставались прежние: облако, восход... Все отдалилось и стало чужим — состарилось, осиротело?

Подле моего лица муравьи терзали мохнатую гусеницу. Тело травы кем-то измято, изъедено, словно вокруг шла война за жизнь и ее отнимали одни у других. Как это случилось? Или так было всегда?

Рядом дыхание, почти голос. Я не решался... Глина сама хрустнула, не помню, как я очутился на ногах, склонился в трепете— кокон, шурша и треща, распадался. Там была она, влажная, в глиняных крошках. Она мутно смотрела на меня синими глазами, чей цвет был позаимствован у поблекшего неба. Изумительная — живая! Послушно, в полусне она побрела к ручью, отдав мне руку, нежно-весомую, исполненную свежести существования. Она мерзла от воды, я омывал ее, томясь от жалости и восхищения, и обнимал, чтобы быть вместе. Она никла ко мне.

Может, кто придет подсказать, как нам быть, чем мне занять и развеселить ее? Никого не было. Она жевала прядь золотых волос, верно, хотела есть. Я покормил ее сладкими плодами — блеск удовольствия в ее глазах радовал меня. Скоро я научился понимать ее мысли, как если бы они были моими. То были простые мысли: о том, что она видела, чего хотела. Сверх того ее ничто не беспокоило. Я постоянно говорил с ней, чтобы научить языку, и она так быстро все схватывала, что я считал ее умницей.

Когда она научилась говорить, я перестал понимать ее мысли. Это грустно, но жизнь не любит сдвоенных путей: птицы, научившиеся хорошо бегать, разучились летать.

— Что ты все оглядываешься, прислушиваешься? — спросила она.

— Ищу Жизнь.

— Что?

Я рассказал ей.

— Но если бы я родилась из яйца, я бы умела летать, как птицы, или ползать, как змеи. Я же не умею ни того, ни другого. Значит, ты говоришь неправду. Тебе это приснилось. Мне тоже сегодня приснилось такое!..

Она долго перебирала подробности сна, я грустил.

— И эта твоя Жизнь... Мы видим то, что есть, и есть то, что мы видим, а больше ничего нет.

— Есть.

— Нет.

— Есть.

— Нет.

Она рассердилась и ушла к ручью, чтобы я пришел за ней, но я бесчувственно стоял под деревом. Она зарыдала вдали, и я побежал к ней. Она отбивалась, наконец сдалась и гневную обиду излила мне в плечо.

— Я не хочу, чтобы ты что-то искал и любил, кроме меня.

— Хорошо, хорошо.

— Скажи, что ты меня любишь.

Я сказал.

— Только меня!

Я сказал, и тоска иглой глубоко проникла в мое сердце.

Она умывалась после слез и вдруг воскликнула:

— Какая я красивая, иди посмотри!

— Вижу.

— Вся красивая? — пыталась обозреть себя всю.

— Вся.

— А ты... немного жесток и космат. Но в этом тоже что-то есть...

— Я же был первый, сырец, а ты — мечта.

Вода охватывала ее щиколотки, прозрачно содержала ее ступни, даже видны были пальчики, и поверхностью зыбко отражала стан, округленный с такою плавностью, что во мне что-то вздрогнуло и взор мой заволкло туманом. Она подматривала искоса, уголком оленьего глаза, из-за плеча и волос, чьи ветреные пряди медленно расчесывала.

В тот миг что-то произошло меж нами. Томный сладкий страх и сердцебиение, и какая-то неизъяснимая обида, и желание коснуться... Она стала двигаться и держаться так, чтобы подчеркнуть свою плавность. А я порой прятался, чтобы подглядеть за ней и разгадать в ней некую тайну: для чего она такая и что она с этим делает? — ничего, она ждала меня и напрасно вздрагивала от каждого шороха.

Улучая любую возможность, я дотрагивался до нее и, стыдясь бессмысленности своего жеста, подбирал оправдание: «Вот... песчинка к тебе пристала». — «Где?» — «Вот». Мы странно замолкали. Я старался скрыть от нее свою болезнь — жажду рассматривать и осязать ее... особенно там, где это совсем глупо. Терпел, чтобы не опозорить себя этим упомощательством, и надорвался терпеть, слезы кипящие брызнули из моих глаз.

— Что ты? Что с тобой?! — шептала она, укрыв меня волосами, теплыми грудными вишенками упруго тыкаясь мне в плечо, блуждая пальцами... Я замер, чтобы не отстранилась, чтобы дальше спрашивала... Блаженно ослабел, помутился, более не тая своей болезнью, мучительно упиваясь свободой любить.

Мы иначе узнали друг друга. Долгий опыт обмена телами и обмороков страсти... Теперь я знаю, что воссоединился с отданной частью своей души, почти воссоединился. Это магический акт, ибо совершается через тело и телом же ограничивается, ибо в нем средство, но в нем и предел

близости, оттого и нет удовлетворения, только перерыв в жажде. Жена испытывала что-то большее, потому что не знала Жизни и всю душу отдавала мне и себе.

Мир закрывался, превращенный в огромную спальню. Стал глух и непроницаем. Душа, опаленная плотью, смотрела плотскими глазами, находя лишь тела и пространство.

Ранним утром, когда она спала, я уходил в лес или восходил на холм, с которого была видна мягко освещенная земля, зелено-волнистая, золотисто-багряная. По ней пробегал ветер, как мой взгляд по телу жены. Простор манил возможностью уйти, улететь... и не давал такой возможности, я был заперт в нем. Или Жизнь мне вправду приснилась? Кто я, куда и откуда? Нет ответа. И не будет: животные, растения, камни, облака не умеют отвечать.

Жена полюбила меня. Она придумала мне тысячу имен. Ластилась, соблазняла, ревниво следила за мной. На ее чреслах появился покров: она испугалась, что я стану пресыщен всечасной близостью и навязчивой доступностью ее тела. Любовь она превратила в праздник, о котором я должен мечтать. Я мечтал, и ко мне вернулся стыд. Этот стыд, как я понял, призван был защищать мое достоинство, ибо достоинство в свободе (в свободе искать Жизнь), а страсть пленяет. Стыд есть напряжение границы между достоинством свободы и угрозой плена. Но — как ни странно — он же возбуждал страсть, ибо, сдерживая ее, накапливал ее силу. Так что стыд послужил любви.

Жена взяла манеру отмахиваться от меня жасминовой веткой.

От моей прошлой памяти осталась ниточка тоски — последняя связь неизвестно с чем. Я берег эту связь, поэтому повадился рыбачить. Тут жена не могла возразить — я уходил не зря, а для пропитания. Стоя по колено в воде, я вслушивался в мысли, они были текучи и бессловесны, как струи, однако мысли, а не страсти. Впрочем, нещадно кусались насекомые.

Грнула осень. Природа заболела и умерла. Ветер сорвал с нее ломкие листья. Дико и долго взор и голос блуждали в сквозном лесу. Я строил жилище. Она ходила с животом, догадываясь о причине этого, сосредоточенная, почти оглохшая. Некогда было пожалеть ее: весь мир оказался работой. Дни сменялись все быстрее, срываемые нашим дыханьем. И упал снег. Мы обнялись. Небо крошилось, хороня землю, — неиссякаемо, прощально.

Смерть не пришла забрать нас. Она смешалась со всем, и жизнь продолжалась, голодная, дрожащая. Мы научились есть снег, отыскивать и грабить запасы грызунов, глотать кору. Нам снились еда и тепло. Ночной мороз навевал горячие сны. Мне явилась дымная гора, что стоит на горизонте, — из ее пещеры вытекает светящаяся река, я окунаю руки и хочу от тепла.

Утро обожгло нас холодом. Застывшая даль растворяла взор и выманивала из груди смятенное сердце... Я побежал.

Зверем дышал на снегу, зверем бросался на других зверей ради нескольких спешных кровавых глотков, ужас и жалость оборяя в себе ярость.

Легче и круче любой фантазии взмывала к небу каменная земля. В кривых складках склона блуждали облачные струи, огоньки. Из вершины горы с грохотом витыми клубами выбрасывались тугие тучи. Пахло удушьем. Вздрагивала и гудела под ногами твердь. Я не смел поверить в устройство мира...

Огонь... Где-то в стороне ползущий жар медленно пожирал сухие стебли мха и мертвые кусты.

И вновь покатились во тьму за спиной многие дни, пока я обучался огню и проходил с ним обратный путь.

Я издалека кричал своему дому — он был безмолвен. Отворился — головокружительно пуст. Я увидел ее — взором уже безнадежным и цепляющимся за бред, — она сидела в углу, листьями засыпав ноги, — так ветер горкой наматает их к дереву. Неподвижно смотрела сквозь занавесившие

лицо волосы. Я выронил горящие ветки и упал к ее ногам. Не знаю, воскресли бы мы из оцепенения, если бы не затлели рассыпанные по земле нашего дома листья. Она закашлялась.

— Огонь, смотри! — шептал я, сгребая их в костер.

— Ты никогда не придешь.

— Я здесь! Я принес огонь!

— Сейчас ты исчезнешь.

— Почему?

— Каждый день приходишь и исчезаешь.

— Вот я, на самом деле!

— Каждый день так говоришь.

Но костру нужны были ветки. Она смотрела на пламя, и жизнь оттаивала в ее одичавшем лице. Я уверял ее... Она повернулась ко мне, искаженная мольбой, вся на грани существования, страшась ожить в своей последней вере и мучительно отдаваясь ей.

— От тебя остались одни кости, значит, это ты, — и припала ко мне твердой головой, зарыдав настолько беззвучно, что...

Были дни. День — выдох, ночь — вдох.

— Видишь, какой у меня живот? Я не знаю, когда это кончится, — и дробила виноватым голосом: — Я стала совсем некрасивая.

— Ты красивей всех, красивей Жизни, — произнес я в ее потемневшую ладонь.

Весной произошло рождение ребенка. Страдания жены наполнили меня такой яростью, что, будь я всемогущим, взором бы одним испепелил эту несчастную землю. Родился сын, я назвал его Венец Мук.

Пришло лето, погом зима... Как прежде я отмерял дни, стал отмерять годы.

Мы благоустраивались тут навсегда. Росли и множились наши дети, заботы, дела. Мир так отзывчив: тронешь одно — валится другое..., а там и третье. При этом время дешевело и убыстрялось, все меньше помещая в себе смысла, ибо мы удалялись... Но что было делать?!

Зашелестели века...

Все наши пути приводили нас к нам, и мы устали. Мы говорим все громче, чтобы не сойти с ума, и движемся все быстрее, чтоб не упасть. Нас много, но мы одни, и мы привыкли к ощущению пустоты — к этой зыбкости и уклону... Страх приучил нас бежать, делить и спорить, поэтому, даже любя друг друга, мы причиняли боль. Мы так много друг другу должны, что расплатиться нечем — и лучше простить.

Мы живем возле смерти и зовем это жизнью, не зная иного. Порой вид реки, леса тронет нас неммым воспоминанием — и только.

Прошлой зимой я встретил ее, она стояла с покупками у дверей магазина. На ней была шапка из меха, содранного с какого-то прекрасного зверька, будто только что вылизанного влажным языком матери. Вокруг был ее мир, который я сотворил ей из неизвестно чего, — она привычно смотрела в него, он привычно отражался в ее глазах. И опять безжалостная жалость взяла меня за горло.

Любимая! Мы прошли такой путь в никуда, так страшно говорили «прощай», не умея забыть друг друга, что, может быть, бессмыслица наших страданий уже достигла какого-то смысла и мы прощены?

Кравцов Константин Павлович родился в 1963 году в Салехарде. В 1993 году закончил Литературный институт имени А. М. Горького (творческий семинар Л. И. Ошанина). Участник IX Всесоюзного совещания молодых писателей. Печатался в периодических изданиях и коллективных сборниках. Живет в Москве.

Константин КРАВЦОВ

СИЯНИЕ

И называлась та земля Ямал,
И мы имели мел, и свет не мерк
Окрест земли, и снег не уповал,
И вечный холод власти не имел.

И не имела голоса земля.

Окрест земли водили хоровод,
Как тонущего мачты корабля,
Лучи, заполая небосвод.

И звездами до дна промерзших вод
Кололась ночь и наполнилась тобой.

Окрест тебя безмолвный хоровод
Водили вдовы белою мольбой.

ПОСЕЛОК

Там лайки на завалинках зевали,
Как сфинксы Севера, и плесы выставляли,
Пустым острогом небо не кричало,
Лишь, одинокое, чернело мне с причала
Монашеское платье ученицы,
Что яблоко зеленое кусала.

И моросью потемки изнывали,
А люди теплоход последний ждали,
Как будто им отсюда уплывать,
Как будто до сих пор им на причале
Грызть яблоки и лаек целовать.

ВЕТВИ

Ветви голые — следом саней,
И небес не бывает синей.

День — замерзший светильник ночного дождя —
Бессловесным сияет возмездьем.
Не воскреснут, под лед уходя,
Три знакомых ступеньки подъезда.

С расставанием медлить нельзя.
Ветви, словно по насту полозья,
Солнце вывело. Всюду — стезя.
И одно мне теперь остается:
Словно голая ветвь, осязать небеса.

Вон зима проступает сквозь осень,
Воп за сенью двора у земли на краю
Небо, санное небо по душу мою.

ГРОЗА

Я не скажу ни слова,
Видя, как в дальний лес
Нитями с туч лиловых —
Молний бесшумных блеск.

Здесь не услышать грома:
Здесь как в кино немом,
Есть только слово «гром».

И, уходя из дома,
Я не встревожу дом.

РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ

1

Вот смотрит бабка, сев на бережке,
Как уплывает лодка по реке
От парочки, что скрылась в ивняке:
Не Катька? Не Натаха ли, вражина!

И уплывает лодка по реке,
Где на плоту белья полны корзины,
А утром утонувшего искали:
Икона доплыла до островка,
Где вечерами снег березняка
Белей ростков картофеля в подвале.

И уплывает лодка по реке,
Что вскоре станет жертвою плотины,
И вымрет смех купающихся дев,
И не сложится Книге Голубиной...

Провинция. Сквозная речь дерев.

2

.....

3

Никого на убитой плотиной реке
И заброшенной церкви уж нет в городке,
Где искать и искать мое детство.

Мир от осени на волоске.
До свиданья, Пышма и Христова невеста —
Камышловская церковь!

С тобою я рос,
И, пока не поднял тебя взрыв,
Величаяя узница, шла ты на снос,
Каждый день мой, безмолвница, благословив.

Небеса, словно брошенный кров, холодны...

И кого окликая, в них галки звенят?
Сраму мертвые только не имеют одни,
Значит, все мы мертвы, но земля
Нас не хочет принять?

В мире осень парит,
И себя в ней не выдаст обида,
Как церквушка, что там же над детством стоит,
Не имея ни чести, ни вида.

4

НЕБЛИЖНИЕ МЕСТА

На свете есть неближние места,
Где на зеленом кладбище не встречу
Когтящих небо звезд пятиконечных,
Но светится узорочье креста
Упокоенья тайной подвенечной.

В шесть вечера ко всеошной звонят,
Старушки по тропинке семят,
И, может, сам той звонницы осколок,
Я, разделяя участь буквы ять,
Спасусь молитвой здешних богомолок,
Не чаявших Твой промысел понять.

УСПЕНИЕ

Посреди листопада и неба
В звонкогласой церквушке, как встарь,
Снова служится утром молебен
И купается в солнце алтарь.

И написаным иконостасом
Учит осень в стране деревень
Целомудрию смертного часа,
Что ведет в нескончаемый день.

ОТКРЫВ ГЛАЗА

Росток несовершенный не пресечь —
Освободить внимательностью отчей.
Он шлет Свой свет — неслышимую речь,—
Воссоздавая скраденное ночью.

И столько солнца умещается в окно,
Что вдруг душа — почти отроковица,
И кажется, что плакать и молиться,
И вечно жить — совсем немудрено.

ВСЕ ТО, ЧТО ЛЮБИМ МЫ

Зачем так беззащитно перед нами
Все то, что любим мы? Не любим мы всерьез.
И что мы видим смертными глазами?

Покой в глазах любимой вместо слез —
Сродни пустым церквям, под небесами

Белеющим сестрицами берез.

Так в День Суда решающий вопрос,
Наверно, будет задан — не словами,
А взглядом, скорбью видящим насквозь.

Сын времени всегда находит камень,
И мне ль его поднять не довелось?

Заходит солнце в немощи и сраме,
Но как мы по земле ни колеси,
Как ни умри мы — «Господи спаси»
Твердит нам вслед все преданное нами.

СЛОВО, В ЦАРСТВЕ ТВОЕМ

Что Ты принесу, или что Ты воздам...
Из молитвы св. Макария Великого

Что Тебе я воздам
В моровое столетье?
Что Тебе я воздам?

Льнет мерцающей сетью
Город к небу впотьмах,
Звук последний истает,
И безумия страх
Немоту воспитает.

Может, страх изживем,
Только станем ли светом?
Слово, в Царстве Твоём
Есть ли место поэтам?

* * *

Начавшийся Фаворским восхожденьем
Необозримой осени исход
Венчает лето с дней Преображенья
До дней Успенья, дальше — новый год.

И он наступит для новоначальных
Неявной школы властного Всегда,
Где свет заздравных дней и поминальных
Слился в один и видим без труда.

В огнеподобной дреме бездорожий
Не слышно птиц — нарушить в этот час
Ничто священной праздности не может.
Стоишь и с куолов не сводишь глаз.

И все просторней небу меж ветвями,
Зовущему поверить и идти.
За полный вздох, за листья под ногами,
За всякий дар, что смели обрести,
Чем воздадим? Незнаемое пламя,
Оставь меня в Отеческой горсти!

КРАВЦОВ-ВТОРОЙ

В подборке Константина Кравцова его северные стихи — «снежные гимны» — кажутся естественнее, природнее остальных. Они одновременно изначальны и окончательны, то есть на них не лежит тень обремененного разума — исканий, сомнений, саморефлексий. Но зато внятно слышны экзотические отголоски языческих заговоров, бормотаний, заклинаний — того словесного шаманства, каковое, освободясь от мистически-прикладного смысла, воспринимается теперь как изящный поэтический жест:

**Был я светел как пепел,
пепел,
что летел и летел
с неба.
Я пустое селенье
встретил,
колыбель нашел,
полную снега...**

Прочитанное стихотворение «Помни о снеге» — из предыдущей кравцовской публикации в № 6 «Литературной учебы» за 1989 год. Оно обладает той притягательной тайной, когда о смысле высказанного доподлинно догадаться невозможно. Но проясни его, этот смысл, да убери ритмическое косноязычие («колыбель нашел») — и растворится, растает, подобно снегу, обаяние стиха. Тот случай, когда для того, чтобы «дойти до самой сути», нужно не доходить до нее, сохранить дистанцию, смиренно согласиться с существованием непостижимости. И ведь какой притягательный, мерцающий, зримо-живописный и вместе с тем иррациональный образ: «колыбель, полная снега»!..

В другом месте дохристианский ритуал стойбища еще раз аукнется жестом, полным отчаяния и веры:

небо, санное небо по душу мою.

Обратим внимание: у К. Кравцова многое принимают на себя звуковые переклички, ассонансы и самый явный из повторов — рефрен: «И уплывает лодка по реке...» (трижды).

Повторами-заговорами изобиловала и прежняя публикация. В применении этого магического приема есть искус и соблазн. Ведь рефрен прост. Рефрен запоминается. Рефрен действует, как бубен шамана... В сию сеть попадается и К. Кравцов. Но при педалировании повторов трудно избежать ложной многозначительности — и не утратить доверия к своим словам.

В послесловии к тогдашней кравцовской подборке Равиль Бухараев решил, что молодой поэт идет путем Геннадия Айги, и заметил: «Стихам К. Кравцова не нужны запятые, ибо даже они раскалывают единство его мира, единство, которого мучительно взыскует душа, — и не находит в реальности». Но посмотрим сейчас: запятые, как птицы из Африки, вернулись к гнездовьям синтаксиса. Чего же взыскует душа поэта теперь?

Нас, воспитанных на официозе либо андеграунде, детгизовской либо самиздатской, но равно атеистической словесности, может удивлять или — иногда — пугать одно обстоятельство. Но не учитывать его невозможно: ось мировоззренческих рефлексий русской поэзии сегодня — религия, конкретнее — христианство. Тут ситуация стала напоминать описанный Венедиктом Ерофеевым диалог нашего современника с дорево-

люционным мыслителем: «я... в 3000 слов рассказал ему о том, чего он знать не мог: о Днепрогэсе и Риббентропе, Освенциме и Осоавиахиме, об истреблении инфантов в Екатеринбурге, об упорствующих и обновленцах (тут он попросил подробнее, но подробнее я не знал), о Павлике Морозове и о зарезавшем его кулаке Данилке.

Это его раздавило, он почернел и опустился. И только потом опять заговорил: об искривлении путей человеческих, о своем грехе против человека, но не против Бога и Церкви, о Гефсиманском поте и врожденной вине»*.

Вот и лирический герой К. Кравцова, если взглянуть пристально, — оглашенный либо неофит. И, взыскуя Бога, он по инерции продолжает видеть мир в пестро-ярком дохристианском свете. Как, наверное, видел и Есенин — «хулиган», «скандалист», то есть поганец, язычник, взыскующий смирения и премудрости, но в эпоху деструкции святынь ему оставалось лишь «за Маркса тихо сесть»... И кравцовский «неписанный иконостас» осени (золотое — красное — черное, цвета икон) увиден хотя и живописно точно, но пантеистически. Молитвы осинам, какому-нибудь Гром-Камню, реке — поэтичны, однако далековаты от ортодоксии. При чем такое сознание характерно не только для северянина, еще вчера молившегося ледяным идолам. Как считает Ж. К. Валла и французские «новые правые», языческим является и сам «дух старой Европы», а индоевропейское многобожие суть аналог и прообраз нынешнего социокультурного плюрализма**.

Иное дело — понимание смерти как «нескончаемого дня», что уже вполне в христианском духе. Еще раз пристально поглядим на несколько угловатую строфу из стихотворения «Успение»:

**И неписанным иконостасом
учит осень в стране деревень
целомудрию смертного часа,
что ведет в нескончаемый день.**

«Целомудрие» — точно и уместно, хотя и неожиданно. Но здесь ведь речь не только о смерти, а — в первом, буквалистском прочтении — о зиме, следующей в очередь за «осенью в стране деревень». Не та ли зима, что наполняет колыбель снегами? Колыбель. Успение... Смерть и жизнь, подобно поверхности Мёбиуса, взаимоперетекаемы у К. Кравцова. В общем, не только у него, конечно. Кравцов — сегодняшний, новый, второй для читателя «Литературной учебы» — лишь по-своему сумел это осмыслить, прочувствовать — и передать.

... Что бы ты ни возводил (храм, дом, мастерскую) — есть каноны архитектуры, их не обмануть. И тогда обращает внимание, что, например, в отношении композиционных стихов К. Кравцова довольно невыверенны. Он не освоил известный и в архитектуре, и в поэзии принцип «золотого сечения», поэтому, невзирая даже на невеликий объем, стихи оставляют впечатление затянутости. В той поэтике, к которой приближается автор, неважно смотрится косноязычие («и мы имели мел» — мычание немца или ненца?), невнятица метафор вроде «ручьев сердечные нарывы». Но хочу обратить внимание на вещи менее явные и на первый взгляд вполне благополучные. В стихотворении «Русская провинция» читаем:

**А утром утонувшего искали:
икона доплыла до островка,
где вечерами снег березняка
белей ростков картофеля в подвале.**

* В. Е. Ерофеев. «Василий Розанов глазами эксцентрика» в альманахе «Latera magica», М., «Прометей», 1990.

** См. в кн.: Гаджиев К. С. и др. «Современный консерватизм», М., «Наука», 1992, с. 72.

Остров с растущим на нем березняком описан графически зримо. Но, помимо сравнения вечерних деревьев с бледными стеблями проросшего в подвале картофеля, сюда затесалась метафора «снег березняка». Вроде и неплохая, хотя и не претендующая на новизну. Вопрос в чем: нужна ли она вообще? Снег, ростки картофеля — изобразительный ряд двоится, смазывается. Но К. Кравцов пишет ведь не в стиле барокко, где такая избыточность была бы оправданной.

Церковка, возводимая на месте бывшего капища, — вот что, на мой взгляд, могло бы послужить эмблемой сегодняшних поисков К. Кравцова. Как в храмовой архитектуре многоглавые куполов повторяет расположение кострищ, а золоченая луковица — пламя жертвенника, так у поэта заговоры переходят в молитвы, шаманство — в попытку чудотворства. Что, в общем, неудивительно: ни в культуре вообще, ни в личном опыте художника ничто не возникает из порожнего пространства.

Равиль БУХАРАЕВ

НОВЫЕ СОБЛАЗНЫ?

После странного очарования прежних стихотворений Константина Кравцова, словно несущих на себе розовое свечение салехардской тундры, после таинственного, как шелест поэмки по слюдяному снегу, и первозданного их дыхания мне было трудно привыкать к решетчатому терему его новейших опытов. Его стихи стали соскальзывать в традицию даже не по форме, но по ностальгически-христианской атрибутике, по церковно-славянской символике, которая, на мой взгляд, сама по себе есть данность и не нуждается в стихотворном окладе для того, чтобы просиять...

Могу понять людей, ищущих спасения в старинных книгах, писанных церковно-славянским языком; могу понять надежду, что в старину Закон Господа понимали лучше... Такова причина движения вспять, в истоки православия, но боюсь, что и там не сыщется незамутненный родник, из которого только испил — и уже причастился до конца жизни... История православия не слишком подтверждает такую надежду, да дело и не в этом: жизнь-то дается каждому во испытание в своем времени, а не во времени пращуров — их добродетель не спастись, их деяниями не очиститься... Оборачиваясь назад, не споткнуться бы в своем времени... И все время пытаемся дважды войти в одну и ту же реку...

У верующего одна свобода — творить добрые дела по Закону Божию. То, что противоречит закону, — не свобода, а соблазн, хотя и невыносимо трудно признаться в этом в эпоху нарочитого и наглого беззакония... И верующему отнюдь не тесно в пределах Закона Движения в Свет...

Мне сочувственно понятен и поиск, и искусы Кости Кравцова. Поразмыслив, я прихожу к выводу, что его — уверен, временный — возврат в традиционное стихосложение вполне закономерен. Он уверовал и, как следствие, убоялся написать что-то, относительно чего пока не уверен, от Бога ли оно. Поэтому ныне он ступает по стихотворной стезе, которая ему видна, и не решается отклониться даже в собственные открытия... Это не значит, что стихи его перестали, они даже не стали иными в своем порыве. Он — убоялся мирского соблазна, и стихи его ныне — светловзорые иноки, спасающиеся в стенах монастыря формы... Но он, я думаю, еще придет к заключению, что мирское нужно преодолевать, пребывая в мирском. Залог же богопослушности в поэзии — это не состояние формы и освященной атрибутики, но состояние души, воистину уверовавшей в спасение... Такая душа уже не даст себя обмануть и не испугается отойти

от стены храма, к которой жметесь ныне... И не в пустынном житии — ее спасение, но в движении на Свет, единожды увиденный, ибо Свет приближается к идущему... И тогда на исторгнутый из души возглас-вопрос:

**Слово, в Царстве Твоем
Есть ли место поэтам? —**

ответ обнаружится в Предвечной Религиозной Традиции, и будет этот ответ естественным, как шелест или молчание цветущего дерева... Я не православный человек, и мне ответ этот единожды и навсегда просиял в Священном Коране, ибо сказано Всевышним:

«Поведать ли Мне тебе, на кого нисходят дьяволы? Они нисходят на всякого привычного лжеца и грешного человека. И такие повторяют пустую молву, и большинство из них — лжецы.

И поэты — это заблудившиеся следуют за ними. Не видел ли ты, как они блуждают по каждой долине и как они говорят то, чего не делают?

Кроме тех, которые веруют, и творят добрые дела, и защищаются только после того, как были обижены...» (Сура «Поэты».)

И вчитываясь в новые стихи Константина Кравцова, помнил я строки Руми, как всегда помню их. Все мы — люди, и все преодолеваем соблазн, и жизни наши похожи под Господом и различны перед миром. А Руми сказал вот что:

**Или кажись таким, каков ты есть,
или стань таким, каким кажешься...**

Что же делать, если жизнь каждой души состоит в вечном «изобретении велосипеда»?! Никто нашей жизни не проживет, никто нашего — не напишет. Но избави нас от лукавого.

«В СВЕТЛОМ САДУ ХРИСТИАНСТВА...»

Когда волны сатанинского обольщения, имя которому — большевизм, стали мало-помалу отступать с Русской земли, мы увидели, сколь велики наши потери, но и сколь мы неизреченно богаты.

Среди всеобщего обнищания духовного немногими светлыми огоньками мерцают воистину те благородные души, общение с которыми одно лишь способно спасти и помочь в минуты уныния и упадка духовного.

К таким духовным светочам по праву принадлежит и замечательный поэт Александр Александрович Солодовников (1893—1974).

До сих пор, к сожалению, не издан сборник стихотворений этого русского духовного лирика, нет полной летописи его жизни и творчества. Лишь в последнее время стали появляться его публикации в различных журналах и альманахах.

Сведения о многих периодах жизни поэта разрознены и фрагментарны, не всегда их можно проверить, так как часто они базируются не на точных документах, а на воспоминаниях близких и друзей, память же людская весьма несовершенна и избирательна.

Родился поэт в семье учителя правоведения Александра Дмитриевича Солодовникова, выходца из московской купеческой семьи. Его учебник «Законоведение» выдержал в дореволюционное время пятнадцать переизданий.

Мать — Ольга Романовна Мальмберг, происходила из рода заводчиков Абрикосовых, немало сделавших для русской культуры.

Семья Солодовниковых была разносторонне талантлива. Сестра Анна в начале 20-х годов эмигрировала, стала на Западе известной оперной певицей, солисткой Королевской оперы в Брюсселе. Брат Николай, позже погибший в лагере, был интересным художником и прозаиком. Творческое наследие его по сей день не опубликовано.

Учился поэт в Московской Императорской Академии Коммерческих Наук, в которой преподавал и его отец, получил прекрасное экономическое образование. Академию он закончил в 1912 году с золотой медалью.

Уже в советское время он работал в различных советских учреждениях в качестве экономиста.

В гражданскую успел повоевать у Деникина.

Вскоре по возвращении в Москву был арестован и почти два года провёл в Саратовском центре, там, где позже погиб гениальный Вавилов.

В 30-х годах неоднократно арестовывался, последний арест в 1938 году окончился 10 годами лагеря на Колыме в местечке Сеймчан. В Сеймчане же он после отбытия срока и остался на поселении до своей реабилитации и возвращения в Москву в 1956 году, работая там в детском саду.

В Москву поэт вернулся духовно не сломленным, начал восстанавливать утраченные за эти годы связи. Мало кто остался из друзей прошлых лет: кто умер, кто погиб, кто не вернулся из лагерей, некоторые ушли в эмиграцию. Под каток сталинского террора попали многие его друзья и родственники.

Уже выйдя на пенсию, поэт собрал стихотворения в три машинописных сборника: «Кольцо», «Дорога жизни» и «Слава Богу за все!»

С легкой руки его друга, профессора-химика и оригинального русского

богослова Н. Е. Пестова, эти сборники стали циркулировать в русском христианском самиздате, сделав имя поэта известным в кругах православных русских людей.

К сожалению, увидеть свои стихи напечатанными на Родине, при жизни, Александр Александрович так и не успел.

В 1974 году он скончался, оплакиваемый всеми, кто знал этого замечательного человека, истинного христианина в жизни и поэта христианского вероучения. Погребен он на Ваганьковском кладбище, неподалеку от врат храма Воскресения Словущаго.

В светлом саду христианства возрастает немало диковинных цветов духовных, рожденных истинною и глубокою верою. Среди них сияет и светлый цветок поэзии Александра Солодовникова, которая вся пронизана любовью и благодарностью к Создателю, всецело обращена к Нему.

При всех тяжелых обстоятельствах жизни своей поэт всю жизнь продолжал славить Господа, ибо живит душу вера в спасительную благодать Творца, не оставляющая преданных Ему детей Его.

Не сломленный под жестокими ударами судьбы, продолжал он всю свою жизнь петь Создателю, смиренно принимая и боль, и радость.

**...Но я люблю Тебя, Отповская рука,
Мне наносящая пронзительные раны.
И сердце полнит мне блаженство, не тоска.
Люблю Тебя, люблю,
и в гимнах славить стану.**

Внутренняя потребность в молитве для истинного христианина есть одна из составляющих его Веры. Вера и проявляет себя в молитве, в обращенности души человеческой к Создателю, в следовании заветам Его.

Но молиться можно по-разному.

Человек творческий нередко свою любовь и устремленность ко Творцу проявляет в произведениях духовного искусства: стихах, картинах, музыкальных сочинениях.

В ряду других духовных поэтов творчество Александра Солодовникова занимает совершенно особое, только ему принадлежащее место. Его поэзия не отмечена какой-то изысканной инструментовкой, изощренной рифмой и необычностью формы. Многие поэты в этом смысле выше его на голову. Но здесь это не главное.

Главное у него — Свет. Это поэзия Света, поэзия благодарности к Создателю, поэзия высшей гармонии и совершенства.

В эпоху всеобщего распада, в том числе проявляющегося и в литературе, самым фактом своего существования религиозно-философская лирика Александра Солодовникова уже противостоит этому распаду, дисгармонии мира сего.

Так светит свеча во мраке, и мрак не в силах объять ее, при всей ее кажущейся слабости и незащищенности.

Петь славу Господу своему, петь даже в узах тюремных, принимая все без ропота и гнева, — вот высшее выражение подлинной веры христианской.

А. А. Солодовников в 1912 году после выпуска из Московской Императорской Академии Коммерческих Наук.

Александр СОЛОДОВНИКОВ

ПОЧАЕВ

Тверда Русь —
узе пребуде.
П о с л о в и ц а

1

Мы долго мчались ровными полями,
И купол неба тоже плоским был,
И наглухо затянут облаками.

2

Однообразный путь нас утомил,
Устали все и многие зевали,
И был любой дремотен и бескрыл.

3

Вдруг серые озолотились дали,
Там словно Солнца появился лик,
И сразу все очнулись и привстали.

4

А впереди крутой утес возник,
И на скале, сверкая куполами,
Встал монастырь, прекрасен и велик.

5

И вот уже поспешными шагами
Иду по лестнице, хваля Творца,
Приведшего молиться в лаврском храме.

6

Но лестнице гигантской нет конца,
Все выше, выше подниматься надо,
И слабые колотятся сердца.

7

Едва дыша, вхожу на балюстраду,
Она террасой окружила храм.
Внизу простор необозрим для глаза.

8

Но вся ль мирская жизнь простерта там?

И жизнь свою я будто вижу тоже,
И нет числа ошибкам и грехам.

9

Скорее в храм в ознобе тайной дрожи,
В тот полумрак, в таинственный шатер,
В ту тишину, где Ты нам веешь, Боже!

10

Монахи бледные... Бесстрастный хор...
Здесь отрешенность, простота и вера,
Здесь к морю Вечности прикован взор.

11

И, пораженный силою примера,
Стараясь углубиться сам в себя,
Я опускаюсь ниже в храм-пещеру.

12

О, только здесь я чувствую, скорбя,
Как я наполнен мелкой суетою,
Как помыслы мне душу теребят.

13

Побуду здесь... Под кровлею святою
Не слышно ветра. А со всех сторон
Он буйствует за этою чертою.

14

Но храм стоит высоко. Крепок он.

ДВА ПУТНИКА

**Подобно Царство Небесное
купцу...
Матф. XIII, 45.**

**Где сокровища ваши, там будет
и сердце ваше...
Матф. VI. 21.**

1-й голос. На нашей памяти, как говорят,
Покинул Джон свой родимый штат.
Из Мичигана отправился он
Далеко на Север, на реку Юкон.

2-й голос. Тысячу триста лет назад
Пошел в Египет Палладий брат.
Из Палестины пошел босой
В пески пустыни, в палящий зной.

1-й голос. Отправился Джон в невеселый путь,
Где стынет от лютого холода грудь,

Где нет человека на тысячу миль,
Где белая тишь и снежная пыль.

2-й голос. Пошел Палладий опасным путем,
Арабы грозят там кривым мечом,
Кишат крокодилы в гнилой воде,
Пошел по колючей, соленой земле.

1-й голос. На прииски шел с товарами Джон,
Там можно на виски нажать миллион,
Там каждому прибыль, кто силен и
смел,
Звонкого золота Джон захотел.

2-й голос. Палладий спешил в Фиваиду, в скиты,
За светлую мудростью старцев святых,
Томимый усталостью, зноем сожжен,
Богатства духовного жаждал он.

1-й голос. Когда же Джон совсем изнемог
И сдвинуть не мог от мороженых ног,
То снег остудил его сердца жар,
И ветер засыпал его товар.

2-й голос. Когда же Палладий совсем изнемог
И тихо лег на горячий песок,
То Ангел отрадой повеял над ним
И снес его душу
к старцам
святым.

ПОКАЯНИЕ

Глаза мои, где вы были?
Где было сердце мое?
Осколок далекой были
Вонзил в меня острие.

О, если бы темной страсти
Не отдал я чистоты,
И было бы счастье, счастье,
Со мною была бы Ты.

Но сердце под грудой грозной
Раскаяния и стыда,
И только струею слезной
Растопится эта беда.

.....
А был ведь и я ребенком,
Я мальчиком ясным был,
Смеющимся, нежным, звонким;
И вот закопался в ил.

О, если бы смылись пятна
С моей поникшей души,
Вознесся б я елью статной
В душистой лесной глуши.

Лежу я под грудой грозной
Раскаянья и стыда,
Но жаркой струею слезной
Растопится эта беда.

.....
Непонятые намеки,
Неузнанные значки!
Горите, горите, щеки,
От боли и от тоски!

О, если б воздвигнуть мертвых,
Откинув крышки гробов,
И сколько б было простертых
Живых у ног мертвецов!

Вина перед ними грозно
Совість мою тяготит,
Но Господу все возможно,
Он даже меня простит.

1956—1959

ДЕТИ

Дети, цветы и птицы,
Сердца их не знают гроз,
У них посылал учиться,
О них говорил Христос.

Не забыл Господь среди мудрых
Ни ребенка и ни цветка,
Но в смеющихся детских кудрях
Опочила Его рука.

Цветок на лугу зеленом,
Струящий звон в высоту,
Прекрасней одежд Соломона
Всегда казался Христу.

И верно, не раз ячменный
Для птиц Он крошил кусок,
И птицы семьей блаженной
У Христовых прыгали ног.

Дети, цветы и птицы,
Сердца их не знают гроз,
У них посылал учиться,
О них говорил Христос.

1928

БЕЛАЯ ВЕТКА

Белая веточка яблони,
В чаше небес голубой!
Божье художество явлено
Тихой Твоей красотой.
Тысячи лет было б мало мне

Налюбоваться тобой.
Белая веточка яблони
В чаше небес голубой.

Пчелы в бутонах расправленных
Реют с органной хвалой,
Над бело-розовой яблоней
В чаше небес голубой.
Тайных молитв не ослаблю я.
Молятся вместе со мной
Белые веточки яблони
В чаше небес голубой.

Славься, Художник прославленный,
Славься моею душой,
С белыми ветками яблони
В чаше небес голубой.

28 июня 1960 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРЦЕ АНДРОНИКЕ

Вместе — инок, вор и я
Заперты в вагон.
Нас ведет История
Под крутой уклон.

Едет вор с усмешкою —
Для него везде
Есть навар, не мешкая,
На чужой беде.

Поддевает: «Нытики,
Плясовую жарь!»
И у старца вытянул
Из мешка сухарь.

Инок, бед не меряя,
Забывая боль,
В мировой мистерии
Исполняет роль.

Как при электролизе
Человечий род
К двум различным полюсам,
Разделяясь, идет.

Все под Солнцем сдвинуто,
Спутаны места.
Благо тем, кто с иноком
Держится Христа.

1961

ЛЕТНИЙ ЗАКАТ

По вечерам над ржаными полями
Золотой иконой светит закат.
И тихо, тихо травы стоят.
И нежно, нежно звезды горят

В голубом необъятном прозрачном храме.

Закатный свет охватил и север.
Все шире, шире, шире заря,
Благоухает скошенный клевер,
Могуче вздыхают ржаные поля.

Свет Невечерний! О, Тихий Свете!
Взгляни на молитву Твоей Земли!
На белые звезды — ромашки эти,
На подорожники — там, в пыли.

На колокольчики в сизом тумане,
На бочажок, где горит звезда,
Внемли немолчной земной «Осанне»!
И дай славословить Тебя всегда!

1922—1931

ПАСХАЛЬНЫЕ ДУМЫ

Утреннее утреннюю — глубокую и
вместо мира песнь принесем Владыке.

Из пасхальных песнопений

1

«Христос анэсти ак нэкрон!»*
Весь мир победой озарен.
Зажегся новый день творенья
Зарею ясной Воскресенья,
А старый мир пошел к закату,
Враждой и гордостью объятый.

2

Не думай, что Божье творенье застыло
На том, что мы видим, на том, что мы знаем.
Неистоимая Отчая сила,
Живем мы над зыбким, изменчивым краем.
Человек, как создание, не завершен,
Бессмертной душою он в рост устремлен,
И должен дозреть до положенной меры
Перед вступлением в новую эру.
Несется сегодня торжественный звон:
Ликует и радуется Сион!
Человек сподобляется силой креста —
Войти в благодатное царство Христа.

3

Все движется, как будто неизменно,
По чертежам рассчитанных орбит.
Но с Благовещенья поворот Вселенной
Растет, растет, в Девичьем лоне скрыт,
И как январь таит зародыш лета,
А зной июля — холода зимы,
Так в ночь земную вечный праздник Света

* Христос Воскресе из мертвых (греч.).

Уже предчувствуем, уже предвидим мы.
Взгляни на храм! Ведь он цветок и вестник,
Незаглушимый радостный пророк.
Он нам твердит, что, встав от смертной плесени
Увидим мы божественный чертог.

4

Когда распускаются почки повсюду,
То в каждом саду совершается чудо!
Кто видит премудрость устройства Вселенной
Допустит ли несовершенство Творца?
Кого восхитил человеческий гений,
Тот примет ли скудость людского конца?
Нет! Нет! Нет! Он ищет ответ
Не в дебрях рассудочных странствий,
А в светлом саду христианства.
И чаёт заветного дня Воскресенья
Как продолженья творенья.

СКИТ

В листозвонном, березовом
Соловьином скиту,
В послушании Божиим,
Сирота — я расту.

И на черной, заштопанной,
На одежде моей
Только нежные локоны —
След умчавшихся дней.

Я порою их трогаю
И, о чем-то скорбя,
Жизнь, монашески строгая,
Избираю тебя.

1922

ПУШКИНУ

Кругом глубокое паденье,
В искусстве смерть, в науке — сушь.
Одно на свете есть спасенье —
Касаться благородных душ.

Газетный день — мои вериги,
Трамвайный люд — моя печаль.
Мое блаженство — книги, книги,
Природа, дружба и рояль.

Жить в покосившейся избушке,
Сухой кусок иметь в обед,
Но быть с тобой, мой дивный Пушкин,
Мой ослепительный поэт.

И головой твоей курчавой
Ласкать замороженный взор,

Чтоб забывать наш век лукавый,
Насилье, зависть, ложь, раздор.

1929

В НОВОМ РАЙОНЕ

**Эта теория недостаточно безумна,
чтобы быть верной.**

**Нильс Бор (О теории локальности
Гейзенберга)**

В новом районе средь плоских громад
Старенькой церкви кресты горят.
Перед величием фронта коробок
Крестик на луковке нежен и робок.
Но для меня это как откровенье,
Чудом оставшийся храм Воскресенья,
Как озаренье, как утвержденье
Светлого нашего вероученья.
Ясно и просто
Великий апостол
К мудрости верный указывал путь:
— Чтобы быть мудрым — безумным будь! —
Двадцать столетий минуло с тех пор
И эти слова повторяет Нильс Бор.
Апостол и физик — наука и вера,
А вот у обоих единая мера.

Для мира безумно явленье Креста,
Но в нем наша вера,
любовь
и мечта.

22 ноября 1971

ОСАННА!

В бело-розовых яблонях пчелы гудят,
В лазури мая сияет сад,
Пчелы поют органно —
Осанна!

Кукушка кукует в лесу молодым,
Светел, как новый, наш старый дом,
Все зелено, юно, туманно —
Осанна!

Каштаны белые свечи зажгли,
Куруется нежный туман земли,
Зяблик звенит неустанно —
Осанна!

И все я прощаю жестокой зиме,
Глубокой печали, отчаянью, тьме,
Чтоб Господу петь невозбранно —
Осанна!

1922—1931

Публикация Е. Е. Данилова

Роберт МЭССИ. Николай и Александр. Роман-биография. Перевод с английского.— М.: Интерпракс, 1990.

Всего лишь в два-три года книголюбы-собиратели, интересующиеся темой последнего русского монарха Николая II, имели возможность составить обширную библиотечку новинок. Репринтным воспроизведением зарубежных изданий нам вручены капитальнейшие исследования С.Ольденбурга «Царствование императора Николая II», Л.Тихомирова «Монархическая государственность», Е.Алферьева «Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св.Благочестивейшего Царя-Мученика Николая Великого Страстотерпца», изданы мемуары С.Вигте, А.Вырубовой, В.Коквцова, П.Жильяра и многих других, вышли «Дневники императора Николая II» и т.д.

Поток этой литературы вынес на рифы нашего внимания и роман американского писателя и историка Роберта Мэсси «Николай и Александр». Он создан на широком историческом полотне, он вовлек в себя много новых мемуарных и архивных материалов. Но не в этом его достоинства.

«Попав в гибельную паутину, которой он не смог разорвать, Николай оплатил свои ошибки, погибнув как мученик вместе с женой и пятью детьми. Но Судьба отбирает не все. Прежние мо-

ральные ценности, которыми они жили, как и их христианская вера, за которую их порицали, придали им мужества и достоинства, которые с годами искупили все оставшее в их жизни. Эти человеческие качества вечны, они сохраняются и переживут возвышение и крах любой империи. Именно, судя по ним, можно назвать Николая исключительным человеком. Именно благодаря им, в конце концов, он заслужил наше понимание».

Если было бы не знать авторства, то можно было бы подумать, что цитата принадлежит нашему соотечественнику православного сознания, любовно и ответственно сосредоточившемуся на том, чтобы художественными средствами воссоздать русский национально-религиозный тип, каковым представляется Николай II. Но эту высокую задачу ставит и блестяще выполняет не русский писатель, а американец.

Помимо всего, роман выводит на размышление вообще о задачах национальных литератур. По строгому счету, литература может оправдать свое предназначение только в том случае, если создаст национально-религиозный тип. Наша литература советского периода с этой задачей не справилась не столько потому, что была скудна талантами, не столько потому, что прошла мимо таких героев, как Николай, сколько потому, что в массе своей и поощрением направлением была безнациональна и безрелигиозна.

НАЧАЛО ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ

Светлана СЕМЕНОВА

«ИБО НЫНЕ РОДИЛСЯ СПАСИТЕЛЬ...»

Две первые главы «Евангелия от Матфея» и «Евангелия от Луки» лежат перед нами. Сколько веков уже их читают, переживают, толкуют, расписывают узорами духовного красноречия, вдохновляются на творчество! Нечто великое, непостижимое, взрывающее человеческий эвклидов ум и вместе обнадеживающее явлено нам здесь: Бог Сын, вторая превечная ипостась Святой Троицы, сходит в наш земной мир, Бесконечное и Невместимое вмещается в ограниченную плоть, в конкретное историческое время, соединив в Себе нераздельно и неслиянно Божественную и человеческую природы. Эти главы стягивают в себе и тысячелетия, подготовившие явление Спасителя (Его родословие), и три десятка лет Его земного существования от Рождества до выхода на служение, главы — бездонные в своей умной и строгой глубине... Рядом и позднее устное предание, легенды, апокрифические евангелия, экзегетика святых отцов, молитвенное, богослужебное творчество, иконопись — все по-своему, то, может быть, слегка наивно и фантастически, то духовно озаренно и поэтически, открыв внутреннее зрение вещам божественным — пойдут навстречу жгучей общей потребности не только изъяснить богословские тонкости, но детально и красочно вообразить последовательность и связь священных событий, психологически раскрыть характеры, душевные движения и реакции евангельских персонажей.

ВВЕРХ ПО ЛЕСТВИЦЕ РОЖДЕНИЙ. БЛАГОВЕСТИИ ЗАХАРИИ

Восхваляем ныне Господню Предтечу, его же священнику
Елисавет роди из ложесн неплодных, но не без семени.
Канон св. Иоанну Предтече

Итак, Рождение, то, с чего все начинается и держится в мире, тот единственный путь, каким всякая тварь входит в жизнь, обеспечивая ее премство и дление — и тут же в сакральном пространстве этих двух глав мы

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ

С этого номера журнал начинает печатать подборки материалов на евангельскую тему — своеобразную евангельскую публицистику. Мы надеемся охватить всю историю земной жизни Христа. Спасителя мира — от Рождества до Голгофы и Воскресения. Мы будем вчитываться и вдумываться в евангельские строки, пытаться проникнуть в их сокровенный смысл, распознать то, что доступно разуму, чувству и — насколько хватит сил — благоговейному духовному созерцанию.

Перед нами пройдут евангельские персонажи — от учеников и друзей Иисуса до его преследователей и врагов. Мы постараемся приблизиться к историческим реалиям Палестины того времени, воссоздать образы царей и вельмож, книжников и фарисеев, воинов и мытарей. Собранные

как будто восходим по некоей качественной лестнице рождений. Первые стихи «Евангелия от Матфея» проводят нас по последовательному ряду из сорока двух родов, колен естественного природного рождения — от мужского семени, павшего в женское лоно, — начиная с Авраама, что родил Исаака, до Иакова, родившего Иосифа. В первой же главе «Евангелия от Луки» повествуется о рождении другого уровня и порядка: происходит зачатие и вынашивание плода, и разрешение от бремени на такой жизненной стадии родителей, когда они по естеству к этому уже не способны, когда женская утроба, лишенная соков плодородной силы, высохшая и сморщенная, глядящая в близкий уже конец, в разложение и расщепление, — вдруг чудесно дает побег новой жизни. Тут же — как, впрочем, и в Ветхом Завете в случае с Авраамом и Саррой — чтобы усугубить природную невозможность рождения, женское лоно запечатывается как бы вдвойне, поистине фатально: речь идет не только о престарелой женщине, но о такой, что была бесплодна и в молодости своей. Но есть нечто выше всякого Рока — воля Божия, предназначающая избранных Ею чад для исполнения Своих начертаний. Предтеча Господень Иоанн Креститель рождается от земных отца и матери, праведных и беспорочных, от священника Захария и Елисаветы, но само его зачатие отмечено сверхъестественным качеством, осуществляется через ангельское благовествование. Так, из природно-профанического порядка рождений выделяется особое дитя, дитя небесного благословения, Провидения Господня, одно из избранных орудий осуществления Божьей воли в ключевых моментах Ес домостроительства. Я бы назвала такое рождение хотя и сверхъестественным, но, так сказать, первой ступени, ибо происходит оно все же от мужчины и женщины, живших в брачном сопряжении. Под определенным углом зрения это случай чудесной регенерации детородной способности; да, такое обычно невозможно в полярном векторе природной жизни, необоримо стремящей свои существа к умалению, упадку, концу, но как редчайшее или уникальное омоложение и возрождение все же представимо для земного разума, знающего подобные эффекты в неких малых, конечно, не столь радикальных дозах.

вместе, наши подборки станут своеобразной евангельской энциклопедией, историческим и богословским комментарием, философским и культурологическим откликом на Евангелие. Публицистическая форма наших материалов позволит соотнести евангельские истины с современной жизнью, увидеть вокруг нас — и в нас самих — многих из евангельских персонажей.

В чем смысл подобного начинания? Не будет преувеличением сказать, что древняя и классическая русская литература жила Евангелием — достаточно вспомнить древнерусские летописи, воинские повести и жития, вспомнить Тургенева, Толстого, Достоевского, Шмелева; нам же, утратившим живое чувство сопричастности Евангелию, предстоит заново пережить его. Без этого наша литература вряд ли вернет себе роль духовной наставницы общества и поднимется до подлинных художественных высот. Слишком тверда застарелая, засохшая корка, наслонившаяся на творческое сознание — без Евангелия, «без помощи Божией» ей не отпасть. Поэтому мы приглашаем участвовать в нашем начинании писателей, публицистов, философов, историков, богословов — наша книга (пусть это действительно будет книга внутри журнала) открыта для всех, кому дорого евангельское слово.

Сегодня публикуются материалы по первому кругу евангельских событий: предсказание Ангела о рождении Иоанна Предтечи, Благовестие Марии, встреча Марии с Елизаветой, рождение Иоанна, Мария и Иосиф, Рождество Иисуса, поклонение пастухов и волхвов, бегство в Египет, возвращение в Назарет, детство Иисуса, эпизод в Иерусалимском Храме.

Леонид БЕЖИН

Прежде всего у Луки нам предстает редкостно подробно для канонических евангелий описанная сцена явления Захарии архангела Гавриила. Это обилие многочисленных символических деталей здесь необходимо как прообраз* будущего благовещения деве Марии. Захария достается кадить в храме «по жребию, как обыкновенно было у священников» — то, что по человеческому разумению может казаться случайным, то по Божественному — действие Провидения. Множество народа молится вне храма, Захария внутри один, никто и ничто его не отвлекает, он весь сосредоточен на торжественном, возвышенном моменте каждения, и вот внутренность храма обволакивается благовонным фимиамом, предназначенным воззвать Божественное присутствие. Причем через священные ароматы божественное проникает в человека на уровне особенно чувственно-телесном, пронзая его существо, можно сказать, наиболее «физиологично». (Вспомни гегелевскую классификацию органов чувств, по которой «теоретическими», дистанционными считаются два: зрение и слух, в то время как обоняние, наряду со вкусом и осязанием, осуществляет свою работу только через непосредственный, чувственный контакт с раздражителем.)

«Одесную жертвенника кадильного возвешен был Иоанн вестником Господа одесную сидящего» — так в своем «Толковании на Четвероангелие» св. Ефрем Сирийский выделил этот значащий параллелизм «правой стороны»: и здесь, на земле, в храме, доме Божиим, и на небе, в высшем Божественном Совете, чем подчеркнул и особое достоинство Вестника таин горних Гавриила, который хоть и обозначается традиционно как архангел, а значит член низшей ангельской иерархии (начала, архангелы, ангелы-хранители), но по церковному представлению принадлежит к наивысшему ангельскому ярусу Серафимов**, непосредственно предстоящих Пресвятой Троице. Объявляя Захарии весть о рождении сына, архангел Гавриил первым делом называет его имя (так же будет сразу названо имя Иисус и деве Марии, а позднее уже и Иосифу), т. е. тут же обозначив сущность и смысл его явления, раскрыв его миссию: предвудеомительную, «предъидет» пред Господом для обращения к Нему «многих из сынов Израилевых» на радость и веселие и отцу, и народам, настоящим и будущим. Онтологическое понимание сущности имени восходит к началу начал истории творения: недаром Адам нарек именами всякую «душу живую» еще в Эдеме, и эта первая его, воистину духовная операция, возложенная на него Богом, стала определением бытийственной предназначенности всякой твари, ее особого места и призвания в поднебесной.

Малейшая деталь евангельского текста никогда не случайна или орнаментально-описательна, она нагружена смыслами, уходящими вглубь за букву, за первые слои значений. Само возвешение о рождении Предтечи именно в тот час, когда служение в храме уже оканчивалось (момент каждения), толкуется св. Ефремом Сирийским как указание на «предел прежнего священства и служения». Захария, не поверивший сразу в реченное Ангелом, наказывается, как известно, немотой. Тот же св. Ефрем Сирийский в тончайшем изъяснении этого места так смягчает вину праведного свя-

* Принцип прообразования является господствующим в толковании смысла Священного Писания св. отцами: Ветхий Завет рассматривается как пророческое предизображение Нового Завета, а Новый Завет проецируется на будущее самого рода людского, усыновленного Богом, вставшего на пути Божии. Собственно, этот же принцип проводил прежде всего сам Иисус Христос, а из апостолов особенно глубоко — ап. Павел.

** Гавриил считается вторым из семи Серафимов. Само название этих Ангелов (по др.-евр. «пламенеющие», «воспламеняющие») запечатлело их основную добродетель: пламенеть высочайшим градусом любви к Богу, воспламеняя тем же чувством восторга, благоговения и поклонения по отношению к Творцу все духи и твари. Кстати, подробное описание горнего мира, роспись всех ангельских чинов дается в сочинении «О небесной иерархии» (V—VI вв.), автор которой традиционно скрывается под знаменитым христианским именем Дионисия Ареопагита, св. отца I в., рукоположенного в первые епископы Афин еще ап. Павлом.

шенника: само его сомнение в возможности рождения сына в столь преклонных годах (ведь знал же он подобные случаи из Ветхого Завета) не исходило из глубин сердца, а сорвалось с уст Захарии, уstraшенного и смущенного блеском горного Посетителя, оттого-то «посредством уст наказал его Ангел. Ибо если бы сердцем усумнился, в сердце его и наказал бы»*. Богоизбранная же жена Елисавета, обнаружив случившееся с ней, радостно отдалась внезапной милости Господней, в тиши и сокрытости лелея возрastавшее в ней чудесное дитя.

«РАДУЙСЯ, БЛАГОДАТНАЯ!»

Сила Вышняя осени тогда к зачатию Брако-
неискусную.
Акафист Пресв. Богородице

В «Евангелии от Луки» следующее великое благовещение — деве Марии прямо связывается с первым — Захарии: само явление Архангела Гавриила Деве отсчитывается от срока зачатия и вынашивания Елисаветы: «В шестой месяц...», т. е. когда будущий Иоанн Предтеча уже оформился в основных младенческих предродовых чертах в чреве своей матери. Но в случае с Марией мы вступаем на третью, еще не виданную миром ступень в означенной выше лестнице рождений. Прежде всего это чудесное рождение впервые благовестуется не старцу и старице или зрелой, искусомужней жене (Рахиль, Быт. 30, 22—24, Анна, I Царств. I, 17—20), как это было до того, а юной Деве (по преданию, шестнадцатилетней), чистойшей и непорочной. Бог предназначен был войти в мир, вочеловечиться через прекраснейшее и достойнейшее создание Земли, выпестованное из долгого ряда поколений, ее лучший, благоуханнейший цветок. По преданию, отразившемуся в «Книге о Рождестве Блаженной Марии и Спасителя» (так называемому «Первоевангелию Иакова»**, приписываемому св. Иакову, сыну Иосифа от первого брака), сама Дева Мария была ребенком чуда, произошла от благочестивых, но также престарелых и неплодных Иоакима и Анны, с раннего детства была приурочена Богу, с трех лет воспитывалась в храме, где пищу получала из рук ангелов, так что и сама Ее плоть питалась и возрastала из очищенной субстанции, не на нашей греховной, «групной» пище, несущей в себе токсины убиенной для того жизни. На Благовещении Церковь поет об утробе девичей, «предочищенной Духом Святым»***. Дева Мария дает обет девства на всю жизнь****. Какой это было неслыханной новостью, вызовом обычаям, основным ценностям израильтян сейчас представить трудно, в христианскую эру мы привыкли к сонму девственниц, невест Христовых. А тогда? В сокровенной религиозной глубине своего бытия народ живет напряженным

* Творения Св. Отца нашего Ефрема Сирина, ч. 8, Серг. Посад, 1914, с. 25.

** Это древнейшее сочинение II в. относят к «благочестивым апокрифам». Цена в них следы древнего церковного предания, плоды искреннего религиозного чувства, Церковь разрешала их к домашнему чтению. Богатый материал для себя из таких апокрифов черпали церковные писатели, авторы богослужебных песнопений, иконописцы и художники. «Первоевангелие Иакова» послужило основанием для таких Богородичных праздников, как Рождество Богородицы, Введение Ее во храм.

*** Зачатие девы Марии описывается в «Первоевангелии Иакова» в чертах, близких к зачатию Иоанна Предтечи. Православная Церковь, воспевая его как «преславное и святое», «сокровенное таинство», все же ни в коем случае не считает его «непорочным» (как то постановила католическая церковь в 1854 году, придя к радикальному отрицанию «семенного» зачатия, брачного сожителства отца и матери девы Марии). Одного только Христа православие признает вошедшим в мир совершенно новым, невиданным еще образом непорочного зачатия и рождения.

**** Сознательных девственниц Ветхий Завет вообще не знает. Лишь нескольких мужей: Авеля, в юности погибшего от руки брата, и четырех пророков (Илию, Елисея, Иеремию и Даниила) — св. отцы считают непознавшими жены.

ожиданием Мессии, который должен когда-то родиться в его среде, ничто так не благословенно, свято, близко к Богу, как чадородие, пестование потомства, никто так не презрен, как женщина с неплодной утробой, и скольким стенам таких несчастных, раздавленных самым тяжким и позорным божьим наказанием, несется со страниц Ветхого Завета! И вдруг — такой резкий сбой, такой поворот вектора от земного «плодитесь и размножайтесь!» к небесному «образу ангельскому», «указанию будущего века» (чем и является девство, по рассуждению св. Афанасия Великого). Священники иудейского храма — в замешательстве: раз дан обет Богу — это свято, но какой странный, в известном смысле «кошунственный» обет; в храме Ее уже держать нельзя — выросла! — а замуж тоже — обет! И только ангельское вмешательство открывает тупик: четырнадцатилетняя дева отдается в дом благочестивого вдовца, древодела Иосифа восьмидесяти лет, избранного особым испытанием, для окружающих — как жена, а на деле — на хранение Ее девственности. Это тайное обручение оправдывается св. отцами двумя провиденциальными причинами: во-первых, укрыть до времени от сатанинских сил, от «князя века сего» осуществление события, уже прореченного Исаией, о рождении Спасителя от Девы, и, во-вторых, избавить Ее от неизбежного смущения иудеев, а то и предписанного законом побивания Ее камнями, если бы она родила без богоприличного покровра брака, пусть и мнимого.

Два года прожила Мария в доме Иосифа, проводя время в уединении, молитве, чтении священных книг и рукоделии, пестуя внутреннее пространство своей души нежной кротостью, сосредоточенно-молитвенной обращенностью к Богу, особой покорностью Его воле. Сама того не зная, Она готовила из себя Сосуд, достойный единственного в веках и зонах Божественного вселения. И вот этот величайший момент земной и вселенской истории-мистерии настал. К Деве входит Ангел со словами: «Радуйся, Благодатная!..» и благовествует Ей зачатие и рождение через Нее Иисуса, Сына Всевышнего, Царствия Которого «не будет конца» (Лк. 1, 33). Евангелист Лука считает необходимым привести первую реакцию Девы на столь ошеломляюще-необычное, превосходящее всякую земную меру и даже святой прецедент дарование Ей свыше. «Как будет это, когда Я мужа не знаю?» Дева не просто тут же простирается ниц пред реченной ей Ангелом волей Божией, Она хочет знать, как, каким образом такое бессеменное зачатие с Ней, девственницей, может случиться. Это не неверие, а, если хотите, высшая вера, вера зрячая, желающая знать и понимать, Ее недоуменно-дерзостный глагол «Как будет это?» обличает Ее как существо не только чистейшее, но и ответственное, умеющее поставить Себя свободно, лицом к лицу к Богу, к Его воле. И Ангел на это не гневается, не наказывает Ее как Захарию, а тут же объясняет: «Дух Святыи найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое* наречется Сыном Божиим» (Лк. 1, 35). Можно ли проникнуть в прикровенную глубину этого божественного, таинственного процесса? Дух Святой сходит на Деву, и в этот момент «сила Всевышнего» осеняет Ее. Св. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» понимает сошествие Духа как своего рода приуготовительное очищающее действие, направленное на естество Марии**, «дарующее Ей

* Славянский и русский перевод Евангелия опускает здесь следующие слова: «от Тебя» («рождаемое от Тебя»), которые есть во многих греческих списках, а также в переводах на европейские языки.

** Как мы уже знаем, по церковному учению, дева Мария была «предочищена Духом Святым» со времени своего пребывания в храме, но только в Благовещение она получила такое полное благодатное освящение всего своего существа от Святого Духа, которое уничтожило всякий след греха в Ее зачатии, чревоношении и разрешении от бремени. Так снимается тот вопрос, который неизбежно встал перед церковным сознанием: как Богородица могла быть изъята из первородного греха еще до Христова жертвенного искупления мира.

силу для принятия божества Слова, а вместе и для рождения Его)*. Надо сказать, что в центральном глаголе, избранном для обозначения таинственного зачатия, — «осенять» на нынешнее ухо несколько стерлось основное его значение — «покрывать тенью»; в своем торжественном употреблении это слово несколько метафоризировалось, означая прежде всего подачу некоей милости и благодати. Если же мы возьмем греческий оригинал «episkíasei soi», а также перевод на основные европейские языки («wird dich überschatten» (нем.), «shall overshadow tree» (англ.), «te souvrir de son ombre» (франц.), то всюду столкнемся с одним: «Сила (мощь) Божья *покроет* Тебя *тенью*». Казалось бы, что это за «тьень», когда Бог для нас всегда связан со Светом и Сиянием. Но дело в том, что «*тьень*» — «*сень*» в своей глубинной этимологии связана с «*сиять*», иначе говоря, со светом, сень — отражение света. Здесь «сила Всевышнего», творческая, зачинающая сила Бога потому «покрывает тенью», что она предстает не в Своей трансцендентной сущности, а в своей энергии, *отраженной в мир*, в направленном нисхождении в него. (Кстати, возможно, точнее всего для понимания сюда приложимо учение св. Григория Паламы о Божественных энергиях.)

После этих слов, полных непостижимой тайны, к которой еще приближаться и приближаться на тысячелетия и века вперед самым просветленным и изощренным богословским умам, Ангел обращается к чуду, уже случившемуся рядом, с другой женщиной, родственницей Марии Елисаветой («и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц; Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово»). И это становится для Девы последним, убедительным доводом — какой-то умильный след женской психологии: дайте земной сестре Марии если не пощупать, то нечто конкретное, деталь, «шестой месяц». «Тогда Мария сказала: се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. I, 38). Это «да» со стороны Девы, Ее добровольный выбор, Ее свободное согласие быть избранным орудием и сосудом Божьего замысла о мире и человеке — важнейший, необходимый момент Благовещения, без него вочеловечивание Христа было бы невозможно. Православная иконопись Благовещения — одна из самых удивительных по глубине наглядного раскрытия этого События. Именно тогда, в момент вольного склонения Девы перед волей Божьей, и происходит самый момент сверхъестественного непорочного зачатия; буквально об этом Евангелие умалчивает, а икона проявляет: в этот миг на Нее и сходит Луч с голубем или, как в «Устюжском Благовещении» Новгородской школы (конец XII — начало XIII в.), в Ее груди высвечивается образ ребенка Иисуса, который проецируется лучем силы Божией с небес, от Вседержителя, окруженного ангельскими силами. Именно этот редкий извод иконы Благовещения как бы иллюстрирует то зрелище некоторых св. отцов, которое выразил и св. Иоанн Дамаскин: в процессе воплощения «внешний вид» Божественного младенца создавался не понемногу, «через прибавления, но так, что он был окончен в один момент»**, хотя этому Божественному зародышевому образу и предстояло в

* Некоторые отцы Церкви (св. Афанасий Александрийский, св. Григорий Нисский) в «силе Всевышнего» усматривали второе Лицо Пресв. Троицы, Сына Божия, в то время как другие (в частн. Тертуллиан) под Всевышним понимали Самого Бога Отца и Сына Божия — таким образом Пресв. Троица в полноте Своих ипостасей участвует в акте зачатия Богочеловека.

** Точное изложение православной веры. Творение Св. Иоанна Дамаскина. СПб, 1894, с. 122.

«утробе божественного воплощения», как поет Акафист Пресвятой Богородице, через Ее ткани и кровь «выткаться» окончательно в должный девятидесятилетний срок. И веретено, и пряжа в руке Девы Марии, чаще всего представляемые на иконе Благовещения*, и являются прообразовательным символом сокровенного «ткания» Божественного тела в Ее пречистом лоне.

Так, на этой третьей ступени лестницы рождений происходит невиданное доселе зачатие не «через семя, но творческим образом, чрез Св. Духа» (св. Иоанн Дамаскин), по мысли св. отцов, прообраз и «начаток» и для человека, призванного к обожению. Как потрясает и заставляет ликовать христианское гимническое сознание, устремленное к Царствию Небесному, иному, не-природному, бессмертному, преображенному порядку бытия, нечто прямо противоположное ветхозаветному культу семени, чадопродия, земной потомственной чреды: «Невеста Невенчанная», «Брако-неискусная», «Чертог бессеменного увещания», «бессеменная утроба» — в этих преестественных чертах «ангельское житие являющая» миру!

Что же первым делом совершает Дева Мария, уже заключив в своем лоне семя Божественного логоса? Она тут же «с поспешностью» направляется «в нагорную страну, в город Иудин» к Елисавете, своей старшей сестре по небесному благоволению. Но то, что ранг этого благоволения несоизмерим по своей высоте, тут же обнаружил тот, кто в утробе Елисаветы уже готовился родиться будущим «другом Жениха», Предтечей Его земных путей: при виде Марии «вызрыгнул младенец во чреве» Елисаветы, и она тут же «исполнилась Святого Духа», пронзенная пониманием того, *Кто* перед ней и *Кем* тяжело ее благословенное лоно. И вот и от своего утробного младенца, и от себя, и первая в роде людском она вдохновенно приветствует «Матерь Господа» своего. Торжественность иконного момента кульминирует в том пророческом возвещении Девы Марии миру о Себе («ибо отныне будут ублажать Меня все роды»), которое пока слышат только двое, но через век-другой — как первая Песнь христианской эры — оно звучит еженедельно для всех языковых и разновременных поколений, объединенных сводом одной Вселенской Церкви: «Величит душа Моя Господа...» Здесь Мария ведет речь как бы не о себе лично и не от себя, кроткой и богобоязненной девы из Назарета; вознесенная на духовидческую высоту, в одном сжатом мгновении Она прозирает времена и пространства, события и судьбы прошлого и будущего, смысл борений богоизбранного народа, величие совершающегося с Ней сейчас... И завершается I глава «Евангелия от Луки», глава великих благовестий, рождением Иоанна, разрешением от немоты его отца Захарии и вторым, после девы Марии, его исполнением Святого духа, благодарением за то, что день посещения Господня настает, и мир входит в новую эру человеческой и вселенской истории, в которой его сыну уготована уникальная роль приуготовительного служения Тому, Кто грядет во спасение и прощение грехов Его народа.

* По «Первоевангелию Иакова», деве Марии досталось по жребию ткать самую драгоценную ткань, настоящую багряницу (пурпур) для новой завесы перед Святым святым (ковчегом завета) Иерусалимского храма. В этом апокрифе Благовещение растянуто как бы на две стадии: вначале у колодца лишь голос Ангела возвещает Ей благоговение пред Господом, а затем чуть погодя уже в доме благовещивает ей рождение Сына от Бога. По преданию, Мария перед явлением Ангела читала стих из пророка Исаии (7, 14), пророчествующий о Ней Самой: «се, Дева во чреве примет, и родит сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (по др.-евр. значит: *с нами Бог*, что позднее изъяснялось св. отцами как первое указание на соединение в Спасителе Божественной и человеческой природ). Если сравнить эти две различные детали на иконах или картинах, посвященных Благовещению: книга Священного писания или пряжа, то первая имеет более учительльно-дидактический оттенок, более «риторична», в то время как образ пряжи вносит глубокий, таинственный символизм. Сам красный цвет пурпура предвизображает будущее «прядение» плоти Иисуса из крови Девы.

ИОСИФ И МАРИЯ

Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого.

Иосиф же, муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее (Мф. I, 18, 19).

В том психологическом раскрытии скупых евангельских глаголов, которое мы находим в апокрифах, у отцов Церкви, христианских писателей особое место занял благочестивый старец, обручник Иосиф, внезапно обнаруживший, что отданная ему на сохранение Дева оказалась непраздной. Этот евангельский момент особенно зацепил сочувствие и воображение (кому из земных мужей не понять состояния Иосифа!), вызвал целые сюжетные разработки и многие размышления. «Книга о Рождестве Блаженной Марии и Спасителя» («Первоевангелие Иакова») и ее вариант, получивший название «Псевдоевангелие Матфея», описывает, как Иосиф вернулся домой из Капернаума после долгого отсутствия на плотничьих работах и обнаружил юную Марию, пред чистой которой он так благоговел... на шестом (по другому варианту — на девятом) месяце беременности. Испытание для добродетельного и богобоязненного старца было сокрушительным: в первом приступе «великого отчаяния» он бьет себя по лицу, падает на землю, горько плачет в ощущении нестерпимого стыда и позора — «лучше умереть», исторгает горькие стонания: *как!.. кто?..* Не похоже ли это на историю с Адамом, когда змий в его отсутствие соблазнил жену?.. и страха перед Богом, что не соблудит Девы, и сомнения в ее целомудрии, и упреки Ей, и даже подозрение (во втором апокрифе), не представился ли какой мерзавец «ангелом Господним с целью обмануть Ее»*. Мария же только уверяет несчастного Иосифа, что Она непорочна и откуда плод в Ее чреве, Она не знает. Это Ее умолчание о действительно случившемся с Ней вызвало немало голкований у св. отцов. Главное объяснение: даже под страхом наказания (а оно было у иудеев суровым, вплоть до суда и смерти виновной в прелюбодеянии) Дева не считала возможным открыть и глубоко почитаемому сгражу Ее чистоты тайны Благовещения, тайны Божией без Господнего на то соизволения и в глубине души надеялась на благой Божественный исход. И он не замедлил явиться. Но до того сам Иосиф нашел для себя решение. По закону Моисееву существовало точное правило: обличить неверную! Тем не менее Иосиф обличать не стал, но и покрывать грех тоже, а выбрал — тайно отпустить Марию. В нескольких словах евангелист Матфей дает сильнейшее свидетельство характера Иосифа, начатка в нем нравственности, перерастающей ветхозаветную: *не суди!* Явись к нему Ангел немедленно, не оставив ему пусть небольшой и недолгой, но кромки свободы, какой тогда выбор, как узнать цену человеку, если над ним до-

* Если уж даже благочестивый Иосиф мог усумниться в деве Марии, имея, по тому же апокрифу, сколько проявлений исключительности Ее Богопреданного пути: «Зачем осквернила свою душу, ты, которая выросла в Святая святых и пищу принимала от ангела?», то что говорить о будущих ярых врагах христиан, особенно ортодоксальных иудеях, пытавшихся особенно злобно опорочить деву Марию, подсечь, так сказать, в самом корне новую религию Божественного воплощения. Известный античный противник христианства, выразитель духа эллинского хитроумия, Цельс высмеивал христианство как полную нелепость и как нелепость из нелепостей ее краеугольные догматы: непорочное зачатие и воскресение из мертвых (отрывки из его сочинений сохранились в обширных цитатах из полемического труда Оригена «Против Цельса»). В своем «Правдивом слове» Цельс со злорадством приводит измышления иудеев о своей соплеменнице: она была пряхой (малоуважаемое женское занятие, на тогдашний античный взгляд), согрешила с римским солдатом Пантерой (в Талмуде — Пандирой), от него и родила незаконного сына, который стал выдавать себя за сына Божьего.

влеет только Божественная необходимость? Именно тут в поле сомнения и незнания, в поле свободы выбора испытывается характер и нрав Иосифа. Ангел же возвестил ему во сне тайну Божественного Провидения, действующего через Его жену по обручению и, значит, и через него самого, лишь после того, как он с честью выдержал испытание, нашел лучший, можно сказать, уже *христианский* выход для такого положения (своего рода прообраз будущего отказа Иисуса бросить камень в заблудшую женщину).

В отличие от канонического евангелия апокриф не останавливается на разъяснении Ангела: да, сам Иосиф уже уверился, он кается перед Марией: «Я согрешил, ибо у меня было позорение против Тебя», но мир окружающий еще нет, и по доносу книжника Анны, первосвященник проводит в храме над Иосифом и Марией еще одно особое испытание «горькой водой, наводящей проклятие» (Числа, 5, 19, где и был описан этот обряд обличения неверной жены), из которого оба выходят полностью оправданными. А вот какими сильными глаголами Акафист Пресвятой Богородице (кондак 4) в один стих вмещает всю амплитуду испытания чувств Иосифа: «Бурю внутри имея помышлений сумнительных, целомудренный Иосиф смятется, к Тебе зря небрачной, и бракоокрадованную помышляя, Непорочная; уведев же Твое зачатие от Духа Свята, рече: Аллилуиа». И на иконах Рождества, где удивительно собраны рядом в едином священном пространстве различные версии и лица этого великого события — из обоих Евангелий, от Матфея и Луки, из предания и апокрифов — всегда в уголку есть место глубоко задумавшемуся Иосифу, которого, как полагают, смущает дух богопротивного сомнения (враг рода человеческого) в виде некоего пронзительно-въедливого старца в звериной шкуре. Этот момент сомнения предшествует, как мы знаем, рождению Божественного младенца и благополучно проходит Иосифом, но иконописное сознание считает необходимым зафиксировать этот психологический, «слишком человеческий» мотив и навечно ввести его в сакральный комплекс Рождества Христова.

РОЖДЕСТВО

Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение (Лк. 2,14).

Рождение Иисуса в канонических евангелиях обозначено целомудренно кратко: «родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода» (Мф. 2,1), «родила Сына Своего первенца» (Лк. 2, 7). У Матфея место рождения обозначено «в доме», у Луки — «в яслях», «потому что не было им места в гостинице» Вифлеема, месте рождения царя Давида, куда из Назарета для объявленной кесарем Августом переписи населения прибыл Иосиф как принадлежащий к роду Давидову вместе с Марией, бывшей уже на сносях. Но самое широкое хождение получила версия предания, апокрифов, некоторых христианских писателей о рождении Иисуса в пещере, то ли на полпути в Вифлеем, то ли на его окраине. Неканонический образ пещеры, наполнившейся при рождении Младенца необыкновенным светом, явил такой убедительный материальный символ Христа — Света, воссиявшего в мире тьмы, греха, незнания (пещера), оказался одновременно зримо-впечатляющим и вместе богословски-нагруженным, что именно «умозрение в красках» — иконопись и церковная живопись — восприняла его особенно охотно. Впрочем, иконы Рождества, как уже отмечалось, мудро совмещают в себе все богатство вариантов: и пещеру, и ясли, и пастухов, явившихся на поклонение Младенцу по ангельскому извещению, и волхвов, пришедших с Востока по явлению звезды и принесших свои дары: золото (символ власти, как Царю), ладан (знак священства, как Первосвященнику) и смирну (знаменующую жизнь и смерть, как Жертве искупления, как Пророку); тут же и повивальная бабка и Саломея, по апокрифу дерзнувшая проверить сохраненное Марией и

после родов девство (за что была наказана иссохшей рукой, исцеленной по прикосновению к Младенцу), тут и звери, предреченные еще прор. Исанией («Бык знает своего хозяина и осел ясли Господа Своего»), присоединившиеся к общему поклонению Иисусу.

Общим для всех евангелий, канонических и неканонических, является та грандиозная космическая рамка, в которой происходит это Единственное, Величайшее событие. У Матфея восточные волхвы возвестили рождение Царя иудейского, Спасителя мира через явление небесное, космическое — необыкновенную звезду, которая как будто сама управляла своим движением: сначала показала себя на небе как знамение Рождества*, затем скрылась и вновь явилась, указывая волхвам путь в Вифлеем, «шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец» (Мф. 2. 9). Картина шествия звезды-поводыря поражает своей удивительной поэтичностью, какой-то интимно-одушевленной причастностью такого вроде бы далекого и холодного небесного тела, как звезда, к происходящему в малом, забвенном всеми месте небольшой планеты. Поистине, небеса склоняются над убогими земными яслями, в которые уткнули свои теплые морды ласковые бессловесные твари — бык и осел. Такой гигантский диапазон горних и сугубо земных вещей явлен тут, такие полюса сошлись в точке, где родился Тот, кто станет лестницей между ними, чтобы указать путь к их соединению.

Об этой звезде и о волхвах много было толков у св. отцов: св. Иоанн Златоуст считал ее особым явлением ангельской силы, принявшей облик звезды, другие отцы Церкви признавали ее за настоящую звезду-проводницу, ведь соотносительность явлений космических, природных и земных, человеческих известна была издавна. Что касается волхвов, то большинство толкователей Евангелия сходилось на том, что они пришли из Персии**, родины зороастризма, религии, в чем-то близкой христианству (единобожие, вера в конечную победу сил добра и воскресительное преображение мира), где, по преданию, долгие годы пребывал пророк Даниил, внесший туда дух ожидания Мессии. Расширяя идею всемирности Благой Вести, церковное предание дало конкретные имена волхвам, сделав их представителями трех ветвей рода человеческого: Мельхиор, даритель злата, халдеец из Аравии, считался потомком Сима, Гаспар эфиоп, с даром ладана, был из хамитов (это его на одной из своих ватиканских росписей Рафаэль изобразил чернокожим), а перс Вальтазар, принесший Младенцу смирну, представлял потомство Иафета.

Но пока у Матфея волхвы идут за звездой, ища жилище родившегося Царя Иудейского, в «Евангелии от Луки» первое небесное извещение миру о том же событии дается пастухам, державшим «ночную стражу у стада своего» в долине Вифлеемской, недалеко от города***. От этих пастухов начинается ряд особых евангельских персонажей: рыбаки, сборщики налогов, блудницы, сотники, простые жены... люди смиренные, низовые, те, кто не остается на скрижалях исторической памяти. Там фигурируют великие мира сего: цари, полководцы, первосвященники, «умные и разумные» «совоприсники»... Спаситель рождается и растега в скромном,

* Св. Иоанн Златоуст подумал, что звезда появилась за несколько месяцев до рождения Спасителя, а св. Димитрий Ростовский в Четьях-Минеех (от 26 дек.) высказывал предположение, что она засияла в то самое мгновение, когда Гавриил благоговейно Мария и Богочеловек зачался в Ее лоне.

** Существует предание, что ап. Фома, просвещавший светом Христовым Персию, крестил и этих волхвов. Их святые мощи хранились вначале в Константинополе, а сейчас обретаются в немецком Кельне.

*** Характерна разница акцентов у Матфея и Луки, сам отбор того, что они заносят в свои Евангелия; Матфей приводит эпизод с волхвами (их называют еще магами, царями, впрочем, как полагают церковные комментаторы, уже владельцы одного городка или небольшого княжества назывались царями), великими мудрецами, причастными к тайнам небесных явлений и знамений; Лука (а его историческая критика признала выразителем более демократической тенденции) предпочитает остановиться на истории с пастухами.

смиренном, потаенном. И, выйдя на проповедь, Он сразу же радикально смещает сам фокус внимания и интереса к людям Земли. Даже в Ветхом Завете речь большей частью идет о людях знатных положением, богатством, умом, престолом, священнической властью, в Новом — главным образом о тех, кто всегда обрекался служить безгласным, анонимным фоном, на котором остановлены для вечности исторического, культурно-богословия избранные события и имена.

Но никто из великих сих не шелохнулся в эту рождественскую ночь, мир спал, отключившись на время от страстной вязанности в эту жизнь. Один лишь царь Ирод, встревоженный вестями от волхвов о рождении Царя Иудейского, нетерпеливо ждал от них знака, тая злодейские планы. И вот не в храмах и святилищах, не в дворцах и роскошных палатах, а среди открытого поля, под звездным небом, среди ночи внезапно предстает сияющий славою Божией Ангел, повергающий наивные души пастухов в «страх великий». Но Ангелу прозрачна вся внутренняя человекоев, и он, тут же успокоив их «Не бойтесь!», возвещает «великую радость, которая будет всем людям» (Лк. 2, 10). Но это еще не все; казалось бы, для самого объявления о рождении «Спасителя, Который есть Христос Господь» (Лк. 2, 11) достаточно слов одного Ангела, как и было до того в случае с Захарией или Марией, или явлений во сне Иосифу. Нет, раскрываются небеса, и является оттуда «многочисленное воинство небесное», поющее ангельскую песнь умиротворения земли и человека в том новом сыновнем их союзе с Богом, Весть о котором принесет Родившийся в эту звездную ночь. Рождество славится всей горней иерархией, ликование раздается до вселенских космических размеров.

Но, может быть, еще более удивительная и впечатляющая картина передана в «Первоевангелии Иоакова»; в самый момент рождения Иисуса все вдруг торжественно застыло в природе: Иосиф шел за повивальной бабкой и не двигался, небесный свод, воздух остановились, птицы замерли в полете, козлы, уже поднесшие морды к водопою, не прикасались к воде, рука пастуха с посохом, готовым гнать овец, так и повисла над ними, а сами овцы оставались недвижными, работники, опустившие руки в котел с мясом, не подносили его ко рту... — «ибо все в эту минуту уклонилось от пути своего»; вочеловечиванием Бога предначертывались новые пути всей поднебесной, всей твари, предлагался иной порядок и закон бытия, касающийся не только человека, но и самого статуса вещей этого мира. Еще нет слов самого Иисуса, нет Его Благой Вести о Царствии Небесном, новом, преображенном зоне бытия, нет видения Нового Иерусалима, но уже сами события первых двух глав Евангелия, сюжетно и пластично, таинственно предъизображают высокие истины о Боге, человеке, мире, его настоящих и будущих путях.

Соединение в Иисусе Христе божественно-сверхъестественного и человеческого натурального проходит через всю Его жизнь: зачатие Его было чудесным, не от семени мужеска, не от хотения жены, а таинственным актом Божественной силы, осуществлявшей себя через Святого Духа, но родился Он «по обыкновенному закону естественного чревоношения» (св. Иоанн Дамаскин), в младенчестве питался материнской грудью и возрастал, как все дети, при том, что особая Благодать Божия была на Нем... так и дальше питался Он земной пищей, и алкал, и страдал от побоев, и был распят, и умер, и в то же время мог утишать бури, ходить по водам, исцелять больных, воскрешать умерших и Сам воскреснуть, по прав закон тления и смерти... Но и в Деве Марии освящение плоти, одна из целей вочеловечивания Христа, началось впервые в человечестве, далеко оторвавшись от возможностей рода людского. Хотя в канонических Евангелиях нет специальных указаний на то, как рожала Богородица, в муках, как все женщины или нет*, но предание и размышление св. отцов

* В «Евангелии от Луки» (2, 7) лишь сказано, что Она «родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли...»; это может быть понято как косвенный признак того, что она была «Мать без труда и без мук; Она и бабка Сама Себе, никем не наученная» (св. Афанасий Александрийский).

твердо указывает, что Ее разрешение от бремени было совершенно безболезненным, оставив Ее столь же девственной и чистой, как до того. Замечательный образ сохранившейся нетронутости Ее недр употребил св. Дмитрий Ростовский: младенец Иисус прошел сквозь Нее, как луч света проходит сквозь стекло или кристалл, никак не сокрушая и не оскверняя их, но только «паче усугубил чистоту Ея, освятив Ю прошествием своим» (Четьи-Минеи, 2 февр.). Еще одно сравнение, найденное св. отцами, вошло в богослужебную поэзию: как из невзрачной еще ничьими руками, не знавшей посева, девственной, райской земли Бог Своим творческим Словом создал первого Адама, так и новый Адам — Христос — родился чрез Деву, не воспринявшую в Себя мужского семенного возделания, и осенение Силой Божьей (при творческом наитии Св. Духа). О Богородице, «одушевленном Рае», Церковь поет: «Таин еси, Богородице, рай, невзрачано возрастивший Христа».

Вспомним, что первое проклятие роду людскому после грехопадения было обращено Богом к Еве: «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей...» (Быт. 3, 16); и только потом уже Адаму — проклятие земле за него, питание «со скорбью», труд «в поте лица» и возвращение в смертный прах (Быт. 3, 17–19). Св. отцы так настаивают на безболезненности родов Девы Марии, что в этом конкретно воплотилась идея искупления Богородицей проклятия прародительнице рода людского. Потому и ликует Церковь в стихах Акафиста Пресвятой Богородице: «Радуйся, слез Евиных избавление», глядя в корень Евиной кары — рождение в муках и болезни.

Вся сила и красота прославляющего Богородицу Церковного ликования направлялась более всего на Ее чудесное зачатие и рождение Иисуса, когда Она, став первой посредницей между землей и небом, дала миру через Себя увидеть Неприступного, трансцендентного как «всем приступного Человека»: и видели Его, и трогали, и возлежали рядом, и перста в Его раны опускали... Дева Мария вся здесь — в дальнейшем евангельском повествовании упоминается, что Она бежит в Египет с Иосифом, возвращается (даже в апокрифе о детстве Иисуса действует только приемный земной отец, благочестивый Иосиф, Его мать почти не упоминается), иногда мелькает в отдалении с братьями Христа (сыновьями Иосифа от первого брака), да предстает при кресте... А уж после Успения — тоже особо отмечаемый Церковью и запечатленный иконописью момент — Она почитается в особом божественном качестве заступницы за несчастный и грешный род людской. И вечный, прекрасный, неисчерпаемый архетип земной Матери, Богородицы с Божественным младенцем на руках в иконописи и живописи...

ДО ВЫХОДА НА СЛУЖЕНИЕ

**Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте
и в любви у Бога и человеков (Лк. 2, 52).**

Время земной жизни Спасителя от Его рождения до крещения и выхода к людям с проповедью стянуто в одну, 2-ю главу (23 стиха) «Евангелия от Матфея» и 46 стихов (начиная с 7-го) 2-й главы «Евангелия от Луки». В сверхумной «лобачевской» богословской геометрии, располагающей пространство тридцати лет жизни Иисуса, эти два ряда изложения событий сходятся в единое, но все же остающееся несколько «параллельным» повествование.

У Матфея волхвы, поклонившиеся Младенцу, отошли в свою страну незаметно, «иным путем», получив во сне ангельское предупреждение не давать никаких сведений Ироду о родившемся Мессии, а Иосиф, таким же образом уведомленный о грозящей расправе Ирода, вместе с Богородицей и Младенцем бежит в Египет, откуда — опять же по ангельскому повелению во сне — возвращается назад после смерти Ирода и поселяется в Назарете, а не в Вифлееме, боясь мести воссвещенного на иудейский

престол сына Ирода — Архелая. О пути Святого Семейства в Египет, жизни его там и возвращении существует много легендарных, дышащих благочестивой поэзией рассказов: вот дерево низко опустило ветви и склонилось, чтобы дать тень уставшим путникам, и осталось навсегда в таком благоволенном положении (его листья тут же получили дар врачевания), пробился родник утолить возникшую жажду Богоматери, и он тут же приобрел целительную силу... и, наконец, по явлению в Египет Святого Семейства там сокрушительно пали языческие идоолы. Из многочисленных преданий это последнее, на которое ссылаются древние писатели, отцы Церкви (Созомен, Евсевий, св. Афанасий Великий и др.), пользовалось понятным «идейным» почитением, закрепившись в Акафистах и Христу, и Богородице: «Возсиявший во Египте просвещение истины, отгнал еси лжи тьму: идоли бо его, Спасе, не терпяще Твоея крепости, падоша...» В символическом свете этого падения трактуется о приготовительном освятии Самим Божественным присутствием той страны, которая неожиданно для ее «идольского» прошлого призвана будет стать избранной землей для подвигов христианских подвижников, исповедников и мучеников, для «сонмов дев», «хоров ангелоподобных челоовек» (св. Иоанн Златоуст), осветивший светом Христовым пустыни египетские.

Сколько лет продолжалась жизнь Святого Семейства в Египте у Матфея, указаний нет, оправдывается лишь имя Спасителя, «реченного чрез пророка»: Назорей. В эту же, 2-ю главу «Евангелия от Матфея» вклинивается и картина избития вифлеемских младенцев, от двух лет и ниже, — по повелению разъяренного Ирода — надеявшегося среди них погубить и родившегося Царя Иудейского. Немногие евангельские события так разбудили потрясенное воображение отцов Церкви: в пронзительных тонах и красках рисовались душераздирающие сцены убийства младенцев на глазах отчаянно защищавших их матерей и часто гибших вместе с ними, вопли и стенания, плач и проклятия, кровь детей и матерей, потоками обгравившая улицы фамильного града Давидова. Остановить злбно извращенную волю Ирода (сконденсировавшую силы, пытавшиеся уничтожить Спасение миру в самом Его начале) каким-либо сверхъестественным вмешательством противоречило бы свободной воле человека. Бого-человек пришел в мир на страдание, и оно подстерегло Его сразу же по рождении, страдание за невинных, ради Него убиенных младенцев. Это были первые еще невольно-пассивные жертвы за Христа, они не дожили до того времени, когда могли бы свободно принять христианское крещение водой, их насильственно окунули в кровавую купель и соделались они своего рода предтечами будущих сознательных мучеников за веру Христову, страданиями которых очищается и искупляется Земля.

Евангелист Лука, рассказывая о младенчестве и отрочестве Иисуса, не упоминает об эпизоде с бегством в Египет. Мы узнаем, что через восемь дней после рождения Младенец был, по иудейскому обычаю, обрезан, получил предначинанное Ему имя Иисус (Спаситель), так уже с самого начала Господь удостоверял (здесь еще через Своих земных родителей) свои позднейшие слова о том, что Он пришел не нарушить Закон, но лишь исполнить его. Обрезание, как известно, было знаком принадлежности евреев к избранному народу Божьему и одновременно залогом сохранения ими физической и нравственной чистоты, приличествующей такому народу. По окончании дней очищения для родительницы (а таких насчитывалось сорок: семь дней после родов женщина считалась нечистой и еще 33 дня ей не разрешалось приближаться к Храму для очистительной жертвы) Иосиф и Мария принесли младенца Иисуса в иерусалимский храм — исполнить Закон: посвятить первенца мужского пола Богу. Богатые люди приносили обычно для жертвы однолетнего ягненка, а бедные — двух горлиц или двух птенцов голубиных. И хотя Богоматерь, как указывали св. отцы, оставалась нетронутой в своей девственности и по разрешении от бремени и не подлежала, по сути, обряду очищения, Она, желая смиренно исполнить закон своих отцов, принесла

Младенца к воротам Храма, встала на особое место, предназначенное для родивших женщин, взяв с собою жертву людей бедных. И когда вступили Иосиф и Мария в храм для совершения искупительного обряда, вышел им навстречу «праведный и благочестивый муж», старец Симеон (его имя означает «услышание»), пришедший сюда именно в этот час «по вдохновению» Духом Святым, который ранее предсказал ему: не узнает он смерти, пока не удостоится лицезреть Христа Спасителя, с такой верой и нетерпением ожидаемого поколениями ветхозаветных праведников. И вот этот чаемый миг Встречи (Сретения) настал: в лице Симеона Ветхий Завет приветствовал живого Носителя и Основателя Завета Нового. Торжественным заявлением великого облегчения «Ныне отпускаеши...» (Свершилось!), указанием вселенской миссии Иисуса Христа, уготовавшего спасение «пред лицом всех народов», «свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израйля» перекидывался мост преемственности между двумя мирами: ветхозаветным пророчески предвизображением и Благой Вестью всеобщего преобразования павшего природного мира в Царствие Небесное. Симеон же первым предрек будущей крестный путь Спасителя, разделение народа на тех, кто пойдет за Христом и кто отторгнется от Него, и самые муки Его матери, обреченной видеть Его страдания и казнь: «се, лежит Сей на падение и на восстание многих... И Тебе Самой оружие пройдет душу...» (Лк. 2, 34, 35). К Симеону присоединяется еще и женщина, праведная старица, жившая при храме долгие годы, ибо замужем она была всего семь лет, а после того как овдовела, посвятила себя служению Богу в непрерывной молитве и посте. Отличалась она и даром пророчества, недаром Евангелист так и представляет ее: «Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова». Вторая после Симеона — и вместе с ним — она довела до полноты (женская сторона) передачу ветхозаветного наследия самому Спасителю и первая «говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме» (Лк. 2, 38). Так что Анну пророчицу можно считать первой как бы публичной провозвестницей явления Господа в мир.

Но Сам Он должен был жить и ждать тридцать земных лет, пока не объявил Себя прямо людям. Только у евангелиста Луки мы найдем два многознаменательных свидетельства этого поэтапного времени. Во-первых, самое общее, но чрезвычайно важное указание, повторенное у Луки дважды. Приводим первый вариант: «Младенец же возрастал и укреплялся духом, преисполняясь премудрости; и благодать Божия была в Нем» (Лк. 2, 40). Как известно, решающим для ближних и дальних следствий явления Христа в мир, для осознания сути этого Сверхсобытия в развертывании замысла Божия о мире, было правильное понимание характера обретенной им Богочеловеческой природы. Догмат о нераздельном и неслиянном соединении в Нем двух природ, воля и действие — Божественной и человеческой — выработался соборным христианским сознанием в длительной борьбе с еретическими уклонами, то в Божественную, то в человеческую в Нем сторону, в колоссальном усилии святоотеческого супрарационального проникновения, озаренного зрения, работы вникания в букву и дух богооткровенных текстов. Приведенный выше стих о «возрастании» младенца стал одним из свидетельств (здесь тем более ценных, что оно было более фактическим, чем спекулятивным) против упорнейшей ереси монофизитства, признававшей в Христе только Божественное естество. В своем Божестве Христос оставался «прежде всех век» безначальным, совершенным, не подверженным переменам — возрастанию или умалению, но в своем человечестве Иисус существует в течении и процессе, что особенно ощутимо является в детстве и отрочестве, когда он, по слову Евангелиста, *растет*, укрепляется и физически, и духовно. И этого достаточно для канонического Евангелия: запечатлен капитальный факт — словом предельно кратким, точным, эмоционально не форсированным. И сколь отличны от него и подход, и тон «Сказания Фомы, израильского философа о детстве Христа», иначе называемого «Евангелием детства». Этого риторически-взволнованный

апокриф буквально кишит чудесами, совершенными Иисусом от 4 до 12 лет; здесь предполагаемый сын Марии и Иосифа обладает сразу всей глубиной премудрости, громогласно и унизибельно посрамляя и приводя в трепет и ужас учителей, моментально умерщвляет своих сверстников, злостно мешающих его играм (правда, позже, внемля упрекам Иосифа и скорби родителей, воскрешает их), Иисус здесь выступает, по существу, исключительно как Божество, могущественное и карающее, внушающее страх прежде всего. (Не случайно, исследователи находят в этом апокрифе II века влияние гностиков, отрицавших человеческую природу в Христе; впрочем, о том же свидетельствовал еще св. Ириней Лионский.) Кстати, св. Иоанн Златоуст совсем просто и мудро отверг рассказы о чудесах, творимых Иисусом в детстве: если бы это было так, то столь необыкновенные дела, да еще в таком раннем возрасте, вызвали бы всеобщее удивление, большие толки, усиленное к Нему внимание и никак не могли бы позволить Ему так долго пребывать в потаенной неизвестности.

Евангелист Лука приводит лишь один эпизод из детства Иисуса, когда Его, двенадцатилетнего отрока, родители взяли с собой на праздник Пасхи в Иерусалим. Он там, очевидно, бывал не раз, поскольку благочестивые иудеи Иосиф и Мария обязаны были по Закону трижды в год — на праздник пасхи, пятидесятницы и кушей — посещать Храм и приносить жертвы Богу. На этот раз возвращались оттуда, как всегда, с толпой, с соседями и земляками, родственниками и знакомыми; вдруг Иосиф и Мария схватились, что сына с ними рядом нет, подумали было, что Он идет где-то с другими, потом забеспокоились, стали искать в толпе, нигде не нашли, вернулись в Иерусалим, три дня в худших страхах и отчаянии бегали по городу, не теряя надежды обрести свое драгоценное Дитя. И когда они нашли Его, наконец, в Храме, сидящего среди учителей, то первыми словами Матери Его были слова горького упрека, в которых единственный раз во всех евангелиях прямо прозвучала материнская боль и тревога: «Чадо! Что Ты сделал с нами? вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя» (Лк. 2, 48). Спокойный ответ Иисуса: где же Ему еще быть, как не «в том, что принадлежит Отцу Моему» — даже и не дошел тогда, по свидетельству Евангелиста, до их измученного бессонной тревогой сознания. Правда, в следующем уже стихе говорится: «И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лк. 2, 51). Это несколько раз встречающееся только в отношении к Богородице выражение (она «складывает в сердце», «сохраняет в сердце» все чудесные знамения и пророческие слова, касающиеся Ее Сына) чуть-чуть приоткрывает нам непрерывную духовную работу, текущую в тихих и бездонных душевных Ее недрах, незримую для окружающих, для которых Мария — скромная и благочестивая иудейская мать и жена, погруженная, как и все, в труды и маленькие радости будничной жизни.

Но что же делал отрок Иисус в доме Отца Своего, в Храме? Лука рассказывает об этом, как всегда, лаконично-выразительно, соблюдая некую замечательно реалистическую меру. В апокрифе юный Иисус сразу же задирает и оскорбляет учителей, повергает их в оцепенение, а временами в мучительные сомнения: «Не знаю, Чародей это или Бог». Здесь же Он сидит среди учителей, заметьте — *слушает и спрашивает* их. Но сами эти вопросы явили такую премудрость в столь юном отроке, что «все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (Лк. 2, 47), поскольку, очевидно, Он давал и свои ответы на поставленные Им вопросы.

Однако, по приходе родителей, Он тут же покинул Храм и возвратился с ними домой в Назарет, «и был в повиновении у них». Какие многозначительные слова, ведь так мало деталей запечатлено в канонических текстах, каждая на вес золота и недаром потом бесконечно взвешивается и обсуждается в бесчисленных комментариях. Итак, вот безусловная черта характера и поведения юного Иисуса, утвержденная евангельским авторитетом: «был в повиновении у них» (Лк. 2, 51) — значит, был сыном послушным и покорным, благочестиво чтящим фундаментальную пятую заповедь. И финальные слова рассказа, вынесенные в эпиграф к этой

главке, вновь возвращают нас к главной «теологической» идее жизни Иисуса до выхода на служение: потаенного роста, созревания, возрастания до той *меры зрелости* второй природы Христа — *человеческой*, которая и позволила Ему выйти уже как «власть имеющему», власть внутреннюю, духовную, навстречу людям и миру.

Максим ГУРЕЕВ

ДВА МОЛЧАНИЯ. МОЛЧАНИЕ И ГЛАСЫ

Дано обещание.

Дано обещание: «У них не было детей, ибо Елисавета была неплодна, оба были уже в летах преклонных»¹.

Подобно тому, как и договор или закон нескончаемому иерархическому шествию через пустыню. В известном смысле, всякое шествие таинственно, сбивчиво и бессмысленно своим кажущимся однообразием угасающей грязной зимы: смена дней «в порядке чреды», история дня и ночи, повесть об избраниях, родах, именах, домах, потомствах. В данном случае словосочетание «угасающая грязная зима» предполагает в первую очередь некий мистический мрак в преддверии света, мрак, сакральный смысл которого определяется не как отсутствие светильников или закрытые ладонями глаз, но как предмет запертых уст, отъятого слова, а иначе говоря, молчания.

Таким образом, начало нашим размышлениям полагает длительное, протекающее в веках-эпохах ветхозаветное шествие, происходящее в молчании.

Однако молчание это и динамично и недвижно одновременно. В том смысле, что пасхальное шествие через пустыню когда-то кончится, но при этом великое значение Великой Жертвы пребудет вечно. Порядок служения перед Богом, согласно чреды и жребия, называет это состояние страхом, смущением и трепетом. Священник Захария из Авиевой чреды удаляется войти в храм для каждения и узреть Ангела Господня, стоящего по правую сторону жертвенника кадильного: «увидев его, смутился, и страх напал на него»².

И вот — дерзновенное недоверие, казалось бы, беспорочного, соблюдающего заповеди и уставы Господни ума, где ум понимается нами, разумеется, не как отстраненно думающий механизм, этаким генератором сомнений, а как обогащенное молитвенными трудами состояние души. Ангельское речение, преподанное Захарии, не может быть усвоено им в полной мере (если о таковой мере вообще дозволительно говорить в данном случае), ибо это речение самого Бога — страшного, невидимого, ослепительно сияющего, извергающего громы, чье и имя-то неподвластно устам. Захария подобен упрямому в своем изначальном неведении ребенку. И вполне естественно, что вопрос — «А почему?» — «А почему я должен верить?» — «... по чему я узнаю это? (имеется в виду некий знак) ибо я стар, и жена моя в летах преклонных»³ — звучит закономерно. Сообразуясь с ветхозаветным умствованием, Захария понимает отсутствие потомства, постигшее его, как, в известной степени, наказание, «поношение» как обещание, если угодно, характер которого вечен и незыблем, в том смысле, что иначе быть не может.

Можно утверждать, что предсказание Ангела Господня в высшей степени таинственно и неизреченно для священника из Авиевой чреды, ибо впервые древняя традиция столь ярко и недвусмысленно обозначает

свою предуготовительную функцию, впервые на Божественный План Домостроительства указывается как на событие, долженствующее произойти практически немедленно: «... и наречешь ему имя: Иоанн», «он будет велик перед Господом», «...и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их», «и предъидет пред Ним в духе и силе Илии, ... дабы представить Господу народ приготовленный»⁴.

Сын Захарии есть тот, кто явится в духе первого Человека Божия — пророка Илии, и в облике глашатая впереди Идущего, гласа, вопиющего в пустыне, последнего пророка — Иоанна, прозванного Предтечей. Таким образом, Иоанн Предтеча назван Илией Нового Завета. Но Захария, как мы помним, нужны знаки Бога, потому как сказанное выше совершенно необъяснимо и противоестественно для него, и он получает «знаки», но не от Бога-всеподавляющего, а от Бога-Всемилоостивого. «И вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это случится, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время»⁵. Вне всякого сомнения, это не наказание и, тем более, не отместка, а скорее дарование того нового состояния, в котором Захария способен объясняться с пастовой лишь знаками (!), состояния, визуально запечатленного в знаменитой иконографической традиции «Иоанн Богослов в молчании» — загибание слабых, вариант — лукавых, уст сильным, вариант — крепким, перстом. Тут можно воскликнуть в нетерпении: вновь молчание! Да. Однако, если раньше мы осмеливались определять его как страх, смущение и трепет, то теперь это — изумление, просветление, восторг и исступление (или «экстаз», по словам святого Дионисия Ареопагита). То, что Отцы Восточной Церкви, в соответствии с апофатической, «отрицательной» традицией, обозначают как исполнение Духа Святого, как погружение в Божественный Мрак. Согласно святому Исааку Сирину: «...святые, когда ум их поглощен Духом, не молитвою молятся, но с изумлением водворяются в веселящей их славе ... тогда отъемлется у природы свобода, и ум путеводится, а не путеводит»⁶. И именно теперь любопытно обратить внимание на то обстоятельство, что в связи с именем Захарии более не звучат упомянутые выше традиционные реалии ветхозаветного священничества: «жребий», «чреда», «заповедь», «устав». Отныне Захария немислимо светел Божественным прещением, наложенным на него, перед которым прежние сомнения, вопросы и страхи выглядят более чем смехотворно.

«После сих дней зачала Елисавета, жена его, и таилась пять месяцев»⁷. Что значит «таилась»? Может быть, страшилась предстоящего или не верила происшедшему? На эти вопросы мы находим ответ в словах самой Елисаветы: «...так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня»⁸. По-нашему предположению, таиться и пребывать в исступленном, апофатическом молчании, не что иное, как синонимы. Иначе говоря, соблюдение, вернее, охранение сердцем некоей великой тайны, изречь которую выше человеческих сил.

Благовещение как бы вершит предрождественское извержение Божественных, Горних предсказаний. «Действительно, после того, как святая Дева выразила свое согласие, по слову Господню, возвращенному Ангелом, сошел на нее Дух Святой, очистил ее и даровал ей силу, как принять в себя Божество Слова, так и родить»⁹, — читаем у святого Иоанна Дамаскина. Своими знаменитыми словами, полными смирения и невиданной доселе кротости — «се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему»¹⁰, — Мария делает свидетелями своей Пречистой Плоти (созданного Дома) весь Небесный Град, как, впрочем, и Назарет Галилейский, в котором и произошло Благовещение. В данном случае, по-нашему предположению, Назарет символизирует весь мир тварный, ждущий чуда, но проходящий мимо него, жаждущий спасения, но боящийся трудов, с ним связанных, желающий отличить добро от зла, истинное от ложного, но не способный до поры это сделать.

Путешествие Марии в нагорную страну, в город Иудин, в дом Захарии и приветствие Елисавете происходят, вне всякого сомнения, в той самой

восхищенной прострации, или экстазе, о котором мы уже говорили выше. Невидимое глазу сияние и взывание младенца во чреве разверзают уста Елисавете, полагая конец ее «утаению».

В этой связи чрезвычайно притягательно выглядит событие, определенное, как «взывание младенца». Опять же, возвращаясь к православной иконописной традиции, можно вспомнить «Богородицу — Взывание Младенца». Разумеется, что о близости этих двух «взываний» можно говорить лишь с точки зрения самого мистического состояния, с точки зрения «весевающей славы», сподобившись которой, например, Елисавета и восклицает громким голосом, и говорит: «Благословенна Ты между жнами, и благословен плод чрева Твоего!»¹¹

Разрешение молчащих уст наступает.

Разрешение молчащих уст наступило: Мария отвечает Елисавете: «Величит душа Моя Господа»¹². Причем, это уже и не ответ Марии. Вернее было бы назвать слова Пречистой Девы пророчеством, подобным тому, какое вскоре произнесет Захария, ибо не уста (слабые, лукавые) его будут говорить, но вложенное в них будет изливаться благодатным потоком на слушающих его, ибо пришел срок.

Откровенные речения или гласы, назовем их так, знаменуют отмену Божественного прещения, забирающего слово, являются в высшей степени экстатическими, возбужденными состояниями. Это своего рода катарсис, снятие печати молчания, новый знак свыше, и нет ничего удивительного в том, что «был страх на всех живущих вокруг... и рассказывали обо всем этом по всей нагорной стране Иудейской»¹³ (имеется в виду пророчество Захарии).

Неизреченная знаковая система, идущая еще с ветхозаветных времен, строго регламентирует древнюю череду и законы. Так, «в восьмой день пришли обрезать младенца и хотели назвать его по имени отца его»¹⁴. Действительно, таков путь всех предшествующих поколений, но Елисавета говорит «нет». В данной ситуации единственно водворяющим покою и благодать может стать знак, и народ иудейский получает этот безусловный знак: Захария требует дощечку и пишет на ней в безмолвии. Надпись на дощечке — ответ Бога — Всемилоостивого и Просвещающего на сомнения всех бывших при обрезании младенца Иоанна Предтечи.

«Иоанн имя ему. И все удивились»¹⁵. В этих словах как нельзя лучше нам явлено извечное противопоставление крепости и неразумности, той самой, в состоянии которой Захария требовал прежде от Ангела Господня «доказательств» и «подтверждений».

Чрезвычайно таинственно и в то же время просветленно пророчества Марии и Захарии объясняют нам сущность образа Иоанна: «...воспринял Израиля, отрока Своего»¹⁶, — восклицает Пречистая Дева, «и воздвиг рог (силу, власть) спасения нам в дому Давида, отрока Своего»¹⁷, — провозглашает Захария. Таким образом, Иоанн — откровение всего дохристианского бытования, названный рогом спасения, отроком спасения, пророком Всевышнего, уготовителем народа, — понимается нами как высшее состояние всего Ветхого Завета (отрок Израиль), как стоящий слева от Спасителя.

И это уже потом с именем Иоанна Предтечи Господня будет связан обряд тевилы или омовения, обряд погружения в воды Иордана — рубежные воды Святой Земли. Народ приготовленный (язычники и иудеи) пройдет первое очищением перед Тем, Кто грядет вослед.

Далее в Святом Благовествовании следуют события так называемого рождественского цикла или плеяды. Так вот на уровне событийно-историческом и на уровне догматическом рождественская плеяда требует, на наш взгляд, особого средоточия внимания. Согласимся с тем, что характер хождения поклоняющихся к яслям с Божественным Младенцем перед лицом времени «дольнего» и перед лицом времени «горнего» совершенно различен и ни в какой мере не может быть сравнимым, и, уж тем более, противопоставляем.

«В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стра-

жу у стада своего»¹⁸ и «...пришли в Иерусалим волхвы с востока...»¹⁹ — такова последовательность, сводимая к некоей временной длительности, обладающей началом, концом и результатами этого конца. Ведь в данном случае можно будет говорить о двух поклонениях: поклонении пастухов и поклонении волхвов, происшедшем значительно позже первого. Совершенно иную систему предлагает нам время «горнее» (недвижное), сводимое, по рассуждениям святых Василия Великого и Дионисия Ареопагита, к некоей временной длительности без начала и конца, и сводящее бесконечное к неопределенному. Таков «неуловимый» характер времени «горнего», о чем говорит и блаженный Августин, показывая, что будущее непрестанно становится прошлым, и мы никогда не сможем уловить во времени настоящее. Таким образом, в данном случае поклонение представляется единым актом удивления (пастухи), открытия сокровищ и принесения даров (волхвы). Подтверждение сказанному находим в уже ставшем традиционным, обращении к православному иконографическому канону, где «Рождество Христово» явлено нам именно как мистическое событие, объединяющее перед лицом вечности и удивляющихся, и приносящих восточные дары, и пастухов, и персидских магов.

С появлением Симеона Богоприимца, «сретающего» Младенца, чередование умолчаний — апофатических восторгов, и гласов — извержений Божественной Мудрости, становится системой столь явной, что улобливает текст Писания величественному дыханию.

«Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон, Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святой был на нем»²⁰. Предсказание или обещание, данное Симеону Духом Святым, погружает его в состояние покоя, находясь в котором благочестивый старец способен чутко распознавать собственные помыслы и вдохновения, что вполне может быть расценено как дар харизматический: «и пришел он по вдохновению в храм»²¹, дабы увидеть своего Владыку.

Речение Симеона, обращенное к Чудесному Младенцу, вызывает удивление Марии и Иосифа, как, впрочем, всегда вызывает смятение и трепет рубежное состояние души. А именно: Владыка долженствует отнестись своего раба, на котором лежит прещение смерти. Из ощущения внутреннего нестроения и мытарств Симеон переходит в возбужденное состояние знания — «...видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению...»²² Предуготовительная функция Ветхого Завета в лице Симеона, берущего Иисуса на руки, достигает своей наивысшей мистической точки. Действительно, в яслях древнего Израиля, который понимается, разумеется, не как предмет географии, но как небесный неизреченный символ, пребывающий вечно, возрастает и укрепляется Младенец: «се, лежит Сей на падении и на востании многих в Израиле и в предмет пререканий... да откроются помышления многих сердец»²³. Не случайно пророческое обращение Симеона направлено именно к Марии, неотделимой от потомства Адама, но, согласно учению святого Григория Паламы, свободной от греха в силу последовательных промыслительных очищений, имевших место в естестве ее предков. Более чем не случайны слова святого Иоанна Дамаскина о том, что Пречистая Дева выразила согласие по слову Господню, именно согласие, позволившее ее невиданной доселе чистоте и непорочности погрузиться в состояние благодарного молчания, изумленного ожидания. И Симеон, сподобившийся Духа Святого, прозревает это — «...и Тебе Самой оружие придет душу...»²⁴. Таким образом, в Иерусалимском храме, куда для посвящения Господу принесен Младенец Иисус, его окружают: с одной стороны праведный старец всего предшествующего Закона, безмолвный тайнозритель, уста которого благодарно заперты сильным перстом (к бесчисленному воинству тайнозрителей, в момент Сретения, может быть причислена и пророчица Анна, дочь Фануилова, из колена Асирова, и Иосиф, познавший во сне дар Ангельского предсказания о пути в Египет), а с другой стороны — Богородица, воплощающая и вершащая весь предшествующий Ветхий Закон, весь протекавший до дня

Сретения Господня провиденциальный и мессианский процесс Ветхого Завета. Мать и Невеста Жениха, стоящая по Его правую руку.

Наконец, череда дней, вернее, лет приводит нас в Иерусалим, туда, куда совершают ежегодное хождение родители Младенца на праздник Пасхи. Меж тем по окончании «дней праздника» Отрок Иисус остается в храме, чтобы предаться беседе с учителями и пастырями, что само по себе удивительно, ибо «все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его»²⁵. Меж тем для нас это событие есть сдвиг тайны и восхищения еще и потому, что впервые мы слышим сказанное Самим Спасителем: «... зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?»²⁶ В рамках апофатической традиции Восточной Церкви ответом на вопрос Иисуса могут быть только слова — «да, не знали» (вполне естественно, что присутствующие не понимают сказанных Им слов). В нашем понимании здесь впервые закладываются основы постижения Непостижимого через то, что оно «не есть» — оно недоступно, немыслимо, невидимо и ненаходимо («Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его»²⁷), непонятно и неизреченно. Очевидно, что Мария и Иосиф «с великой скорбью» искали своего Сына, но единственное, что они сумели обрести, так это смущение и то, о чем в Писании сказано: «И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем»²⁸. Иначе говоря, Слово продолжает жить, бытовать в Пречистом Доме, созданном Отцом для Сына.

Пусть это не прозвучит навязчиво, но речь, как это ни странно, вновь заходит о молчании. По словам известного русского богослова Владимира Николаевича Лосского — «Мария — это воплощающее молчание»²⁹. Состояние сохранения слов «в сердце Своем» может быть воспринято нами как некое состояние «просительности», «просительной молитвы» (св. Исаак Сирий), когда любовь, в данном случае — Сыновняя любовь, существует как высшее проявление отстраненности. На страхи и волнения родителей Иисус отвечает вопросом, смысл которого (в силу своей неизреченности) не рассеивает их волнений и страхов, однако после Он уходит с родителями в Назарет и повинуется им, иначе говоря, уничивает Себя до их просьбы — «просительной молитвы». Хотелось бы дерзновенно предположить, что «умная молитва» святых Исихия Иерусалимского и Григория Паламы, а позже ставшая и достоянием аскетов Русского Севера (прп. Нила и Иннокентия Сорских, Паисия Ярославова, Дионисия Святогорца, Кассиана игумена Каменского и прп. Максима Грека) восходит именно к «чистой молитве» погруженных в прозрачный Божественный Мрак всех сподобившихся видеть и слышать Спасителя.

Визуально это может быть представлено в таком символическом и обобщающем воплощении Церкви, как иконостас (праотцы, пророки и молчаливые свидетели деисусного чина).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Лк. I, 7

²Лк. I, 12

³Лк. I, 19

⁴Лк. I, 15—18

⁵Лк. I, 20

⁶Св. Исаак Сирий Ed. Theotoki, XXXII, p. 202

⁷Лк. I, 24

⁸Лк. I, 25

⁹Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. III. Гл. II. М., 1992 г., с. 75.

¹⁰Лк. I, 38

¹¹Лк. I, 42

¹²Лк. I, 46

¹³Лк. I, 65

¹⁴Лк. I, 59

¹⁵Лк. I, 63

¹⁶Лк. I, 54

¹⁷Лк. I, 69

¹⁸Лк. 2, 8

¹⁹Мф. 2, 1

²⁰Лк. 2, 25

²¹Лк. 2, 27

²²Лк. 2, 30—32

²³Лк. 2, 34

²⁴Лк. 2, 35

²⁵Лк. 2, 47

²⁶Лк. 2, 49

²⁷Лк. 2, 44—45

²⁸Лк. 2, 51

²⁹Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1992, с. 260.

ПРОВОЗВЕСТНИКИ И ГОНИТЕЛИ

Начало евангельской истории, первое в цепи чудесных событий — даже еще не событие, а предвестие, предсказание, таинственное соприкосновение небесного с земным: явление Ангела священнику Захарии! Евангелие от Луки оставляет нам лишь обобщенный символ, духовную суть этого события, но как хочется убедить себя, что оно действительно было — не только в высшем духовном смысле (в этом и убеждать себя не надо), но и было на земле, в городе, в храме. Вернее, в Городе и Храме, поскольку Город вечный и Храм священный, возведенный некогда Соломоном и заново отстроенный Иродом Великим.

И вот Захарии выпал жребий кадить — редкое счастье для священника. Священников, потомков Аарона, много, около двадцати тысяч, и очередность служения устанавливает жребий. Захария принадлежит чреде Авия, внука первосвященника Аарона, одного из двадцати четырех образовавших названные их именами чреды, и вот ему выпадает жребий торжественно войти во Двор священников, приблизиться к жертвеннику и воскурить благовония. Но он не знает еще об ином, высшем счастье — стать началом и предвестием той истории, которая началась не с Адама и Авраама, а с него, и началась в тот самый день, когда он получил право священнической службы. Значит, жребий Захарии был двойной, случайный и неслучайный: войти не только во двор Храма, но и в евангельскую историю.

По концентрации в ней иного, абсолютного времени эта тридцатитрехлетняя история превосходит ту, многовековую: она как бы вложена, вставлена в нее, словно рама сквозного окна, распахнутого в голубое небо. В той истории — времена пророков, времена царей, времена потопа, за которыми лишь смутные и неразличимые для нас времена потерянного Эдема. Но ведь Христос говорит о том, что он был еще до Авраама или, как сказано в Символе Веры, «прежде всех век». Значит, Он — истинный Логос, строитель нашей вселенной. Но, может быть, «до Авраама» означает и то, что Его воплощение в Палестине отнюдь не первое или, как сказано одним из русских духовидцев: «Прежде чем достичь вочеловечения, которое вполне отразило Его сущность, Великий Дух исполнил подготовительный спуск, воплотившись около 7000 лет назад в Гондване (исчезнувшая культура островов Явы, Суматры и Южного Индостана. — Л. Б.). Там он был великим учителем. Однако человечество еще не было готово принять духовность, низливавшуюся через воплощенный Логос. Было основано лишь глубокое и чистейшее эзотерическое учение, брошены первые семена, перенесенные ветрами истории на почву других стран и культур: в Индию, Египет, Китай, Иран, Вавилонию. Воплощение Логоса в Гондване еще не носило характера такой полноты, какая позднее проявилась в Иисусе Христе; оно было, в сущности, подготовкой».

Захарии велено дать сыну имя Иоанн, Марии велено дать сыну имя Иисус — значит, и имена существуют предвечно, вписаны в некий божественный план, а не предоставлены свободному человеческому выбору. Причем за именем Иоанна загадочно высвечивается еще одно предвечное имя — Илия, в чьем «духе и силе» Иоанну суждено явиться. В другом месте Евангелия Иисус говорит, что Илия уже явился, но не узнали его — говорит, имея в виду опять же Иоанна, неузнанного Илию. Говорит для образности, для педагогической наглядности, используя имя Илии как

метафору, символ духовной силы? Иисус никогда так не говорит... да и для всей иудейской традиции священное имя имеет слишком важное значение, чтобы стать предметом назидательного уподобления. Оно не столько называет, сколько проявляет божественную сущность или даже является ею, поэтому «познавшие имя» («И яко позна имя Мое» — как в 90-м псалме) познают самого Бога.

Так в чем же провиденциальная связь двух имен и что означает: Иоанн в духе Илии? Перевоплотился? Многие ссылаются на это место из Луки для доказательства того, что в Евангелии не отрицается возможность перевоплощения, многие считают, что отрицается начисто. Думается, что ни тот, ни другой ответ не приближает нас к евангельской тайне имени. В чем она? Этого мы еще «не можем вместить», как говорит Иисус апостолам: та, иная реальность всегда окажется выше наших земных — запальчивых и самоуверенных — отрицаний и утверждений.

Итак, по предсказанию Ангела Захарии назначено родить сына, который предуготовит пути Господу, будущему Мессии. Вот она, первая благая Весть, о которой еще не ведают мир, не подозревают молящаяся — там, за завесой соседнего храмового двора, не знает Мария, живущая в Назарете, не знает Пилат, будущий судья Иисуса, не знают Анна и Каиафа, будущие гонители. Не знает народ иудейский, который прокричит: «Распи! Распи!», не знает никто, кроме Ангела и Захарии. Отсюда и немота Захарии: слишком велика тяжесть, священный груз этого знания. И Захария усомнился, вернее, устранился благоговейным страхом и решил как бы заслониться своими сомнениями, спрятаться за них, укрыться: в доих ли летах рожать детей!

За это он и наказан Ангелом — лишен дара речи, чтобы этот дар был передан его сыну, провозвестнику, ведь и Мария «хранила эти слова в сердце своем», молчала, и первым их произнес Иоанн, крестивший Иисуса на Иордане. А до Иоанна? Ветхозаветные пророки и, как ни странно, язычник Вергилий, автор знаменитой эклоги, предсказавший рождение Божественного Младенца: «Матерь начни узнавать с первой улыбкой, Младенец!» Значит, и он провозвестник, пророк, но ведь поэт же, книжник, литератор в римском звучании слова: хотя и жил уединенной жизнью в Неаполе, святостью не был отмечен. Пророческая святость в Риме и не возникла, недаром в евангельской истории Рим присутствует, олицетворенный Пилатом, старым служакой, прагматиком, хитрецом и позитивистом. Но в ветхозаветной истории Рим пророчествует, олицетворенный Вергилием, — значит, и поэту дано, иначе бы Вергилий не был взят Дантом в вожатые, а Константином Равноапостольным в речи к отцам первого Никейского собора поставлен наравне с Исаяей. Дано если и не пророчество в иудейском звучании слова, то вестничество, особый дар соприкосновения с иным, нездешним, горним миром. И Вергилий такой поэт, как бы перевернувший значение самого слова Рим, Roma, и сделавший из него Любовь, Амог.

Итак, пророки предсказали, Иоанн возвестил и предуготовил пути, а апостолы прошли этими таинственными путями уже после Него, и один из них, Андрей Первозванный, проповедовавший в Скифии, по преданию, дошел до киевских холмов, где и водрузил животворящий Крест, основу русского православия. Такова череда провозвестников — от пророков и Ангела Гавриила до Иоанна и апостолов. Череда же гонителей начинается с Ирода Великого, но ведь и Иосиф-плотник усомнился и «хотел отпустить», то есть прогнать понесшую во чреве Марию.

Иосиф усомнился, но Ангел вовремя открыл ему истину. Ирод же повелел убить всех младенцев в Вифлееме и тем самым изгнал Святое Семейство в Египет, соседнюю страну, где иудеи издавна находили прибежище от преследований и где повсюду имелись их колонии (в Александрии — более миллиона человек). Вслед за Иродом гонят фарисеи, члены синедриона, первосвященники Анна и Каиафа, толпа народа перед лифостротомом, местом, где Пилат творил суд. Сомневающихся же — вслед за Иосифом — еще больше, и среди них мы видим и юношу, не посмевшего от-

казаться от богатства и последовать за Христом, и апостола Петра, который пошел по воде навстречу Иисусу, но устрасился и начал тонуть, и других апостолов, часто упрекаемых Христом в маловерии. Одним словом, и это чреда — такая же, как и чреда поклонившихся Иисусу, не только пастухов и волхвов, но и тех, кто бросал ему под ноги пальмовые ветви с возгласами «Осанна!» или восклицал: «Благословенны сосцы, тебя питавшие!»

И так во всей дальнейшей истории — провозвестники сменяются гонителями, а поклонившиеся сомневающимися. И среди гонителей не только Юлиан Отступник, но и отцы инквизиции и благословлявшие крестовые походы папы, сомневались же и даже не верили не только те, кого предавали анафеме, но и многие из тех, кто предавал. История на то и история, что все это было, и чем больше проходит времени, тем легче отличить сомневающихся от провозвестников, поклонявшихся от гнавшихся.

Ну а мы-то среди кого? Гонителей среди нас достаточно — и не одних тех, кто сжигал иконы, разрушал храмы, ссылал на Соловки и живыми закапывал в землю священников, но и тех, кто гнал из себя, из собственной души. Помню, как мой любимый учитель, умнейший и добрейший человек, готовый всем пожертвовать ради учеников, сказал мне: «Леня, я Христа ненавижу». Гнали и сейчас гонят — разрушенную церковь восстановить легче, чем веру в собственной душе. Изгнанного же из нее Христа нам еще предстоит принять — тогда и церковь станет Храмом, подлинным Домом Божиим.

Хватает среди нас и сомневающихся, хотя есть и поклонившиеся — если не так, как волхвы, то хотя бы и так, как простодушные пастухи, пасшие стада неподалеку от Вифлеема. Пусть даже и не стада бедняков, а стада, предназначенные для жертвоприношений в Иерусалимском храме, как предполагают ученые — все равно они простецы, наивные, восторженные и бесхитростные под стать нам, затвердившим две-три молитвы, но лишенным глубинного духовного опыта, миссия же волхвов таинственна и для нас непостижима, какие бы предположения ни строили исследователи. Собственно, это и не волхвы, как сказано в славянском переводе, а маги, хранители священной традиции, и какими же сокровенными знаниями надо было обладать, чтобы по звездам вычислить время появления Мессии, Спасителя мира, ожидаемого и на Западе, и на Востоке!

Да и что это за звезда, которая их ведет и останавливается прямо над вифлеемским домом Иосифа и Марии? Ведет в течение целого года, пока они с караваном пробирались по пустыне — нет, представление о такой звезде противоречило бы элементарным астрономическим законам. Что же остается — по примеру некоторых предположить, что вместо звезды был некий космический объект, светящееся тело, летательный аппарат, управляемый неведомым разумом? Можно предположить и это, но есть ли смысл? Не уведят ли подобные предположения в дурную бесконечность домыслов и догадок и не лучше ли признать, что тайну вифлеемской звезды и пришедших на поклон восточных магов нам с нашей простодушной верой и изощренными сомнениями «не вместить» так же, как и многие тайны Евангелия?!

Итак, сомневающиеся и гонители, на кого же нам надеяться? От кого ждать помощи и духовной поддержки? Думается, от новых провозвестников Запада и тех будущих посланцев Востока, которые положат к ногам Христа золото сокровенных духовных знаний и ладан подлинной мудрости. Такие вскоре появятся — в Евангелии это предсказано, и надо только различать «знамения времен», как учил Иисус. По этим знамениям мир медленно выходит из тьмы и поворачивает к Свету, а Свет в мире один — Христос, Первоангел, Сын Божий, Планетарный Логос, Первозстроитель нашей вселенной. Поэтому будем ждать провозвестников нового духовного века, новой зоны — того «тысячелетнего царства праведных», которое воссияет над царством безверия, зла и порока.

РАБА ГОСПОДНЯ

С тех пор как был сотворен мир, ни в этом мире, ни в мире ином не являлось лица таинственнее Богородицы. Православная Церковь почитает Пречистую Деву превыше ангелов как честнейшую херувимов и славнейшую без сравнения серафимов. Католическая Церковь утверждает, будто Дева Мария была зачата непорочно, как и Ее Божественный Сын. В 1854 году папа Пий IX провозгласил это мнение догматом, но Православная Церковь никогда с ним не соглашалась. Рождество Богородицы, действительно, совершилось при необычных обстоятельствах, когда родители Ее, Иоаким и Анна, достигли преклонных лет, но Приснодева была зачата, как дитя человеческое, от семени мужа и жены. Если бы и Она была зачата непорочно, то под вопросом была бы принадлежность Ее Сына к роду человеческому, а следовательно, и возможность Его искупительной жертвы. Позволительно было бы спросить, человеческое ли существо родилось от Девы, родившей вне человечества. Неисповедимая мудрость Провидения в том и заключается, что Царица Небесная родилась, как рождаются обычные, грешные сыны и дочери человеческие. Потому-то и дано Ей было исправить подвигом Своей девственности Евино грехопадение. В естестве Девы Марии Творец и творение соприкоснулись. Это соприкосновение — великая тайна, которая навсегда останется вне высказывания. Старец Силуан обращается к Богородице: «Души наши влекутся знать о жизни Твоей с Господом на земле. Ты же не пожелала передать всего этого писанию, но молчанием покрыла тайну Свою» (Старец Силуан, «Жизнь и Поучения», М., 1991, с. 352). Евангелие, однако, сохранило некоторые знаменательные словеса Девы Марии и среди них возвышенно-смирненное слово, актуально исправившее дерзновенный Евин грех. Поразмыслить над этими словами и над этим словом — задача, вечно предстоящая человеческому уму.

Архангел Гавриил приветствует Деву Марию словами, навеки вошедшими в известную молитву: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты в женах» (Лука, I, 28). Само явление Архангела не удивило Деву Марию; по преданию Ей и в Иерусалимском Храме случалось видеть ангелов. Деву смутили слова Гавриила, и она подумала, каково будет целование сие (Лука, I, 29). Таковы первые слова Девы Марии, заведетельствованные Евангелием, хотя и произнесены они были про себя. На современном русском языке сокровенный помысел Марии читается «что бы это было за приветствие». Но «приветствие» далеко уступает по тонкости и глубине славянскому слову «целование». Слово «приветствие» в современном языке означает нечто поверхностно-формальное. Слово «целование» приводит на ум «поцелуй», столь же поверхностное при своих эротических оттенках. Между тем славянское слово «целование» явно соотносится со словом «целость», основополагающим для православного богومудрия. Целование сродни исцелению. И то и другое означает восстановление целостности. В помышлении Девы Марии обретается слово поистине пророческое, ибо чем было грехопадение, если не отпадением от целостности, и чем будет искупление, если не блаженным воссоединением отпавшего с Первоначальным? В слове «целование» уже наличествует подвиг новой Евы, исцеляющей ветхого Адама. Существовавши, что по-славянски помышление Девы Марии сформулировано не в условном наклонении, а в будущем времени. Она не спрашивает, како-

во было бы или было приветствие Архангела, она относит целование к будущему как непостижимое, но непререкаемое обетование. «Сие» придает целованию строгую определенность, выделяя его из хаотического потока времен, так что в глаголе «будет» уже торжествует пророческое «да будет!». Пророчество восстанавливает целостную целостность былого и будущего в неисчерпаемой вечности. Так юная Дева Мария уже Своим первым робким помыслом говорит «да» Божьей воле и жизни будущего века.

Архангел заверяет Ее, что Она зачнет во чреве и родит Сына, Которому Бог даст престол Давида, отца Его. Мария теперь уже вслух, со всей женской настоятельностью задает вопрос: «Как будет сие, идеже мужа не знаю?» (Лука, I, 34). Этот вопрос уже два тысячелетия предстоит горделивому человеческому уму, близоруко настаивающему на своем всеведении: Самонадеянная рассудочность с курьезной добросовестностью согласна уступить в этом вопросе научно подтвержденным фактам. Ее весьма обнадеживает способность кур нести яйца без петуха, и в особенности партеногенез, девственное размножение, встречающееся в природе. Разумеется, улыбку вызывает не сама по себе научная добросовестность, а несовместимое с ней неумение или нежелание видеть чудо в любом зачатии, как будто бывает зачатие порочное. Во всем этом угадывается жалкая задняя мысль: пусть губительные, но осязаемые топкие низины предпочтительнее духовных высот.

Вопрос юной Девы Марии человечесен, но в нем нет и тени мертвящего скептицизма, унижающего человечество безысходным гленом. Не забудем: Деве Марии шел тогда едва четырнадцатый год. В Ее «как будет сие» много детского. Впоследствии Сын Ее скажет: «...аще не обратитесь и будете яко дети не увидите в Царство Небесное» (Матф. 18, 3). Мария прежде всего смиренно признает Свою девственность. Не решаясь признаться себе в собственной прозорливости, она сознает: завязывается узел мучительной, может быть, губительной для нее личной драмы, так как Дева не знает мужа, но хорошо знает, кто Ее муж. Он, как и Она, из рода Давидова, значит, потомок царей. Старый плотник из Назарета мог бы сидеть на царском престоле. Юная девица только потому и вышла за старца, что все остальные женихи были для Нее недостаточно знатны. И вот Ей предстоит родить... не от него. Что подумает Ее муж о Ней, девственно чистой и невинной? К ним, потомкам святого царя, приковано внимание соплеменников и современников, слишком пристальное для того, чтобы быть благоговейным. По древним законам общества, в котором они живут, он и Она будут опозорены. Когда предсказание Архангела сбудется, Иосиф так и подумает, а Она не скажет ни слова в Свое оправдание. Так начнется великое молчание Богородицы, о которой говорит старец Силуан. Иосиф по доброте своей решит отпустить Ее, избегая огласки, но ангел во сне верит Иосифу тайну непорочного зачатия.

Архангел шадит Деву и не сразу говорит Ей, что родит Она от Святого Духа. В Ее девичьем «не знаю» целомудрие обнаруживает свой истинный смысл: целостность мудрости. Исполон веков глагол «знать» двусмыслен. Ветхий Завет употребляет его в значении эротической близости: «Адам познал Еву, жену свою, и она зачала...» (Быт. 4, 1). Юная Мария как будто имеет в виду это. Но глагол «знать» также неотделим от грехопадения. Зло вошло в человеческую жизнь от желания знать его. Целомудрие новой Евы, высказываясь, простодушно отрекается от знания зла. Таково начало искупления. Но в кратком вопросе Марии слышится и алчущая настоятельность: «Как будет сие?..» За пределами знания начинается вера. Существенна только грань знания, за которой ничего, кроме веры, невозможно. Если начинаешь веровать, не дойдя до этой грани, то впадешь в легкоеверие, в суеверие, от которого предостерегает заповедь: «Не делай себе кумира...» (Исх. 20, 4). Кумир и есть предмет суеверия, обыкновенный предмет, в который начинают верить вместо того, чтобы познавать его. Вера соответствует своему назначению только там, где возможности знания исчерпаны. Вера Марии в Ее чаенье, в непререкае-

мом «будет сие», как впоследствии скажет апостол Павел: «Есть же вера уповасмых извещение, вещей обличение невидимых» (Евр. II, 1).

Вера Марии высказывается в Ее вопросе откровенней и тверже, чем в любом утверждении. Убедившись в Ее вере, Архангел открывает Марии непостижимое: «Дух Святый найдет на Тя, и Сила Вышняго осенит Тя: темже и раждаемое свято наречется Сын Божий» (Лука, I, 35). Вот что изначально требовало и требует веры. Это поистине невероятно: Творец родится от Своего творения. Даже выдающиеся умы не могли вместить этой истины. Епископ Несторий соглашался назвать Марию христородицей, но не Богородицей, и, упорствуя в своем заблуждении, отпал от Церкви. В пятом веке Прокл, епископ Константинопольский, усмотрел в подвиге Богородицы проявление Божьего всемогущества: «Я отнюдь не говорю, что жена может родить Бога, а говорю, что мог Бог воплотившийся родиться от жены, так как Ему все возможно» («Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы», М., 1904, с. 213).

В ответ на благую весть Архангела Мария произносит величайшие слова, когда-либо произнесенные человеческим существом. В этих словах подтверждение и оправдание Ее избранничества, возносящего Царицу Небесную над херувимами и серафимами: «Се раба Господня: буди мне по глаголу твоему» (Лука, I, 38).

Во все времена рабство слыло состоянием постыдным и унижительным, однако со времен Ветхого Завета верующий торжествуяще называл себя рабом Божиим, и между этими двумя как будто исключаящими друг друга позициями на самом деле нет противоречия. Мирское рабство постыдно и унижительно, поскольку раб обречен подчиняться чужой воле, а чужая воля после грехопадения не может не быть злом. Но и собственная воля не лучше, ибо и она зло; человек, подчиняясь ее прихотям, утрачивает собственную личность и оказывается рабом безличного греха, даже если это так называемое либидо или подсознание. Только Богу угодна неповторимая личность человека, образ Божий и подобие. Поэтому истинная человеческая воля есть воля Божья, так как Бог не хочет ничего, кроме человеческой свободы, невысказанной без Божьего всеведения и всемогущества, и только Раб Божий есть человек истинно свободный. Истинная свобода и человеческое достоинство прозвучали в смиренном ответе Девы Марии, засвидетельствовавшей, что Она творение Божие, самобытное благодаря всемогущему Творцу и свободное в Своей покорности, так как покоряется Она Творцу, не желающему ничего, кроме Ее осмысленной свободы. Непорочное зачатие совершается с Ее согласия. Церковь учит, что «Слово плоть бысть», когда Дева изрекла: «Буди мне по глаголу Твоему». Этим пророческим «буди» чающей веры вознаграждены предшествующие вопросительные «каково будет» и «как будет сие», внушенные целованием девственного целомудрия.

Торжествующая песнь Приснодевы вся основана на невероятном сочетании несочетаемого: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Бозе Спасе моем: яко призре на смирение рабы Своея: се бо, отныне ублажат мя вси роди: яко сотвори мне величие Сильный, и свято имя Его: Сотвори державу мышцею Своею: расточи гордыя мыслию сердца их: низложи сильныя со престол и вознесе смиренныя: алчущия исполни благ, и богатыяся отпусти тщи: Восприят Израиля отрока Своего, помянути милости, якоже глагола ко отцем нашим, Аврааму и семени его до века» (Лука, I, 46–55). Гордые гибнут не от внешней карающей силы, а от мысли собственного сердца, совершая непростительное самоубийство. Напротив, Приснодева творит величие Сильный, так как видит смирение рабы Своей. Так раба Господня становится Царицей Небесной, Чье смирение граничит со всемогуществом. Ее ублажат все роды, из чего явствует, что Израиль в Ее устах — лишь обозначение единой Церкви, Ветхозаветной и Новозаветной.

В современном языке церковь и храм синонимичны. Иерусалимский храм был средоточием ветхозаветной Церкви. В этом Храме воспитывалась Дева Мария. Там посетали Ее ангелы. С этим Храмом связаны сло-

ва, обращенные Богоматерью к Ее Сыну. Каждый год на Пасху Иосиф и Мария отправлялись в Иерусалим. Однажды на обратном пути они обнаружили, что их сын, двенадцатилетний отрок Иисус, не с ними. Иосиф и Мария вернулись в Иерусалим и нашли Его в храме среди вероучителей, пораженных Его разумом, Его вопросами и Его ответами. Мария обратилась к Своему Сыну со словами, которые на Ее месте сказала бы любая мать: «Чадю, что сотвори нама тако; се, отец Твой и аз боляща искахома Тебе» (Лука, 2, 48). Эти слова полны материнской заботы. Мария как бы забыла о том, как таинственно был зачат Ее Сын, остающийся Господом Вседержителем и в Своем земном воплощении. Такое забвение она будет испытывать неоднократно, пока Ее Сын вверен Ее родительскому попечению, и всегда к Ее материнскому чувству будет примешиваться тревога о Нем и скорбь, опережающая и предвосхищающая события. Такова была цена и условие Его земного воплощения. Богоматерь никогда не забывала, что Ему предстоит пострадать и умереть как земному человеку, и потому, по-матерински озабоченная странностями Своего первенца, Она как бы даже не понимает Его ответа: «Что яко искаста Мене; не веста ли, яко в тех, яже Отца Моего, достоин быти Ми» (Лука, 2, 49). Очевидно, непонимание проистекает от того, что слово «отец» употреблено Матерью и Сыном в разных смыслах. Мария говорит о старце Иосифе, а Иисус — о Своем Отце Небесном. Но и эти непонятые Ею слова Мария запомнила. Евангелист Лука неоднократно подтверждает: «Мария же соблюдаше вся глаголы сия, слагающи в сердца своем» (Лука, 2, 19). При этом Богочеловек повинуется Своим земным родителям, как велит ветхозаветная заповедь (Лука, 2, 51). Таково могущество тварного смирения, которому вторит и всемогущество Творца. Известно, что Свое первое чудо Христос совершает по настоянию Богоматери.

На свадьбе в Кане Галилейской она произносит всего три слова: «Вина не имуть». Удивляет суровый ответ Иисуса на эти простые слова: «что (есть) мне и тебе, жено; не у прииде час Мой» (Иоанн, 2, 4). То есть, не пришло еще время Мое. Богочеловек не может не знать: совершая первое чудо, Он вступает на путь, ведущий на крест. Страшное пророчество заключается в словах «вина не имуть», ибо истинное вино — Его кровь, кровь Нового Завета. Обратившись к Сыну на свадьбе, Мария и Себя обрекает на муки материнского сострадания, как предсказывал в Храме старец Симеон: «И Тебе же самой душу пройдет оружие: яко да открыются от многих сердец помышления» (Лука, 2, 35). И Она тоже делает шаг в сторону креста, у которого Она будет стоять, когда распнут Ее Сына. Его горьким ответом, в сущности, уже предварена отчаянная мольба, сорвавшаяся с Его уст в Гефсиманском саду: «Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от мене чаша сия..» (Матф. 26, 39). Однако Богоматерь, смиреннейшая раба Господня, на этот раз настаивает на Своем: «Глагола мати Его слугам: еже аще глаголет вамъ, сотворите» (Иоанн, 2, 5). Он велит наполнить сосуды водой, и, оказывается, в них вино. Невозможно для человеческого разума определить, повинуется ли Он Матери, как было сказано, или Она повинуется Божественному Промыслу, вольно или невольно подвигая Сына на искупительную жертву: «Не моя воля, но Твоя да будет» (Лука, 22, 42). Смирение рабы Господней является продолжением всемогущества Божьего, но и в Божьем всемогуществе участвует смирение Царицы Небесной.

Так или иначе, нельзя не вспомнить слова русского поэта Вячеслава Иванова: «Бог создал мир, чтобы создать Богородицу» (Вячеслав Иванов. Собр. соч. Брюссель, 1971, т. I, с. 68).

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЕДЬМОМ АПРЕЛЯ

«Днесь спасения нашего главизна и еже от века таинства явление», поется в тропаре на Благовещение. Как все-таки выразителен церковно-славянский язык! Чтобы передать смысл этой фразы нашей бюрократически формализованной речью, надо сказать вдвое длиннее: «Сегодня во исполнение Божьего Замысла совершается таинственное событие, которым открывается дело спасения человеческого рода». Одно сравнение этих двух предложений показывает, как мало понимают те, кто призывает перевести богослужение на русский язык, чтобы «не утаивать от народа слово Божье». Если бы они поменьше теоретизировали и почаще ходили в церковь, им бы стало ясно, что слово Божие как раз в церковно-славянской речи находит свое адекватное выражение, так как красота формы соответствует при этом глубине содержания, а емкость лексики, идущая от идеального языка богословия, на котором разговаривали греки Кирилл и Мефодий, обеспечивает необыкновенную лаконичность...

Но вернемся к тому языку, который нам дан сегодня. Итак, таинственное, необъяснимое событие, чудо. А поскольку оно идет первым в цепи таких же необъяснимых событий, ведущих к нашему искуплению Бого-человеком, то это чудо из чудес. Это и воплощение невместимого Бога в крошечную зародышевую клетку, и безмужнее зачатие. Куда уж больше! Можно ли придумать что-либо еще, где естественные законы отменялись бы в таком же масштабе?

Но давайте поглядим внимательнее. Не ограничиваясь восклицанием «Дивны дела Твои, Господи!», попробуем подойти к феномену Благовещения «науочно».

Конечно, тут сразу напрашиваются два возражения. Во-первых, не будет ли это кощунством? Подобаает ли благочестивому человеку разглядывать таинство в электронный микроскоп? Во-вторых, нет ли в самой постановке проблемы внутреннего противоречия? Церковь учит, что Благовещение непостижимо, и мы, кажется, с этим согласны, но тем не менее хотим его постигнуть. Где же логика?

Не отведя эти возражения, нельзя было бы двигаться дальше. Но они оба легко отводятся.

Первое из них есть побочный результат антирелигиозной пропаганды недавнего прошлого. Она неизменно изображала христианство обскурантизмом, враждебной интеллекту слепой верой, и это как-то засело в нашем сознании. Но если бы оно действительно отвергало интеллектуальную деятельность в Богопознании, то было бы невозможным существование христианского богословия. А оно не просто существует, но и является самой стройной и самой универсальной из всех философских систем, представляет собой подлинную «полноту истины», куда входит и истина как рассудочное познание. Все святые отцы высоко ценили человеческий разум, отмечая, что именно его наличие отличает нас от животных, и призывая постоянно им пользоваться. Нашей церковью причислена к лику святых великомученица Варвара, которая, глядя на окружающий мир из окна башни, «вычислила» Бога дедуктивным методом, и это вменяется ей в достоинство. Рассуждение и логика являются для настоящего христианина столь же естественными, как дыхание, и применяются учителями веры к осмыслению всех евангельских событий, в том числе, конечно, и Благовещения. Есть, например, слово на эту тему константи-

нопольского патриарха Прокла, в котором блестяще вскрыта диалектика таинства. Так что мы лишь скромно продолжим освященную веками традицию. Второе же возражение к нашему намерению вообще не относится, ибо мы собираемся не познавать непознаваемое, а только нащупать его границы со стороны познаваемого. Наша задача состоит в том, чтобы определить, до какого места разум может проводить нас в восприятии Благовещения, чтобы потом сдать с рук на руки религиозные интуиции. Иными словами, мы попытаемся определить здесь объем чуда. Действительно ли он так уникально велик?

Есть причины, по которым эта проблема важна и интересна. Это не праздное любопытство, а то самое богословие, которым занимались десятки поколений христианских ученых и которое наше поколение обязано продвигать дальше. Может быть, именно сейчас пришло время поставить вопрос о разработке количественных подходов к чудесному, к отысканию хотя бы самого грубого критерия в этой области. Ведь искусство измерять все естественное ныне достигло высочайшего уровня, так что, если мы принципиально не можем измерить само чудо, мы можем достаточно точно измерить остальное и произвести операцию вычитания.

Но для чего это нужно? Из опыта науки хорошо известно, что главная ценность количественных методов состоит в придании достоверности качественным суждениям. Только измерения дают возможность физикам или астрономам превратить гипотезу в теорию, подозрение — в уверенность, догадку — в факт. Но почему бы этому не быть справедливым и по отношению к богословию? А в области богословия можно высказать важную гипотезу, которую очень хотелось бы проверить. Похоже, объем чуда, совершаемого Богом в каких-то целях, всегда минимален, так что Его домостроительство, называемое по-гречески «экономией», и вправду предельно экономично в смысле расходования сверхъестественной силы.

На чем основывается это предположение? Прежде всего на евангельских текстах. То, что эта сила, оставаясь для нас непостижимой, для Самого Бога измерима и действительно «расходуется», показывает следующее место. «В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?» (Мф. 5, 30). Услышав этот вопрос, коснувшаяся зади ризы Христа и получившая от этого исцеление женщина сильно испугалась, будто украла что-то вещественное. Видимо, вопрос Христа был строгим по своей интонации, может быть, даже грозным. Ему очень не понравилось, что Его благодатная энергия разбазаривается неизвестно кем и неизвестно для каких целей. Но Христос есть истинный Бог, единосущный Отцу и Святому Духу, следовательно, желание контролировать эту энергию присуще всей Троице и составляет ее божественную стратегию. Вероятно, бережное отношение к этой силе — один из принципов управления миропорядком. А вот другое любопытное место Евангелия: исцеление слепорожденного. Как Иисус исцелил его? «Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойди, умойся в купальне Силоам, что значит «посланный». Он пошел и умылся, и пришел зрячим» (Ин. 9, 6). Зачем Иисусу понадобились такие сложности — Он же мог просто сказать «виждь», и увидел бы! Но в этом случае объем чуда был бы намного более значительным. Иисус предпочел свести его почти к нулю: к наделению некоего материального субстрата свойствами лекарства, а все остальное предоставил действию обычной врачебной процедуры. Он сделал всего лишь то, что почти способен сделать хороший знахарь.

Гипотезу о минимизации чудес подкрепляют и теоретические аргументы. Это есть принцип наименьшего нарушения Богом естественного хода событий, означающий, что Бог старается максимально подчиниться Им же Самим установленным законам тварного мира при вторжении в этот мир. Такая внутренняя дисциплина вполне соответствует нашему представлению о Боге как о совершенном существе (Мф. 5, 48). Даже

земной царь, если он достаточно умен, всегда будет уважать собственные указы и постановления, подавая этим пример своим подданным, и только крайняя необходимость может побудить его отменить их для себя в таком-то месте и в такой-то момент. Если он, например, распорядился, чтобы в воинскую часть никого не пропускали без пароля, то, подойдя к караульному, обязательно сам произнесет пароль, а не будет кричать: как ты смеешь меня задерживать, я твой царь! Тем более должен так вести себя гораздо более умный Небесный Царь. И действительно, в течение всей Своей земной жизни Иисус, как лицо двойной природы — божественной и человеческой, — проявлял неизменное двойное законопослушание. Как человек, он смиренно подчинялся людским установлениям, законам в юридическом смысле этого слова, традициям и обычаям. Он пошел креститься водой у Иоанна, хотя Ему это совершенно не было нужно (Мф. 3, 14). Он пожертвовал деньги на храм, принадлежащий Богу, то есть Ему Самому (17, 27). Он покорился арестовывающим Его первосвященникам, хотя мог бы обратить их в камни или испепелить (26, 52). Как Бог, Он с таким же смирением относился к законам природы, то есть к установлениям Пресвятой Троицы, куда входит и Сам. И если Он и сотворил на глазах людей множество чудес (Ин. 21, 25), прибегая к локальной и временной отмене этих законов, то это делалось не просто так, а ради создания у людей психологической готовности к принятию христианства. Это было важнейшим этапом создания спасающей Церкви, осуществлением дела Божественного домостроительства, а значит, в конечном счете, продолжением и завершением сотворения мира.

Насколько же велик был выход за пределы естественного в «главизне нашего спасения»?

«Эмбриогенез начинается с сингамии». Эта фраза, взятая из учебника биологии, на обычный язык переводится так: «Развитие зародыша начинается с оплодотворения». Что может быть тривиальнее этой сентенции? Разве только «Волга впадает в Каспийское море». Но если вдуматься в нее, она может удивить и стать толчком к плодотворным размышлениям. Если мы хотим что-то понять, нам прежде всего надо учиться удивляться простым вещам. Такое удивление было главным двигателем науки. Ньютон удивился тому, что яблоко падает на землю, и так родилась теория тяготения. Эйнштейн удивился тому, что масса пропорциональна весу, и так возникла общая теория относительности. Я приглашаю вас удивиться и тому, что эмбриогенез начинается со слияния двух половых клеток, называемых гамететами, в оплодотворенную клетку, называемую зиготой. Удивительно здесь то, что гаметы, находившиеся до этого в организме в течение многих лет неизменными, после этого сразу взрываются активностью. С места в карьер зигота начинает делиться — сперва пополам, потом на четыре клетки, потом на восемь, а вскоре начинается неопишуемая по сложности и тонкости дифференцировка клеток и тканей и возникновение органов. Все выглядит так, будто после оплодотворения происходит пробуждение от спячки, будто включается какой-то мощный механизм создания, строящий по определенному плану организм данного вида.

Поскольку этот план должен включать в себя описание миллиардов будущих клеток, их взаимного расположения, их взаимных связей, число которых будет иметь порядок уже миллиарда в квадрате, а сверх того и точный хронометраж их появления на своем месте, он не может поместиться в самой зиготе и должен находиться где-то вне ее. Это признают скрепя сердце даже эмбриологи-материалисты. Но тогда лучше говорить не о включении механизма, а о подключении оплодотворенной клетки к какому-то внешнему источнику информации, снабжающему ее необходимыми инструкциями на протяжении всего развития. Эмбриогенез точнее всего описывается словами царя Соломона: «Премудрость построила себе дом» (Пр. 9, 1). Что же такое эта премудрость? Так как она невещественна и при сформировании под ее управлением тела животного соединяется с ним и одушевляет его, то она есть душа этого животного.

го. Впервые она соединяется с его телом именно в тот момент, когда из двух гамет образуется зигота: оплодотворенная клетка уже является одушевленной, иначе она не начала бы жить и расти. Конечно, «вся душа» вначале в нее не вмещается, однако, пребывая в основном вне ее, она уже начинает распорядиться зародышем и хлопотать о расширении и обустройстве своего будущего жилища, которое намеревается сделать своей резиденцией. Короче, душа уходит в плоть уже на стадии одноклеточного эмбриона, и с этого момента можно говорить о живом существе, об индивидууме, а в случае высших животных и человека — и о личности.

Акты воплощения душ в зародыши происходят на земле и в воде уже в течение сотен миллионов лет и в количестве не менее миллиона в секунду, так что если это и чудо, то «обыкновенное чудо», а значит, не чудо в том смысле, который нас с вами сейчас интересует. Но прежде чем переходить к необыкновенному чуду Благовещения, надо затронуть еще один принципиальный вопрос: откуда берется воплощающаяся в зиготу душа?

По этому поводу высказывались две точки зрения. Согласно первой, души изначально существуют в невидимой области бытия и, выстраиваясь в очередь, ждут своего шанса воплотиться. В крайней форме эта теория отражена в индуистской религии переселения душ. Она не может быть принята по той причине, что в ней индивидуальное оторвано от родового: сегодня некто является человеком, а завтра он же может сделаться свиньей. Это противоречит неоспоримому факту двухприродности всякого живого существа: любая личность есть не только «Я», но и «Мы». Более тонким было учение великого христианского ученого третьего века Оригена о предсуществовании человеческих душ. Однако на Пятом Вселенском Соборе 553 года оно было отвергнуто как заблуждение. С этим нужно согласиться, и не только потому, что определения Церкви всегда вернее мнений отдельных богословов, но и по логике. Достаточно спросить себя о количестве заготовленных душ, чтобы утверждение Оригена представилось надуманным. В идеальном варианте число предвечных душ должно в точности равняться числу всех оплодотворенных в ходе истории яйцеклеток, а это значило бы, что половая активность бесчисленного количества животных заранее предопределена и в мире отсутствует свобода. Если же предположить, что души были наделаны Богом с запасом, то это было бы с Его стороны слишком жестоко: души, которых не хватит зигот, обречены на страдание, так как их стремление к активности останется нереализованным.

Не проще ли предположить, что между материальной и идеальной компонентами появляющегося во вселенной нового существа должна быть симметрия: как зигота возникает в самый момент оплодотворения, а до этого ее не существует, так и воплощающаяся в ней душа возникает в этот же момент, а не раньше. Это отвечает тому принципу «экономии», о котором мы говорили выше. Содержать в Своем Царствии мириады душ, которые, может быть, будут затребованы, а может, нет — это не стиль премудрого Бога, все решения Которого отличаются высокой эффективностью и особым изяществом. Скажем, в иммунной системе организма антитела не запасаются заблаговременно, а начинают синтезироваться в момент появления в них необходимости. Заранее заготовлены лишь программы их синтеза, записанные в кодах ДНК. Как только разведывательные клетки обнаруживают антиген, РНК начинает снимать с этих программ копии и включает в действие рибосомы, собирающие из нужных аминокислот соответствующие белки.

Этот пример можно рассматривать и как подсказку. По аналогии с хорошо изученным наукой механизмом строительства конкретного белка можно догадаться, как устроен механизм строительства организма в целом, механизм эмбриогенеза. Деятельности рибосом, находящихся только в цитоплазме, соответствует функционирование всей совокупности материальных структур организма. Деятельности РНК, которой доступно как ядро, так и цитоплазма, благодаря чему она доставляет коды бел-

ков от ДНК к рибосомам, соответствует деятельность индивидуальной души, способной находиться и «здесь», и «там» и поэтому тоже выполняющей посреднические функции. Что же в таком случае надо уподобить молекуле ДНК, не выходящей за пределы клеточного ядра? Очевидно, тот самый «план вида», существование которого ощущают все эмбриологи, не решаясь признать его абсолютной реальностью, как еще две с половиной тысячи лет назад это сделал Платон. Они не способны к такому признанию потому, что эйдос вида целиком находится «там», а никакого «там» для науки не существует. Поэтому она обречена не понимать сути эмбриогенеза, как был бы обречен не понимать сути синтеза белков исследователь, обладающий странным дефектом зрения: не видящий клеточного ядра. Для всех же тех, кто не страдает профессиональной болезнью зрения ученых, приведенная аналогия многое ставит на места. Да, никакого сонма заготовленных для воплощения душ у Бога нету, а есть по одному невещественному образцу для каждого биологического вида, в том числе и для человека. А когда происходит слияние двух гамет и образуется зигота, с этого образца снимается копия, обладающая способностью входить «сюда» и соединяться с зиготой, становясь ее душой и начиная направлять ее развитие по невидимому плану, к которому продолжает иметь доступ. Это предусмотрено самим миропорядком и, однажды будучи установлено Богом, уже не требует Его специального вмешательства. Как только происходит оплодотворение, так сразу же в мире появляется новая личность. Таков космический закон воплощения.

Теперь о безмужнем зачатии. У низших животных оно распространено достаточно широко и называется партеногенезом. В этом случае сливаются две гаметы одного хозяина. Это бывает у дафний, коловраток, тлей, пчел, а в некоторых случаях и у птиц. Но более развитым видам партеногенез не свойственен. Почему? Либо потому, что у высших животных имеется какой-то экранирующий механизм, не дающий слиться двум гаметам одного организма, либо потому, что при слиянии таких гамет им не придается душа, то есть имеется экранирующий механизм, препятствующий одушевлению такой «кровосмесительной» зиготы, вследствие чего она остается мертвой и не развивается. Материал, полученный в ходе экспериментов по искусственному оплодотворению, позволяет думать, что верно не первое, а второе объяснение.

После этого экскурса в биологию вернемся к нашему основному вопросу.

В слиянии двух собственных гамет Девы Марии чуда еще не было — такое слияние в принципе может произойти у всякой женщины. Необычным было то, что образовавшаяся клетка стала развиваться. Но это объясняется тем, что с ней соединилась способная руководить ее развитием духовная монада, так что и тут нет ничего удивительного. Этой монадой было Второе Лицо Троицы, Бог Слово. Он пожелал Самим Собой заменить душу зиготы и исполнил Свое желание. Сильно ли пришлось Ему при этом нарушить законы природы? Не пришлось совсем. Дом, который Он начал себе строить, ни у кого не был Им отнят, но все равно остался бы пустующим. Обычная человеческая душа не могла вселиться в него, так как партеногенеза на уровне человека не происходит. Он занял горницу, которая была никому не нужна, на которую никто не претендовал. Как это поучительно! Даже ради спасения человеческого рода Бог не захотел изменить судьбу одной-единственной души, которая автоматически устремилась бы к зиготе, чтобы в нее воплотиться, если бы это было обычное двухродительское зачатие. В этом случае Ему пришлось бы либо убить эту душу, либо, дав ей воплотиться, затем обожить ее, подняв до Своего уровня. Первое предположение неприемлемо, так как Бог никого не убивает. Второе тоже неприемлемо, ибо это чистейшее арианство. Таким образом, мы приходим к поразительному выводу: безмужнее рождество, которое богословы прошлого считали величайшим из чудес, в свете современной биологии предстает единственно возможным спосо-

бом Боговоплощения. Оставаясь тем Богом, каким Его знает православие, Спаситель иначе просто и не мог родиться.

Итак, нарушение естественных законов мы пока не обнаружим. Может быть, тогда Благовещение вообще не было чудом? Нет, элемент чудесного в нем все же имелся, хотя и совсем ничтожный. Дело в том, что все гаметы женского организма содержат икс-хромосому, а при слиянии двух таких гамет получается зародыш женского пола. А Иисус был мужчина. Значит, при воплощении в зиготу Бог изменил несколько химических связей в одной из гамет, переписав код «икс» на код «игрек». Это была переделка в тысячи раз более «ювелирная», чем работа любого искуснейшего ювелира: вмешательство в имеющиеся структуры было осуществлено почти на атомном уровне.

Таков был объем величайшего чуда, ставшего началом посприя смерти и дарования нам вечной жизни. Оказывается, самым чудесным из всего тут была малость этого объема. В этой невообразимой малости проявилась бесконечная Божья премудрость, которой слава во веки веков.

Андрей БЫЧКОВ

ЖДАТЬ АНГЕЛА

Мне не нужна церковь, мне нужно Евангелие мое. Не христианство, а Иисус. Христианство уже для фарисеев и саддукеев, для и против них, но Христос вечен и чист. Благоговею перед Ним.

«Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человек» (Лука, 2, 52). Так достаточно кратко говорит Евангелие о раннем периоде жизни Христа. Между тем этот первоначальный ясный период, так часто выпадающий из поля зрения комментаторов, представляется не менее важным. Тихие пейзажи Галилеи, горы и окрестности — вот земля обетованная для ищущих избавления от мирской суеты, подлости и страданий. Ведь Небо открылось Ему там, и там уже было избранничество, а потом — Силоамский источник, грязь, боль, несчастье. Потом — другое избранничество. Но ведь не поняли и не поймут! Ведь все равно не поймут, все равно, — и про Страшный суд. Церковью отмолят грехи и снова, снова — убивать. Как же явиться Ему? И как каждому повернуть стрелу времени в страдании его и в апокалипсисе его? Не хочу чуда. Кто придет, Христос или Рама? Или — не надо пришествия? Вера есть и преосуществление. Нет, нет, хочу...

Вот, попросили написать про начало, а я — про конец. Попросили как физика. А я — как кто? Как мертвый, который хочет воскреснуть?

Я буддист, буддист... Вот, признался.

Не до конца признался я. Я русский буддист. Я с Буддой и со Христом. Не «или-или», а «и-и». Не между, а — с. Юнг научил.

Ангел Господен является во сне и говорит... Вот начало. Ждать ангела.

А что как физик?

Да нет, ум не глуп, хоть и ниже. Просто это разные языки. И в начале ума — Слово.

Я думал про Христа: почему? Почему до двенадцати лет — Назарет, горы, ясность и чистота, радостные религиозные экстазы, а потом... Я тогда и про спонтанное нарушение симметрии думал, и про восстановление ее; такая есть в физике теория, что раньше все равно, в каком мире жить, и частицы легки, как свет, а потом вдруг симметрия миров нарушается и мы в каком-то одном из них заперты, и у частиц у тех, легких, тяжесть появляется, масса. И только ждать, ждать, когда температура во вселенной

или поле какое сильное восстановит симметрию и снова фазовый переход произойдет. Фазовые переходы... Я понимаю, что это все не более как метафоры, спекуляция это все. Но Бог есть. Один мой друг, космофизик, тогда, в разговоре, заметил мне, что и в теории эволюции вселенной (в начале сингулярность — Большой Взрыв) начало тоже ведь — вне (начало здесь я понимаю как начальные условия, значение волновой функции в начальный момент времени, произвольно по отношению к решающему уравнению), и Бог как начальные условия остается, не как даже законы природы, которые мы познаем и реконструируем из опыта. И я тогда про свое: Ангел Господен является во сне и говорит, а потом уже... Потом уже законы природы преосуществляют житие Христа.

Симметрия...

Когда же восстановимся? Когда не будет страха, боли, страдания? Никогда... Но — ясный Христос.

Владислав ОТРОШЕНКО

ЗРЕЛИЩА БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ

1993 года назад произошло событие, повторение которого в точности (теперь, послезавтра или через полмиллиарда лет) означало бы, что тогда... тогда, когда «накопец Она родила Сына Своего, первенца, и он нарек Ему имя: Иисус» (Матф. I, 25), состоялась величественная премьера ошеломляющего спектакля, предназначенного к многократному исполнению.

Ну а если не в точности. Если история Снисхождения Во Плоть повторится с некоторыми изменениями, неотвратимыми искажениями, то есть при других декорациях, свойственных другим месту и размеру? Повторимся, скажем, на юге России или на северо-западе Богом забытого (и вдруг Ему вспомнившегося) королевства Бутан. Зачем?

Или лучше поставить вопрос иначе — почему?

Почему так желательно и так ожидательно второе (не Пришествие во Славе для Суда, нет) Воплощение, — так, чтобы все сначала, от Рождения до Распятия, при жизни нынешнего зрителя?

Да потому, ответит начитанный светский философ, что Время есть явление циклическое и всякая живая душа бессознательно предощущает (или только преджелает, уязвленная страхом смерти, — поправит его пронырливый психолог) неизбежное движение по кругу. Суровый уличный проповедник (или веселый телевизионный, говорящий с прискоком) возразит и психологу и философу. Он скажет, что род человеческий за две тысячи лет не очистился от грехов, а только умножил их, запутался в своих мыслях, устремлениях и делах и потому теперь страстно желает (что само по себе похвально) повторения Урока. И более того, подхватит мистически настроенный журналист, повторение Урока возможно, быть может, без некоторых подробностей, без некоторых, так сказать, наглядных пособий — бичей, гвоздей, высокого креста между колоннами Казанского собора в Петербурге, где мы сейчас, вот прямо сию минуту, дамы и господа, имеем возможность (в кадре уже появляется простоудушно-серьезное лицо художавого человека в ризах, в узнаваемой — расщепленной — бородке, с длинными волосами на прямой светозарный пробор... ах, Создатель, Ты ведь можешь прослыть гримером провинциального театра!) взять сенсационное интервью...

— Скажите, Арсений, вы действительно считаете, что вы Сын Божий?

— Да, это открылось мне.

— Где вы родились?

— В городе Армавире, мне 33 года.
— В чем состоит теперь ваша миссия?
— Настало время предупредить человечество, что оно стоит на краю страшной пропасти... Если и на этот раз оно не услышит предупреждения, оно погибнет... И мой Отец... послал меня сюда для этой миссии — предупредить и научить.

— Но почему вы посланы именно в Россию? И почему...

...Да, так вот — почему?

Потому, дети мои, сказал бы, пожалуй, Апостол и Евангелист Иоанн, — потому повторение зрелища более желательно, когда уже есть и пребывает веками Слово, что зрелище всегда было желательней Слова, и прельстительней Слова, ибо зрелище ни к чему не обязывает, оно лишь впечатляет... Все уже сказано, и большего не скажется. Повторяйте Урок по Слово, зрелища больше не будет.

Е. ЛАПУТИН

ИСКУШЕНИЕ ИРОДА

... и еще кто-то сказал, что только выживший из ума женоненавистник мог отдать приказ перебить всех детей в Вифлееме и его округе, ибо дети являются самым естественным проявлением женской сути и, главное, свидетельством здоровых брачных отношений.

Обидно было чувствовать себя жертвой такого нелепого слуха: был он очень даже неравнодушен к душистым женским телам, мог быть и нежным ворковальщиком, когда имел дело с вельможной и знатной красавицей, и грязно-алчным распутником, когда во всех дверных проемах дворца извивались голые прелюбодейки — весь Иерусалим просыпался тогда от какофонии содомических оргий.

А слух тот вовсе не улетучивался, а напротив, креп и зрел, становясь день ото дня чем-то почти осязаемым и материальным, и никак не удавалась Ироду схватить за руку того мошенника, в гниющих мозгах которого могла родиться эта нелепая гадость.

Оставалось лишь немо негодовать, внешне ничем не выдавая своей ярости, и лишь однажды терпение изменило ему, когда на глаза попала совершенно отвратительная картинка, на которой неизвестный шутник не без изыщества изобразил самого царя Ирода, обласкиваемого сзади полууголого солдата, лохматое лицо которого было обезображено похабной сладострастной ухмылкой. Да, терпение изменило ему; с рычанием метнул он острую пику в истукана слугу, метясь в сердце, но когда на вопли бедняги в опочивальню царя вбежали лукавые царедворцы, то даже и капли крови никто нигде не нашел: оказалось, слуга голосил от страха.

Он подумал тогда, что вот прямо сейчас, в назидание насмешникам, он заставит доставить сюда ту самую Рахиль (что до сих пор содрогалась на городской площади, оплакивая своего самого младшего сына), бросит ее, обнаженную, на стол, заставленный яствами, но вдруг загодя начал бояться, что оплошает на глазах у стольких заинтересованных зрителей, успокаивая, правда, себя тем, что ему никогда не нравились иудейские женщины с их многозначительной лупоглазостью, грушевидными грудями, лироподобным изгибом бедер и тяжелыми косами. Странно, но никогда прежде он не боялся карабкаться по нескончаемым женским ступеням, зная наверняка, что где-то там, на греховных высотах, он все же брызнет каплями собственного мутного наслаждения.

И, Господи, как же было страшно теперь! Уже наперед он видел язвительную усмешку в заплаканных глазах Рахиль, он видел свою трусливо-

судорожную, обреченную на неудачу попытку, во время которой опрокинется кубок с красным вином, и кровавое пятно, медленно по белоснежной скатерти, неизбежно напомнит ему о собственном злодеянии.

И уже не знал он, то ли удивится ему, то ли и в самом деле в пыльных закутках дворца челядь шептала, что царь Ирод стал жаловать только мужчин, что ни египетские, ни римские красавицы больше не способны вызвать живость в его — теперь вечно вялых — глазах и шевеление в чреслах, но зато что-то подозрительно часто наведываются к нему бородастые заморские купцы, которые — после длительного уединения с царем — выбирают наружу еле передвигая ноги, неприлично взлохмаченные и блаженно истомленные.

Он перестал пускаться к себе купцов, но слухов этим не прекратил — все время не слышал, но чувствовал он за спиной издевательский шепот, который настолько извел его, затравил, что Ироду ничего не оставалось делать, как на каждом углу глубокомысленно намекать, каким похотливым ознобом он объят последнее время. Доказывая могу-ее и ненасытное свое мужское ухарство, он устраивал ночные развратные игрища, распавшая настужа окна дворца, чтобы все окрест могли слышать, как визжат от восторга прекрасные блудницы, замученные до полусмерти каменной булавой своего повелителя. Но чем громче верещали они, тем грустнее становилось Ироду; ясно осознавал он, что случилось с ним что-то: неотвратимо исчезало его сладострастие. Он заставлял блудниц умачать его тело чудотворным бальзамом и мазями, но сила, появляющаяся в нем, была скорее следствием привычки, но не проявлением подлинного желания.

Ему казалось, что внутренний страх и неуверенность его вскоре станут известными всем, тем более что люди продолжали сплетничать о царе. Люди так много сплетничали о царе, что сплетни постепенно превращались в правду, к которой, как к липкой смоле ободранного дерева, прилипали совершенно безумные объяснения: де именно потому Ирод уничтожил всех мальчиков-младенцев, ибо боялся, что со временем найдется один среди них, который обесчестит и самого царя.

Впрочем, он уже был почти обесчещен: в одну из оргий Ирод прочел ясное разочарование в глазах обнаженной танцовщицы и, опустив голову, на голых своих ляжках увидел нечто безжизненное, почти бесформенное и вовсе не царское...

Он что-то выведывал у сына своего Акиллы, стремясь заразиться его молодостью и беспечностью, но замечал в ответ лишь мрачную досаду на его лице, а еще — обеспокоенность: видно, и сын поверил в гнусные слухи и теперь боялся, что отец и к нему подкрадется сзади.

Всю жизнь любил он забавляться фантазиями, но последнее время прихотливые фантазии его потеряли ажурность и превратились в липкий грязный бред. Он вдруг разуверился в том, о чем галдычили саддукеи, и стал на свой лад размышлять о жизни после смерти, но снова получался только липкий бред: где-то там, в пепельной духоте, поджидали его смрадные чудовища, которые куриными лапами раздвигали живого мертвого царя донага и выпуклыми глазами изучали его бессильные чресла, в конце концов решая сварить их в котле.

И уже не знал он, где есть жизнь, а где есть бред. И иногда — особенно в черно-пушистые, безветренные ночи — ему начинало казаться, что он уже давным-давно умер, но продолжает невидимо жить, в какую-то дырочку перед глазом подглядывая в продолжающееся бытие: а что там происходит без меня? И вот что было досадно — никак он не мог вмешаться в события и поправить их описание, и поэтому приходилось только молчать и в обиде надувать щеки, когда неведомые ему апостолы так скупко сообщали о его знаменитом злодеянии.

А иногда казалось ему, что он все-таки продолжает жить, и те самые чудовища на куриных ногах преследуют его. Он убегал, убегал от них, а они без труда его догоняли и, царапая перламутровыми когтями, сдирали одежду и ставили на четвереньки перед знатного вида чужестранным

господином, которого, правда, портила слишком острая борода и явная козлоногость. Сперва он робел и стеснялся своей унижительной позы, но чужестранец был ласков, бережно глядя царя своими ледяными перстами... И однажды так восхитительно-больно и горячо стало собственной бесконечной спине!..

После той очищающей боли царь успокоился и будто бы сразу прозрел: он как-то оравнодушел к людям, не без брезгливости наблюдая за их каждодневными хлопотами.

А накануне его окончательного исчезновения было ему видение: будто бы тот чужестранец ждет его в стаде козлов, чтобы лично присвоить Ироду козлоногий титул и приклеить к его лицу острую изогнутую бороду, и царь откликнулся и бежал куда-то, чтобы, уже бездыханным, быть найденным наутро жителями Иерусалима. Царь был наг, лежал на животе, и мухи уже слетались на его окровавленную спину. А кто-то даже заметил, как, покачиваясь от мерзостного наслаждения и смертельной усталости, прочь от мертвого Ирода уходил бесконечно черный козел.

Юрий ВЯЗЕМСКИЙ

И НА ЗЕМЛЕ МИР

Вижу, потому что слышал. И наверняка многое слышал не так и не то, а из истинного многое не услышал, хотя говорили, и не увидел, хотя показывали, потому что не искал, не стучался, хотя с того самого дня открыто и можно обрести, если не глух и не слеп. Но глух я и слеп. И все-таки слышу и вижу, ибо сказано ведь: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир». Всякого!

Однажды утром старик вышел из дома и увидел: вот, небо покрыто облаками, а значит, удобно отправиться в путь; солнце в тех краях жаркое и даже в зимнее время днем идти трудно, а для беременной жены — изнурительно.

Быстро собрались и пошли. И пока, пристав к попутному каравану, шли сначала через Галилею, а потом через Самарию, и когда вступили в Иудею и поднялись к Иерусалиму, даже тогда солнце не ослепило и ветер не развеял облачную пелену, три дня кряду осенявшую путь из Назарета в Иерусалим. И дождь ни разу не пролился, хотя воздух был влажным и мягким, освежающим путников.

Шли легко и радостно, и старик несколько раз подумал: хорошо, что не послушался тех, кто отговаривал брать Марию с собой; вот-вот родит, и кто ей там, в Назарете, поможет; к тому же она ведь единственная осталась в своем роде, ни братьев, ни сестер не имеет, а такие женщины как наследницы имени подлежат переписи наравне с мужчинами.

Не остановившись передохнуть в Иерусалиме, поднялись дальше по Хевронской дороге и через три часа свернули с дороги к Вифлеему.

Первым делом, когда стали спускаться с горы, Иосиф постучался в свой собственный дом, в котором жили его дети от первого брака. Много их было, у некоторых имелись собственные семьи. Новую жену Иосифа они не то чтобы не любили, но некоторые относились к ней настороженно. К тому же ютились в тесноте и бедности, а тут еще по случаю переписи и скопления народа сдали несколько комнат каким-то, как они объясняли, дальним родственникам, но Иосиф понял, что чужим и за деньги. И хотя никто не сказал отцу: нет, мол, для тебя и для жены твоей места, старик и сам увидел, что места нет. И, взяв Марию, пошел вниз по улице.

Сперва стучался к знакомым, затем заглянул на несколько постоялых дворов, но и там свободных комнат не оказалось.

Так, бесприютные, прошли они через весь Вифлеем и лишь в самом низу, уже не в городке, а за его чертой увидели горящий фонарь, ибо начинало темнеть и наступала ночь.

Хозяин последней на их пути гостиницы сказал: все комнаты заняты, но предлагаю вам разместиться в общем дворе, а завтра утром, может быть, еще где устроитесь. Ниже идти было некуда, потому приняли то, что было предложено.

Это я слышал. А вижу другое:

двор общественной гостиницы, на котором возле тлеющего костерка вповалку спят люди, бедные и многие почти нищие, пришедшие сюда со всех концов страны на перепись, которая сделает их еще более бедными и уже совсем нищими;

у одного из хлебов — небольшого углубления в известняковом склоне, нависшем над постоянным двором, — сидит старик с испуганным лицом и молитвенно сложенными руками и лицом своим словно приглашает, ищет, кушает заглянуть ему за спину, туда, в хлев-пещеру, а руками своими, телом напряженным как бы заслоняет вход, спрашивает тех, кто спит во дворе, не просыпаться, не шуметь и не заглядывать;

а там, в пещере, спиной ко входу — девочка лет четырнадцати, склонилась к кормушке для скота;

в кормушке же — сверток пестрой материи, несколько раз обмотанный лентой... Даже лица ребенка не вижу. И девочка эта, только что родившая, собственными руками омывшая маленькое тельце, осолившая, по древнему обычаю, и спеленавшая в квадратный кус материи, видна мне пока только со спины.

Но велика сила писательского воображения! Напрягаю ее. Однако девочка не приблизилась, а, напротив, отдалилась от меня, и я воспаряю куда-то вверх...

Подо мною возник Иерусалим, город шумный, умный и беспокойный. Слышал я, что он никогда не спит, в любое время дня и ночи здесь можно весело провести время в квартале блудниц и фокусников; люди благочестивые всегда получают здесь наставления от любителей книжной мудрости; путники даже в пасхальные дни, когда в Иерусалим стекаются до двух миллионов паломников, могут найти здесь кров и пищу. Никогда не спит Иерусалим!

И однако Город-Храм словно вымер. В Нижнем Горре спали крикливые торговцы и шмыгливые разносчики, мытари и соглядатаи, блудницы и так называемые кинжалчики, бесстрашные и непримиримые борцы против римского владычества, но за умеренную плату готовые зарезать, задушить, столкнуть с кручи, утопить в бассейне, отравить и, если надо, загрызть зубами не только римлянина, но и самарянина и даже иудея. В Верхнем Городе спали более зажиточные фарисеи, боровшиеся за чистоту веры, против языческих обрядов и праздников, поганых многоэтажных и многоквартирных домов и даже самого вида необрезанных; ни один из них не корпел теперь над истолкованием священных иудейских книг, не грезил о воскресении мертвых и загробном воздаянии, в котором особенно достанется саддукеям, не верившим ни в воскресение, ни в воздаяние и осуждавшим толкование древних книг.

Сами саддукеи тоже спали, но чуть выше: в домах просторных, после трапез сытных, на постелях мягких, обняв своих благоухающих жен, из которых некоторые были наглыми эллінками.

В северном предместье, расположенном между храмом и Голгофой, не было не видно, не слышно ни одного из бродячих пророков, распевавших по ночам псалмы Давида и непрестанно выкрикивавших цитаты пророчества, предвещавшие скорое пришествие Великого Мессии, призванного возродить былую славу Израиля и сделать Иерусалим центром мира, куда со всех концов земли притекут и поклонятся народы, когда «воссияет звезда от Иакова и возникнет скипетр от Израиля»; — ни одного из них теперь не было на улицах.

Спал даже тот, кто давно не знал покоя ни днем ни ночью, ибо днем

гневно и огненно вглядывался в лица первосвященников и книжников, дворцовых служителей и городских управителей, военачальников и рядовых гвардейцев-галатов, никому не доверяя и всех подозревая в предательстве, а по ночам в безумной бессоннице тарашил в темноту остекленные от привычного ужаса глаза, перед которыми то тут, то там являлись в разное время убиенные им тесть и теща, шурин и зять, чужие сыновья и свои собственные, и каждую ночь — любимая жена Мариамма, убитая им в самом страшном и самом неистовом припадке безумия, которое никак не назовешь, а он, Ирод, называл любовью и ревностью. Но сегодня и он, Великий Злодей, спал, чему-то улыбаясь во сне; никто не являлся ему ни в эту ночь, ни в две ночи предыдущие, с той поры, когда загадочное облако осенило Иудею, Самарию и Галилею.

Граница облачности проходила к югу по северным пределам Иудеи, к востоку — над Дамаском, к северу — над Тиром, так что за исключением трех небольших областей над всей Римской империей господствовало безоблачное лунное и звездное небо.

И вот, несравненными по величию и красоте своей с провинциальными Иерусалимом предстали мне Город-Музей Мемфис, Город-Пантеон Вавилон и Город-Академия Афины. Неосененные миротворящей светлой тучей, они еще совсем недавно кипели жизнью, но девять часов назад, я знаю, покой спустился на Афины, через три часа после этого вдруг мгновенно замер многоголосый и толпотворящий Вавилон, а еще три часа спустя гигантская гипнотическая волна с севера накатилась на Александрию, наводнила Дельту и устремилась вверх по Нилу, усмиряя Мемфис, усыпляя Фивы...

На юге, на востоке и на севере в домах погасли светильники, улицы вымерли, в звездном мерцании превратившись в каменные миражи, в театральные декорации, в архитектурные бутафорские макеты; при этом особенно призрачными предстали мне храмы — так Ирод некогда хоронил убитую им Мариамму: на мраморный стол установил серебряную раку, в раку положил мертвое тело жены, а раку с телом наполнил прозрачным медом; так, словно в серебристой раке под стеклянной крышкой, предстали мне языческие храмы, залитые золотистым медом луны.

В одном из храмов я заметил статую мужчины: красивая фигура, сильные плечи, прекрасное лицо. На статуе прочел я надпись: «Бог, рожденный дабы благовествовать народам». Надпись была на греческом языке, и слово «благовестие» выглядело так: «ЕВАНГЕЛИЕ».

Именно он, живой бог, великолепный в мраморном своем изваянии, а во плоти болезненный и тщедушный, я знаю, за час до того момента, как я услышал и стал видеть, въехал в другой город, Величайший, Славнейший, в город — Столицу Мира. У этого человека было много имен и еще больше титулов, которые сперва тоже были почти именами, а затем стали самыми желанными звуками для тысячи тщеславных, самовластных, хищных, грозных и великих. Одно из таких имен-титулов — Август.

По давно установившемуся обычаю, он въехал в Рим ночью, чтобы, как он говорил, избежать неприятных ему, скромному гражданину, неистовых встреч обожествляющего его народа, а на самом деле из страха, опасаясь участи своего убитого приемного отца, Гая Юлия Цезаря.

За девять часов до его въезда в устье Тибра проходила репетиция грандиозного морского боя, за шесть часов до въезда — в римском амфитеатре травлей зверей завершилось гладиаторское представление, начавшееся еще рано утром, а через три часа после травли зверей и за три часа до въезда императора в сенате собрался избранный совет, на котором в строжайшей тайне обсуждался вопрос о присвоении Августу титула Отца Отечества; что титул этот должен быть присвоен — ни у кого сомнения не вызывало, а речь шла и споры кипели по поводу, как сие воплотить в жизнь, как исхитриться, рассчитать и дерзнуть, дабы величайший и скромнейший из всех живущих на земле людей титул этот принял, не отвергнул его, не помрачнел от народной навязчивости, не встревожился от чрезмерности проявляемого к нему обожания. Репетировать морское

колдунам и астрологам, чем государственным жрецам и предсказателям, темную Гекату предпочитают солнечному Аполлону. И все смотрят на Восток: оттуда, дескать, придет новый бог, единый и великий, который всех идолов сокрушит и которого все народы будут бояться и любить, любить и бояться.

Бог с Востока, мысленно повторил Август и вдруг рассмеялся, вспоминая, как недавно Квирин рассказал ему о некоем пророке, утверждавшем, что скоро Рим падет и всем миром завладеют иудеи. Помню выдумки блудливой Клеопатры, ухмыльнулся Август. За ней хоть стоял Египет с его тысячелетней мудростью. А что стоит за старым безумным Иродом? Его сыновья, которых он превратил в свиней, или его свиньи, которых он провозгласил своими сыновьями?

Это надо запомнить, тут же отметил про себя Август: хорошее сравнение сыновей со свиньями, но лучше так: быть свиньей Ирода безопаснее, чем его сыном; это надо запомнить, чтобы как-нибудь произнести публично.

Если Рим некоторые острословы сравнивают с грандиозным театром, то Иудея — дешевый балаган, продолжал размышлять император. И я позволю им дурачиться только потому, что их главный кукловод, каким бы безумным ни казался он со стороны, в основном движении своей червивой душонки трезв и расчетлив: предан мне и Риму. И пока предан, пусть немного пофокусничает. Я пока разрешаю ему. Хочет провести перепись по древнему иудейскому обычаю? Пусть проводит. С Варом я договорился. Он за этим балаганом осторожно наблюдает. А за правителем Сирии Квинтилием Варом на всякий случай еще более осторожно наблюдает мой верный легат Сульпиций Квирин, знаток Иудеи и всех их глупых пророчеств.

Но насчет нового бога надо тщательно поразмыслить. Если они его так ждут, он должен прийти. И его приход должны подготовить не неврастеничные пророки, не заумные философы и не лупоглазые звездочеты, а опытные и расчетливые политики. Иначе придет не тот бог, который нужен народу, Риму и мне, его первому гражданину.

И все-таки надо спросить у жрецов, что это за звезда, на которую я сейчас смотрю и которая сегодняшней благодатной ночью как бы помогает мне мыслить, подумал Август.

Загадочно улыбнувшись, великий и таинственный в своем величии Август отправился спать. И во всем мире, как показалось мне, не осталось более бодрствующих людей. Кроме одного маленького семейства в провинциальной Иудее, в городишке, на самом дне его, на постоялом дворе, в хлеву, возле корыта для скота.

Впрочем, я был не прав. Приглядевшись, во мраке спящего мира я обнаружил четыре огонька.

Первый огонек светился в пригороде Афин, где трое каких-то людей, принеся жертвы в память философу Платону, молча отправились из Академии в сторону Пирея. Это были орфики, верящие в ежегодное воскрешение Диониса-Загрея и в то, что душа человека может достичь вечного блаженства и бессмертия, если только человек будет следовать религиозно-философским заветам древних поэтов и философов. С рассветом дня они надеялись сесть на корабль, чтобы плыть сперва на Крит, а затем через Родос и Кипр в Финикию.

Второй огонек и вторую троицу бодрствующих разглядел я возле малоазийского Гарса у переправы через реку Кидн. По их бедняцким одеяниям я заподозрил в них митраистов, членов общины почитателей иранского бога солнца Митры, спасителя людей и борца против зла.

Третий огонь, вернее островок огней углядел я на южном побережье Средиземного моря, в уснувшей Александрии, на восточной окраине которой почитатели египетской Исиды и греко-египетского божества Сераписа творили одну из своих священных пантомим. Трое человек затем отделились от факельного полухорья и исчезли в окружающей тьме.

Четвертый же огонь, тысячу лет назад зажженный, как рассказывают,

руками великого пророка Заратуштры и с тех пор неугасимо поддерживаемый жрецами-магами, горел в далекой Парфии. Но верховного хранителя огня не было рядом с ним уже целый месяц, ибо ушел он на юго-запад и три дня пребывал уже в Вавилоне, где вместе с индийцем из города Батна и коренным вавилонцем, евреем по отцу и халдеем по матери, с утра и до вечера проводил время в ученых беседах. Парфянин толковал о каком-то Саошайнте, который, если верить древним книгам, написанным самим Заратуштрой, родился от женщины, искупавшейся в священном озере, в котором вот уже тысячу лет чудесным образом сохраняется семя великого пророка. Озеро он называл то так, то этак и, судя по всему, не знал его точного названия и местонахождения. Но твердо верил, что спаситель этот должен вот-вот родиться, что будет он человеком праведным и благого происхождения и, возвестив истину людям, поведет их на последний бой со злом, ибо время злых мыслей, злых слов и злых дел уже подошло к концу и скоро наступит новая, добрая эра.

Индиец из Батны, таинственно улыбаясь, в основном молчал, а когда начинал говорить, то во многом соглашался с парфянином, однако уточнял, что звать воплотившегося будут и от века зовут Буддой; что не будет не только зла, но и добра, ибо никто не станет различать между ними, и что никакого озера для его великого рождения не требуется.

Вавилонца же более всего занимала третья сутки светившая над ними звезда. Шесть месяцев назад она уже являлась в небе над Вавилоном, потом исчезла, чтобы вновь явиться ровно через три месяца, и вот теперь, по прошествии нового трехмесячья вновь светила, необыкновенная, противоречивая и предвещающая. Противоречивая, ибо разные мудрецы по-разному о ней толковали: одни называли ее божественным небесным посланцем, вроде ангела; другие говорили: комета — и утверждали, что два года назад ее наблюдали далекие китайцы; третьи видели в этом небесном знаменнии соединение сразу трех светил — Юпитера, Сатурна и Марса. И едва ли не все вавилонские и пришлые в Вавилон мудрецы, звезду эту наблюдавшие, сходились во мнении, что она несомненно что-то предвещает и предвещает нечто великое, а иудеи говорили: в Иерусалиме родился наконец Мессия, сын от Господа, царь от дома Давидова, спаситель народа Израилева.

Три дня парфянин, индеец и вавилонец совещались и спорили друг с другом, теперь же молча сидели на пустынном берегу Евфрата, глядя на таинственную звезду. И парфянин думал: тысячи, десятки тысяч людей звезды этой не замечают, потому что мысли их нечисты, загрязнены ложью. Индеец думал: надо ни о чем не думать, тогда Истина сама отразится в тебе, как звезда эта отражается в спокойных водах реки. Вавилонец же думал: надо завтра, нет, лучше сегодня идти в Иерусалим; надо говорить мага и этого, из Батны, идти со мной; не так долг путь, когда идешь втроем и по дороге беседуешь о великом и таинственном.

Он уговорит их, с рассветом они тронутся в путь, через три дня потеряют путеводную звезду, зато через тридцать дней, достигнув Дамаска, приобретут шестерых сотоварищей: трех малоазийцев и трех египтян, а через сорок дней, придя в Иерусалим, встретят еще трех спутников — греков, прибывших туда из финикийского Тира.

Через сорок три дня в Вифлееме отправятся двенадцать «волхвов», «магов», «царей» — их будут потом по-разному называть; число уменьшат до трех, им припишут имена: Валтасар, Каспар и Мельхиор; одного изобразят седовласым старцем с длинной бородой, другого — безбородым румяным юношей, третьего — смуглым мужем средних лет. И все толкователи будут по-своему правы, ибо были среди них и волхвы, и маги, и отпрыски царских родов; были юные, зрелые и пожилые, смуглые, седовласые и безбородые; и кого-то из них действительно звали так, как потом вспомнит и назовет их достопочтенный Беда Саксонский. А некоторые толкователи даже припомнят, что в самом раннем восточном предании их было именно двенадцать и что в Евангелии, если точно перевести с греческого, будет не «с востока», а «с востоков» («апо анатолон»).

Они покинут Иерусалим в день смерти благочестивого старца, священника, кровными жертвами очищавшего грешных иудеев, помогавшего греческим прозелитам переводить на эллинизкий язык священные пророческие книги, человека, имя которого означает «услышание». Через сорок три дня умрет он, а сейчас жив и где-то спит в Иерусалиме или в его окрестностях...

Нет, и тут проглядел, отвлеченный Иродовым безумием, римской гордыней и вавилонскими мудрствованиями! Вот же он, Симеон, впоследствии названный «Богоприимцем», стоит у ворот запертого на ночь храма. Смотрит на облачную завесу, осенившую Иерусалим и даже самых злобных и беспокойных временно очистившую от ночных кошмаров, и вот кажется Симеону, что часть города словно уходит вверх, а другая, та, что у него за спиной, медленно сползает в бездну, а ему, Симеону, словно копы или меч вонзили в грудь, расширяя, разрезая, расчлняя душу, мысли и чувства, сомнения его и упования, страх отсекает от надежды, а боль от восторга. И как передать все это, болезненное и исцеляющее, жертвенное и блаженное, унижающее и возносящее, не только его, старика, повергающее и освобождающее от прежней жизни, но словно весь этот храм, всех его священнослужителей, все народы, весь мир, всю прежнюю историю?! Отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему, с миром? Неужто уже отпускаешь, или вот-вот сбудется и отпустишь наконец?! И страшно Симеону и радостно, и больно, и восхитительно, и плачет он, и беззвучно молится.

А рядом с ним еще один старик, которого я тоже не заметил,— тот не плачет, губы его сомкнуты, глаза закрыты. Девять месяцев молчал он, пораженный за неверие неожиданной немотой. Потом простили, и полгода опять разговаривал, пророчествовал, наставлял, учительствовал в синагоге и в храме. Но три дня назад вновь умолк, на сей раз добровольно, потому что испугался. Три дня назад вдруг взял и заговорил его шестимесячный сын, слава о котором и без того уже распространилась по всей нагорной Иудее и достигла Иерусалима.

Как заговорил-то, в страхе думал теперь отец. Лепет детский, а слова все взрослые: «покайтесь», говорит, что-то про лопату, про огонь, про воду, в которую надо погружаться. И откуда он мог слышать слово «секи-ра»? И что все это значит? Никто объяснить не может. Все меня спрашивают, ведь ты, говорят, первосвященник и книжник, все должен знать. А я не то что не знаю, боюсь знать. Спросил жену. А она, словно вопроса не слышала, сама спрашивает: как там Мария, ведь скоро и ей родить? Чувствую, что жене известно, было ей слово Господне, но она мудрее меня, не разглагольствует, молчит и молчанием своим свидетельствует.

Молчать надо. Пусть другие говорят, прославляют сына моего и Господа. А я буду молчать. Потому что когда молчишь, лучше слышишь. Просвети нас, Всевышний, сидящих во тьме и тени смертной, просвети, направь ноги наши на путь мира, сотвори милость народу Твоему, дай уразуметь мудрость Твою и младенца моего по благоутробному милосердию Твоему прости и защити. Не на беду ли свою заговорил он так рано?

Старик был одним из первосвященников. Звали его Захария. Жену его звали Елисаветой. Сына звали Иоанном, впоследствии прозванным Крестителем.

Пойду встречу пастухов, подумал затем первосвященник, скоро должны пригнать из Вифлеемской долины новую партию жертвенных животных.

Пастухов я не увидел. В расстоянии получаса хотьбы от хлева-пещеры я различил лишь несколько человеческих... как это лучше описать?... Рассказывают, что в Хиросиме на стене одного из домов запечатлелась как бы тень от человека... И то сравнение, и совершенно не то, ибо от ужасного к прекрасному. Но так ярко были освещены пастухи, что показались мне тенями, запечатленными на столпе, а сам источник света явился мне крошечной тьмой, от которой слепнут глаза, гложут уши, мысли перес-

тают быть твоими собственными... Весь мир с его Римом, Вавилоном, Иерусалимом словно расплавился и растекся перед моим внутренним взором, и в этом крошечном сиянии еще явственнее, еще вещественнее и... как бы лучше сказать?... обыденно-натуральнее, что ли, увидел я вновь и вновь не увидел вход в хлев-пещеру, а перед ним испуганно-восхищенного старика, древнего, как Иов, и юного, как всякий удивленный младенец. И этот полуграмотный старик думал на моих глазах: Господи, один Ты справедлив! Как я мучился, выбирая между суровостью Закона, предписывающего мне первому начать побивать камнями ту, что забеременела не от мужа своего, и моим беззаконным желанием простить эту девочку, но только не подвергать ее страшной казни, но не позорить ее вовсе. Довольно быстро выбрал я второй путь. Грех решил взять на себя. Погрешив против правды, мне казалось, я не погрешу против этих ласковых глаз, которые молча смотрели на меня, пока я мучился и терзался, улыбки ее, такой чистой и невинной... Господи, один Ты справедлив! Отчаялся я на самое беззаконное и несправедливое: отпустить ее без суда, без письма, без оглашения, тайно! И не в том грех мой, что так решил, а в том, что в этот момент считал себя самым справедливым человеком, потому что, говорил я себе, закон без милости, правда без нежности не могут быть справедливы. Господи, прости меня, грешного! Ведь в тот момент я был самым несправедливым человеком на свете! Кто защитил бы ее, отпущенную на волю человеческой злобы и похоти? Кто заботился бы о ее ребенке? Страшно подумать! Как мало мы знаем и чувствуем, чтобы быть действительно справедливыми! Как ничтожны наши любовь и вера, если не разумеет даже тогда, когда Ты посылаешь сказать нам... «Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою»... Я подчинился Твоей воле, хотя поверил только сейчас, хстя ничего не понимаю и не могу понять. Кроме одного, которое буду теперь повторять каждый день вместо молитвы: воистину Ты один справедлив, один милостив и нежен!..

Лицо Иосифа я видел довольно-таки хорошо. Но дальше, тех, кто скрывался за его спиной, и раньше почти не видел, а сейчас, ослепленный и оглушенный, не вижу вовсе.

Но знаю, что совершеннее этой девочки не было, нет и не будет во всем человечестве, и самый праведный рядом с нею — грешник, самый богатый — нищий, а самый великий — презрен и ничтожен.

Верю, что девочка эта знала о величии своем: «отныне будут ублажать Меня все рода», «сотворил Мне величие Сильный» — такое из скромности не скажешь; и меру своей неземной царственности надо ощущать, чтобы в коротком гимне очертить перед вдохновенной Елисаветой всю грядущую историю человечества.

«Буди Мне по глаголу твоему» — от этой фразы зависела не судьба какой-то империи, пусть самой великой, — история мира, движение космоса и хаоса определились ее свободным ответом, и тихое ее, послушное ее «буди» преклонило небеса, позволило Слову стать плотью — и возстало падшее человечество и, кто знает, может быть, и Вселенная с тех пор перестала разбегаться... Так решила и так сказала в царственной своей скромности, ибо каждый скромник по сравнению с ней — наглец и каждый униженный — оскорбитель.

Но даже этой Пречистой, Пречестной и Пресвятой предстояло еще совершенствоваться; и многого еще не ведала, мысля в рамках старого сознания и старых представлений, и не раз еще будет не понимать Рожденного от нее, и страдать будет, и сомневаться, мучительно как бы уравновешивая человеческое свое величие с надмирной высотой Матери Господа. И нет выше человеческой правды, чем правда этой девочки, и тайны нет сокровенней, чем она сама, себе самой непостижная.

Ибо Младенец правдивее правды и таинственнее тайны.

Но кажется мне, что, родившись в сотворенный и спасаемый Им мир, выглядел Он самым обыкновенным и, может быть, даже слишком обыкновенным. Как свет Его глазам человеческим кажется тьмой, так и цар-

ственная колыбель явилась корытом для скота, дворец — постоялым двором, храм — хлевом, священники — сперва презренными пастухами, а затем рыболовами, мытарями и даже прокаженными. Здесь, в подлунном мире, гимном Ему была тишина, а те божественные звуки, которые слышали пастухи, были лишь отголоском, переизбытком той полноты радости и славы, которую просто не могли сохранить в себе небеса, тварные, как и мы, грешные; не удержали и выплеснулось на мгновение.

Лучшие художники мира затем будут приукрашивать красоту этой ночи. Но разве Сверхкрасота нуждается в этом? Разве человеческое эстетическое чувство способно распознать ее и вместить в себя?

Возвышенные мистики примутся описывать, а просвещенные богословы — объяснять, как такое можно представить себе: Младенец лежит в яслях и одновременно пребывает на небесах, восседая одесную Бога; девочка пеленует Его, а Он продолжает управлять Вселенной и тем, что шире Вселенной; добровольно унизив Себя, Он, однако, не претерпел ни малейшего в Себе изменения. Но стоит ли разъяснять Сверхтайну, искушать человечество, которому пока недоступна даже тайна ближнего своего?

Богословы, историки, астрономы примутся вычислять год, месяц и день воплощения. Но возможно ли вычислить миг, когда Предвечность соединилась с Вечностью, обратившись лицом к Пакивечности?

Пройдет время, и сперва о Нем заговорят десятки, затем сотни, потом сотни тысяч, десятки миллионов и, наконец, миллиарды людей. Но заглушат ли эти восторженные и хульные, мудрые и глупые, святые и кошунственные триллионы слов ту великую тишину, которая царила на земле, когда в мир пришло Само Слово?

Валентин КУРБАТОВ

НЕБО АУСТЕРЛИЦА

Уже сама странность судьбы этой книги говорит о том, что что-то «в датском королевстве» неладно. Ее печатают все («Лепта», «Смена», «Литературная газета», «Москва», «Новый мир», «Наш современник», «Московский вестник») и не печатают никто, потому что публикуются везде только фрагменты. Ее предваряют превосходные критики и корят не менее превосходные писатели. Но и похвалы и порицания как-то косвенны и таят опасливую готовность к отступлению — да, это мы так — бес попутал, хотя, с другой стороны, не станете же вы отрицать...

Объяснения этой робости, как кажется, в том, что книга неудобна ни одной стороне и каждая редакция мучается, пленяясь одной частью и морщась от другой, и радостно выговаривает автору величину книги, чтобы с облегчением поступиться наиболее неудобным для себя.

Я говорю о «Бесконечном тупике» Дмитрия Галковского. Понемногу-понемногу, а вышла-то книга почти вся. И теперь уже одной косвенностью не отделаешься. Не тот это материал, чтобы дать обойти себя. Можно, конечно, и пропустить текст мимо ушей (тут у нас опыт большой), попытаться не заметить его, да только себе дороже выйдет. Непременно будешь то там, то здесь на него наткаться, и столкновение будет болезненное, потому что «Бесконечный тупик» — исповедь не одного Галковского, вернее его красноречивого героя Одинокова, а томление общее, вроде соборного дневника всех нынешних «трактирных мудрецов», решающих по кухням и кафедрам наши вечные вопросы.

Интерес к книге определяется не тем, насколько сведены в ней концы и выдержана глубина, а тем в первую очередь, насколько сам читатель поражен грехом и вожделением мысли. А нас, «пораженных», «единого прекрасного жрецов» сегодня хватает. И чтение от этого становится соревновательно-болезненным, обидчивым, личным, с бесконечной параллельной исповедью и плохо скрываемой неприязнью к автору. Тут больше уж не от литературы, а от истории болезни времени. Вот почему я и говорю, что от книжки не отмолчишься — метастазы замучают.

А как о ней говорить — Бог весть, когда она сама о себе все сказала (даже и «рецензии» от дуrolомно-газетных до тонко иронических и блестяще вооруженных в конце книги автором смоделированы), так что книга заперта на ключ, и ключ этот

спрятан у автора на груди. Вещь в себе. Никого к себе подпустить не хочет. Пошли прочь, профаны, сама собой обойдусь. («Исключительное уважение к себе при полном неуважении и издевательствах над логикой, над реальностью. А мне плевать», — жирненько подчеркнуто автором).

Ну что ж, может, ему и впрямь наше мнение не нужно, да нам-то куда себя деть, свою выведенную из равновесия, спровоцированную мысль? С первой попавшейся мне публикации в «Москве», потом более обстоятельной в «Нашем современнике» и, наконец, финальной в «Новом мире» я, не уставая, подсовывал эти извлечения знакомым и не забывал спрашивать и дальних: читали ли? Ответы были подозрительно единодушны в своей неприязненности.

Читатель еще до первого прямого «плевать» улавливал вызов и уже не мог читать книгу без встречного сопротивления. И правильно делал, потому что автор и впрямь вызывал его уже тем, что разрушал привычные опоры и авторитеты, смеялся над таким трудом доставшимся «интеллекту» знанием. Да еще и не скрывал этого. Ну как в самом деле реагировать вот на такой пассаж: «...главный (духовный) конфликт в нашей стране — это не конфликт творческой индивидуальности с политической властью и не конфликт с «народом», а конфликт с фиктивным и озлобленным средним классом — «интеллигенцией». Интеллигенция очень агрессивна. Она постоянно унижает творческую личность, навязывает ей же свойственный способ органичного, «вдумчивого» существования в чисто материальном, экономическом мире.

И, конечно, «агрессивная интеллигенция» мстит и за кавычки в своем определении, и за «средний класс», и за противопоставление ее «творческой личности». То есть интеллигенция попросту защищается от художника, отказывающего ей в праве так зваться. Ну что это в самом деле — наживаешь, наживаешь знания, радуешься совпадению твоих представлений с суждениями предшественников и современников, понемногу строишь на этих основаниях мировоззрение и худо-бедно существуешь, упорядочиваешь реальность, выводилшь кое-какие общие законы, живешь по ним со своим поколением и даже осмеливаешься другим свое знание предлагать и радуешься отклику, и вдруг является юноша и последовательно и почти брезгливо доказывает, что все твоё знание недостоверно, сомнительно и в конце концов ложно, а сам ты — только законопослушное дитя стереотипов, которые изжили себя, и живешь, по существу, в рабском тупике, страшаешься внутреннего освобождения и незащищенного существования «своим умом».

А лета-то уж не те, да и времени и сил нужно столько, что хоть сначала жизнь начинай. А кому же охота! Не проще ли поставить под подозрение этого сбившего тебя с пути человека, тем более, что в своей неприязни к нему ты не одинок? Читателей себе в сторонники наберовать нетрудно — достаточно пошатнуть и их стереотипы, припугнуть, что и их система не очень надежна. Взять, скажем, несколько фундаментальных имен, которые для читателя уже окаменели до готовой формулы и за которыми он как за каменной стеной, да и развалить эту «стену» в осколки. Пути могут быть разные: можно панегирически защитить народных героев, а можно и поиронизировать над автором, который один решил идти в ногу в отличие от не в ногу идущего полка (этот подлый способ у нас очень в ходу, и не знаю, есть ли у кого из народов еще такой термин «подавляющее большинство»).

Самых интеллектуальных из сторонников легко взять, воззвать к их пониманию В. Соловьева и Г. Федотова и спросить, каково им выслушивать, например, такое: «...Соловьев был совершенно лишен дара творческой фантазии, выдумывания. Что и ставит его за рамки нашей культуры... В сущности, Соловьев очень туп». А теперь о Федотове: «Писать гаденькие глaddenкие статейки и книжицы по философии это еще не значит быть философом. Федотов — нечестный человек».

Ну, а тех, кто «попроще», лучше рекрутировать в союзники, прибирая суждения Галковского о Чехове: «В последних годах Чехова, в этом

предсмертном упивании жизнью человека с гнилыми легкими есть нечто страшное и одновременно пошлое», или о Толстом: «...Толстому было все равно, что писать, кому отдаваться. Точнее, он не мог не отдаваться, но хотел бы, конечно, отдаться поудобнее, поуютнее».

И это о величайших. Чего же говорить о «мелочи» — каком-нибудь Салтыкове-Щедрине: «Щедрин — это гений мasonicкой пропаганды в России... Его многотомные фельетоны дики — гниль языка» (или Андрее Белом: «Белый — это тип пассивного русского гомосексуалиста»).

Чего-чего, а таких цитат — пруд пруди. На любой вкус. Словно он нарочно ищет погубить себя. И добро бы он судил так только о писателях и философах. Нет, он и о национальном характере так, и о русской истории, и о «еврейском вопросе», которыми мы теперь то запугиваем, то возбуждаем друг друга — с той же «простотой» и свободой, будто все это вчера явилось и может подлежать ничем не скованному обсуждению («Уже само по себе существование еврея для русского есть издевательство: «Как еврей? Почему? Зачем? Как вы живете! Как же так можно!!!» Но существование русского для еврея это уже нечто неслыханное. Это какая-то мировая несправедливость. И мировая несправедливость, с которой непосредственно столкнулось его личное существование»).

Вадим Кожин, предваряя главы «Тупика» в «Нашем современнике», назвал это «вышей вольностью мысли» и вольность пустил в разрядку, оставив нам выбирать нужный оттенок в этом двусмысленном слове. А мне вот кажется, что тут не вольность, а именно свобода во всей опасности этого понятия, потому что и тут Галковский ходит по краю и часто оказывается в заранее пораженных зонах, где его освещу обе стороны.

Есть в этом что-то от традиции русского юродства — взять да и выложить всему миру, что ты о нем думаешь, а там хоть не рассветай! «Вот дурак», — скажет мир и тайком подвидует свободе этого несчастного, но потом, конечно, все-таки пойдет истреблять его. Хотя тут есть и тонкость. Ведь он по существу-то не ко лжи авторитетов безжалостен, а к самой жизни, которая одними компромиссами и держится, иначе бы не устояла. Жизнь-то она тоже человек со всеми своими слабостями. А он ей слабости-то и не простил.

Конечно, тут есть и «прием», психологическая ловушка для читателя — попробуй теперь уклонись от его обвинений в твой адрес, если он сам себя выставляет в последней наготе — до тех тяжелых глубин, куда человек не любит спускаться и которые, уж конечно, не откроет постороннему. Среди авторецензий есть в «Бесконечном тупике» и ученое исследование «немецкого психолога Дитриха фон Хальковского» (маску-то почти и не спрятал, нарочно по звуку приискал — Дмитрий Галковский), так тот вон до каких тонкостей в оценке автора доходит: «Характерными особенностями этого типа психопатов являются отгороженность от реального мира, необщительность, склонность к одиночеству и мечтательности, резонерство и отвлеченность мышления... Встречается и писание всякого рода странных, вычурных по форме и фантастических по содержанию произведений, основная тема которых — описание собственных страданий». Поставил зеркало и описал.

Нет, прием-то прием, но дается он душе автора дорого, и платит он за эти утеху полную мерой одиночества, неизбежность которого знает, а все-таки не уклоняется. Еще нигде, кажется, в нашей прозе авторское «я» не сходилось с героем так полно, без зазоров — литературовед, надумавший взяться разделить их, кончил бы безумием. И когда «Дитрих фон Хальковский» пишет, что «сущность книги Одинокова — это мучительный эксперимент, поставленный на себе, — эксперимент контакта с собственным архетипом», то это чистая правда. Эксперимент мог быть удачен только при полной искренности автора. И Галковский эти страшные правила игры принял, может быть, потому, что к началу работы был молод и надеялся, что силы разума бесконечны и вывезут его: «Все свои силы я отдавал разуму. Холил его, кормил, выращивал, как какой-то заморский фрукт в сложной оранжерее. И вот раскормил со слона. А он лезет мне

своего текста, узником им самим выращенного одиночества. Всей паутинной хитростью «Тупика» он доказывал нам, что ни одна наша мысль не ушла из его поля зрения, что он вычислил нас до самого пустякового возражения. А вот оказалось, что и сам не уберется, и в результате самый ожесточенный его последний срыв — его циклопическая статья «Андерграунд» в «Независимой газете» стала сбиваться на монолог Одинокова, как если бы Родион Романович Раскольников и в самом деле тиснул свою статейку о «твари дрожащей» в петербургских «Ведомостях», только не прятался бы за «философию», а взял да так все напрямую и сказал: «Мне 32 года, я думал, страдал, пережил смерть близких мне людей... Я в 18 лет был умен и серьезен и — с пониманием связи вещей в мире, с чувством гармонии звездного неба — работал мусорщиком на заводе им. Лихачева. В 27 лет я был умен зрелым умом 40-летнего интеллектуала... Не кажется ли вам, что вы просто заживаете чужой век? Что вы мешаете жить другим людям, людям, которые вас умнее, талантливее, чище? Это не ваша земля, не ваша родина — моя. И ничего у вас против меня не получится. Не потому, что я «умный и сильный» (человек вообще глуп и слаб), а потому, что маятник русской истории качнулся в другую сторону. И он своей исполинской траекторией сметет вас в небытие. А меня нет. Только и всего».

Нет, эту книгу не минуешь. Это «эксперимент над собою» совершенно русский, из самых наших недр. Мальчики Достоевского, для кого смысл жизни дороже самой жизни, не с Достоевского начались и не на нем кончились. У Одинокова хорошая генеалогия. Его «книга бытия» могла начаться классически: Онегин родил Печорина, Печорин родил Бельтова... Там поместились бы Обломов и Раскольников вкупе с Порфирием Петровичем, и Клим Самгин слевой Одоевцевым, и, наконец, бедный نابковский Цинциннат Ц., приговоренный к смертной казни «за гносеологическую гнусность» — все говорливое и страдающее человечество русских литературных мучеников.

Но это не продолжение, не следование традиции. Там сочинители все-таки героя совсем-то в себя не пускали, а тут сам, сам автор решил мир и «русскую идею» до конца выпросить, сам для этого персонажем стал, надеясь, что в таком «защитном платье» сможет безопаснее пройти самые тесные места нашей мысли. И вот оказалось, что к концу «эксперимента» он по-кафкиански «превратился» и уже не может найти дороги обратно в жизнь. Это действительно можно было считать катастрофой книги. Он ведь ничего не доказал, кроме старой истины, что всякий раз трудно вкаченный на вершину сизифов камень неизменно повергается вниз, и чудо и мудрость жизни состоят в том, что, зная это, надо начинать все сначала. Однако это внешнее поражение все-таки дороже проблемы. Он допросился до конца и обнаружил, что на месте какой-то самой главной тайны, которую якобы скрывает жизнь, заманивая все новых и новых исследователей, как бабочек на огонь, — кажется, для разума ничего нет. Там мысль обрывается в нечто качественно иное, постижимое совсем не разумом.

Глубокая и неисчерпаемая на уровне философии «русская идея», оказалось, плохо переводится в жизнь. «Бесконечный тупик» трагически подтвердил, что отдельная человеческая судьба этой идеи не выдерживает, что она живет величественно на уровне архетипа, а всякая попытка снять ее противоречия и перевести в практику единичной жизни будет граничить для человека с трагедией. Пьянящая свобода Галковского, давшая книге так много, приведшая к счастливым открытиям и надолго вперед перспективным прозрениям, в конце концов вознаградила автора только немислимым одиночеством.

Он остановился там, где кончается человек и начинается Бог, для познания Которого нужен совершенно иной инструмент. Но гордый ум, даже прямо видя это, предпочитает «простому» Богу сложное одиночество. Ум влечется неизживаемым горбом, и писатель кланят его, но не видит путей исцеления, и в отчаянии пишет у нас, в «Литературной учебе», вы-

зывающие и уже близкие к непростительной хуле слова: «...все равно родные свиньи все перегадят, перековеркают, изуродуют жизнь, оплюют могилу, поставят бездарный памятник и т. д. и т. п. Ничего хорошего не выйдет... Я лично долго думал над этой, по-видимому, безвыходной ситуацией и для себя лично решил ее так: смирение и уход. Никогда не следует ждать помощи от русских (она придет — но после смерти), и ни в коем случае не следует жить в России. При малейшей возможности следует уехать, а в Россию — приезжать... Мудрый уход — это и есть решение «русского вопроса», сохранение и уважение своего дара и, увы, бездарного народа».

Разве это литература и о литературе? Так не пишут, так — отстреливаются на шорох, как он делал это в «Независимой газете» и как поступает в этой цитате — с опережением. Как будто можно опередить судьбу. Что же тут скажешь. Видно, за свободу без Бога в России меньше заплатить нельзя. Если сознательно закрыть от себя небесный свод, то останется именно это — «бесконечный тупик». В этом несомненная заслуга Галковского — он навсегда доказал невозможность земных выходов из русских антимоний.

А небесные его пути впереди, если слепое ожесточение действительно не побудит «смирненно оставить» дом для уже очевидно вечного тупика, а в его случае и просто смерти — с таким безжалостным умом победителями не возвращаются. Но зато коли «заветная дверца в стене» найдется, то и свет будет так же бесконечен.

Путь горизонтали исчерпан, значит, надо поднимать глаза вверх. И не ему одному — разве речь о Галковском? — всему очередному «потерянному» поколению.

Высокое небо Аустерлица стоит над их головой, ожидая взгляда...

Псков

К 205-летию со дня рождения
Оптинского старца Макария

Виктор АФАНАСЬЕВ

КРАТКОЕ СКАЗАНИЕ О ЖИЗНИ И ДУХОВНЫХ ПОДВИГАХ ОПТИНСКОГО СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА МАКАРИЯ (1788—1860)

Иногда кажется удивительным, что столь известный в народе молитвенник и прозорливец, один из плеяды дивных Оптинских старцев, иеросхимонах Макарий (в мире Михаил Николаевич Иванов), еще не прославлен Русской Православной Церковью во святых Божиих. Впрочем, прославление это только дело времени, никто не сомневается, что оно должно быть. И оно будет. Споспешествуй, Господи, этому делу, столь важному для нас, — да совершится оно поскорее...

Жития великого старца написаны, — их несколько, среди них есть небольшие, а есть и целые книги... Вспомним важнейшее: книжка архимандрита Никодима «Старцы отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность» (1909); уже не книжка, а довольно объемистая книга архимандрита Леониды (Кавелина) «Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария» (1861); очерк Евгения Поселянина в его книге «Русские подвижники XIX века» (третье издание вышло в 1910 году); отдельные места в сочинениях Сергея Нилуса и других писателей конца прошлого и начала нашего века; глава VII в книге И. М. Концевича «Оптина Пустынь и ее время» (1970); немало страниц посвящено старцу в обширной литературе об Оптиной Пустыни. К материалам такого рода относятся и переписка старца Макария. Наталья Петровна Киреевская, его духовная дочь и жена известного философа-славянофила И. В. Киреевского, сразу после смер-

К ИСТОКАМ

ти батюшки принялась собирать его письма и издала на свои средства шесть больших томов. В шестом томе, выпущенном в 1862 году,— 760 страниц...

В начале нашего века насельники скита Оптиной Пустыни с большой любовью трудились над составлением капитального жизнеописания старца Макария,— до наших дней сохранился большой том, написанный весь от руки на хорошей почтовой бумаге орешковыми чернилами, разными почерками, но очень внимательно и красиво. В нем принимал участие другой дивный Оптинский старец — Варсонофий (со временем будет установлено кто еще). В основу этого тома легла книга оптинца же архимандрита Леонида, но в нем множество интереснейших дополнений — о письмах старца, воспоминания о нем его духовных чад, а также рассказы о «посмертных добродействах» отца Макария. Этот том еще не издан, и я воспользуюсь здесь некоторыми его страницами. Цитируя, буду называть его условно «фолиант».

Этот «фолиант» показывает, как любовно относились раньше и относятся ныне к старцу Макарию оптинцы, он для них даже среди других великих старцев нечто особое. О том же говорит и другой «фолиант» — те увесистые тома писем старца, которые собрала и напечатала Н.П. Киреевская, и в какой краткий срок! Истинный подвиг. Подвиг любви во Христе... Сколько монастырей привелось ей посетить для сбора писем,— одних женских около двух десятков. Это, во-первых, Севский Троицкий, где у батюшки среди сестер находились две его племянницы и двоюродная сестра (весь третий том — письма к ним), затем — Крестовоздвиженский в Белеве, Борисовская Тихвинская женская пустынь, Великолуцкий девичий, Вяземский Аркадиевский, Казанский монастырь, Бородинский и некоторые другие монастыри в первопрестольной и возле нее, женские обители в Серпухове, Золотоноше, Осташкове, Кашире, Туле, Смоленске, Ельце, Брянске... Монахини из этих монастырей приезжали в Оптину. И во всех них время от времени, разумеется, не часто, бывал и сам старец. Иные поездки его затягивались на месяцы...

Письма старца к его духовным чадам, писавшиеся изо дня в день,— по сути дневник, подробнейшим образом отражающий его жизнь. А письма к монахам? а к мирянам? Вот первоклассный материал для пространныго жития старца. Он много писал к супругам Киреевским, к Филарету митрополиту Московскому, своим сопостникам по скиту, когда бывал в писезде... Игумен Антоний (Бочков), бывший в свое время светским писателем, а потом, после пострижения в монахи, духовным, положивший начало своей монашеской жизни в Оптиной, по выходе из печати писем старца Макария писал: «Учение твердое, основанное на адаманте отеческих правил,— вот что особенно поражает в письмах, исполненных при том глубочайшего смирения. Письма его могут быть названы часами, по которым и во утро, и в полдень, и ношью можно поверять жизнь всякому монаху и монахине, для которых они назначены. И юный, и зрелый, и старый может прибегать во всякое время к этому указателю, который сам шествовал неуклонно по пути Солнца Правды. Глубочайшая осторожность в советах с твердостью и простотою данных не на краткое время, но часто на многие годы, применение советов к возрасту вопрошавших, к их устройению, ко времени и обстоятельствам, знание монашеской жизни и человеческого сердца — все это утаенное от мира сокровище мудрости и опытности так и бросается в глаза, приобывшие различать сияние настоящих дорогих камней от фальшивого блеска. В отце Макарии вовсе не видишь аскета-схоластика: редко выставляет он себя учителем, а только благим советником, который однако ж знает цену своих советов, внушенных многолетним опытом и проверенных не однажды на многих людях. Уважение к слову правды не колеблется он явить где должно и опереться на него крепко. И сколько жертв принесено было ближним в этой переписке, которые увенчались его страдальческою кончиною!» И в конце этого отзыва-письма игумен Антоний прибавляет: «Драгоценные строки его верно доселе обливаются слезами многих, учившихся у него» (январь 1864 года).

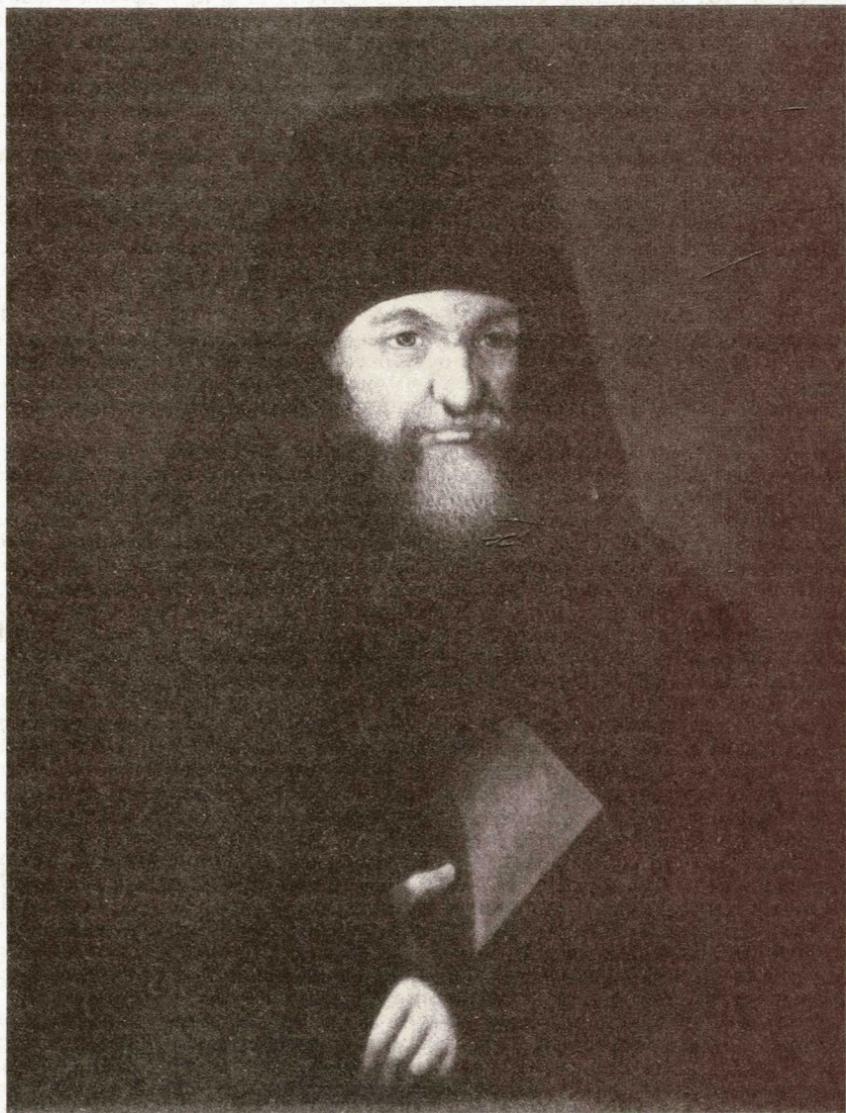
Небогат был здравием отец Макарий, но как часто насельники скита провожали его в путь вместе с одним из келейников или спутников из монахов,— и всегда чуть свет, а зимой и вовсе затемно... В потертой шубе, с палкой в руке, садился он в сани, кучер в последний раз проверял, хорошо ли натянута подпруга... Сколько верст проехал он по русским дорогам — Господь один знает. Сколько людей на своих путях утешил, спас, излечил, душевно воскресил — именем Господним...

Старец хотя и страдал «занятием духа», но был необыкновенно подвижным,— быстро ходил, скор был на всякое решенное им дело, слово ли, да и говорил, несмотря на заикание, быстро и не терпел медлительности. За ним надо было поспевать, а особенно — когда он уж собрался в дорогу. Но небрежности и невнимательности, часто сопутствующих у людей горючести, не терпел.

Старец уезжал, а вскоре начинали приходить письма в скит, заботливый отец обо всем извещал своих детей. Из Орла, Курска, Москвы, Киева и многих других мест шли письма от него. Все случавшееся с ним он описывал подробно, вот так, как, например, в октябре 1848 года в письме из Севской обители: «Вот уже неделя, как я нахожусь в Севске,— пишет он в Оптину,— а думал пробыть три дня; нечаянный случай довел меня до сего. Может быть, придется и еще неделю пробыть. Ехавши из Орла, 13 числа октября, не доезжая Дмитровска 18 верст, при выезде с ночлега, повозка наша упала в ров, на левую сторону, и я получил ушиб в правую руку. Приехавши в Дмитровск, доктор нашел, что она вывихнута в плече и ниже плеча переломлена кость; поправил вывих, обвязал в лубки руку, дал мази и примочки, с чем я доехал благополучно в Севск. Принят был матерями и сестрами радостно и печально».

Кстати, место, где сломал он руку, было как раз возле родового старинного гнезда дворян Ивановых, из которых и произошел старец Макарий. «Дед и бабка старца Макария,— писал архимандрит Леонид (Кавелин),— о которых он вспоминал, по рассказам своих родственников, имели также свои добрые качества. Бабка по преимуществу отличалась делами благотворительности. Следуя словам Св.Писания «Просыщему у тебя дай» (Мф. 5, 42), она никому не отказывала в подаении посильной милостыни, а сверх того, по субботам, сама ходила тайно подавать заключенным в городской тюрьме пироги и пышки домашнего печения. Добродеяние это однажды спасло ей с супругом жизнь» (далее рассказывается, что их пощадил разбойник, запомнивший их во время своего сидения в тюрьме). Прадед о.Макария окончил свою жизнь иноком в монастыре праведного Лаврентия, Христа ради юродивого, Калужского чудотворца. А о.Макарий родился в домике, находящемся как раз против этого монастыря, на речке Яценке, среди широкого простора, садов и рощ. Вправо — предместье Калуги с кладбищем, на горизонте — блестящая излучина Оки... Мальчик был назван Михаилом — в честь благоверного князя Михаила Тверского. С детства перед его глазами — дивный монастырь, в котором он часто бывал с родителями, и его очень любил настоятель архимандрит Феофан.

В 1797 году скончалась от чахотки мать старца. Семья переехала в Карачев, где дети (Михаил, Алексей и Павел) поступили учиться в городское приходское училище. В 1802 году Михаил по протекции родственников получил место бухгалтера в уездном казначействе в городе Льгове. «Бывало из-за одной копейки, по случаю недочета,— вспоминал потом старец,— приходилось просиживать по целой ночи, дабы свести приход с расходом». С 1805 года он уже начальник счетной экспедиции в Казенной Палате в городе Курске. «Советник Казенной Палаты Николай Михайлович Ленивцев,— пишет архимандрит Леонид,— так полюбил даровитого и вместе скромного юношу, что предложил ему помещение в своем доме. Это, очевидно, промыслительно устроившееся сближение с семейством просвещенного начальника, оградив молодого человека от всяких неполозных знакомств и товарищеских компаний, вместе с сим способствовало поддержанию нравственного образования, что особенно важно в пе-

Оптинский старец перосхимонах Макарий. Неизвестный художник. Вторая половина XIX века.

риод молодости... От занятий должностных, любимых им по чувству долга, он переходил к занятиям, любимым по склонности сердца, музыке и чтению». Юноша читал творения святых Отцов.

Спустя два года после кончины его родителя (это произошло в марте 1806 года) Михаил вышел в отставку с чином губернского секретаря и по просьбе братьев, не хотевших разделять имение, сделался сельским хозяином, поселился в отцовской усадьбе. Управителем он оказался плохим,— ему не хватало строгости, а сверх того, он раздавал крестьянам все, что они у него просили. На упреки родных он отвечал: «Как же я скажу, что нет, когда я имею? Воля ваша, а я этого не могу сделать. Я вам говорю, что, испытавши себя, вижу, что не могу быть хозяином». «Михаил Николаевич,— пишет биограф,— поехал на Коренную ярмарку, накупил себе книг, преимущественно духовного содержания, и, возвратясь домой, углубился в чтение их, питая душу сродною ей пищею». В 1810 году, 6 октября, Михаил поехал молиться в Площанскую Богородицкую пустынь, отстоявшую от его имения в сорока верстах,— и уже не вернулся оттуда домой. Позднее, уже в Оптинском скиту, старец вспоминал о том, как он впервые оказался в Площанской обители: «Я не знал, где я нахожусь, на земле или на небе...» Он написал братьям, что передает им свою часть имения. В этом же году он был пострижен в рясофор с именем Мелхиседека. В 1815 году — в мантию — уже с именем Макария. С 1817 года он — иеромонах. Кстати, за эти семь лет он дважды совершил пешее паломничество в Киев.

В Площанской пустыни иеромонах Макарий сблизился с учеником великого наставника монахов старца Паисия (Величковского), который, как и другие ученики святого старца, после его кончины, последовавшей в ноябре 1794 года, возвратился из Молдавии в Россию. Это был схимонах Афанасий, который и стал духовным отцом иеромонаха Макария. Этот краткий старец много рассказывал своим духовным чадам об архимандрите Молдовлахийской Нямецкой обители Паисии, о его духовных подвигах, любви к ближнему и о собирании и переводе им с греческого языка на церковнославянский святоотеческих рукописей. Отец Афанасий имел у себя списки со всех этих книг — тут были св. Исаак Сирий, преподобный Макарий Великий, св. Иоанн Лествичник, свв. Варсануфий и Иоанн, св. Симеон Новый Богослов и другие высокие учителя внутренней жизни. Почти десять лет, до самой кончины старца Афанасия, был о. Макарий с ним рядом, неотлучно. «По благословению своего старца и любознательности,— пишет автор жития о. Макария,— он с горячим рвением принимал утлять свою духовную алчку и жажду внимательным чтением и трудолюбною перепискою этих рукописей, выучившись нарочито для сего уставному письму. Глубоко печатлелись на чистом сердце и в памяти юного инока слова писаний святоотеческих, над которыми проводил он многие бессонные ночи. Все же это, как показало время, было промыслительно. Приобретение верных списков с переводов старца Паисия послужило впоследствии к изданию этих переводов на пользу общую; а усвоение и сохранение восприимчивую памятью о. Макария изречений и мыслей из отеческих писаний принесло сторичный плод, когда Промысл Божий вывел Своего избранника на служение душевной пользе многих».

В октябре 1825 года старец Афанасий скончался на руках своего верного ученика, иеромонаха Макария, так много получившего полезного для своей души от него. Скорбя о своем духовном сиротстве, о. Макарий усилил свои молитвы ко Господу о послании ему наставника. И не один год длилось это его сиротство, а три. В октябре 1828-го в Площанскую пустынь прибыл иеромонах Александрo-Свирского монастыря Леонид (в схиме — Лев), уже известный как умудренный наставник, старец. О. Макарий сблизился с ним и очень скоро понял, что это и есть ответ на его молитвенные прошения о духовнике... «Не менее того и о. Леонид,— пишет биограф,— рад был встретить столь даровитого и так хорошо подготовленного к восприятию особых благодатных дарований инока в лице о. Макария, который с этих пор и предал ему себя на всю свою последующую

жизнь в полное послушание, несмотря на то, что и сам уже был в преполовении лет иноческого пути. Вероятно, в это самое время о.Макарию, как уже подготовленному деятельными добродетелями к высокодуховной жизни, и преподано было о.Леонидом таинство высокой Божественной умно-сердечной молитвы». И однако общение их в Площанской пустыни оказалось недолгим. Через полгода о.Леонид, давно намеревавшийся поместиться в Оптиной Пустыни, вместе со своими учениками, прибывшими к нему из Александро-Свирского монастыря, уехал, — он остановился в новоустроенном при Оптиной Пустыни скиту. Целых шесть лет не мог о.Макарий соединиться со своим духовным отцом, — он то жил в Севске, назначенный наблюдать за строительством каменной ограды монастыря, то ехал в Петербург с архиереем, который брал его с собой на должность казначея... Наконец, он подал прошение о переводе его в скит Оптиной Пустыни и 14 января 1834 года получил указ о своем перемещении. Позднее он писал, что очень любит Площанскую пустынь: «Да как и не любить, 23 года проведши? А икона Царицы Небесной пречудной и неизреченной доброты! От одного на нее зрения нельзя не прийти в умиление. Я переселился оттуда хотя и по своей воле, но не усильно того требуя, и предавшись Промыслу Божию, и желая воспользоваться душою мою через батюшку о.Леонида, и, благодаря Бога, доволен здешнею жизнью, а как дальше будет, одному Богу известно».

В 1836 году о.Макарий был назначен братским духовником в Оптиной Пустыни, а с 30 ноября 1839 года он — скитоначальник. Однако велико было его смирение, — он ничего не делал без спроса и благословения о.Леонида. Старец же Леонид смотрел на него не как на ученика, а как на друга духовного, и «только уступая его нелицемерному смирению и постоянству, решился обращаться с ним как с присным и возлюбленным о Господе сыном и учеником. Больше всего старец о.Леонид обнаруживал свое смиренномудрие и свое уважение и любовь к о.Макарию в том, что приблизил его к себе и сделал своим помощником, разделяя с ним труд духовного окормления братьев и посетителей. В последние пять лет своей жизни старец о.Леонид желавшим пользоваться его руководством большею частью благословлял обращаться вместе с тем и к о.Макарию и открывать ему все, что открывали самому о.Леониду... Когда спрашивали о чем-либо о.Макария, он без старца о.Леонида не давал никакого решения. Также и старец без о.Макария ничего не решал и в подобных случаях говорил: «Подождем, придет о.Макарий, вместе поговорим» («Фоллант»). Старец Леонид скончался в октябре 1841 года. Главным старцем в Оптиной Пустыни стал о.Макарий.

Вот и скитоначальник, и старец, и в уважении величайшем у всех, а полон смирения неподдельного, которое выражалось во всем — в отношениях со всеми, в словах, в одежде, и в письмах, и, кажется, тут-то наиболее сильно. Много раз приходилось ему письменно возражать на похвалы, обращенные к нему окормляемыми им духовными чадами. Вот типичное в этом смысле письмо о.Макария: «Мне-то горе, бедному! О людях рассуждаю, а сам низлежу во всех злых, и гордости не чужд. Принимаю от подобных себе слепцов ублажение на свое осуждение. А ежели бы вам открыть глаза, и видели бы хотя часть некую моих злых деяний, то воззрети бы не восхотели на такое чудовище. И надобно бы было мне умолять и внимать себе. Но не знаю, обычай ли мой лукавый или тщеславный, под видом пользы якобы ближних, не допускает умолкнуть. Оставляю попечение о своей душе, простираюсь о других, и только знаю, что пишу, хотя и весьма нелегко мне сие. Не знаю, что будет» (из писем к монахиням, часть I).

Похвалу себе старец называл «клеветою». «Я не ожидал от тебя, мать Мелания, — пишет он в Севск монахине, своей племяннице, — такой клеветы, какою ты меня клеветещь. Откуда ты взяла такие оскорбительные и ложные взносить на меня клеветы? Считать меня живоносным источником, точащим не знаю что такое, и последним столпом монашества оставшимся? О, горе мне грешному! Напротив, не только не столп, но самая

Великий Старец Схимонах и Архимандрит Паисий Величковский.

неможная, иссохшая от греховного зноя былинка; и не живоносный источник, а греховное благо, источающее смердячую воду. Это я вижу в себе, истинно так.... Нет, суд человеческий несправедлив, а суд Божий истинен. Ежели вы что видите в письмах моих, то сие не мое, но по вере вашей от Бога даруемое вразумление».

Многих изумлял и умилял старец Макарий, когда пел в скитском храме покаянные песнопения со слезами и с таким глубоким чувством раскаяния, как бы великий грешник,— да, невольно думалось видевшим это, если уж этот ангел земной так вопиет к небесам, то что же мы... А как живо памятовал старец Макарий о смерти, свидетельствует его письмо к его дяде, который похоронил свою супругу, двоюродную бабу старца: «Благодарю за то, что не сокрыли от меня чувств вашего горестного сердца, ибо люблю печалиться с опечаленными... В истинной печали сокрыто истинное утешение, и благотворное памятование смерти расторгает смертные узы!.. Печаль об умерших, озаренная светом истинного разума, истаивает, а на месте оной зачинает прозябать благое упование, утешающее и веселящее душу. Фанатизм стесняет образ мыслей человека, истинная вера дает ему свободу. Сия свобода обнаруживается твердостью человека при всех возможных счастливых и несчастливых случаях. Меч, рассекающий наши оковы, есть очищенный ум, видящий во всяком случае его истинную, кровавленную, таинственную причину. Достигает сей цели всякий, кто устремится к ней рассматриванием своего ничтожества, с трепетным прошением Божественного покровительства и помощи». И в другом письме, в день своего рождения: «Мятемся, колеблемся, смущаемся; и все протекает, как река, и уносит все прошедшее, как будто и не было; весьма немногие история и повествования частные оставляют на память о былом. Нынешний день оканчивается в моей жизни 66-й год, а завтра начнется 67-й. Но что это в отношении к вечности? Меньше, нежели капля в море. Но какая будет вечность, о сем надобно теперь подумать и просить милосердного нашего Создателя и Искупителя, да милостив нам будет в день судный и сподобит деснаго стояния. А как-то плохо мы о сем думаем, будто и вечности не будет. Так и жизнь проводим,— запеведи преступаем и истинного покаяния не имеем. Господи, помилуй!»

Все эти духовные достоинства старца Макария суть дары Божии. И еще многих иных даров удостоен он был,— мира душевного невозмущаемого, рассуждения, прозрения будущего, исцеления,— дары апостольские, посылаемые избранным. Что касается телесных деланий, то тут он держался «царского» (по слову св. Отцов) пути, удаляясь крайностей (которые те же святые Отцы считают бесовскими).

«Наружный вид старца Макария был чрезвычайно привлекательный,— писал архимандрит Леонид.— Волосы на голове и бороде имел он недлинные и седые, бороду окладистую. Руки его отличались мягкостью и гибкостью, как и весь его стан — стройностью. Лицо белое и чистое, ничем, впрочем, с первого взгляда не поражающее и по недостатку в глазах несколько неправильное, даже, по обыкновенным понятиям о красоте физической, вовсе некрасивое, притом с печатью постоянного самоуглубления, следовательно, на вид более строгое, чем ласковое. Но такова сила благодати Божией, что лицо это, служа зеркалом чистой, смиренной и любвеобильной души старца, сияло какою-то неземною красотой, отражая в себе то или другое из свойств внутреннего человека — плодов Духа, исчисленных апостолом (Галат. 5, 22, 23). Взор тих, слово смиренно и чудно дерзновения. Вообще в нем было редкое соединение ума и детской простоты, величия и вместе тихости и смирения, делавших его доступным для всех и каждого».

Счастливы были его духовные чада,— милостив был к ним Господь, полагая им такое отца... Он был милостив к немощствующим и кающимся, каждого умел наставить в связи с его устроением, без ошибки находил слово поощрения или утешения, мог утешить и просто взором или благословением, проявлял строгость к самочинным, как писал архимандрит Леонид: «Сила его любви столько привлекала к нему сердца всех, что мы

готовы были не отходить от него, чтобы выну* наслаждаться светлым его лицезрением и сладкою беседою благоглаголивых уст его». Братия открывала ему свои помыслы — тончайшие умственные приращения, и он наставлял каждого в брани против невидимого врага. Двери его келлии были открыты для всех, каждый из братии шел к нему без доклада его келейника. Если кто-нибудь приходил и в то краткое послеобеденное время, когда он отдыхал за чтением, то и тут он ни разу не выказал неудовольствия (по свидетельству его многолетнего келейника).

Сам же он не только определял для скитян послушания, то есть кому какие работы делать, не только принимал духовных чад своих у себя в келлии, но и посещал их самих, и всегда во благовремени. Он духом знал, к кому и когда надо пойти, чтобы утешить, ободрить, восстановить падающего, вразумить... Он назначал каждому что читать, предлагая новоначальным инокам книгу поучений преподобного аввы Дорофея (которую называл «монашеской азбукой»). Помогал освоить какое-нибудь из им же заведенных в скиту рукоделий — токарное (по дереву), переплетное, футлярное и ложечное (первые три он знал очень хорошо). «Поучая учеников своих соблюдать все заповеди Господни, — пишет автор жития старца, — изложенные в Св. Евангелии, старец Макарий в особенности наставлял их заботиться о приобретении самоукореня и смирения, носить немощи ближнего и душу свою полагать о брате, доблестно претерпевать случаемся искушения, т.е. оскорбления, поношения, укоризны, досады, а также мужественно претерпевать с благодарением и находящие телесные многообразные искушения: недомогания, болезни, лютые и горькие временные злострадания ради вечного спасения душ своих».

Мудрый старец имел веру пламенную и простодушную. Был один особенно красноречивый случай, о котором рассказывал иеромонах Платон, клиросный уставщик, увлекавшийся партесным пением. Принес он о. Макарию ноты догматика 6-го гласа «Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево...» Старец в это время писал письмо. Он взял ноты, потом послушал от о. Платона напев догматика и сказал: «Ну что ты разучиваешь все новое партесное? Ну что в нем особенного? Как его можно сравнить с нашим церковным пением? Мы вот как этот догматик певали», — и старец запел. «Он воспевал небесную Царицу Деву, как бы стоя пред Нею, — писал о. Платон, — и созерцая славу Ея. Я забыл свои ноты и с изумлением глядел на поющего старца и не мог надивиться, как это у такого маститого старца, строгого подвижника, мудрого учителя, такое детски нежное чувство, такая пламенная, младенчески верующая любовь к Божией Матери! Батюшка чем дальше пел, тем глубже проникался чувством песнопения. Голос его уже начал дрожать, и лишь только пропел он: «...быв человек нас ради...» — пение его прервалось. Слезы полились у него ручьем. Склонив голову, он плакал сильнее и сильнее и, наконец, зарыдал, как дитя, оторванное от любящей его матери — единственного утешения. Долго стоял я, изумленный таким явлением. Прошло с полчаса, а рыдания батюшки не прекращались. Вместе с тем виделось в нем: такое глубокое чувство смирения и пламенеющей любви к Господу и Пречистой Богоматери, что мне даже стало стыдно и смотреть на него. Так я и не дождался конца рыдания старца и, глубоко растроганный, пошел со своими нотами к себе в келлию».

Воспоминания воспитанников старца Макария — огромный мир, в котором все поучительно. Многие порассказали, записали, сообщили в письмах чада его, достойные мужи, среди которых были преемник его по старчеству преподобный Амвросий, скитоначальники иеросхимонахи Илларион и Анатолий, монах Ювеналий (впоследствии Виленский архиепископ), наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Леонид (Кавелин), известный церковный писатель), настоятели Оптиной Пустыни Исакий и Досифей, настоятель Тихоновой пустыни архимандрит Моисей, настоятель Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря

* Выну — всегда (церковнослав.).

архимандрит Пафнутий, настоятель Мешовского Георгиевского монастыря игумен Марк и многие другие духовные подвижники. Для всех них не было места роднее, чем тот келейный корпус слева от Святых врат скитских, который занимал старец Макарий. Сколько раз пришлось им побыть там...

О. Макарий занимал две комнаты, обе с передними, выходящими в коридор (на другой половине жили келейники). В одной комнате он жил, другая служила приемной. В восточном углу приемной были св. иконы, по стенам же — виды монастырей и множество портретов: иеросхимонах Леонид, святые Паисий Величковский и Серафим Саровский, митрополит Московский Филарет, патриарх Никон, игумен Валаамского монастыря о. Назарий, Задонский затворник Георгий (Машурин), лежащий в гробу Иван Васильевич Киреевский и другие лица. Комнатка, где он жил, — совсем маленькая, с одним окном на юг, на дорожку, ведущую к скитским вратам. Под окном простой, окрашенный белой краской стол с ящиками, набитыми письмами, образками, четками, крестиками, поясками (для дарения на память приходящим богомольцам). На столешнице, покрытой клеенкой, — чернильница, песочница (выточенная им самим), множество бумаг и сверху — всегда одно из начатых писем. По краям — стопки писем, разделенные по степени срочности ответа. Ближе к окну — журналы (старец выписывал «Творения святых Отцев», «Христианское чтение», «Воскресное чтение», «Православный собеседник», «Православное обозрение», «Духовную беседу», «Странника», «Домашнюю беседу» и некоторые другие). Тут же несколько новых книг, и не только святоотеческих.

У письменного стола находилось кресло, обитое зеленой тканью, с овальной спинкой, на сиденье лежала шитая подушечка (забота духовных дочерей). Юго-восточная стена и часть южной заняты были иконами, среди них — особенно чтимая старцем Владимирской Божией Матери, перед которой теплилась неугасимая лампада. Иконы на досках, стекле, финифть; разного вида кресты (были и со св. мощами) из перламутра, кипариса, меди, слоновой кости, резные и живописные... Под иконами — угольник для чтения правила, на середине комнаты наполь, на котором лежали Евангелие, следованная Псалтирь, Апостол, канонник Богородичный, исповедная книжица и еще нечто.

Вдоль западной стены изголовьем к окну — узкая постель. Над изголовьем — Распятие, немного выше — образ Спасителя, подъявшего на рамена погибшее овча... На западной стене портреты — архимандрит Моисей (Путилов) и брат его игумен Антоний (оба живописные), протоиерей Феодор Голубинский, фотографии учеников старца. На северной стороне, то есть над дверью, — живописные портреты приснопамятных старцев: святителя Тихона, епископа Воронежского, схимонаха Симеона, основателя Белобережской пустыни, иеромонаха Филарета, старца Новоспасского монастыря в Москве, схимонаха Афанасия (Площанского) и других.

В кельи старец Макарий ходил в белом подряснике, холщовом или кашишовом, и в черной вязаной шапочке, а при келейном правиле надевал полуантию. Выходя, надевал сверх подрясника положенную по чину пустынных обителей мухояровую рясу (то есть из самой дешевой ткани), а зимой еще и «вельми поношенную» шубу. Шел он, опираясь на посох, с четками в руке, — более всего любил он перламутровые, дар московского митрополита Филарета (при встрече в Москве старец и владыка обменялись четками). При чтении или рассматривании чего-нибудь старец вынимал стальные очки старинной формы. Часто, даже зимой, он надевал башмаки на босу ногу, и если насыпался туда снег, снимал и вытряхивал...

Архимандрит Леонид подробно описывает распорядок дня, какой был у старца многие годы в скиту. «На утреннее правило вставал по звону монастырского колокола, то есть в два часа. Если же трудно было — то в три. Сам будил келейников. Утреннее правило его состояло из утренних молитв, двенадцати псалмов, первого часа, дневного Богородичного канона по гласу недели и акафиста Божией Матери, причем ирмоса пел сам. За

Архимандрит Леонид (Кавелин). Портрет работы неизвестного художника. Наместничьи покои Троице-Сергиевой лавры.

тем келейники уходили, и старец оставался один с Богом. В шесть часов старец призывал опять келейников для чтения часов и изобразительных. После сего выпивал чашку или две чая и принимался за письмо или книгу. С этого времени келлия его была открыта для всех, имевших до него какую-либо вещественную или духовную нужду. Дверь, ведущая из коридора в переднюю, беспрестанно скрипела на своих ржавых петлях, предупреждая старца о входящих. Кончилась ранняя обедня. Начинает от времени до времени раздаваться звон привратного колокольчика. Келейник докладывает: «Батюшка, там у ворот болховские женщины идут в обратный путь, желают принять ваше благословение, да вот дали два пузырька, одна просит масла, а другая святой водицы...» Старец оставляет только что начатое письмо, выходит к воротам, преподает благословение отходящим, оделяет их на дорогу знаками своего отеческого внимания: крестиками, образками, поясками... Едва успел возвратиться в келлию, опять раздается звонок: «Батюшка, монахиня NN монастыря совсем готова к отъезду, ожидает только ответных писем, которые хотели послать с ней...» Письма готовятся, запечатываются, и старец сам выходит к воротам вручить их, дает отъезжающей просфору, несколько порций скитского хлеба... Возвратившись, опять пишет письма или читает отеческую книгу, отрываясь непрестанно для беседы с приходящими братьями. Опять зовут на крыльцо: «Какой-то больной Христом Богом закликает выйти к нему хоть на минуточку, приплелся за несколько сот верст...» В одиннадцать часов, после поздней монастырской обедни, ударяют к трапезе, старец идет в оную вместе с другими. После трапезы запирается на полчаса, много на час, и это единственное в течение целого дня свободное его время для отдыха, ничем не развлекаемого чтения, письма, мысли... Спусти час или два идет на гостиницу, где уже ждут его многие десятки, а по большим праздникам и постам и целые сотни народа, каждый с своими нуждами духовными и житейскими, и всех с равной любовью и с сердоболием принимал любвеобильный старец, всех выслушивал с изумительным терпением и кротостью: одних вразумлял, других укреплял, тех воздвигал от рова отчаяния, от тины греховной, и это — каждый день, и не один год, а в течение с лишком двадцати лет... Измученный, усталый, едва переводя дыхание, бессильный не только говорить, но и произнести внятно одно слово, — возвращался старец домой с своего ежедневного подвига. С грустью смотрели мы на такое изнеможение и нередко пробовали упрашивать старца побережь себя, ради нас грешных... просили сократить по крайней мере переписку... Возвратившись с гостиницы, старец вместо отдыха слушал краткое правило, состоящее из девятого часа, кафизм с молитвами и канона Ангелу Хранителю. Потом до вечерней трапезы, а иногда и во время оной, принимал монастырскую и скитскую братию (если кто из последних не успевал побывать днем), приходившую на каждодневное исповедание помыслов. Окончив прием, подкреплялся пищею, потом слушал вечернее правило, на которое, кроме келейников, приходили еще один или два из ближних учеников. Правило состояло из малого повечерия, молитв на сон грядущий, двух глав Апостола и одной Евангелия. Конец вечерних молитв: «Владыко Человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет...», «Ненавидящих и обидящих нас прости...», «Исповедую Тебе Господу Богу моему и Творцу...» (краткое исповедание) и отпуст, после коего ученики уходили, а старец оставался один на краткий отдых, предваряемый молитвенным подвигом. И когда огни в скитских келлиях давно уже погасли, окно его келлии еще было освещено светом свечи, горевшей на его письменном столе или вскрай ложа. Но вот погас и этот свет, и только слабое мерцание неугасимой лампы пред иконою Неусыпающей в молитвах за всех нас освещало окно молитвенного покоя».

Молясь непрестанно везде и всегда, при всяком деле, старец Макарий часто со вздохом говорил: «Боже милостивый...», «Мати Божия...», «Иисусе мой...» или другие слова в этом духе, — и на пути, и за письменным столом, и при слушании правила... Как говорили келейники — даже и во вре-

Митрополит Московский Филарет (Дроздов).

мя сна... Иногда, при размышлении о неизреченных судьбах Промысла Божия, он запевал тихо «Покрываяй водами превыспренняя своя...» (ирмос на Рождество Богородицы, глас 8-й) или «Приидите людие, Трипостасному Божеству поклонимся...» (Слава в стихирах ко Пресвятому Духу)... Если появлялось некое скорбное чувство, старец его отгонял также пением церковных песнопений.

Скит при о.Макарии пришел поистине в цветущее состояние. Во-первых, благодаря многочисленным жертвователям, почитателям старца, скит мог обстраиваться и содержать себя и даже помогать монастырю. Половина монастырского годового запаса шла от скита. Скит помогал также и многим бедным храмам в округе. С особенным попечением старец относился к скитскому храму во имя Св.Иоанна, Пророка и Предтечи Господня. Здесь все было сделано по его указаниям. Это касается не только убранства, но и самой службы, и церковного пения, которого старец Макарий был великий знаток. Ризница храма постоянно пополнялась усердием монахинь, считавших за счастье чем-нибудь угодить своему духовному отцу, а еще более богатыми жертвователями из мирян. Ризница не вмещала всех даров, и скит постоянно делился облачениями с монастырем и бедными храмами.

В скиту и до старца Макария были цветы, но при нем он буквально обратил в райский сад,—вокруг келлий, вдоль всех дорожек, вокруг храма—георгины, пионы, благоухающие кусты жасмина, и всякие мелкие повсюду цветы... А среди цветов всюду яблони, вишневые деревья, даже кедры... Садам занимался тогда келейник старца о.Иларион. На его же попечении были и парники с огурцами. С большой заботой отнесся о.Макарий и к пчельнику, который он снабдил всем необходимым по пчеловодской системе Прокоповича. Особенное попечение было у скитоначальника об окружающем скит лесе. Монахи под его руководством очищали лес от бурелома, сажали новые деревья, преимущественно сосны, и Бог благословил их труды: лес был великолепный... Во всем выражалась любовь старца к миру Божьему. Вот пишет он Севским монахиням: «Погода стоит прекрасная; весна красуется, одевает деревья в их благолепную красоту, а птицы поют, славят Творца, и поют свою свободу. А мы, страстные, како воспоем песнь Господню на земли чуждей, исполненной терния и волчцев? Хоть и поем, но можно сказать: «Пою и не разумею». Слава долготерпению Божию!» И в другой раз: «У нас 18 числа (мая) георгины высажены, теперь цветут разнообразные тюльпаны, левкой и мелкие маргариты. Все это творение Божие, на службу человека дарованное и на утешение...» Или: «У нас проходят дождички с громом, и паки просияет солнце. Погода благорастворенная. Жасмины в полном цвете, а георгины расцветают. Как бы нам постараться украсить душевный наш вертоград цветами добродетелей, благоухающих смирением!» А вот зимой: «У меня бывает всякий день много гостей пернатых. К окну приделана полочка, и сыплем зерен разных. Прилетают разного рода пташки: синички, воробьи, иваньчики (маленькие дятлы), сойки и другие. И всякая своим манером кормится...»

При старце Макарии построена была вокруг скита ограда на каменном фундаменте и при каменных же столбах; вместо деревянных—каменные Св.врата с колокольней, которые окончены были к 1856 году, и тогда же поднят был туда колокол в тридцать пудов. Построена была новая трапезная, а также новый братский корпус с мезонином для скитской библиотеки, которой он завещал свое богатое собрание духовных книг, рукописей и журналов.

Эта же библиотека с 1845 года начала пополняться и собственными оптинскими изданиями. Во главе издательской деятельности скита встал старец Макарий. В то время в скиту нашлись для этого просвещенные сотрудники-монахи (иеромонах Леонид, бывший тогда еще послушником, иеромонах Амвросий, будущий святой и великий старец, монах Ювеналий, впоследствии архиепископ Виленский, и послушник Павел, впоследствии иеросхимонах Платон). Нашлись и в миру—тут главные и усер-

Оптинский старец Лев (Леонид Наголкин).

днейшие его помощники были супруги Киреевские, Иван Васильевич и Наталья Петровна, жившие в селе Долбине за Белевом, в сорока верстах от Оптиной. Старец Макарий, их духовный отец, бывал у них и в московском доме, и в имении, где для него в лесу (в версте от господского дома) была построена специальная келлия, где останавливались в разное время и другие монахи.

Дело началось с опубликования в четвертом номере журнала «Москвитин» за 1845 год рукописи, переданной издателю Киреевскому старцем Макарием: «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» (был помещен и портрет). Рукопись состояла из трех частей: 1. Предупреждение краткое боголюбивому читателю о житии блаженных памяти старца Паисия, архимандрита молдавских святых монастырей. 2. Житие и подвиги Отца нашего старца Паисия, архимандрита молдавских святых монастырей Нямецкого и Секула. 3. Писания старца Паисия, архимандрита молдовлахийския Нямецкия обители. Житие было написано старцем Макарием.

Эта публикация (заявшая собой почти целиком номер журнала за апрель) явилась как бы предисловием ко всему задуманному делу. Необходимо было известить читателей о самом старце Паисии, прежде чем приступить к изданию многочисленных рукописей, подготовленных им. Старец Паисий, ныне во святых Божиих, был усердным и богодухновенным переводчиком святоотеческих книг с греческого языка на церковнославянский. Иные, немногие, книги были им изданы, а большинство распространялось в рукописном виде — над ними трудились монахи (это усердно делал и старец Макарий в Площанской пустыни). Старец Паисий создал для монахов (а частично и для подвизающихся в духовной жизни мирян) целую библиотеку. Принимаясь за ее издание, старец Макарий начал огромной важности дело. «Великий старец о. Паисий Величковский, — писал архимандрит Никодим, — и о. Макарий Оптинский своею литературно-аскетическою деятельностью оказали могучее влияние на развитие и подъем иночества в нашем отечестве в XIX столетии».

Вскоре «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» были выпущены — дважды — отдельным изданием, причем все расходы взяли на себя супруги Хиреевские, которые вели и переговоры с типографщиками, держали корректуры, а потом управляли в Оптину книги на своих лошадях. Келлия старца Макария превратилась в редакцию, то есть была завалена рукописными тетрадиями, корректурами, стопами новых книг... С 1845 по 1860 год вышли творения преподобных Отцов наших Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита, Максима Исповедника, Исаака Сирина, аввы Фаласия, аввы Дорофея, аввы Орсисия, Иоанна Лествичника, Нила Сорского и других. Книги эти старец Макарий и архимандрит Моисей, настоятель Оптиной, рассылали безденежно во все концы России — епископам, в духовные училища, семинарии, в монастыри, на Афон, в библиотеки академий... Скитский летописец (многие годы это был тот же иеромонах Леонид) нередко отмечал радостные вести об окончании печатанием очередной книги и о получении экземпляров в монастыре, — это дело стало кровным скитским.

Иеромонах Леонид пишет, что сотрудники старца собирались к нему ежедневно, и он, не бросая своих всегдашних обязанностей, успевал все просмотреть и обсудить, — «всеми занятиями, как по приготовлению к печатанию славянских переводов старца Паисия (с подстрочными пояснительными примечаниями неудобопонятных слов и выражений), так и при переводе некоторых из них на русское наречие, — руководил непосредственно сам старец... Можно утвердительно сказать, что ни одно выражение, ни одно слово не было вписано в отсылаемую в цензуру рукопись без его личного утверждения... Кто из внимающих себе не отдал бы нескольких лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это объяснения старца на темные места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и спросить его, а если бы и дерзнул на сие, то несомненно получил бы смиренный ответ: «Я не знаю сего, это не моей меры, может быть ты достиг ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрети моя прегрешения! Очисти сердце — тогда и поймешь!»

И все же в увлечении работой над рукописью старец часто давал блестящие толкования этих трудных («темных») мест...

Большинство рукописей принадлежало самому старцу Макарию, как было сказано выше — переписанных им самим, но имелись у него и рукописи изначальные, то есть правленные и подписанные самим старцем Паисием. Они стекались к скитским издателям путями поистине неисчислимыми. Чего стоит история рукописи перевода на церковнославянский язык книги св.Исаака Сирина. Вот как она передается в «фолианте»: «Писана она была полууставом на белой лощеной бумаге в лист более половины близким учеником старца Паисия схимонахом о.Феодором, а докончена другом его и сожителем в молдавских и русских обителях схимонахом о.Николаем. Затем рукопись эта прислана была старцем Паисием петербургскому митрополиту Гавриилу... По кончине же митрополита Гавриила в 1801 году неизвестно как рукопись перешла в частные руки какого-то барышника и привезена была им на продажу в Валаамский монастырь, так как дошел до него слух, что там живут старцы духовной жизни, которые верно купят ее за дорожную цену. Таким образом книга дошла и до рук писавших ее, схимонаха о.Феодора, жившего в то время на Валааме. Можно себе представить радость, а вместе и удивление о.Феодора по случаю обретения, в особенности для него, столь драгоценной рукописи, которую он не надеялся не только иметь, но и когда-либо видеть. Господь, устроивший столь чудесное обретение рукописи, даровал смиренному и убогому старцу и средство возвратить оную из рук барышника. Это случилось между 1811 и 1817 годами. О.Феодор чрезвычайно дорожил изгибшим и столь нечаянно обретенным сокровищем. Вообще старец сей столько любил писания св.Исаака Сирина, что во время постигавших его лютых скорбей, гонимый злобою и завистию, будучи вынуждаем неоднократно переходить из монастыря в монастырь, уносил с собою только од-

ну эту книгу св.Исаака. После блаженной кончины старца Феодора в 1821 году книга досталась любимому его ученику и спутнику во время всей его скорбной жизни по выходе из Молдавии, иеромонаху о.Леониду (в схиме Льву). О.Леонид, еще при жизни своей, подарил ее своему ученику схимонаху Антиоху, по кончине которого она перешла к другому ученику старца Леонида, жившему тогда в Александро-Невской лавре, монаху Иоанникию (в схиме Леониду). Сей подарил ее благодетельнице Калужской Тихоновой пустыни, где и сам он прожил довольно время, духовной дочери старца о.Леонида, старице Е.Т.Л-ой, а от нее книга эта в 1849 году перешла к иеромонаху той же обители о.Ефрему, бывшему также учеником старца Леонида. О.Ефрем подарил ее духовному своему сыну монаху Авраамию. А сей, отъезжая в 1858 году на жительство во св.Афонскую гору, принес сию рукопись в дар Оптинскому старцу, иеросхимонаху Макарию, который в предсмертной своей болезни благословил ею вместе с иконою св.Исаака Сирина скитского иеромонаха (впоследствии архимандрита) о.Леонида Кавелина, а им оставлена в скитской библиотеке Оптиной Пустыни».

После кончины старца Макария скит продолжал его дело,— с Божией помощью оно шло успешно. Несколько раз переиздавались и первые шестнадцать книг, которые вышли при жизни его.

В последние годы о.Макарий часто недомогал, но всегда был на ногах и в действии. И даже в последний год своей жизни — 1860-й — летом ездил в Калужский Лаврентьев монастырь для беседы с владыкой Григорием, отъезжавшим в С.-Петербург для присутствования в Св.Синоде. Эта поездка старца Макария была последняя и весьма многозначительная,— из монастырского сада был вид на заречную даль, за рекой находилось село Железники с дворянским имением, в котором старец провел детство. Оттуда приходил он с родителями в монастырь, где был обласкан настоятелем... А на кладбище Лаврентьева монастыря он отыскал и указал своим спутникам могилу иеромонаха Павла, бывшего настоятеля Площанской пустыни, постригавшего его, старца Макария, в монахи... «Вот и всем нам предлежит путь,— сказал он, глядя на могильную плиту,— одному ранее, другому позже, а мне уж и пора...»

26 августа 1860 года началась предсмертная болезнь. 28-го после ранней обедни старец причастился Св.Христовых Таин и положился на волю Господню. 30-го снова причастился, и над ним было совершено таинство соборования, которое совершал о.игумен Антоний с шестью иеромонахами. «После совершенного над ним таинства св.епископосвящения,— говорится в «фолианте»,— он видимо для всех еще более укрепился духом и телом. С поразительным спокойствием, ясностью ума и твердостью воли он сделал необходимые распоряжения на случай своей кончины до малейших подробностей. Благословлял всех приходивших и, утешая скорбных учеников своих словом и делом, оделял их образками, четками, книгами и тому подобными видимыми знаками своего отеческого к ним благоволения».

2 сентября приехали из Севска духовные дочери старца, его племянницы. В тот же день была доставлена от московского митрополита Филарета финифтяная икона Владимирской Божией Матери и обещание архипастыря молиться о умирающем. 4 сентября старцу стало хуже, но он выслушивал все молитвенные правила, а 5-го он попросил вынести его в приемную комнату и положить на полу, что и было сделано. Все оптинцы старались насмотреться на уходящего, поэтому и комната была полна, и во все окна смотрели снаружи монахи и послушники... Медики, приезжавшие и из Козельска, и из других мест, не смогли оказать старцу действенной помощи. «Им выпало на долю, расспросив о ходе болезни, лишь подивиться доблестному терпению духовного воина Христова, который укреплял себя памятью страданий святых мучеников, ограждаясь крестным знаменем; принимал самые горькие врачевства, страдал и молчал или тихо стенал и вместе молился» («фолиант»).

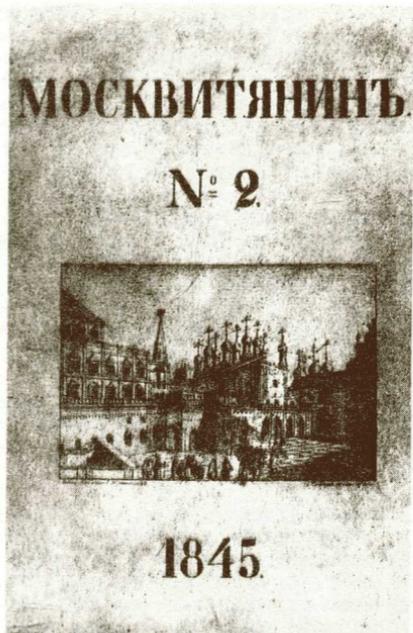
6-го около полуночи беседовал со своим духовником, получил его на-

путственное разрешение и попросил прочесть отходную. Утром он слушал чтение канона и акафиста Сладчайшему Иисусу, и в это время страдания его почти совсем исчезали. 7 сентября в шесть часов утра он приобщился Св.Христовых Таин и троекратно с воздеянием рук горе воскликнул: «Слава Тебе, Боже наш!» Это были его последние слова. На 9-й песне канона на разлучение души с телом великий старец мирно угас.

«Тотчас по кончине старца, по обычаю, пропет был установленный Св.Церковью канон по исходе души, и тело его честно опрятано было руками близких его учеников, причем, согласно завещанию усопшего, возложена была на него освященная на Гробе Господнем схи-ма, привезенная ему в дар в 1859 году из святого града Иерусалима бывшим и служившим некое время в иерусалимской миссии иеромонахом Леонидом Кавелиным. При вести о кончине старца-подвижника келлии его наполнились разного рода людьми, по просьбе коих началось тотчас одна за другой беспрерывное служение панихид, которое продолжалось как до выноса тела почившего в церковь, так и после выноса» («фолиант»).

9-го числа тело почившего старца перенесено было из скита в монастырь,— встретил его там архимандрит Моисей с братиею. Увидев погребальное шествие, огромное, более полутора тысяч, количество провожающих, он сказал: «Это более походит на перенесение мощей, нежели на погребение». Погребение состоялось 10-го. В 9 часов началась во Введенском соборе поздняя Литургия, затем отпевание усопшего. После нескольких литий гроб поставлен был в склепе по праву сторону от гроба старца Леонида. Тот и другой окончили свою жизнь в возрасте семидесяти двух лет (то же и старец Паисий Величковский). И вот прозвучала «Вечная память!»... Потом была поминальная трапеза для всех этих многих сотен людей — для монахов, мирян и для множества (более семисот) нищих... Каждый был привлечен вниманием монахов, которым поручено было это трудное дело. Потом весть о кончине старца стала расходиться по России, и в Оптину начали приходить письма...

Вот пишет 12 октября 1860 года иеромонах Антоний (Бочков) в скит Оптиной Пустыни о.Леониду (Кавелину): «Вчера, в день кончины блаженно-го старца нашего Льва, получил я от вас уведомление о кончине батюшки о.Макария. Благодарю за уведомление ваше преподобие... Это был человек, воистину на благо рожденный. Он был нелицемерным и постоянным послушником и настоятеля и всей братии, и всякого, просящего у него помощи, соучастия и содействия. И болезнь его, конечно, была следствием его неусыпных трудов для ближних, а пылкая его душа, кажется, стремилась вон из тела на всякий призыв его детей — ко всякому скорбящему. Душевный слух его сторожил каждое слово, касавшееся Св.Церкви и отечества, горячо им любимого. Егò радовало все, что прославляло Гос-

Журнал «Москвитянинъ».

пода, и с детским веселием он спешил возвещать всем о чудесах милости Божией. Он готов был передать всем свою теплую веру, что Господь жив, что не престал действовать к нашему спасению. И всякое сомнение в Промысл Божий и в слова Священного Писания вызывало его на битву, на защиту Православия. Его неутомимые труды и заботы при издании творений святых Отцев изумляли меня и даже ставили в какое-то недоумение. Батюшка составляет карту неба и научает нас безбедно плавать по житейскому морю. Но старец забыл, кажется, что корабли наши углы и обременены грузом греховным. Может быть, это говорила мне моя леность, а он уповал на свою живость и на будущее поколение, ибо верил, что Господь силен и гору двинуть в море, и от камни сотворить чада Аврааму. Он тем более верил этому, что был легок как птица, истончив тело свое всегдшим постом и бдением...»

Господи Иисусе Христе, Боже наш! Да совершится во благовремени прославление приснопоминаемого блаженного старца, иеросхимонаха Макария! Молим Тебя о том усердно. Ты совершаешь через него чудеса — исцеление больных, помощь в трудных житейских обстоятельствах, предсказания, есть свидетельства о том, что и тело его нетленно. Помнит его русский народ, поучаясь от всех обстоятельств его жизни. Житие, писания его, весь его образ — благодатная помощь нам в тяжкие, несомненно последние времена.

Письма старца Макария к духовным детям удивительно непосредственны, в них как бы слышится его живой голос. Ему некогда было их обрабатывать, поэтому каждое писалось без черновика. Писал он старинным мелким полууставом, строки плотно примыкали одна к другой. Ниже привожу ряд отрывков из писем о Макария к монахиням. Я выбрал отрывки на одну тему: «О терпении скорбей».

«По совету Отцев святых прежде всего должны мы иметь веру несомненную, что все случающееся с нами бывает по воле Божией; а воля Божия есть — чтобы нас спасти. Спасение же приобретается смирением и многими скорбями; без сих же последних и смириться невозможно. При чем должно вспоминать нам, яко немощным, что мы, может быть, в чем и прогневали Бога и преступили заповеди Его; а должного покаяния и удовлетворения за грехи принести не в состоянии, то милосердый Господь, врачуя немощи наши, посылает нам скорби, дабы терпкостью их очищалась ржавчина наших грехов; и чувствуя оные, не уклонялись бы к страстям... Кажется, мы много о сем говорили с вами, и предлагал вам от св.Отца, что необходимы скорби хотящему спастися; о чем много есть писано у святого Исаака, которого едино слово вам возглаголю: «Герпение есть мати утешения, а малодушие есть мати мучения». Из 'сего явствует: когда будем подлагать выю свою под ярем Господень, хотя и трудно, но понуждаемся нести и вменяем себя достойными быти скорбей; тогда те же скорби бывают для нас легче; а когда не хотим и слышать о трубе, гласящей нам о брани, тогда и малая скорбь бывает для нас нестерпима».

«Почтеннейшие о Христе сестры и матери!.. Чувствительно сожалею, что вы упадаете духом от козней вражних... Но как хлеб укрепляет наше тело, так и хлеб слова Божия да укрепит ваши души, и дарует вам истинный разум — принимать от десницы Божией посылаемые прискорбные случаи и вменять себя их достойными... Прошу вас, Бога ради, читайте слово Божие и отеческие наставления почаще, обрящете пользу, найдете там, что один путь к спокойствию — терпение и смирение».

«Христианин, провождающий жизнь по заповедям Божиим, должен быть испытует различными искушениями: 1) потому что враг, завидя нашему спасению, всякими кознями старается сделать нам препятствие к исполнению воли Божией; а 2) потому, что не может быть тверда и истинна добродетель, когда не будет испытана противным ей препятствием, и останется неколеблемою. Почему в жизни нашей есть духовная брань всегдшняя. Мы имеем в себе многие страсти сокрытыми, и не можем их

познать, пока не откроется к действию какой-нибудь из оных случай».

«Мы читаем, какой скорбный путь проходили святые, и наследовали вечное блаженство. А книги отеческие научают нас, что без скорбей невозможно угодить Богу; не только внешние должны быть, но и внутренние от духов злобы, попушением Божиим бываемые. О сем много есть у св.Исаака, Варсануфия, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Петра Дамаскина и проч.; а последний пишет: «смиренномудрие есть порождение разума, а разум порождение искушений»; св.Исаак Сирий, во многих словах, много побуждает к терпению скорбей; а я только скажу вам из 36 слова: «несть бо возможно инако, како сотворити Богови убагодетельствованну быти, возжелевшему быти с Ним, разве точию навести нань искушения за истину» — и далее; — «но и от сего познается, яко от Бога промышляем есть, емга послет ему присно печали». Поэтому не вы забыты Богом, когда имеете скорби, но если вы оные переносите безропотно и со смирением, то оне бывають удобоносимы и скоро преходят, а когда с ропотом и обвинением других, то тяжелы бывають... Когда крест послан, то некуда деваться — не сбросишь его».

«Сожалю о тебе, что ты, в прилучившемся искушении, упадаешь духом, а не укрепляешься в вере и надежде на Бога... Давно ли ты давала обет на вопрос: «Терпиши ли все искушения и скорби иноческого жития Царствия ради Небесного?» отвечала: «Ей отче, Богу содействующу, терплю». А когда пришла скорбь, то явилась малодушна и нетерпелива, а ведь «искушение ваша веры соделывает терпение», — пишет святой апостол Иаков (1.3). Без оного же как мы научимся терпению и смирению?»

«Ты все хочешь утешений духовных, которые ты имела при пострижении, но ты еще хотела, чтобы никогда не лишиться оных, да еще безумнее: тотчас по пострижении умереть. Как можно быть безумнее этого желания! без трудов, без подвигов, без скорбей и лишений хочешь восхитить венец. Тебе кажутся тяжелы и невозможны к исполнению данные обеты; на что же ты и постригалась? Ведь ты знала их наперед, а ты хотела, чтобы тотчас умереть и быть святою; как будто Бога обмануть; но Он весть все тайны сердца нашего, и ожидает нашего произволения, подает нам и помощь Свою; а паче когда взыскуем ее и смиряемся; а не подает потому, что гордимся».

«Премилосердый Господь удостоил тебя вступить на скорбный путь, коим все святые шли и достигли Царствия Небесного. Ты чувствуешь в наносимых тебе оскорблениях себя невинною, да это-то и нужно, чтобы без правды терпеть, в том-то состоит и благодеяние Божие: «несть бо возможно, — пишет св.Исаак в 35 слове, — инако, како сотворити Богови убагодетельствовану быти возжелевшему быти с Ним; разве точию навести нань искушения за истину».

«Видя свою немощь в непонесении скорбей, неволью должна смириться; но отнюдь никого не обвинять, а себя, что не терпишь того, что Бог посылает тебе на исцеление душевных твоих страстей и недугов. Говоришь: не могу терпеть скорбей, потому что их много и ты повредила свое сердце ими. Вот до какого безумия дошла ты! Это ли плод моего наставления?»

«Вы пишете, что изнемогаете в болезни и находит помысл, что оставлены от Бога за небрежное житие, но после и рассуждаете, что чрез болезнь избавились вы от великих бед по известной части, то не явно ли изливается на вас Божие милосердие посещением, хотя и жестокой болезни? Но когда бы ее не было, не жестока ли бы вы страдали, да может быть и ко отчаянию могли бы приблизиться? Но теперь, по множеству болезней ваших, нельзя, чтобы утешения Божии не посещали вас... Он сим утешается, когда мы благодушно и благодарно приемлем от руки Его болезни или скорби. Все хотят веселиться со Христом, но не многие с Ним страдают. Многие последуют Ему даже до преломления хлеба, но не многие до чаши страстей. Многие желают быть со Христом на Фаворе, а Голгофы отбегают. Ежели хотим с Ним прославиться, то надобно с Ним и страдати, а страдати то, что Ему угодно нам послать. Примите вы послан-

ную вам болезнь знаком любви Божией к вам, и надейтесь на милосердие Его, что очистит грехи ваши, а паче когда сожалеете об них, чистосердечно каетесь, и, сколько можно, себя от них удерживаете».

«Скорби в мире сем как волны в море,— одна проходит, другая постигает; а все не без пощущения Божия, к нашему искусу, и потому надобно помнить слово Божие: «В терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19), и веровать, что Господь не пошлет выше меры искушения».

Великий Божий дар — смирение, им стяжевает инок великую благодать и другие многие дары. Об этом также пишет инокиням старец Макарий, смиренный монах, явно стяжавший Духа Святого. Вот что пишет он в феврале 1850 года о себе самом игумении Севского Троицкого женского монастыря, коего духовным окормителем он был с 1827 года: «В письмах твоих ты меня убажашь, а себя укоряешь — в ничто ставя,— хотя словом; а на деле случится и другое,— и выбранишь и щипаешь, под видом ревности, но буйей; все же то, что ты написала укоризненного о себе, должно отнести ко мне; только я, по скудости ума моего, не могу выразить столько моей худости, какова она есть; а твои слова весьма приличны мне, хотя и не совсем достаточны,— как я себя вижу и чувствую; имей же меня не только таким, как ты о себе пишешь, но несравненно хуже; не смиреннословлю, но истинно такой есмь. Но при всей моей худости не плачу грехов моих, а вхожу в рассуждение о немощах других; чем и обольщаю всех, подавая мнение о себе, будто я нечто есмь. Вот и теперь: вместо того, чтобы молчать и внимать себе, а я вдаюсь в рассуждение и суждение, не могу удержать себя: что это? Разве только то ободряет, что готовность послужить ближнему, и ежели обрящут пользу, то, может быть, и мои Господь простит согрешения. Впрочем и то не мое, а пишу, что Бог вложит в омраченный мой ум, я же токмо рукою движу».

Выпишем и еще несколько поучительных словес величайшего из православных наставников, тем более что добыть эти тексты трудно, они не переизданы, а старые издания писем о. Макария не во всякой библиотеке есть.

«Святая мать наша Церковь,— пишет он одной из монахинь,— желая питать чад своих духовною пищею, уставила времена, приличные к славословию Божию и поучению в слове Его; а именно: полунощницу, утреню, часы 1, 3, 6 и 9, вечерню и повечерие; все это весьма нужно и полезно всем православным христианам, а паче нам, отлучившим себя на служение Богу и презревшим мир и гордыню его. Богоносные Отцы наши, исполняя сии правила церковные — узаконенные, установили и еще правила келейные, протививу силы и возможности и произволения каждого, и проходили: иные много, не давая себе покоя ни во дни, ни в нощи, упражняясь в псалмопении и молитвах, и коленопреклонениях, утомляя плоть свою постом и трудами; иные меньше; другие еще меньше, смотря по мере сил своих, и по усмотрению наставников их; ибо и в сем они опасались своим разумом и волею руководиться, дабы избежать обеих крайностей: и оскудения и преумножения, наносящих вред подвижникам, но шли средним царским путем. И все сии путиходимы ими были со многим смирением, не помышляя в себе, яко бы что благо творят,— но тем ища помощи от Бога, к побеждению страстей, борющихся с ними, и чем более очищались от страстей деланием заповедей, тем более и очистили образ Божий, потемненной страстями, воспалась в любовь Божию; но не могли, по высоте ее, достигнуть, нисходили в глубочайшее смиренномудрие; а Господь награждал их Своими духовными дарованиями».

СПАСИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ПИСЬМА К МИРЯНАМ*

Как вам желательно побывать в нашей пустыни, не менее и мне хотелось иметь удовольствие видеться с вами и лично побеседовать; но пока сие исполнится, хотя заочно, кратко, на сих строках, изъявляю вам мою усердную благодарность за расположение ваше ко мне, в котором уверен и которое вижу из ваших писем. Я не смею никак понудить вас к оставлению мира, когда, видно, нет на это звания Божия; можно быть добрым человеком и в мире, и много есть таковых, и исполнить заповеди Божии, хотя и невозможно обойтись без крестов и скорбей; но тем, кои позваны от Бога, гораздо труднее быть в мире, нежели в обители. Вас совесть не может упрекать за имение тленных денег, ежели вы будете ими владеть, а не они вами; как же ими владеть, я думаю вам довольно известно.

Вы упрекаете себя за увлечение в житейские хлопоты; да как же быть? Житейское море всегда волнуется, а вы в оном плаваете, пристанища еще не видно. Когда же вам приходит в мысль огонь, поядающий дела на земле, то верно ослабляется пристрастие ваше к вещественному и ум более в духовную сферу облекается. Чтобы мы ни делали, ни замыслили, а не должно забывать, что земля еси и в землю отыдеши (Быт. 3, 19); душа же переселится во ин мир духовный, и что здесь посеет, то там и пожнет, аще благая, аще злая. В недостатке добрых дел да прибегаем к смирению, которое сильно ходатайствовать о нас ко Господу; да и при добрых делах оно нужно, необходимо, ибо дела без него бесполезны. Да даст вам премилосердый Господь стяжать сие сокровище.

Прежде надобно с вами погоревать и об вас пожалеть, по Писанию: с сетующими сетуй, с плачущими плачь (Рим. 12, 15). Да не скажете: *соскорбяцаго не бе и утешающаго не обретох* (Пс. 68, 21). Сердечно сожалею о вас, что вы так сильно огорчились посещением Божиим, побиением нив ваших с гречкою, на которые вы полагали надежду и может быть делали расчет в уме своим доходам; но как увидели надежду свою исчезнувшею, опечалилось сердце ваше о том, что не можете сделать того или другого, по вашему предположению. Но у Бога другой расчет: *совети Мои, не якоже совети ваши* (Ис. 55, 8). Он — *сего возносит, и сего смиряет* (Пс. 74, 8). *Мертвит и живит, убожит и богатит* (1 Цар. 2, 6. 7.); и — кто может воле Его противиться? Где ж искать христианину утешение в находящихся ему искушениях и скорбях, как не в вере в Бога? Но вера не просто есть только веровать, что Он наш Создатель: но веровать, что Он и промышляет о нас всесильною Своею десницею, и все устроет для нас на пользу, хотя мы сего и не можем разуметь по дебелости нашего разума, помраченного мглою страстей наших, от нашего произволения нами действуемых, а видимые страстями и скорбь сильнее ощущаем. Премилосердый же Господь, любяя нас, и хотя нас спасти и избавить от заблуждения и порабощения страстей, посылает различные скорби, лишения и болезни, дабы мы,

* Текст печатается по изд.: Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Второе издание Козельской Ввеленской Оптиной Пустыни. М., 1880.

познав суету свою и не находя утешения, обратились к Нему, «желаний наших краю». Сердце наше, поражаясь нечаянными приключениями и печальми, невольно умирает миру, т. е. страстям, и ищет утешения в лучшем. Не тогда только мы можем назваться верными, когда получаем благодеяния Божии, но когда принимаем с благодарением и наказания от руки Его,— тут-то и вера наша искушается: истинно ли мы веруем в Его Промысл; мы, так как христиане, должны иметь для себя руководством в жизни и укреплением святое Евангельское учение, которое нас уверяет, что и влас главы наша не погибнет без воли Божией, и птица не падет без оной. Когда уже не чувственный волос и малое создание — птичка — находится под Промыслом Божиим, то что можем о себе сказать? О всегдашнем над нами Промысле, к вышеписанному, и сии слова Спасителя нашего удостоверяют: *Отец мой доселе делает и аз делаю* (Ин. 5, 17), что иное как не промысляет о всем мире,— а что еще важнее — и о спасении нашем; и что полезное всегда нам подает, учит: *кто есть от вас человек, его же еще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему; или еще рыбы просит, еда змию подаст ему. Аще убо вы зли суще, умеете даяния блага дати чадом вашим, кольми паче Отец ваш небесный даст Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11, 11. 13). Мы по нашему неразумию полагаем себя тогда счастливыми и наверху блаженства, когда приобретаем богатство, честь, славу и уважение; но Бог знает больше нас; когда он видит, что с умножением оных повреждается душевное наше устройство, отъемлет от нас сии блага, подобно благоразумному отцу, не дающему сыну своему вместо полезных вредящих его вещей; и так как самые блага мира сего служат нам не пользою, но вредом, ввергают нас или в роскошь или в гордость, если на них полагаем надежду нашего успокоения, то отъемлет оные от нас Господь, милосердствуя, да не погибнем душами; почему и должны благодарить Бога за Его посещения. Мы, скудоумные, думая устроить свое состояние, печалимся, суетимся, лишаем себя покоя, оставляем исполнение долга веры за суетами, для того, дабы оставит детям хорошее имение; но знаем ли мы: послужит ли оное им пользою? Не видим ли детей, оставшихся с богатством,— но глупому сыну не в помощь богатство,— и оное только послужило им поводом к худой нравственности. Надобно пеших оставить детям добрый пример своей жизни и воспитать их в страхе Божиим и в заповедях Его; это их главное богатство; когда будем искать Царствия Божия и правды Его, то сие — здешнее и нужная вся нам приложатся (Мф. 6, 33). Вы скажете: нельзя этого сделать; ныне свет требует не этого, но другого! Хорошо; но вы родили детей для света ли только? а не для будущей жизни? Утешайте себя словом Божиим: *аще мир вас ненавидит, ведите яко Мене прежде вас возненавиде* (Ин. 15, 18), *а мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может* (Рим. 8, 7.). Не желайте быть детям вашим от славных мира, но чтоб были добрые люди, покорные дети, а когда Бог устроит,— верные супруги, нежные родители, попечительные о подвластных, любовные ко всем и ко врагам снисходительны. Ежели вы оставите им имения и меньше того, как предполагаете, не скорбите за сие; оне будут и тем довольны. Рассудите, сколько живущих на свете людей; но большая часть из них не только умеренного состояния, но еще и в бедности находится, которая удобнее к получению спасения, ибо изрекли уста Спасителя нашего: *неудобь богатый внидет в царствие небесное* (Мф. 19, 23), и паки: *пространный путь и широкая врата вводят в пагубу* (Мф. 7, 13). Что же значат пространные и широкие врата? Роскошная жизнь, в богатстве, чести и славе провождаемая; в таковой жизни удобно можно уклониться от заповедей Божиих; как оный евангельский богач проводил жизнь свою, веселяся на всяк день светло, и облачашеся в порфиру и виссон, т. е. в богатую одежду; по смерти же какое получил место? — находясь в муках, просил одной капли воды, устудить язык его, страждущий в пламени; но услышал вместо утешения: *чадо, помяни, яко восприя еси блага твоя в животе твоём* (Лк. 16, 25). Напротив же, тесные врата и прискорбный путь вводят в живот вечный, т. е. пожившие благочестно и претерпевшие — или

добровольные, или невольные — посланные от Бога скорби и болезни, или бедность, близкую к смирению, наследуют оный; как там же видеть можно о Лазаре, в бедности и болезни невольно провождавшем жизнь свою и по смерти несенном на лоно Авраамле, на место утешения; и когда сказал Авраам богатому: восприял еси благая твоя в животе твоём, прибавил: и Лазарь такожде злая; ныне же zde утешается, ты же страждещи (Лк. 16, 26). Я знаю, что вы всему этому веруете (сохрани же Боже от неверства!). Но так как мало занимаетесь сим нужным предметом для спасения, за суетами, то не скоро и в голову придет; а я вам написал вкратце, для напоминования о сем, дабы воспоминанием сего укрепить себя в вере и получить во скорби утешение, быв уверенными, что есть на это воля Божия; а что Господь, любя нас, накажет и посылает скорби, о сем послушайте учения св. Апостола Павла: *«сыне мой, не пренегай наказания Господним, ниже ослабей, от него обличаемъ. Егже бо любит Господь, накажет; бьет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, якоже сыном обретаеся вам Бог: который бо есть сын, егже не накажет отец; аще же без наказания есте, емуже причастницы быша вси: убо прелюбодейчици есте, а не сынове»* (Евр. 12, 5—8). Не в том дело состоит, чтоб не чувствовать скорби, но благодарно оную переносить. Много есть и в других местах Священного Писания, что скорби суть для нас велие благодеяние и врачество душевных недугов и страстей. Обратитесь к благодарению Божию за сие посещение, говоря с Иовом: *Господь даде, Господь и отъят, якоже изволися Господеви, тако и бысть, буди имя Господне благословенно* (Иов. 1, 21. 22). В сих чувствах получите утешение; не всегда желайте того, как вам хочется, но как есть воля Божия, то и успокойтесь.

Обращусь теперь к тому, что вы имеете намерение посетить нашу обитель, но, получа уведомление о домашних скорбных обстоятельствах, расстроившись сердцем, оставили путь сей, а поспешили домой. Что ж вы скорым вашим приездом сделали, и какую дали помощь побитой грече? не большее ль наказание на себя навлекли, лишиась и еще не мало у заста- вы? Вам бы наипаче должно посетить обитель, не для меня, но для вашего утешения в скорби; конечно бы силен Господь вас здесь утешить. Не великость скорби нас расстроивает, но с каким расположением нашего сердца принимаем оные и в каком оно находится устройении. Теперь я вас не могу ни просить и ни ожидать; когда уж вы, имевши такой удобный случай в два раза захватить, не сделали сего, то можно ли найти время из дому, за делами и суетами?

Меня не мало удивило письмо ваше, коим вы ищете от меня пророчеств и предсказаний о счастии жизни вашей и о судьбе. Я отнюдь не могу сего разуметь, что Господь положил во Своей власти, нам неприлично проникать в будущность и испытывать; судьбы Божии для нас непостижимы. Господь даровал нам Свои заповеди и повелел оные исполнять; когда будем жизнь нашу по оным провождать, то получим блага Божия, и здесь и в будущей жизни; а ежели явимся преступниками заповедей Божиих, то не только здесь наказуемся, но, аще не покаемся, и в будущем веке не избегнем наказания.— Более ничего не могу вам сказать, а паче о будущем, которое все состоит в святой воле Божией.

Вы извещаете, что Бог избавил вас от напасти; но жалуетесь на то, что сердце ваше претерпело много горестей и скорбей таких, что едва душа ваша осталась в теле вашем.— Приведенный вами пример телесного сечения и жжения к духовным или нравственным ощущениям совсем не принадлежит и не относится к вашему расположению. Тело стихийных составов, приемля от чего-нибудь разрушение, по естеству чувствует болезнь, наносимую оному, но в душе совсем другое действие; мы одарены от Бога разумом и волею свободною, и ограждены святейшим Его законом; оными душевными силами нашими должны мы избирать и следовать закону Божию, уклоняясь всего того, что противно воле Божией, в законе

ти, сотворихом (Лк. 17, 10). Это есть смирение, без коего наши добродетели не могут быть Богу угодны. Но и любовь имеет с ним весьма тесный союз, так что одно без другого быть не могут. В вашем же устройении видны страх, сомнение и смущение, которых не могло бы быть при благоухании любви смирения, ибо Господь заповедает нам: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Хотя и никто не похвалится быть безгрешным, и самые Апостолы создавали себя таковыми; св. Апостол Павел: Господь пришел грешников спасти, *от нихже первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15), также и св. Петр всегда памятовал свой грех; и многие проходящие духовную жизнь, даже и святые, почитали себя грешными, но не смущались, потому что они не полагали спасения своего в своих добродетелях, но в заслугах и в милосердии Господа нашего Иисуса Христа. Вы считаете себя и грешно и видите свои добродетели, но смущаетесь духом, и все это составляет темный в вас хаос, препятствующий быть в вас свету рассуждения. Скажу и о том, что вас более смущает то, что вы не можете в церкви при всех мирно молиться; выходя из оной, чувствуете, что совсем не были, а дома молитесь лучше и возносите умленные молитвы. Вы не понимаете, что это есть сильная прелесть, лишаящая вас спокойствия; когда вы, молясь уединенно, думаете, что хорошо молитесь, то будьте уверены, что оная молитва Богу неприятна, хотя бы были и слезы и чувство умиления; когда все сие не имеет глубокого смирения, то есть прелесть. В церковной же молитве, вы, ища такого ж чувства и не находя оного, считаете себя немолвившеюся и смущаетесь; а это есть последствие или плоды домашних ваших молитв; враг возводит вас до небес и низводит до бездн; там возвышает, а здесь низвергает и причиняет смущение, что и доказывает о основании молитвы вашей на высокоумии. Вы молитесь просто, не ища в себе высоких дарований, считая себя недостойною оных, то будете и спокойны; и хотя видите хладность молитвы своей, тем паче имейте в чувстве смирение, что «я недостойна», но без смущения: то верно оная принята будет у Господа лучше той, о коей вы мните, что молитесь хорошо. Возьмите себе в пример двух молящихся в церкви, мытаря и фарисея; сей последний молился с мнением о себе, а первый со смирением молился и надежду спасения не во уповании непорочности своей полагал; но грехи исповедя, смиренно молился, и услышал молящагося Тот, Который всегда смиренным прощает. Напротив же, фарисей стал отвергнут. Св.Исаак Сирий учит: «иже не помышляет себя быти грешным, молитва его несть благоприятна пред Богом» (Слово 55, стр. 289)*. Дарования же в молитве даруются достойным того и смиренным, которым оная не вредят, а пользуют; а кто со мнением молится, тот бывает в большой опасности. Предлагаю вам рассуждение одного благоразумного мужа, основанное на истине и опыте: «опаснее всего действие диавола против прельщенных мнением о своей святости; люди такого рода обыкновенно более или менее отрешаются от предметов жизни физической, посредством подвигов телесных утончают природу чувственную и раскрывают в себе жизнь собственно душевную, хотя неверно направленную. Сие делает их способными к принятию впечатлений частию духовных; а потому и дух злой становится ближе к ним. Дух злобы наполняет душу мечтателя призраками света, односторонними, но сильно восторженными мыслями; возбуждая в нем особенную доверенность к самому себе, отводит от истины и делает жертвою суеверия, а затем и фанатизма. Мечтатель становится непримиримым врагом всякого, кто не согласен с ним в чем-либо; усиливая в нем более и более о себе самом мнение, дух злобы наконец доводит его до того, что мечтатель совершенно расстроивается и в жизни и в мыслях». О церковной же молитве знайте, что она выше домашней вашей мо-

* Цит. по изд.: Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийского, Слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1854.

литвы; ибо она возносится от целого собора людей, в числе коих, может, много есть чистейших молитв, от смиренных сердец к Богу приносимых, кои Он приемлет, яко кадило благовонное, с коими и ваши, хотя немощные и ничтожные, приемлются. Совет мой вам: не оставлять церковной молитвы, но смиренно в оной молиться, и не смущаться о том, что будто бы «не молилась и не была», и сию мысль от себя отвергать, а о домашней не возноситься; то и будете мирны. Знайте, что плод гордости и возношения есть смущение и неустроение; а плод смирения есть мир и спокойствие; от гордости произошло все зло, а от смирения все благо; посему, рассматривая свое устройство, следуйте полезному.

Более не могу ничего вам написать, как пожелать вам мира, дарованного нам Самим Господом в лице Апостолов; *мир Мой даю вам, мир Мой отдаю вам* (Ин. 14, 27), который даруется более смиренным.

Зная понаслышке вашу матушку, а братца лично, в христианских правилах жительствующих, полагаю и о вас, как видно из письма вашего, что вы имеете христианския чувства, желаете приблизить себя к Богу и приобрести вечное спасение. О сем сердечно радуюсь! Просите меня о молитвах за вас; это есть наш долг молиться друг за друга, и о заповедавших нам о сем; хотя мы и не смеем быть дерзновенны, зная худость и недостойнство свое; но уповая на благодать и человеколюбие Божие и на веру просящих о сем, прибегаем к Его благодати. Вы ищете от меня советов и наставления в снискании спасения; похваляя сие ваше искание, или паче сказать алчбу и жажду истины, и, хотя невежда, не отрекаюсь, сколько Бог вразумит, по мере веры вашей, слово для пользы душевной; а между тем скажу вам что не мало удивляюсь: полагая, что вы довольно просвещенный в познаниях разного рода, неужели в сем, столь важном предмете — училище веры — не имели упражнения? Всякий христианин, отрожденный в купели святого крещения, должен непременно знать, что он стал Сын Божий по благодати, и какую принял на себя обязанность, в исполнение святых Его заповедей, которые свидетельствуют его веру и любовь к Богу; в противном случае известно, что должно последовать.

Где ж и каким образом можем мы учиться правилам веры и исполнению оных? Церковь мать наша, есть *столб и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15)! Вы, так как сын Церкви Православной Грекороссийской Восточной, то и должны свято почитать и хранить ее догматы, уставы, правила и законоположения, ведущие нас к прямой цели спасения. Ибо оные установлены, по временам, святыми Апостолами, святыми вселенскими Соборами и богодухновенными пастырями Святой Церкви, коим в лице Апостолов изрек Господь наш Иисус Христос: *слушай вас Мене слушает, отменяя вас, Мене отменяется; отменяйся же Мене отменяется Отца, пославшаго Мя* (Лк. 10, 16), и паки: *а иже преслушает Церковь, буди тебе, якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17). Почему всякому православному христианину должно повиноваться церковным учениям и постановлениям, основанным на слове Божием, ибо Сам Христос есть краеугольный камень Церкви и глава оной; и отнюдь ничего противного слову Божию не постановлено. Но есть люди, которые сами собою полагают смысл Святому Писанию только в противную сторону, и снисходя своим слабостям, не только не считают нужным исполнять законоположения Церкви, но и сами уставляют себе правила, по своему разумению, чем премного погрешают и еще не покаются, безответны на суде Христовом обрящутся; они не рассуждают, дозволил ли кто им входить в суждения о законоположениях Церкви и даже судить самую ее. Святой Апостол Павел учит, что Господь наш Иисус Христос дал Церкви Своей овы убо Апостолы, овы же убо пророки, овы же благовестники, *овы же пастыри и учителя* (Ефес. 4, 11); и в другом месте: *како проповедают, аще не послани будут* (Рим. 10, 15). Святая Церковь, когда нужно было сделать какое законоположение касательно веры догматов и прочих постановлений, повелением благочестивых царей, по временам созывала вселенские Соборы из патриархов и епископов, и прочих церковных пастырей и учителей правос-

Киреевский И. В. (1806—1856).

лавных; и рассуждая о нужных вещах, низлагали возникавшие ереси и утверждали правила, для содержания оных в единстве повсеместно; на которых Соборах Сам Дух Святой действовал к утверждению в правоте; и учение нашей Православной Восточной Церкви, так как еще древле исследовако правильно и благочестиво, определено и утверждено святыми вселенскими Соборами. Прибавлять к ним, или отнимать от них что-либо — непозволительно; наш долг есть свято почитать и повиноваться уставам Церкви, как и выше сказано; а в случае неисполнения и преступления их, по немощи ли, по нерадению, или по заблуждению, должны сознавать себя преступниками, каяться в оном, смиряться и исправляться, на которые действия призрит Господь, и простит в грехе и подаст Свою помощь к исполнению; а не опровергать оные, и считать излишними, или ненужными, думая сим сбросить оковы с совести, отягощающей их за преступления. Но обманутся бедные! Может быть, скажет кто, что правила и постановления Церкви не есть заповедь Божия; а разве оное не есть заповедь Божия: повеление слушать Церковь и ее пастырей? Без сего же сколько произошло там заблуждений и ересей: кто как разумел, тот так и постановлял, отделяясь от единности Церкви. Но мы, оставляя других, невнимая их учению, неприемля на себя суда, а предоставляя оный Богу нашему Иисусу Христу, должны обращаться к себе и, находясь в Православной Церкви, на основании ее учения, созидать спасение свое исполнением заповедей Господних; видя же свою немощь, просить молитвою помощи от Бога, но молитвою смиренною, мытаревою, а не фарисейскою, и иметь всегдашнее самоукорение в сердце, иметь также благорастворенное сердце к милованию и состраданию ближним, помогать в их нуждах, снисходить в немощах, прощать оскорбивших нас; и ежели и случится что сделать по воле Божией, не приписывать себе, а помощи Божией; паче же помнить свои грехи, с надеждою на милосердие Божие, что ведет нас к смирению и восполняет наши недостатки пред милосердным Господом, смирившим Себя даже до рабия образа.

Примите сие малое начертание, и ежели оно принесет плод и найдете в нем пользу и средство к приобретению живой веры и успокоению вашего сердца, то воздайте благодарение премилосердому Господу, хотящему всем спастися и в разум истины приидти.

Благодарю вас за писание и за присылку хлеба; да воздаст вам Господь сторицею и не только временным и тленным, но и вечными благами; и умудрит вас к прохождению пути на поприще жизни вашей непреткновенно, сообразно заповедям Божиим; и да не увлекает вас мир с своими лестными надеждами; имейте крепость не стыдиться мира за исполнение заповеди Божией, что весьма нередко случается; между собою имейте мир, любовь, согласие, и друг друга тяготы носите со смирением.

По поводу моего к вам письма о неизвестности положения вашего жительства, вы описываете оное, и все семейство ваше исчисляете; а во втором письме и о духовных ваших занятиях упоминаете; из всего сего усматриваю, что вы ищете спасения души своей. Желали бы мир оставить для сего, но, по обязанности пеших о детях и о хозяйстве, не можете сего учинить. В первом письме вашем, сколько могу припомнить, вы писали, что имеете любовь Божию; а в последнем пишете, что чувствуете иногда радость, а иногда тоску и смущение.

Скажу вам на сие: жить по заповедям Христовым обязаны все православные христиане, и ничем не можем оправдаться пред Богом за неисполнение их, кроме как Его предражайшими заслугами и истинным сознанием и покаянием в наших преступлениях. Надобно же знать, что христианская жизнь есть духовная война, как пишет святой Апостол Павел. *Несть наша брань к крови и плоти*, и прочее (Ефес. 6, 12), а святой Апостол Петр пишет: *супостат наш диавол ходит, яко лев рыкающий, иский, кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Всезлобный враг всеми мерами старается восставать против христиан, прельщая их суетою мира, и гордостию житейскою, и

похотию плотскою. Еще более вооружается на тех, кои желают приблизить себя к Богу. Он их борет десными и шуими; ежели не может увлечь в порочную жизнь, то мнением о своих добродетелях вводит в высокоумие, и прельщая, помрачает их разум и отводит от Бога так, что скорее может порочный, от пороков обратившись, покаянием примириться Богу, нежели прельщенный своею святостию; потому-то я вас и предостерегал, чтобы не мнеть того, что вы имеете любовь Божию; она есть верх совершенства, то как мы осмелимся мечтать о стяжании ея? Хотя вы и ощущаете иногда утешительные чувства и слезы, но на них не должно полагаться, и не считать за велико; но паче смиряться, полагая себя недостойну быти таковых дарований. Святые отцы чем выше были жизнию, тем более уничижали и смиряли, а смирение еще более привлекало к ним Божию благодать и дарования. Смирение есть одно непреборимое оружие против всех козней вражних, но достижение до оного не безтрудно, а паче в мире живущим и непостижно. Вы же хотя и укоряете себя словами, но оным нельзя дать веры, когда не стяжете истинного сердечного смирения.

Вижу, что вы читаете книги святых учителей; но писание есть лес, в котором без искусного путешевателя можно заблудиться и быть в опасности; что многие и пострадали по своей самонадеянности: кто принимается за высокое жительство и ищет в себе духовных видений и наслаждений, но того находит гнев Божий, за то, что, не исцелив прежде страстную часть души «деланием терпения досады креста, возмечтал в уме славу креста» (Исаак Сирий, слово 2, стр. 13); пишет тот же св. Исаак Сирий: «прежде даже не видиши во град смирения, да не поверуеши, яко почил еси от страстей; подсаду убо некую готовит тебе сопротивный, но по покои оном многа стужения имети будеши» (Слово 74, стр. 411).

Вы, читая оные святые книги, не беритесь за высокое жительство, или за умную молитву, но держитесь более животворных заповедей Христовых, и зря высоту их и свое недостойнство, погружайте мысль свою во глубине смирения, на которое призрит Господь: в 43 главе у иноков Каллиста и Игнатия (в Добротолубии) прочитайте, что смирение и кроме дел прощает многие согрешения, а дела, напротив, без смирения бесполезны. Ваши утешительные чувства очень опасны, оне могут вас обольстить и совсем ум помрачить. Хотя бы и точно были оные от благодати, не должно увлекаться ими; но принимая в помощь смирение, считать себя того не достойною, благодать иногда посещая нас, дает знать, какое в нем сокрывается богатство; и оставляет (скрывается), но присно с нами пребывает; а нам, желая ее, надобно пешися о очищении себя от страстей, а при оных да не посмеем мечтать о стяжании ея. Я уже сказал вам, что враг десными борет нас и возвышает ум во мнении о себе; а по словам св.Иоанна Лествичника, кроме прочих пороков, одна гордость в состоянии погубить человека; у оных же — Каллиста и Игнатия — вы читали в 14 и 15 главе, как нужно наставление, и как опасно самонадеяние, и о свойствах послушания; и так, пока есть для вас необходимость жить в мире, собственно для устроения детей ваших, живите; пекитесь более всего о исполнении заповедей Христовых; для познания же оных читайте Святое Евангелие и Апостольския Деяния и послания, также и святых отцев учения о страстях и добродетелях нас учащий; проходя путь жития, познавайте свою немощь, смиряйтесь и принесите Господу покаяние о неисправлении; отнюдь же не полагайте надежды на дела свои, но на милосердие Божие. Правило молитвенное исполняйте по силе, и по возможности своей, более с чувством мытаря, а не фарисея. Св.Исаак пишет: «кто не помышляет себе быти грешна, молитва его несть благоприятна пред Богом» (Слово 55, стр. 289). За высокое делание и за большое правило не беритесь; тот же св. Исаак поучает, что «умеренному деланию цены несть». Но храните совесть свою. Воздаяния же здесь не ищите в утешении, оставьте это на волю Божию: Он знает когда дать.

Пока сего для вас довольно. и ежели воззовет вас Господь пойти в след Его и вселиться во святую обитель, тогда и путь жития откроется вам практикою, а не теориею.

Супруги Киреевские.

Приготовляя детей ваших для светской жизни, попеклись ли вы насытить в сердцах их веру и страх Божий, которые бы были руководителями их к будущей жизни? Молитесь Господу, да сохранит Он сердца их от плевел, засеваемых супостатом посреде пшеницы.

Что Господь всех приемлет, в особенности грешнейших, по вашему выражению, в том нет сомнения; только надобно сей истине дать прямой смысл: Господь всех призывает, и приемлет грешников, но кающихся, а некающиеся сами от него добровольно удаляются.

Вы просите от меня утешения душевного и телесного, советов и наставления, полагаете, что мне известны грехи ваши и за оные посещения Божии. Слишком много приписываете вы моей худости; напротив, я ничего

об вас не знаю, и удивляюсь, почему вы так о мне предполагаете; имея честь в первый раз знать об вас только из письма вашего, и то весьма кратко, ни о звании вашем, ни об образе жизни, ни об обязанностях и связях не имея никакого понятия, как могу знать и судить здраво? Дара же прозорливства я отнюдь не имею, и считаю себя того недостойным. Сколько могу понять из письма вашего, что вы проходите бурную жизнь и трудную, признаете себя имеющею грехи, и за оные посещение Божие, карающее вас; разумею, что сие состоит из какого-либо рода скорбей, в коих ищете от меня облегчения и утешения. Заключая из всего этого, что вы принадлежите к числу людей образованных и просвещенных века сего, я же не учен мудрости мира сего, то не знаю, могу ли вам подать какой совет согласно с вашим положением? Но видя, что вы с верою ищете от моей худости утешения, я возложил упование на Бога, могущего для пользы вашей подать слово к вашему назиданию, не смею отказать вам в прошении ответа. При науках и образовании вашем, вы, верно, надеялись чрез них найти счастье и благоденствие в жизни своей, и искали оных в светских приличиях, удовольствиях и забавах; но не знаю, представляли ли себе о могущих случиться искушениях и скорбях в жизни, которых, кажется, никто из смертных не избегает? и где искать в них укрепления и утешения? Святая наша вера научает нас, сколько нужны для нас скорби, к снисканию будущей блаженной вечности. Она же доставляет нам и утешение; не сомневаюсь, что вы в жизни своей испытали разного рода увеселения, приятности, почитаемые людьми благополучием; но прочны ли оне? Прошедшее — как сон; дело идет о настоящем; будущее неизвестно! Вы теперь скорбите, и принимаете скорби ваши посещением Божиим за грехи, это чувство христианское; и вы можете найти в сем облегчение и утешение, — то есть в сознании себя пред Богом виновною, — раскаянием, сожалением, удалением от грехов и в покорности Его воле принять наказание для вечной вашей пользы. Не ослабевайте, но умножайте веру вашу, и утешайтесь надеждою на милосердие Божие! Верою ищите укрепления в слове Божию; оно есть пища души, и целительный бальзам душевных наших язв, в скорби сладкое утешение; оно научает нас что: *егоже любит Господь наказует, бьет же всякого сына егоже приемлет* (Евр. 12, 6). Слово Божие говорит, что пространный путь и широкие врата вводят в пагубу, прискорбный путь и узкие врата в живот вечный, и паки: «горе вам, насыщенным, яко взалчете, горе вам смеющимся, яко възрыдаете», а напротив, ублажает тех, кои здесь нищи духом, плачут, коих поносят и изгоняют без правды (Лк. 6, 20-26); потом притчею о богаче и убогом Лазаре показывают, что здешнее наслаждение и благоденствие лишает будущих благ, а скорби и страдание, подобно Лазарю, приобретают оные (блага) и еще то, что многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие. Видите, что вы не оставлены Богом, но, по любви Его, наказуетесь; и ежели находились на пространном пути, то Он невольно вас сводит на прискорбный, ведущий в жизнь вечную. Принимайте сие с верою и надеждою, и приносите Господу благодарение, за неизреченное Его к вам милосердие; от чего получите в несении ваших скорбей облегчение и утешение; а ежели будет воля Господня, то и совершенное от них освобождение.

Принимая участие в ваших горестях, известных мне, и которые вы описываете в письме своем, не надеюсь подать вам должного утешения, но, по силе слабого ума моего, мало нечто предложу вам, а Сам премилосердый Бог силен вас утешить духовным утешением, с которым конечно не могут сравняться все блага и утешения сего мира.

Вы должны верить, и, полагаю, веруете, несомненно, в Промысл Божий, что Он всем и всегда управляет, и хочет нам спастися и в разум истины прийти. Не связуя нашей свободы, попускает нам идти по своей воле, но при уклонении от истинного пути, ведущего к приобретению в будущей блаженной вечности, обращает многообразными средствами к спасительному пути. Мы, по немощи ума нашего, полагаем блаженство и

счастье в чувственных удовольствиях, и увлекаясь оными, забываем настоящую нашу цель — будущую жизнь, вечную, конца не имущую. И верно слово Господа нашего Иисуса Христа: *пространный путь и широкая врата вводят в пагубу, и мнози суть ходящие по нем; а прискорбный путь и узкая врата вводят в жизнь вечную, и не мнози суть обретающие его* (Мф. 7, 13). Премилосердный же Господь, промышляя о нашем спасении, и нехотящих нас невольно сводить с пространного пути, и поставляет на тесный и прискорбный, коим может получить вечную жизнь. Все это творит Господь, любя нас, ибо и возлюбленным ученикам Своим не радость обещал в мире, но скорбь: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33). Но обнадеживал и в утешении после: *но скорбь ваша в радость будет, и радость ваша никтоже возмет от вас* (Ин. 16, 20, 22). Однако ж прежде скорбь, а после радость. Эта радость благодатное Святаго Духа утешение, и мир всяк ум преимуший (Филип. 4, 7). Также св. Апостолы, укрепляя учеников, нововерующих христиан, гонимых за веру, учили, что *многими скорбьми подобает внити в царствие Божие* (Деян. 14, 22). Видим из Святого Писания, и из истории Церкви и описаний жизни великих мужей, что получение спасения устроялось более скорбями, напастями, лишениями, озлоблениями и прочими средствами терпкими, которое все невольно отводит сердце наше от любви мира, наносящего вред душе нашей, — но мы сего не понимаем. И ныне видим на живущих с нами и близ нас, что большая часть людей находится в скорбях; но не все равно и не в одно время посещаются оными: один ныне испивает чашу горести, другого ожидает скоро; иной, упиваясь сладостями мира, и славою и богатством, не чувствует, что вкушает яд, вредящий душе его, и рано или поздно ощутит вред оного, или бедностию, или болезнию, или презрением от других, или неповиновением детей, или наконец душевною *удавою**, не находя ни в одном из благ утешения, хотя и окружен ими. Сколько видим в городах и селах и деревнях живущих в нужде и бедности, едва могущих пропитать себя и семейство; иных истаявающих на одре болезненном, и другими скорбями посещаемых. Но при всех таковых и подобных скорбных приключениях, благодать Божия невидимо укрепляет их к перенесению оных, только при малодушии нашем бывают нам тягостнее, а при великодушии и покорности воле Божией — облегчаются.

Нынешний образ воспитания и просвещения какую принесет пользу при различных переменах в жизни и скорбных испытаниях? Сему надобно учиться в училище веры, которая наставляет нас, что и *влас главы наша не погибнет без воли Божией* (Лк. 21, 18). И христианин, истинно убежденный в Промысле Божием, во всяком случае видит всепремудрую творческую силу и перст Божий, показующий нам путь к вечности; а для неверующаго печали века сего безотрадны; кто у них умирает — вечно умирает, для них не блестит луч надежды из отдаленной вечности.

Из сих кратких рассуждений, сколько можно, советуя вам, примите в пользу вашего устройства душевного, укрепляйте себя верою и надеждою на благодать Божию, возводящую вас скорбными случаями к познанию лучшего, нежели представляемое взорам нашим и другим чувствам.

В трудных минутах прибегайте к Богу, изливайте пред Ним сердце ваше, помня пророческое слово: *Бог наш прибежище и сила, помощник в скорбех, обретиших ны зело* (Пс. 45). *Внегда уны сердце мое, ко Господу воззвах. К Тебе, Господи, воззову и к Богу моему помолюся* (Пс. 29, 9). *Пролию пред Ним моление мое, печаль мою пред Ним возведу* (Пс. 141, 3). *Слыша Господь, и помилова мя. Господь бысть помощник мой. Обратил еси плач мой в радость мне, растерзал еси вретиче мое и препоясал мя еси веселием* (Пс. 29, 11, 12).

Слава Богу, что вы исполнили долг христианина, и удостоились быть причастником пречистого Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа:

* Томлением.

да будет сие таинство ко укреплению душевных сил наших на скользком житейском пути, на коем находясь, колеблетесь различными смутительными мыслями, малодушием и боязнию.

Вы, бывши у нас в обители, удостоились вкусить дара благодатных ощущений. Сим вам показано, что есть благодать Божия, и дабы могли различать ложь от истины, и блага мирские и блага духовные. Но она вам показана и сокрылась, ибо не можете понести ее, не искусившись во брани со страстями и не стяжавши смирения. Хотя бы вы и постоянно здесь жили, то все не могли бы удержать ее; ибо и здесь есть борьба со страстями, пока не смирится человек, то не может ни страстей победить, ни стяжать духовных дарований. Но и самое искание дарований не безопасно, подвержено самолюбию, а, напротив, иногда лишение оных низводит нас в бездну смирения. В нашей воле состоит делать добро или сопротивное; а награда состоит в воле Божией.

Вы найдитесь посреди мира и соблазнов его, по необходимости, или по долгу службы, быв поставлены на сем поприще, не имея возможности уклониться с него, должны иметь в памяти заповеди Божии и смирение; то хотя и не можете подняться на высоту добродетелей, старайтесь не нисходить в бездну пороков; но всегдашние хотя малые проступки очищайте всегдашним покаянием и смирением, мысленно считая себя последнейшим из всех. Смирение одно сохранит вас от всех сетей и козней вражиих. А как я вижу, что вы при недостатке ваших исправлений в добродетели, скорбя, порабощаетесь смущению и лишаетесь спокойствия; а это знак самолюбия и гордости. Вы хотите видеть себя праведным, и не достигая сего, смущаетесь; а когда бы достигли, то тоже бы увлеклись в гордость,— и стали бы строгим судиею других порочных и больше бы погрешили пред Богом; и Св.Церковь повелевает нам молиться: «ей, Господи Царю! даруй ми зрети моя прегрешения и не осудяти брата моего». Почему же не молиться: даруй ми зрети моя добродетели? Потому что это приводило бы нас в гордость и самообольщение, а то приводит в смирение. Великие святые, при всех своих добродетелях, имели себя под всю тварю, что и укрепляло их добродетели. Вы пугаетесь при мысли о тесном пути: боитесь ложного стыда миролюбцев, насмешек, преследований и озлоблений; но все это происходит от самолюбия, гордости, и от маловерия; по мере веры вашей и смирения, и страх сей исчезнет. Когда веруете, что без Божией воли и влас главы нашей не погибнет, то кольми паче касающееся до чувств сердца не может быть без Его воли, а когда что и случится, то верно ко искусу нашему и для пользы нашей, по Его воле попустится; тут надобны вера и смирение, покорность воле Божией и молитва о укреплении. Да даст же Господь вам разум истинный, и сохранит от смущения и от всех сетей и козней противных, но успокоит вас в шестии вашем.

Вы все еще в болезни телесной и скорбите, видя себя в бездействии. Какого же вы ищете действия? Довольно с вас терпения с-благодарением. Бог не требует от большего подвигов и трудов телесных; но душевное благое устроение всегда надобно наблюдать и иметь попечение о исправлении онаго. Говорите, что дух находится в раздражительности и в неудовольствии против всех. На сие надобно обращать больше внимания, понуждать себя к любви и смирению, как пишет св. Макарий Египетский в 1-м слове, в 13-й и 14-й главах. Чрез понуждение себя и самоукорение получите помощь Божию и успокоение. Вы, проходя подвиг своей жизни, имели более в виду и в действии внешнее делание: пост, правило молитвенное и проч., а на внутреннее делание, может быть, мало обращали внимания. И потому, полагаю, не имеете мира в себе. Раздражительность показывает вам внутреннее ваше устроение, которое надобно побеждать самоукорением, терпением, любовью, а не вниманием к слабостям ближних и не осуждением; но иногда и вам наносят оскорбления, и конечно не без Промысла Божия, чтобы показать вам вашу немощь, и дать средство к исцелению, борьбою, сопротивлением и смирением. Читайте отеческия книги, увидите, как надобно против какой страсти вооружаться и побеж-

дать с помощью Божиею. А видя свою немощь, надобно смиряться и считать себя последнейшею всех. От внешних ваших подвигов вы имели надежду и обольщались благонадежием, но лишились спокойствия, не имея смирения. Верю вам, что не легко жить посреди мира, но пока Господь призовет вас и даст средство удалиться в сообщество работающих Богу, надобно нудить себя на делание заповедей Божиих, не осуждая других за их нерадение. Господь силен устроить их спасение и дать чувство к исканию онаго. Судеб Твоих бездна, Господи (Пс. 35, 7).

Слава Богу, что вы поуспокоились в своем пребывании и возымали благое рассуждение, что можно и в мире жизни спастися,— но в монастыре больше к оному можно иметь побуждений. Это истинно так, но только надобно иметь и в том и в другом жительстве попечение о исполнении заповедей Божиих, и о смирении при оном. Ибо без смирения все, и благие дела, не бывают благоугодны Господу, чему видим ясный пример на фарисее. Когда же угодно Господу кого позвать к монашеской жизни и устоять там, то там откроются и брани гораздо более, нежели в мире пребывающим. Ибо враги, видя нас вооружающихся на них, и текущих восхитить Царствие Небесное, лютее вооружаются на нас и борют нас, возбуждая страсти к действию; а главные из них: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие, и чрез них и прочие страсти являют в нас свои действия. Одним исполнением правил мы не можем извратиться действия страстей, но деланием заповедей в сообществе с людьми. Заповеди же простираются даже и до любления врагов. Немощь наша исцеляется не уединенным отшельством, но деланием и претерпением *досады креста* (см. книгу св. Исаака Сирина, слово 2, стр. 13). Когда же мы, бывши страстны, т. е. недугуя гордостью, тщеславием, лукавством и мнением, хотим в уединении приближаться к Богу, то можем обольститься. Св. Иоанн Лествичник и прочие св. отцы запрещают таковым удаляться в строгое уединение, а лучше подвизаться с человеками, от падений своих познавать свою немощь и приходить в смирение; тогда и все наши делания будут благоугодны Господу Богу.

5-го числа июля получил я ваше писание, слабою рукою начертанное; видя из онаго ослабевшее ваше здоровье, сожалею об вас. Но вы не отчаявайтесь; ежели угодно будет Богу, то получите выздоровление, что *от человека не возможно, от Бога все возможно* (Лк. 18, 27). Вы же пишете, что чувство ваше внушает вам, что должно приготовляться к исходу от здешней в вечную жизнь, и просите наставить вас, как приготавливаться к сему времени. Что касается до сего, то мы всегда должны приготавливаться к сему; ибо никому не известен час смертный, а паче находящимся в болезни,—впрочем, и питаться надеждою на продолжение жизни и исполнять христианский долг принятием Св. Таин не мешает.

Полагать же надежду не на свои дела, добродетели и подвиги, но на незреченную милость Божию и заслуги Спаса нашего Иисуса Христа, без которых никакие наши дела не могли бы нас спасти. А ежели враг наносит смутительные помыслы о грехах и влагает безнадежие, то прибегайте также к заслугам Сына Божия: ибо Он пришел грешников спасти; за них пролил пречистую Кровь Свою и взял на себя всего мира грехи, претерпел крестную смерть. Сие да будет нам надеждою и утешением к получению вечных благ. Все, кои отходят отсюда в вере и надежде будущей жизни и с принятием таинств церковных, веруем, что милость Божия сотворится с ними. Аще что и погрешили в житии сем, то Церковь, мать наша, приносит за них молитвы, при безкровной жертве, церковном богослужении и псалмопении, а также и творимая убогим милостыня о душах их приносит им великую пользу.

О исполнении правил не беспокойтесь, в болезни Бог не взыщет с вас оных, а когда что можете прочесть хоть сидя,— не сомневайтесь. А главное, приносите Богу терпение в болезни и благодарение за сие Его милостивое посещение. Ибо болезни грехи очищают и подают время обдумать

о прошедшем проведенном времени. Слава о всем неисповедимой Божией к нам любви.

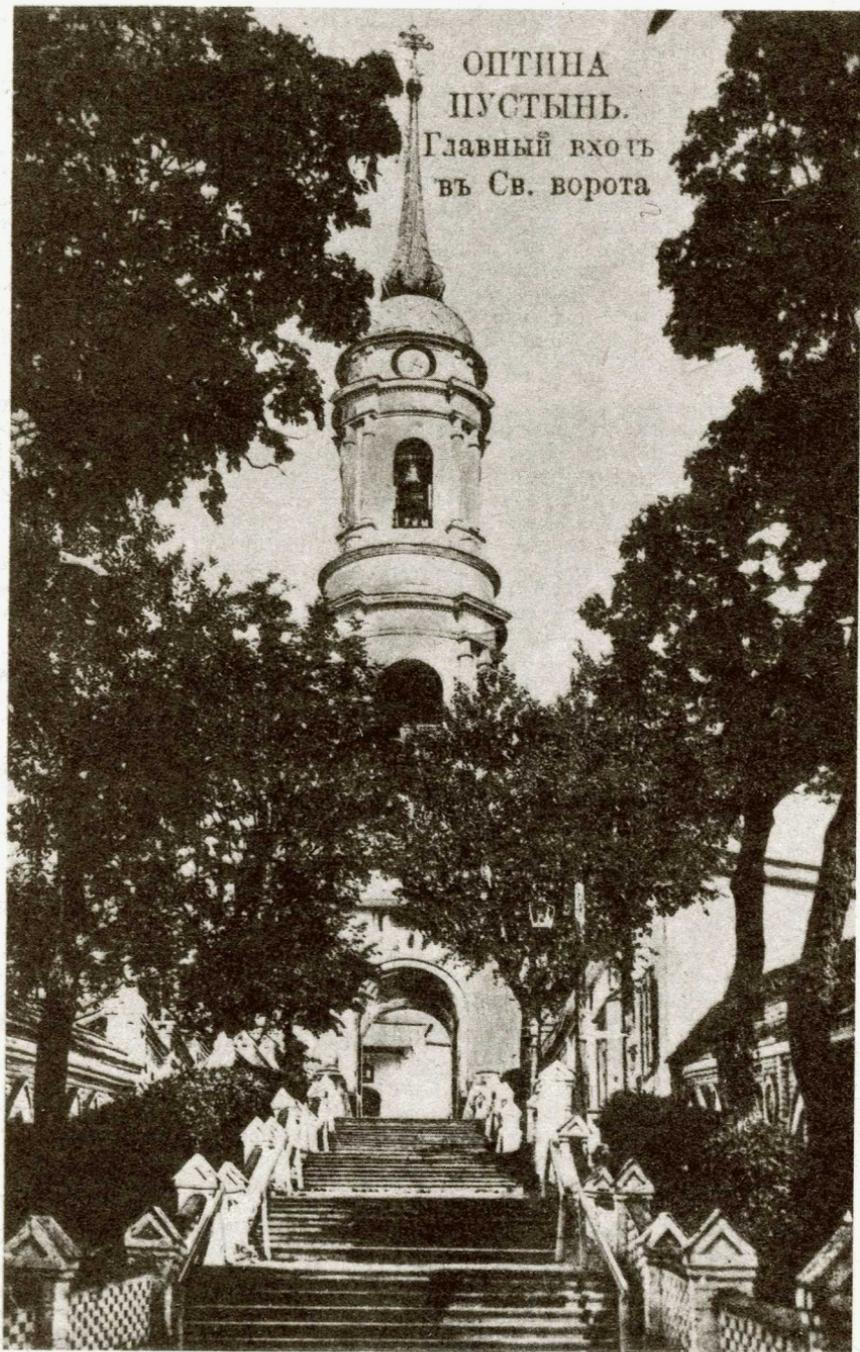
Вы теперь находитесь в дороге, да благословит Господь вас и сохранит в сем путешествии здоровье ваше, и дарует мир и спокойствие душевное, которое нужно к восстановлению телесного здоровья. Благодарение Господу, укрепляющему вас и даровавшему чувства благодушия, не упадать духом и не унывать в болезни. Вера в Господа и в Промысл Его, пекущийся о спасении нашем, да будет вам целебным бальзамом и утешением. Св.Писание уверяет нас, *аще внешний наш человек тлеет, тогда внутренний обновляется* (2 Кор. 4, 16), и в другом месте: *аще земная хранима тела нашего разорится, создание имамы от Бога, храмину нерукотворену, вечно на небесех* (2 Кор. 5, 1). Вера и надежда да утешают вас, и любовию к Богу прилепляйтесь, ибо Он от любви Своей вас посещает, спасение вам соделывая. Но Господь силен даровать вам и исцеления, аще усмотрит, что будет оно вам на пользу, ко славе имени Его святого.

Вы пишете, что не получаете освобождения от своей болезни, а может быть и от того, что нетерпеливы и несмиранны. Что делать? Самая болезнь ваша — невольный крест и невольно понуждает к терпению; хотя иногда и возмалодушествуете, но после верно каетесь о сем пред Богом. Я знаю, что вы веруете во всепремудрый Его Промысл и что Он, по любви Своей к вам, даровал вам сию болезнь, дабы в будущей жизни наградить вас вечным блаженством, что и должно вас укреплять в терпении: *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18), пишет св.Апостол. И как бы ни были жестоки и продолжительны здешние болезни, но все оне конец имеют, а будущая жизнь не имеет конца. Надеждою же укрепляйте себя в терпении.

Вы вопрошаете меня о таком деле, которое решить — выше моего достоинства, меры и разума, и притом с таким горячим чувством, что ежели не согласно с вашим желанием, то кажется, не перенесете этого. Могу сказать, мне тесно отвсюду: дать вам совет, согласный вашему желанию и против воли вашей матушки, — боюсь, как бы в этом не погрешить; сказать несогласно вашему желанию — вас слишком оскорбить, а из того или из другого будет ли польза, кто может знать? — токмо един Бог — то всего лучше молитесь Ему, и с верою предаться Его святой воле; как Ему угодно и что вам на пользу, тако и да устроит, по Своей неизреченной милости. Он так и сотворит. Ежели быть вам партию сему человеку, то всякое препятствие отведет, и из невозможного сотворит возможное; и напротив, когда нет воли Его на сие, то все ваши старания, и искания, и предприятия, останутся тщетными. Вы должны быть в этом твердо уверены, что пред Богом все будущее откровенно, как и настоящее событие. Вы опасайтесь (сего): желать непременно того, как и в чем вы предполагаете составить свое счастье. Бог иногда и попускает исполниться нашему желанию, то только, вместо счастья, встречается противная участь, а особо когда по страсти кто чего желает; в вас же, видится, глубоко оная внедрилась в сердце. Я многие видал сему примеры; и оставалось только поздное и неуместное раскаяние. Притом же и это опасно, что матушка ваша несогласна с вашим намерением; а как приступать к столь важному делу без согласия матери?

Вот вам мой совет и желание, да устроит Господь так, как Ему угодно и вам будет полезно; о чем, повторяю вам, молитесь Богу и Матери Божией, вручая себя святой Его воле и заступлению Матери Божией.

Много может предстать случаев, чрез кои искушается наша вера к Богу и терпение; надобно твердо веровать в Промысл Божий, что Он ведет нас путями неведомыми, но не стесняя нашего самовластия. Бог даровал нам разум, и свободную волю, и заповедь — что делать и чего не делать; по избранию нашим разумом и волею того или другого, подвергаемся наградению или наказанию здесь еще, или в будущем веке; а как мы часто

Оптина Пустынь. Главный вход в Св. ворота.

подвергаемся преступлениям заповедей Божиих, то Он, по милосердию Своему, посылает нам скорби, наказуя оными, отвращая от грехов и приводя к покаянию. Кающихся грешников Он прощает и приемлет — как мытаря, блудного сына и разбойника; а не кающихся и не исправляющихся ожидает вечное наказание. Конечно, ты знаешь сии истины, — ибо это христианское учение, но я тебе написал для напоминания, и так как ты просил от меня наставления, а тебе предлежит на поприще жизни твоей много испытаний. Когда будешь иметь страх Божий, помнишь Его заповеди, стараться об исполнении оных, и просить Бога о помощи во всех делах твоих, отнюдь не думая о себе высоко и гордо, но ища смирения, которое много нам добра приносит; то получишь милость Божию. Всегда, то есть всякий день молись Богу утром и вечером; а в праздники ходи в церковь, избегай худых сообществ и соблазнов, карточной игры и проч. — Во всем этом проси от Бога помощи.

Я вам изъяснял, что причина вашей духовной скорби есть высокоумие; в чем вы и сами сознаетесь, что при сделании добра возноситеесь, а при сделании злого приходите в уныние и малодушествуете; а надобно в сих случаях иметь средину: во благих не возноситься, а приписывать исправления свои Богу; а в злых не унывать и не малодушествовать, — а смиряться и каяться. Вы не видите, что в сем малодушии и есть гордость: вы смущаетесь о том, что вы не таковы, каковым быть должно: тут уже нет ни смирения, ни покаяния; а надобно просто, без смущения, каяться Богу, пришедшему грешных призвать на покаяние, а не праведных; — и тем успокоиваться. Потому и добрые дела вам не попускается стяжать, что высокоумствуете; а что вы ищите дарований, я из того заключаю, что вы скорбите, что нет умиления в молитве и слез. Это высокие дарования, коими Бог утешает смиренных; а мы должны считать себя недостойными сего. Вы прежде имели оные, но без смирения; а находили в них, что благоугождаете оными Богу, — от того теперь и не имеете покоя. Это подобно тому, как земледелец, посеяв на ниве семена, и когда вошло и стало цвести, он думал, что это плод, и сорвал оное (произрастение), чрез что и плода лишился. Так и здесь можно разуместь. Всякой вещи — время. Чрез все это вы должны смиряться, а не отчаяваться в милости Божией. Самый крест, тяготящий вас тоскою, есть посещение милости Божией; ибо утешение не могло бы вам доставить такой пользы, как терпение и несение креста; но вы не оставлены и утешениями, которые по временам получаете. О всем благодарите Бога.

Я не имею на тебя негодования за то, что в первом письме не изъяснила всего того, что было у тебя на совести: всякому сроден труд обличить себя перед другим в своих немощах, что конечно происходит от оскудения смирения; а ты говоришь: «ненавижу гордость». Где же нет света смирения, то должна занимать тьма гордости; но ты разумеешь гордость мирскую, и думая не иметь оной, увлекаешься сим мнением также в гордость другого рода, чего и не понимаешь, а, может быть, она и есть причиною увлечения твоего в то... что тебя беспокоит. Не похоже ли твое мнение о гордости — что ее ненавидишь — на то, что я «несмы, якоже прочии человецы»; Прими сии обличения от истинного желания тебе познания самой себя, и познай, что гордость есть причиною всех наших падений и бедствий; о чем царь-пророк Давид говорит: *прежде даже не смиритимся, аз прегреших; и потом: благо ми, яко смирил мя еси* (Пс. 118).

Очень помню описанное тобою о своей жизни, и каким образом устроилась судьба твоя против желания. Но, когда мы веруем, что судьбы Господни по всей земле и что мы, со всею тварию, подлежим Промыслу Божию, то и ты не исключена из сего всеобъемлющего отеческого Его Промысла. Знаешь ли ты, что бы могло тебя постигнуть в жизни тогда, ежели бы ты по страсти вышла замуж? Очень часто видим, что весьма худые последствия бывают, о коих описывать много бы стоило труда и времени, и оне всего чаще находятся пред глазами нашими. Но тебя Господь доселе

сохранил от подобных случаев, и сохранит; хотя и кажется тебе — жизнь твоя скорбная, которую ты сама отягощаешь еще, не видя в сем Промысла Божия и не покаясь оному с детскою преданностью. Не скорби о том, что ты стоишь не на пространным и широком пути удовольствий, ведущих в пагубу; но благодари Бога и радуйся, что уклонена от сего пути; и хотя не совсем на скорбном, но на среднем пути стоишь (ты говоришь, что девять лет вела жизнь самую грустную, а предвидела ли ты, что бы было в противном случае?), который все ближе к Царствию Небесному.

Не думай, чтобы ты казалась в глазах моих преступною и презренною; напротив, я еще более о тебе соболезную, видя тебя находящуюся в борьбе и пленении. Сама ты сознаешь свою греховность и просишь прощения, но между тем увлекаешься удовольствием греховным. Совесть и чувства твои не обманывают тебя, что это грех, а люди оболещают, облекая его в невинность. Благодарю же Бога, что пробуждает твою совесть и заставляет искать успокоения оной раскаянием в увлечении чувств, услаждением запрещенного плода, хотя и мысленно; но на это нельзя полагаться, у врага много козней... а мысленное побеждение уже есть преступление заповеди, требует покаяния, хотя и не в той мере... но все ведь сердце уязвлено, и мнимое удовольствие непрочное. Проси Бога, да возмет кумир сей из твоего сердца, и имей на сие произволение; не убойся обречь себя опять на грустную жизнь, Бог силен подать тебе утешение, ищи его в Боге. Ты говоришь, что любовь Божия в тебе не уменьшилась; но кажется, да и точно, это есть оболещение: *любляй Мя, заповеди Моя соблюдают* (Ин. 14, 15), а мы как далеки от сего, то лучше представим Ему смиренное сознание нашей греховности, и будем просить отпущения грехов, и опасаться о себе той высокой мысли. Не отчаявайся в милости Божией и помощи тебе. Он силен подать тебе истинный разум, и в нем утешение на поприще жизни твоей. Конечно, ты еще молода, и желала бы чувственных утешений, но Бог больше тебя знает, что тебе полезно. Обязанность твоя: воспитать детей, и занятие хозяйством также — могут тебя развлекать и утешать; ибо ты поставлена на сие Промыслом Божиим. Читай духовные книги, хоть и не так много, но найдешь укрепление и утешение. Молись Богу со смирением, ибо Бог приемлет молитву смиренных. Поведай тайну сердца твоего тому, к кому по Господе имеешь веру и расположение, и все это будет тебе отрадно в жизни твоей.

Соблюдение постов и постных дней необходимо нужно. Это не человеческая выдумка, а содействием Св. Духа, постановлено и узаконено Церковью и Соборами, а основание и Глава Церкви Сам Господь наш Иисус Христос. Он Церковь Свою облек такою властью, что ежели кто преслушает Церковь, *буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17), а еще сказал к Апостолам, и в них к пастырям: *слушай вас, Мене слушает, и: отменяйся вас, Мене отменяется; отменяйся же Мене отменяется Пославшаго Мя* (Лк. 10, 16). То токмо одно покаяние может примирить нас с преступлением сим; а когда с презрением делается, то уже я и не могу ничего сказать. Господь да помилует тебя и благословит.

Получа письмо ваше и видя, что вы находитесь в недоумении и смущении о некоторых ваших обстоятельствах, принимаю участие в вашем положении и сердечно сожалею о вас; желал бы утешить вас и успокоить, но, взирая на многие мои немощи, душевные и телесные, боюсь, да не вящше осужден буду, предлагая другим наставления, тогда как сам ничто же благо сотворих. Однако, не хотя и вас опечалить отказом, призываю помощь Божию для просвещения меня, и, по вере вашей, предложу вам мой совет.

Недоумение и смущение, беспокоящая вас, касаются вас и детей ваших не только во временной жизни, но простираются и до вечности. Вы же, хотя избавиться неудобств в жизни, прибегаете к средствам материальным, и просите Бога о ниспослании вам оных; не получая же скоро, доходите до уныния и отчаяния. Я предлагаю вам то, что и вам самим извест-

но: *судьбы Божию неисповедимы? судеб Твоих бездна многа* (Пс. 35, 7), и *судьбы Твои, Господи, по всей земле* (Пс. 104, 7). И Апостол Павел восклицает: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия! кто испыта ум Господень, или кто советник Ему бысть* (Рим. 11, 33)? Из сего можно заключить, что Промысл Божий есть над всеми нами, и даже птица не падет без Его воли и влас главы нашей не погибнет (Лк. 21, 18). И ваше настоящее положение не состоит ли в воле Божией? Веруйте твердо, что Бог промышляет о вас; не давайте места сомнению, да не сбудется и на вас слово Писания: *отъемлются судьбы твои от лица его* (Пс. 9, 26). Но вы просите и не получаете, что вас еще более смущает. А как вам известно из истории жизни человеческой, и из примеров, пред глазами нашими бывающих, какими несчастными случаями люди бывают поражаемы: семейство лишается иногда отца, муж — жены, жена — любимого мужа, родители — единородного сына, — всей их надежды и радости; дети остаются сиротами, без призрения; иной лишается всего богатства, делается нищим, другой терпит различные несчастья, скорби, болезни, лишается чести и проч. Кто же всем этим распоряжает, как не Промысл Всевышнего, попускающий каждому скорби, по его мере, силе и устройению; для того, чтобы наказать его, или испытать и укрепить его веру, или предохранить от грехопадений? Постигнутые несчастием, верно, просили избавления и облегчения скорбей, но не получали скоро; а почему? Это знает Един Всемогущий Творец и Промыслитель всех. Нам известно, что Он *весь их же требуем, прежде прошения нашего* (Мф. 6, 8) и что Он дает нам блага, каких мы и не ожидаем от Него; что Он всегда есть благовременный помощник в скорбях. Один церковный учитель говорит: «Господь, хотя и невидимо, но действительно близок к нам, так что может слышать все наши стенания и подать нам Свою помощь. Он знает и видит все наши нужды и несчастья, и любвеобильное сердце Его исполнено благодати и готовности помогать, которую являл Он, когда обитал на земле, полный благодати и истины. Но Господь долго не избавляет меня от несчастья! Так, возлюбленный, но время и способ избавления Он положил в своей власти». Предавайтесь же и вы Его святой воле и изливайте скорбь вашу пред Ним, со псаломником: *пролию пред Ним моление мое: печаль мою пред Ним возведу. Всегда исчезает от мене духу моему и Ты познал еси стези моя* (Пс. 141, 4). *Всегда уны сердце мое, от конец земли воззвах* (Пс. 60, 3). *Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело* (Пс. 45, 2). И ожидайте от всещедрой и милосердой десницы Его помощи в скорбях ваших; но ежели вы долго не получаете желаемого и просимого, то укрепляйте себя вышеизложенным рассуждением; — и веруйте, что и должно быть так, а не иначе. Может быть, сим испытывается ваша вера и любовь к Богу; или просимое вами место могло бы быть вам не полезно в нравственном или физическом отношении. Силен Господь утешить вас и другим, Ему Единому сведомым образом. Скорбь ваша, конечно, не забыта пред Богом, испытующим сердца и утробы. Ежели это и наказание, то Св. Писание говорит нам: *егоже любит Господь накажет, бьет же всякаго сына, егоже приемлет* (Евр. 12, 6). И в самых скорбях является милость Божия и даруется духовное утешение. *Возверзите на Господа печаль вашу, и Той вас препитает* (Пс. 54, 23).

Вы думаете, что сыну вашему полезнее всегда быть при вас, но кто это знает? И при вас, если Бог попустит, он может испортиться, и на чужих руках — сохраниться без вреда. Но где бы ни были дети ваши, с вами ли, или в каком-либо заведении, внушайте им христианския правила и поручайте их Богу и заступлению Божией Матери. Не знаю, почему дочь ваша живет у пастора; конечно должно бы, чтобы она была наставлена в православном учении Церкви, но, впрочем, милостив Господь, Он видит вашу возможность и ваши средства и не оставит детей, порученных Его попечению. Не могу войти в подробности касательно вашего содержания; но советую вам стараться издерживать то, что Бог посылает. Иной обходится не многим, а другому и десяти тысяч недостает. Во всяком случае, надобно благодарить Бога за Его дары, нам ниспосылаемые, и веровать

слову Господню: «ищите прежде Царствия Божия и правды Его и сия вся приложатся вам».

Судьбы Божии нам неисповедимы; каждому из нас Он положил предел жизни — и не преидем, а вечность не имеет конца!.. Для нас, верующих христиан, смерть не есть всегдашняя разлука, но временное отшествие: *аще живем, аще умираем, Господни есмы* (Рим. 14, 8), учит св. Апостол, и перед Богом все живы есмы, ибо душа безсмертна и вечна. Сие рассуждение да будет вам утolenием скорби и лишения матушки вашей. Вы и теперь находитесь с нею в общении молитвенном, когда исполняете долг ваш — приносите молитвы о упокоении души ее, и при церковном богослужении творите поминовение и делаете благотворения нуждающимся; для нея от сего есть великая польза душе, а для вас утешение.

Вы ничего не пишете о себе, то есть, находитесь ли на службе или в отставке, и в чем упражняетесь. Желаете иметь от меня совет, но что могу я вам сказать, не зная образа вашей жизни и соображения — в каком кругу вы находитесь? Вы пишете только, что читаете св. книги; но одно чтение, без деятельности в исполнении заповедей Божиих, не может принести нам пользы. Из письма вашего замечаю, что вы не имеете спокойствия духа, и спрашиваете: может ли когда душа ощутить совершенное спокойствие здесь на земле? и почему трудно сохранить себя от ежедневного смущения?

По скудному моему понятию, сколько могу разуместь, скажу вам на сие: когда Господь сказал Своим ученикам: *мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам* (Ин. 19, 27), то как же, получив от Бога такой великий дар — мир, душа не может иметь спокойствия? Но когда кто не имеет спокойствия, то причина тому наши страсти, внутри нас кроющиеся, и непобежденные и неистребленные деланием заповедей Божиих: и ежели мы удаляемся случаев, которые нам показывают наши страсти, то никогда не возможем оных истребить; а иногда и бывают случаи оскорбления от других, но мы, вместо того, чтобы попешись об исцелении своей страсти, укоряем других, нанесших нам неприятность, не понимая того, что не они вложили в нас страсть, но залог ее лежит внутри нас, а они токмо показали нам, смотрением Божиим, гнилость нашего устройства, коих бы нам должно считать своими благодетелями, ибо без них мы не познали бы нашей немощи. Вот причина, почему душа не имеет спокойствия — наши страсти. А что человеку возможно иметь спокойствие души, то веруйте относительно этого не моим словам, но словам Самого Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа; Он сказал: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрячете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Итак, когда нет спокойствия, то явно, что нет и смирения. Если мы исполняем, по-видимому, долг христианский: ходим в церковь, читаем книги и другие обязанности исполняем, и при всем том увлекаемся в высокоумие и мнение о себе, то уже и нельзя ожидать мира и спокойствия; но при всем оном исполнении благого надобно быть смиренным и нищим духом, тогда и спокойствие водворится в нас.

Вы считаете самолюбие себе природным, но в этом крайне ошибаетесь. Самолюбие есть изобретение диавола. Он, облекшись в самолюбие, воспротивившись Богу и низвергнутый с неба, помрачился; а смирение, напротив, есть одеяние Божества, по слову св. Исаака (Слово 53). Сам Бог смирил Себя, облекся в плоть нашу и тем низложил самолюбивого и гордого диавола и нам даровал сие оружие (смирение), для победы над ним.

Вы считаете самолюбие благородным чувством и думаете, что из самолюбия делаете добродетели, — а это-то и есть гордость, и я вырастет от сего в высокой мере. *Начало премудрости страх Божий* (Притч. 1, 7), и: *страхом Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27), говорит Св. Писание, — а не самолюбием.

Оставьте ваше мнение о самолюбии, что оно вам природное, и делайте добро, уклоняясь от зла — сначала из страха Божия, а потом дойдете и до любви Божией; — а не из самолюбия, противного Богу.

Ища духовного врачевства душе вашей, вы описываете всю историю вашей жизни, — от юности до настоящего времени, и просите меня дать вам совет к врачеванию внутреннего вашего душевного устройства. Но я должен сознаться, что не имею ни достоинства, ни дара на сие великое дело; когда же вера ваша содействует, то Господь силен даровать и слово моему скудоумию, подобно тому, как ослице Валаамовой даровал глас к пользе израильского народа; а потому, простирая руку мою на предлежащую хартию, молю Господа даровать уму моему слово на пользу вашу.

Не имея мира в душе, вы желаете найти оный и получить росу благодати Божией, орошающей душу, иссохшую от зноя страстей. — *У Господа милость и многое у Него избавление и Той избавит Израиля от всех беззаконий его* (Пс. 129, 6).

Сколько могу заметить и понять, ваше воспитание и образование совершилось в духе мира, как вы сами пишете, что не получили воспитания внутренне-религиозного, и потому вы, может быть, имели надежду на получение мирской славы и чести, наслаждения и богатства, полагая найти в сем блаженство и успокоение души и тела. Но, как видно, одно внешнее, мирское просвещение, непроникнутое духом евангельской веры и смирения, не может принести спокойствия, потому и вы не находите оно-го. Вы сознаетесь, что гордость, занимая в вас место (а от оной зависть к богатым и знатым), лишила вас спокойствия; а ежели бы вы, на место гордости, усвоили себе смирение, то и зависть не нашла бы места в вашем сердце.

Далее, увлечение к чувственности более помрачило свет истинного разума; и когда, при свете веры, пробудилась совесть, то доброе чувство подавило отчаяние. Но видно Господь вас любит и хочет вашего спасения; ибо в третий раз призывает вас к обращению.

При пустоте и унынии духа вам советуют искать утешения в рассеянии; но вы там не находите его, да и найти невозможно; для духа надобна духовная пища. Надобно искать утешения в вере Господа нашего Иисуса Христа и святых Его заповедях, из коих одна научает нас тому, где можно найти успокоение: *научитесь от Мене*, сказал Господь, *яко краток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 23). Когда помысл гордости смутит вас о незнатном вашем происхождении и уязвит сердце ваше завистию против знатных и богатых, в тот час обратите мысль ко Господу, смирившему Себя и нам повелевшему в смирении искать спокойствия. Святые Апостолы были незнатного рода, а покорили вселенную в веру Христову и удостоились великих дарований. Бог призывает не на знатность рода, но на смиренных; и вы старайтесь при томности духа, зывая ко Господу, смиренно покоряться воле Его, попустившей вам такое испытание; считая себя того достойным и памятуя свои грехи, приносите покаяние. Ведь и гордость есть грех, да еще самый гнусный, а мы мало обращаем на него внимания и считаем за ничто. Если будете так искать, то обрящете мир, дарованный нам Спасителем нашим. Ища же и не получая скоро, не стужайте о сем, но предоставьте это воле Божией. Господь знает, кому, когда и сколько даровать оно-го. Случается, что человек, обогатевши, приходит в гордость и оставляет Давшего, а после сугубо страждет. Вспомните, как обижаемая вдова, много стужавши и чрез неправедного судию получила отмщение от соперника своего; кольми паче Отец ваш небесный даст благо просящим у Него, и не унывайте в прошении вашем. Старайтесь, сколько можно, исполнять заповеди Божии; а видя в оном или неудобство, или немощь свою, смиряйте себя и просите помощи Божией. Смирение само собою ходатайствует о нас пред Богом. Не вините никого из других, когда видите в них что-либо для вас неприятное творимое, но вините себя за неисполнение заповеди Божией, повелевающей любить даже и врагов наших; и будьте твердо уверены, что все, бывающее против нашей воли, попускается смирением Божиим, к нашему

испытанию или наказанию; а люди суть токмо орудия Промысла Божия, действующего в деле нашего спасения.

Читайте слово Божие и духовные отеческие книги, которые могут вас взразумить в истинном пути. А меня прошу простить за худой слог письма и ежели что найдете противное вашему мнению. Я сам собою невежа, но пишу вам призывая Господа в помощь; и когда с верою примете (слова мои), то обратите помощь.

Происхождение ваших родителей ни для них, ни для вас не причиняет ни вреда, ни порока. Всякий даст ответ о том, что сделал, а о происхождении знатном или незнатном там не спросят, а будут смотреть, есть ли смирение. — Сей драгоценный камень и некрадмое богатство много нам принесет пользы.

Вы пишете ко мне о намерении вашем приступить к третьему браку, но братья ваши не советуют вам сего; а потому вы и просите моего совета, как вам поступить в сем важном деле?

С одной стороны, видя мою худость и недостойнство, опасаясь решительно дерзать; а с другой, видя, что вы с верою о сем вопрошаете, прибегаю к «Сильному и Богу разумов», могущему просветить и мое неразумие и, по вере вашей, предлагаю вам сие рассуждение.

Вы испытали два раза супружескую жизнь и, по неведомому нам в судьбах Божиих предопределению, угодно было Господу в настоящее время и вторую супругу вашу из сей временной жизни переселить в вечную. Лишившись ее, вы находитесь в большой скорби, и это естественно, — пока рана скорби нова и горяча, нельзя не ощущать боли; но надобно покориться воле Божией и благодушно нести сей крест. Видно есть воля Божия на то, чтобы вы остальное время жизни вашей проводили в воздержании и чистоте, занимаясь воспитанием дарованных вам от Бога детей, в страхе Божиим и благочестии и в мире и дружелюбии с братьями вашими, упражняясь в делах ваших торговых и хозяйственных. А приступить к третьему браку небезопасно, имевши пять человек детей. Кто знает, будет ли будущая супруга ваша для них матерью, — а для вас партией, могущею подать в жизни вашей утешение согласным и мирным жительством?

Теперь любовь ваша к детям сосредоточена и глубоко вкоренена в вашем сердце, а тогда разделится, и может быть, перевес будет на другой стороне, да и в семействе может произойти несогласие; — от чего Боже сохрани!

Но если и все сии неудобства устранить, то, хотя Церковь и снисходит, по нужде и по немощи человеческой, к третьему браку, но вникнув в церковные правила св.отцев, мы находим строгое изречение против третьего брака и возложение за сие строгой, большой епитимии. Св.Василия Великого правила каноническая: 4, 50 и 80 прочтите в Творениях св. отцев 1848 года, часть 7-я, стр. 6, 52 и 109. Святой же Григорий Богослов утвердительно говорит: «первый брак есть закон, второй снисхождение, а третий беззаконие» (См. Творения св. отцев 1844 г., ч. 3-я, слово 37, стр. 320), и св. Апостол Павел увещевает верных: *разрешился ли еси от жены, не ищи жены* (1 Кор. 7, 27), а ведь апостольския и св. отцев учения от Духа Святаго суть; ибо Господь, посылая их на проповедь, сказал: *слушай вас, Мене слушает и отменяйся вас, Мене отменяется; отменяйся же Мене, отменяется пославшаго Мене Отца* (Лк. 10, 16).

Для вас будет гораздо лучше, покойнее и полезнее — не вступать в третий брак, а Бог силен послать вам помощь к сохранению себя в чистоте и целомудрии. Хотя сами на себя и никак не можете надеяться, но созная свою немощь и призывая Бога в помощь, избавитесь от стрел лукавого, коими он будет вас уязвлять плотским сладострастием. Многие, живущие в мире, с помощьюю Божиею сокрушали и сокрушают сии стрелы лукавого. Господь силен и вас сохранить. Впрочем, не должно брать в пример и судить тех, которые уже вступили в третий брак: это не до нас касается, но я пишу относящееся собственно к вашему лицу, по вопросу вашему.

Да подаст вам Господь истинный разум, благую волю и силу к исполнению воли Божией.

На вопрос ваш, в чем состоит счастливая жизнь; в блеске ли, славе и богатстве, или в тихой, мирной, семейной жизни, скажу, что я согласен с последним, да еще прибавлю: жизнь, проходимая с неукоризненною совестью и со смирением, доставляет мир, спокойствие и истинное счастье. А богатство, честь, слава и высокое достоинство нередко бывают причиною многих грехов, и ненадежно это счастье. Притом мы видим в евангельском учении Господнем, что богатый, наслаждавшийся в сей жизни всеми благами, по отшествии в будущий век желал прохладиться в своем страдании хотя каплею воды, но услышал ответ: *чадо, помяни, яко восприя еси благая в животе твоём*, и проч. (Лк. 16, 25). И еще: здешнее, блестящее, роскошное и мнимо-счастливое житие Господь называет пространн-ным путем, вводящим в пагубу, и многие суть ходящие по нем; а узкий и прискорбный путь — вводящим в живот вечный, и мало ходящих по нем (Мф. 7, 14).

Но мы видим нередко, что Господь, любя нас и желая спасти многих, и против воли их, сводит с пространного пути, поставляет на тесный и прискорбный, и оным вводит их в живот вечный.

Да будет на вас во всем воля Божия.

Вопрошаете вы худость мою о столь важном предмете, каков предстоит вам, и с большою верою последовать моему совету, но я сознаю мое недостойнство и не смею дерзновенно решить вам на то или другое. Видя же ваше затруднительное положение в недоумении и веру, с какою вопрошаете меня, призвав помощь Божию к вразумлению меня, даю вам такой совет: в первых, надобно прибегать к Господу Богу с молитвою, и к Пречистой Божией Матери — Ее ходатайство сильно у Бога: да устроит Он участь вашу по святой Его воле; а если будет вам полезно вступить в предлагаемый вам брак, то да ниспошлет к содействию Свою помощь и благословение; а если не на пользу, то судьбами Своими да расстроит это дело. Таковое предание себя в волю Божию, а не искание своей воли, предохранит вас от многих искушений, каковые иногда бывают, если кто непременно хочет, чтобы исполнилось по своей его воле; потом принять совет родных и ближних ваших, конечно, Господь и им известит сказать вам полезное; еще надобно узнать о его религиозном направлении, и благочестивом сохранении уставов матери нашей, Православной Церкви, и о нравственности его, хотя отчасти; нынешние времена опасные, много есть вольнодумства и непокорности Святой Церкви; хотя бы он и нравился вам, но если нет прочной веры и благочестия, то не советую вам посягать за такого, а если — истинный христианин и сын Православной Церкви, благочестив, то советую, при содействии помощи Божией. Если есть воля Его идти за такого человека и если дело устроится к совершению, то прежде брака советую, пригостясь, пообщиться со Святыми пречистых Таин Христовых, и вам и ему. Приступая к столь важному таинству, какой брак, должно приготовить себя, очистившись исповедию и приобщением Свя-тых Таин и молитвою, но не балами и музыкою и танцами, ибо этот шаг простирается не только на всю здешнюю жизнь, но даже и на вечность. А какая может быть участь ваша в супружестве? Это предоставьте воле Божией, судьбы Его нам непостижимы; по мере каждого нравственного устройства, — или наказует, или награждает. Касательно состояния не надо много пещись: *ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся* (Мф. 6, 33). Прося Господа, да устроит Он о вас по святой Его воле и ниспошлет Свое благословение, остаюсь недостойный ваш богомолец, многогрешный И.М.

Пишешь ты о своем смущении, о том, что ты помышлением своим хулишь имя Господне. На сие скажу тебе, что ты в этом не виновна отнюдь — не хулишь Бога; а хулит Его богоненавистник, бес, влагая тебе

в ум хульные помыслы, и они не твои, а его — вражьи, а ты не имеешь в них никакого участия и не виновата. Но тем самым, что смущаешься — он радуется и больше наводит тебе оные, советую тебе не считать оные мысли грехом, быть спокойною и не смущаться, то оне исчезнут; а оне бьвают от того, когда кто думает о себе, что он живет хорошо, или думает, что молится усердно, а других осуждает. За это и попускается сей бес. Ты не думай о себе много и никого не осуждай, то и помилует тебя Господь, и избавишься от хульных помыслов.

Сердечно порадовался, что супруг ваш и вы говели и сообщить готовились к 12 декабря; что конечно и исполнили. Слава и благодарение Господу, даровавшему вам это чувство и сознание в необходимости для христиан частого приобщения Святых Христовых Таин, по очищении исповедию перед отцем духовным и получа от него разрешение, по данной ему власти от Самого Господа нашего Иисуса Христа. Душа, освободившись от греха и соединившись со Христом, Спасителем нашим, начинает новую жизнь. Вы пишете: готовились к сему таинству не так, как бы следовало, и на молитве имели рассеяние в мыслях; и это наводило вам смущение и беспокойство. Всегда, когда приступает человек к благому делу, то враг старается смущать его, наводя различные помыслы и обезпокоивая сим его; против сего надобно вооружаться смирением и мужеством. Смирение на него без трудов, победа и мужество его посрамляет и отгоняет; почему ж в другое время так не смущается человек, как в сие, когда готовится к сему великому таинству? В этом и есть его коварство, чтобы отвергнуть от благого дела. Если мы, приготавливая себя к таинству сему, и помышляем о грехах наших и смиряемся пред величеством славы Божией, надеясь на неизреченное Его милосердие, а не на свое, как бы ни велико было приготовление, тогда сети вражие сокрушатся и не могут действовать на нас; а если мы думаем, что наша молитва и приготовление благоугодно Богу, то уже тут нет смирения; вы желали бы иметь сокрушение сердца, но его не видите в себе; а если бы получили сей дар Божий, то верно бы увлеклись мыслию, что уже достаточно приготвились; потому то и не допускает сего Господь; а приемлет ваше желание и благое произволение; а за недостаток сокрушения надобно смиряться, сознавая свою нищету, то и успокоитесь; а в смущении познается тайная духовная гордость, которая и не может успокоить вас. Вы сознаете себя в пристрастии к нарядам и склонною к гневу и раздражительности. В первом случае надобно иметь умеренное благоприличие, а не излишество: можно ли угодить миру подражением моде, которая всякий месяц изменяется? При благоразумном рассмотрении можно видеть, что ни к чему доброму не поведет сие, украшать нарядами тело, а о украшении души не иметь такого попечения? Лучше ту сумму употребить на помощь бедным, нуждающимся в скудной одежде и пропитании, то это дополнит пред Богом недостаток дел наших, по заповеди Его в Евангелии от Матфея, в главе 25 написанной. Раздражение и гнев, в коих сознавая себя, сожалеете о сем, происходит от навыка, который и в добром и в худом приемлет силу. Мы имеем разум и волю, должны рассуждать, что хорошо и что худо, и волею исполнять лучшее. Сделанный навык к дурному надобно преклонять к лучшему и удерживать себя от гнева и раздражительности; ибо оные делают вред, как вам, так и тем, на коих бывают испущаемы, при оскорблении от кого-либо. Надобно помнить, что мы ежедневно Бога прогневаем, и Он нам отпускает: как же мы гневаемся и раздражаемся на ближних наших, да и заповедь имеем от Господа, отпускать ближним грехи! А если не отпускаем, то и нам не отпустятся; но чтобы удобнее было это исполнить, то надобно призывать в помощь Бога, ибо мы не можем без Него творить ничего.

С душевным прискорбием читал письмо ваше о лишении малолетнего сына вашего... внезапную смертью, — убиением от упавшего на него фронта. Велика скорбь сия родительским сердцам вашим, но вы еще более увеличиваете оную недоумением вашим: по воле ли Божией сие

Оптина Пустынь. Вид пустыни с Южной стороны.

случилось, или от вашей недосмотрительности? и это вас убивает и сокрушает сердца ваши. Просите на сие нашего рассуждения: как вам смотреть на сие событие и чтобы не умножить за сие тяготы греховной. Мы, рассуждая о сем печальном и болезненном приключении, не можем сказать, чтобы могло оное быть без поущения по воле Божией; если по слову Господню: *и влас главы вашей не погибнет без воли Божией* (Лк. 21, 18), то можно ли быть такому случаю без воли Его? Причиною сего не ваша недосмотрительность, ибо вы не могли всегда следить за детскими его играми и действиями, и это непредвиденный случай; вы не могли никак отворотить, тем паче, что другие дети, бывшие с ним, остались невредимы, а только он один подпал смертной участи. Мы должны верить, что *судьбы Господни по всей земли, и: судеб Твоих, Господи, бездна многа* (Пс. 35, 7), Промысл Божий простирается на всех; но кто может постигнуть судьбы Его?.. *Кто разуме ум Господень, или кто советник Ему бысть* (Рим. 11, 34), пишет св. Апостол Павел. Сын ваш принят в вечность, да и таким страдательным образом, несомненно, наследует блаженство в Царствии Небесном; и это по Божией к нему милости и по предведению Его. Мы не знаем, что бы его постигло в продолжении жизни его, и может быть, еще болезненнее бы было для вас, видеть его в возрасте в каком-нибудь горестном и несчастном положении, — что мне случилось от многих слышать: «лучше б, если бы он в малом возрасте умер, не так было горько видеть»; но Богу все известно, и несодееянное нами видит Он, как настоящее. Вы же недавно, бывши в Лавре Преподобного Сергия, угодника Божия, которому сын ваш был тезоименит, — и, верно, поручали покрову и заступлению его сына вашего, имея попечение не об одном только благоденствии его, но и о вечном спасении; а теперь спасение его несомненно. — Прочтите в житии св. отцев, октября 19 числа, св. мученика Уара, как одна знаменитая жена Клеопатра построила храм и положила в оном мощи св. мученика Уара, и поручая ему единственного своего сына, чтоб он сохранил его в благоденствии; но сын ее в самый день освящения храма заболел и умер. Она от большой печали возроптала на мученика, что он не сохранил сына ее, и в этой печали уснула и видит мученика Уара, держащего сына ее в большой славе, вопрошающего ее: довольна ли она тем, что он для сына ее устроил? Она, проснувшись, веровала сему, получила утешение и перестала скорбеть. Так и вам советую, предоставляя слу-

чай этот воле Божией, утолить скорбь свою надеждою в будущей жизни его блаженства.

Не могу одобрить чувств твоих, описанных в письме твоём, которые ты питаешь к человеку, по мнению твоему могущему составить для тебя счастливую партию; сама сознаешь, что ты старше его шестью годами; и это неравенство много может впоследствии причинить скорбного для вас обоих. В мужеском поле старшинство лет нимало не вредит, а в женском поле большой вред причиняет. А при том вижу, что ты увлеклась к нему страстною любовью; говоришь, что и он взаимно к тебе тоже питает страсть. Из многих опытов видно, что кто по страсти вступает в супружество, то не бывает счастья: страсти остынут и любовь исчезнет. Надобно избирать партию по разуму, с благочестивым намерением и молитвою ко Господу, чтобы жизнь провести в мире, согласии и любви, для семейного счастья и общественной пользы, в том кругу, где будете находиться. Итак, я не могу дать тебе совета на сию партию.

Очень рад, что имею о вас известие, но больно и горько слышать о ваших скорбях, которые не умяются, но умножаются и отягощаются. Странное дело! Убогие скорбят, что не имеют насущного хлеба для себя и семейства, а богатые, при всех благах и дарах, Богом посылаемых, поражаются скорбями еще большими, нежели они. Что же это значит? Кто этому причиною? Наше душевное устройство. А Промысл Божий устроивает по непостижимому для нас Его смотрению все на пользу. Находясь в беззастенчивой жизни, мы забыли бы себя и уклонились бы всем сердцем к миру и его обольстительным удовольствиям, которые повреждают душу и отлучают от Бога; а когда сердце поражено скорбью, то уже невольно умирает миру, его ничто не обольщает; не находя нигде утешения, прибегает к Богу и, конечно, получает по временам утешение. Бог — любовь есть и от любви Своей посещает нас скорбями, видя, что бесполезна для нас отрадная жизнь. Св. Писание говорит: *егоже бо любит Господь, накажет; биет же всякого сына, егоже приемлет* (Притч. 3, 12). Надобно в скорбных сердечных чувствах принимать в память Божию к нам любовь и попечение о нашем спасении, ибо по Писанию: *многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие* (Деян. 14, 22), и посему вы стоите на скорбном пути, ведущем в живот вечный. Излейте пред Богом скорбь сердца вашего, являя покорность святой Его воле, то Он ниспошлет бальзам утешения от Своего милосердия; а когда будет Его воля и вам полезно, то и совсем освободит от скорбей... Если бы мы в скорбях наших сами себя укоряли, находя причину в своем устройении или греховности, то удобнее переносили и избавлялись бы скоро от скорбей; но мы вместо того видим других виновных нашим скорбям, отчего и скорбь умножается и отягощается, о чем подробно и ясно изъясняет св. Исаак Сирий в 51 слове. Сердечно сожалею о ваших скорбях и о том, что не могу вас как должно утешить, это состоит в воле Божией. Молись Его благодати, и я, грешный, дерзаю молить Его о даровании вам мира и спокойствия.

Пишете вы, что имели желание с верою получить святую воду, от животворящего древа креста Господня освященную, в чем Господь вас и утешил, даровал вам, по вере вашей, иметь оную. Благодарение Господу, исполняющему во благих желание наше. Веруйте же Ему, что Он силен подать вам и здравие, исцелит от болезни вашей. Но Он, так как любвеобильный Отец наш, вся творит на пользу нашу: иногда телесными болезнями врачует душевные недуги, а иногда посылает болезни для испытания нашего терпения, и для вящей награды, душевными дарованиями, здесь или в будущем веке; и многие есть причины, кои мы постигнуть не можем. Кто бо испытает ум Господень? Или кто советник Ему бысть? Судьбы Господни по всей земле, и судеб Его бездна многа, но все это для нас непостижимо, и какими путями Он ведет нас ко спасению — Ему Единому ведомо, а с нашей стороны надобно предаться святой Его воле, да творит Он с нами то, что Ему угодно, а Ему угодно, конечно, то, что нам полезно:

Старцы Моисей (Путилов) и иеросхимонах Макарий (справа).

в таком предании себя Богу, верою утвержденном, можете находить себе душевное утешение и облегчение болезни, а напротив, смущение и страх не допускают быть исцелению, но умножают болезнь, от чего да избавит вас Господь.

Вы очень сильно приняли к сердцу кончину вашей четырехлетней малютки и крепко печалитесь и о ней и о том, что она не сообщена Святых Христовых Таин пред кончиною ее; приписываете это нерадению вашему. Сожалею о вас, что так малодушествуете этим случаем. Конечно, нельзя не пожалеть, лишившись дитя и памятуя о ее болезни и о лишениях, но это человеческая слабость и немощь. Вы — верующий христианин, должны искать утешения в вере и уповании на непостижимый нам Промысл Божий и любовь Его к человеку. Неужели же мы созданы только для здешней жизни? А как она кратка и исполнена всякого рода скорбей, страданий, соблазнов и грехопадений, будущий же век не имеет конца. Бог, ведущий и несодеянная наша в будущее время, благоизволил в настоящее время принять к Себе юную младенческую душу дочери вашей в вечное наслаждение и покой, и она избавилась здешних всех тревожений и скорбей, которые могли бы ее встретить на жизненном пути. Не безпокойтесь и о том, что она не причащена Святых Таин пред смертью; но, конечно, недавно была приобщена сей Божественной трапезы, и это не от вашего нерадения произошло, а потому что не надеялись на та-

кой скорый переход ее в вечность; да она же невинный младенец и Церковь на ектениях не молит о прощении грехов младенцев, но: упокой Господи душу младенца NN, в Царствии Небесном. Итак, успокойтесь тем, что на это была воля Божия, — чтобы ей в настоящее время переселиться в вечность, и что она там по благодати Божией наслаждается вечным блаженством. И в том отложите смущение, будто выразились в вашей мысли хулы на Духа Святаго. Это действие вражие, а не ваша мысль; враг не хочет добра и спокойствия, а возмущает разными средствами; вы не повинуйтесь ему в смущении и не приписывайте себе в этой мысли вины. Я знаю, как вы смущаетесь от многих случаев, ничего незначущих; о сем много было с вами говорено и о причине, отчего оно бывает.

Когда не имеешь время много на молитву, довольствуйся тем, сколько имеешь, а Бог примет твое произволение; помни, что мытаревое чувство бывает приятно Богу в молитве, и опасайся давать цену своей молитве; это дело Божие, а не наше. Снам недолжно верить и чрез них смущаться, враг делает многие козни, чтобы только навести смущение. Если что случается с нами, то не от снов, а что так надо быть по неведомым нам судьбам Божиим.

Скорбишь, что чувства твои к родным не такие, какие хотела иметь, и узнала, что образ твоих действий им неприятен, и что при сожалении их о тебе, не участвуют помощью в делах твоих. По совести твоей ты не подаешь им соблазна к тому, в чем они тебя осуждают, то и будь спокойна, молясь о них Господу. Нельзя всех уверить в правости действий наших: у всякого свой взгляд на вещи, надобно отдавать дела на суд Господу. Он весть все помышления наши и воздаст комуждо по делу его.

В случае нужды, при неправых суждениях о предметах веры, можешь сказать, что читала или слышала; но не входить в спор, а оставлять каждого при своих мыслях; и может быть, Господь просветит и их сердца к познанию истины. Они, не слышавши ни от кого, думают, что правосудят, а когда доброе сердце, то падшее семя на оно может принести плоды; токмо говори со смирением, а не тоном учителя.

На первое ваше письмо, касательно епитимии, само собою разумеется, что по исполнении ее вами она уже прекращается и разрешается; вы, поступая так, будьте в оном спокойны, а паче когда и написали мне об оном...

В отношении сознания ваших немощей пред нашим недостойнством, во утешение скажем вам: что мы сердечно о вас соболезуем, молим Господа, да простит вас, и мы грешнии прощаем; и желаем, да поможет вам Господь противостать пагубным стрелам лукавого, а паче против господствующей вами страсти. Хотя вы и сами довольно известны, быв утверждены в вере и воспитаны учением матери нашей Церкви, но мы за долг считаем вам напомнить, что главные три вражеские исполнина: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие, самолюбием укрепленные, стараются наблюдать и взять власть свою над бедными нашими умом и сердцем; а за ними уже не трудно и весь собор злых страстей и грехов невозбранно пленяют душевный наш град; и, лишая нас многовожделенного мира и спокойствия, соделывают смятения, неурюстройства и крамолы в убогой душе нашей, что вы видите и в своем устроении, не имея мира и спокойствия душевного. А хотя и сами мы не смеем о себе помыслить, что имеем свободу от страстей, но, желая вас укрепить в борении и сопротивлении оным, предлагаем вам скудоумные, но от усердия происходящие, советы.

Имея несомненную веру ко всем заповедям Господним и догматам Св. Церкви, имейте же и страх Божий, который бы способствовал разуму к преклонению самовластия вашего в волю Божию. А без страха Божия нельзя надеяться нам страстным достигнуть до исполнения воли Божией, и любви Его и ближнего, *Страхом Божиим уклоняется всяк от зла* (Притч.

15, 27), и везде во многих местах в Св.Писании находим страх предшествующим всем добродетелям. Мы надеемся, что мнения нынешних философов, кои, может быть, вам случается слышать в обществе или самим читать, которые противоречат учению Св.Церкви, не имеют на нас влияния; то вам и не так трудно проходить сие делание христианина. А для сего и надобно поучаться почаще в учении св.отцев и молить премилосердного Господа, да ниспошлет Свою помощь к исполнению святой Его воли. Рассматривая свое устроение, всегда найдете причину греха какую-нибудь из вышеописанных трех страстей; почему и старайтесь вооружаться против оной и против последующих ей, страхом Божиим, молитвою, воздержанием и смирением на конец действия, — какую приносит оное скорбь душе; воистину не стоит временная греха сладость той скорби, какая постигает душу еще здесь; а о будущем, ежели не покаемся, что сказать? Но и нахождения невольных скорбей не суть ли порождение собственных наших зол? То когда и случаются оные, считать должно их благодеянием Божиим и сознавать свою вину, каяться пред Богом; а не обвинять ближних и ставить их причиной своих зол. Оне суть только орудия Божии, которые Он выуждает любовию поднять на нас, дабы спасти нас. В таком смирении помянет вас Господь, и, облегчив скорбь, очистит от грехов. Когда будете так поступать, то ощутите успокоение и от волнующих вас страстей: гордости, гнева, вражды, злости и прочих безчисленных зол; ибо оне суть порождения трех оных страстей: славолюбия, сластолюбия и сребролюбия. Когда же господствующая вами страсть, исцядие из оных двух, славолюбия и сластолюбия, будет над вами свирепствовать, принявши в сердце страх Божий, повергните себя пред Богом, представьте свою немощь, и просите помощи Его; вы ее ощутите, только не поленитесь, хоть три поклонца положить, с прошением помощи. Берегитесь принимать советы вражин, которые до соделания греха представляют Бога человеколюбивым, а по содеянии влекут в отчаяние. Равно и мнения нынешних мудрецов, старающихся заглушить оными свою совесть; но, напротив, в душах их нет спокойствия, — но ад. Да избавит вас Господь от всех сил сопротивных, сетей и козней вражиих, и да простит вам вся согрешения ваша. Примите сей наш совет, в коем не ищите витийства и мудрости века сего, но смотрите, что оный проистекает от искренности сердца нашего, желания вам душевного мира и спасения, и основан не на своем разуме, а на учении св.отцев. Когда вы находите облегчение в своей совести, чрез откровение, хотя письменное, то мы не воспрещаем вам и чаще писать к нам, ничтожным, о ваших немощах; хотя же и не получите скоро ответа на письмо ваше, но одно откровение с верою уже облегчит вашу совесть. Это многие отцы утверждают, из коих св.Моисей, в слове св.Кассиана к Леонтину игумену, в 4-й части Добротолубия, говорит: «само то, еже являти и открывати злые помыслы отцем, увядает оные, и немощнейшие творит, якоже змий, от темных норы изнесенный на свет, тщится бегство употребити и сокрытие, и тако лукавые помыслы, изряднейше исповедию и изглаголением явлены бывша, тщатся бежати от человека». Когда же опасаетесь, что кому другому попадется письмо, можно не подписывать своего имени; потому что рука ваша нам довольно известна; или так кому, еже можете, изъясняйте, и, по вере вашей, получите успокоение.

О случившейся вам скорби, чрез неблагополучное разрешение супруги вашей, мы сердечно соболезнуем; но благодарение Господу, что ее сохранил Господь и ныне находится во здравии. Посещение сие приписывайте своим грехам; приносите о них Господу Богу покаяние, Который всегда готов помиловать кающихся и к Нему прибегающих.

Слава Богу, сохранившему вас от сетей злокозненного врага, простертых на уловление нерадящих о своем спасении или возносящихся о мнимых своих исправлениях; и впредь да будет вам светильник закон Господень ногам вашим, и всем стезям вашим, да ходите в пути правые и не поткнетесь; а паче помяните, что во смирении нашем помяну нас Господь;

Оптина Пустынь. Разлив реки Жиздры.

и прежде даже не смиритимия, аз прегреших (Пс. 118, 67). И правые дела ваши укрепляйте сим брением, благоугодны будут пред Богом.

Приключение ваше доказывает вам немощь вашу и смиряет приносящее о себе мнение; страсти до такой степени усиливают наши чувства и помрачают ум и душевные очи, что, забыв страх Божий, увлекаемся, как бурною волною, стремлением страсти; и только тогда познаем, в какой находились бездне, когда благодать Божия коснется очию сердца нашего и просветит оно видеть, где мы и от Кого удалились.

Благодать Божия не попустила и вам до конца, или надолго пребывать в ослеплении, коснулась вашего сердца, показала тяжесть и воззвала к покаянию. Славьте Творца, воздвигающего из бездн греховной, не отчаявайтесь в Его милосердии к кающимся грешникам, Он послал Единородного сына Своего призвать не праведники, — но грешники на покаяние. Вы сожалеете, каетесь, сокрушаетесь сердцем; к этому положите твердое намерение не увлекаться страстию, при помощи Божией; а Господь силен простить ваше согрешение; в этом нет сомнения.

Очень рад, что вы благополучно прибыли на место жительства и в настоящее время хорошо себя чувствуете по внутреннему расположению и устройению. Продолжайте приносить благодарение милосердому Господу, благоволившему всеблагим и неисповедимым Промыслом Своим ввести вас в ограду Православной Церкви, имеющей начало свое преемственно от святых Апостолов.

Касательно же неверующих и добрых людей, мы не можем и не должны судить, и никак не давать волю своему разуму; ибо судьбы Божии нам неисповедимы; а надобно предоставить их суду и Промыслу Божию. Он Един вест, како устроить корабль мира и каждого человека. В подробный разбор о сем предмете не входите, и вообще уклоняйтесь споров, от которых происходит неизбежный душевный вред; но не соглашайтесь с ними. Помните слова Святого Писания, что *вера без дел мертва есть*, и дела без веры мертвы (Иаков. 26, 24). А когда верующий видит в себе оскудение дел, — прибегает к покаянию, имея надежду на заслуги Спасителя

нашего Иисуса Христа. И при добрых делах, не на оные должно иметь надежду, а также на благодать Божию, помогающую нам делать оные, и на заслуги Спасителя, искупившего нас Своєю пречистою Кровию. О неверующих же я ничего не могу сказать. А если кто творит добродетели, то Господь силен призвать их и к вере, как Корнилия Сотника и многих. Весьма бы хорошо не только не входить в споры, но и удаляться тех сообществ, которые мудрствуют вольно. Молитесь Богу, чтобы сохранил вас от сетей врага, ищущего погибели человеческой; прибегайте к милосердию Его со смирением духа; да сподобит вас идти истинным путем, который сокрыт в заповедях Божиих, в учении Апостольском, и в правилах и постановлениях Церкви, и учении святых отцев; во всем этом действовал и действует Дух Святой, устрояя наше спасение. Старайтесь поступать сообразно всему этому.

Вы желаете уничтожить в себе гордость и стяжать смирение: похвально ваше желание и произволение. Первая всех зол и бедствий виновна, а последнее податель и хранитель всех благ, и добрых дел; одно другой противоположно. Надобно молиться Богу, просить помощи в сем деле, ибо Он сказал: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5); и при всяком случае стараться уловлять гордые помыслы и предприятия, уничтожать их памятию своею худости и немощи. Всякое поползновение к греху мысленному и деятельному имеет причину предварившую гордость, и оное должно нас низводить в бездну смирения. Но стяжать сию добродетель или богатство добродетелей многого труда и времени потребно; и кто оную, думает, что стяжал, то далеко еще отстоит от онаго; а кто думает о себе, что ничтоже имеет, то успокоивается в своей совести и ощущает мир. Сам Господь заповедал нам: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрзаете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Да сподобит вас Господь научиться сей добродетели; усердно желаю сего, и поручая вас покрову Божию, и заступлению Матери Божией и молитвам святых, Богу благоугодивших, остаюсь недостойный ваш богомолец, многогрешный И.М.

Не унывайте о посланной вам болезни, а паче когда сознаете, что есть от Бога оная послана; Он, любя вас, посещает оною, ибо болезнь телесная очищает наши грехи; когда внешний наш человек тлеет, тогда внутренний обновляется; но Господь силен даровать вам и телесное избавление от болезни.

Когда посетите нас, то о чем вам нужно и угодно — поговорим, не знаю, какого рода ваша болезнь, что так вас устрашает; вы боитесь, что так мало приготовились; можем ли мы сами собою познать наше приуготовление и дать оному цену? Один Бог это знает и ценит; пример мытаря и фарисея явно сие показывает: первый в своей греховности искал только милости Божией и получил оправдание, а последний с своими заслугами не получил оправдания равного с ним.

Помните, что сердце сокрушено и смиренно Бог не унижит. Смирение и одно много прощает нам согрешений; ищите оправдания в заслугах Спасителя нашего, в Его милосердии и в смирении.

Не верьте письму, будто писанному Самим Господом; это неправда и в оном ничего важного не заключается, Церковь его не приняла. У нас есть слово Божие: Святое Евангелие и Апостольские и святых отец учения; там найдете истину и живот; не бойтесь проклятий ложного письма; самое лучшее дело — сжечь его, и быть спокойным.

Получив письмо ваше и прочитав оное, поскорбел о настоящем вашем скорбном положении; сколько могу, желаю представить вам слово к укреплению и утешению в скорби твоей. Все это время, как я видел из писем твоих, ты видел только расположение к тебе и благоволение. Слава и благодарение Господу, благоденствующему тебе; но видно, одно благоденствие в жизни человеку не может быть полезно без потрясений; так как и всегда употребляемая сладкая пища может повредить телесное наше

здравие, то надобно употреблять иногда и полынную горечь для здравия тела. Так и в нравственном положении, одно благополучие вводит человека в высокоумие и в безпечность о душевном своем устроении, и потому Господь смотрительно попускает человеку вкусить горести скорбей, чтобы имел смиренное мудрование и не надеялся на прочность и неизменяемость временного блага и прибегал бы к Богу в скорбях своих, ибо Сам Он, чрез Пророка, побуждает нас: *призови Мя в день скорби твоея, и изму тя и прославиши Мя* (Пс. 49, 15). Чрез скорби и в вере утверждаемся, и славу человеческую ни во что же вменяем. Веровать же надобно твердо, что без воли Божией никакая скорбь нам не приключится, и ни даже влас главы наша не погибнет без воли Его, хотя мы и видим причиною скорбей наших людей, но они суть только орудия Промысла Божия, действующие в деле спасения нашего, и они только то могут сделать нам, что Бог попустит; то и не надобно упадать духом, ни тебе, ни супруге твоей, но возвергать на Бога свое упование и просить от Него помощи и заступления: *услышит тя Господь в день печали, защитит тя Имя Бога Иаковля, пошлет ти помощь от святого, и от Сиона заступит тя, помянет всяку жертву твою и всеосожжение твое точно буди. Даст ти Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит* (Пс. 19, 2-6). Защищая свою братию, приемлешь скорбь, и сие вменит тебе Господь во благо и грехи твои отпустит. Вспомни прошедшее время, какова была скорбь твоя; но она мимо иде, и не остася след ея, а ты вышел борец, приявший пользу души своей; без оной же скорби ты мог бы пострадать больший душевный вред. Слава Богу, десными и шуими спасающему нас, и благом и наказанием. Молись о оскорбляющих вас, да не вменит Господь им в грех сего; это умиловливает Бога.

Испрашивая на тебя, на супругу твою и на детей мир и благословение Божие, остаюсь желатель вашего здравия и спасения недостойный богомолец, многогрешный И.М.

Публикация и подбор иллюстраций
Владимира Воропаева

Книжная полка «ЛУ»

С. Л. ФРАНК. *Духовные основы общества.* — (Мыслители XX века) — М.: «Республика». 1992.

Среди «возвращенной» нам плеяды блистательных русских философов начала XX века С. Л. Франк занимает особое место. Можно сказать, что до недавнего времени он был известен в основном специалистам. Читатель же, разумеется, немногочисленный, из тех, кто интересуется «корневыми» вопросами и духовными смыслами бытия, пока предпочитает другие имена. Скажем, пользующихся сейчас необыкновенной популярностью Н. Бердяева, В. Розанова и Г. Федотова.

Одна из причин тому — эффект читательского первовпечатления, определяемого во многом стилистикой произведения. Читать Франка неподготовленному читателю непросто. Его повествовательная манера, неторопливая, неспешно обстоятельная, лишенная эффектных пассажей (к тому же у Франка есть немало символов и положений, еще требующих своей дальнейшей рас-

шифровки), к своей невыгоде отличаются от яркой художественности «осколочных» эссе В. Розанова, от интеллектуального напора мысли Н. Бердяева и от изящной стилистики рассуждений, порой отчеканенных в точный и великолепный афоризм, Г. Федотова.

Франк же в своих произведениях, прежде всего, размышляет, так сказать, реставрирует «черновой» ход своей мысли и призывает к неспешному созерцанию своего читателя; сложная логика движения мысли философа соответствует бытийственной сложности, сложности тех философских проблем, которыми занимался Франк. Думается, читатель, сумевший преодолеть этот начальный барьер сложности и ощутить духовное своеобразие идей Франка, будет не раз обращаться к работам философа и в полной мере оценит справедливость суждения Ф. Степуна, написавшего, что Франк «быть может, наиболее значительный русский мыслитель рубежа двух столетий и первых десятилетий XX века».

Произведений Франка пока издано не

так много — в основном, это малообъемные работы, статьи, напечатанные в периодике, — и потому значение книги «Духовные основы общества», в которой собраны центральные для творчества философа произведения, невозможно переоценить. Она вводит в круг проблем, ставших предметом исследований мыслителя, определяет доминанты в его мироощущении, позволяет читателю почувствовать очень своеобразный, чисто франковский, «ветвистый», с разветвленной системой доказательств, посылок и следствий, с неожиданными уклонами мысли, и вместе с тем очень строгий, стиль мышления философа.

Ведущая тема философских исследований Франка — антропологическая, тема человека, но не отдельного индивида в его субстанциональной сущности, а человека в системе Всеединства, в его неразрывности, вплоть до взаимопроникновения друг в друга, с окружающим миром. Человек, по Франку, укоренен в мире, а тайны мира заключены, прежде всего, в самом человеке; мир очеловечен, и его невозможно постигнуть вне человека.

Франк видит в реальности несколько слоев. Первый слой — «эмпирическая», «материальная» реальность, окружающий нас мир, частью которого мы являемся. Второй слой — сфера «идеального», куда относятся «форма» предметов, их числовые и геометрические соотношения, их логическая соподчиненность — все то, что определяет красоту

как явление. И последний слой реальности — внутренний мир человека, который не менее реален, чем материальный мир. Отдельные свойства, допустим, политических деятелей, например, мания величия Наполеона или Гитлера становятся самой настоящей материальной силой, не менее ужасной, чем какое-нибудь стихийное бедствие.

Но высшим слоем или родом реальности является Бог, но это реальность особая. Бог, как мыслит его Франк, не есть в отношении мира «целое», и мир не есть «часть» Бога. Мир есть иной лик, иная ипостась Бога, в которой тот выражается. Основа мира есть некая абсолютная Ценность. Единство же абсолютной Ценности и Реальности и есть Божество. Божественное придает жизни людей Смысл, Красоту и Добро. Само Божественное выражается только через людей, через их общение друг с другом. Такова трактовка Божества (Божественного) Франком.

Не вдаваясь в анализ концепции философа (данная трактовка требует еще своего изучения), важно отметить гуманистический смысл мироощущения философа. Человек для Франка — носитель Божественного, высшей духовности; он утверждает на земле царство Истины, Красоты и Святости. Настоящее знакомство с Франком еще впереди. Данная книга приобщает читателя к наследию великого философа, и в этом, прежде всего в этом ее безусловная ценность.

«БЕЛАЯ» ЦВЕТАЕВА

Кажется, никто еще не обратил внимания на одну странную особенность в отношении русских писателей к Октябрьскому перевороту 1917-го: все видные русские прозаики переворот не приняли, резко осудили, поэты же, наоборот, в подавляющем большинстве «Октябрь» признали и даже приветствовали.

Напомню имена: А. М. Горький («Несвоевременные мысли»), В. Г. Короленко («Письма к А. Луначарскому»), И. Бунин («Окаянные дни»), Л. Андреев («SOS»). Можно назвать без труда еще десяток имен самых известных русских прозаиков: А. Куприн, А. Толстой, Д. Мережковский, М. Арцыбашев, А. Амфитеатров, А. Аверченко, Б. Зайцев, И. Шмелев и т. д. Исключений по существу нет. Совсем иная, прямо противоположная картина с поэтами: А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, В. Хлебников, В. Маяковский — все они приняли Октябрь. Правда, здесь исключений уже довольно много: Ф. Сологуб, К. Бальмонт, Н. Гумилев, З. Гиппиус... но давайте обратимся к опыту тех четырех поэтов — О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой, — которые на протяжении 60-х и 70-х годов стали как бы заветным убежищем для нашей оппозиционной интеллигенции. Объединить именно этих четырех поэтов в одну группу позволяет нам стихотворение А. Ахматовой, которое так и названо «Нас четверо» (1961 г., иногда печатается под названием «Комаровские наброски»). Что же мы увидим? Из четырех поэтов двое — Пастернак и Мандельштам — безусловно приняли Октябрь. Достаточно вспомнить столь часто цитированные строки Мандельштама 1918 года:

**Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.**

В этом же стихотворении («Прославим, братья, сумерки свободы») находим и такие поразительные строки:

**Прославим роковое время,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное время,
Ее невыносимый гнет.**

Как все-таки удивительно преобразуется реальность в сознании поэта! Кто этот «народный

вождь»? Ленин, Троцкий, Свердлов? Кто из них брал власть «в слезах»? Перейдем к третьему поэту — Ахматовой. Казалось бы, она уж никак не могла принять Октября. Но приведем полностью одно из самых известных ее стихотворений 1921 года:

**Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло —
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?**

**Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый над городом лес,
Ночью светит созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,—**

**И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное
Но от века желанное нам.**

Надо быть слепым и глухим, чтобы не расслышать и не увидеть здесь приятия все того же Октября. А ведь начиналось так «контрреволюционно»: «все расхищено, предано, продано», — и вдруг самого поэта удивляющий вопрос:

Отчего же нам стало светло?

А дальше не только «небывалый лес», но даже «новые созвездья» в небе (то есть предсказанное Иоанном «новое небо и новая земля»). И, оказывается, все это было «от века» желанным для нас...

Нет, тут большой вопросительный знак, ответить на который ох как нелегко...

Попробуем отойти от серьезного литературоведческого стиля и промоделировать два «образцовых» ответа на этот вопрос: один ответ «застойного» времени, другой — нашего, «перестроечного» этапа. В застойные времена (если бы кто-нибудь решился поставить вопрос так резко) ответ был бы такой: все очень просто, поэты в силу своего провидческого, пророческого дара поняли правду Октября, прозаики же, оставаясь скованными бытом и житейской прозой, за гримасами революции не увидели ее великой правоты. Позже некоторые из них (Горький, А. Толстой, даже Курпин) к этой правде пришли.

А вот объяснение современного «перестройщика» (перевертыша): прозаики теснее были связаны с народной жизнью, и они сразу разглядели всю бесчеловечность и ложь Октября. Поэты же предавались возвышенным иллюзиям, витали в облаках, пока жизнь и их не заставила заземлиться. Известно, в каких мучениях и сомнениях умер Блок.

Мне кажется, обоим этим объяснениям грош цена. Хотя бы потому, что они зеркально подобны и однотипны. Вопрос намного сложнее и, по-видимому, совершенно не исследован не только нашим, но и куда более свободным зарубежным русским литературоведением (в такой плоскости — противоположность позиций прозаиков и поэтов — он, насколько могу судить, и вовсе не ставился).

Попытаюсь дать если не ответ, то хотя бы материал для размышления. Русская проза к 1917 году не имела общепринятого лидера: для одних это был Горький, для других — Л. Андреев, для третьих — даже Короленко. Совсем иначе было в поэзии. Если сравнить русскую поэзию первой четверти века с журавлиным клином, то у этого клина был бесспорный вождь — А. Блок. Через Блока можно понять очень многое. В шуме и гаме бесчисленных публикаций последних двух лет как-то незаметно прошла одна публикация огромного значения (см. «Литературная учеба», 1990,

№ 6) — запись текста доклада о Павла Флоренского о Блоке, прочитанного в январе 1931-го. (Вопроса о подлинности авторства Флоренского не будем касаться, потому что в противном случае встал бы вопрос о никому не известном гениальном религиозном мыслителе, который жил у нас в стране в 1931 г. Увы, кроме Флоренского и Лосева, таковых в это время не было.)

Флоренский пишет о демоническом, бесовском характере поэзии Блока, рассматривая ее как своеобразную «черную мессу», то есть кошмарную пародию на богослужение. Это, однако, никоим образом не перечеркивает значения поэзии Блока. Более того, первый тезис Флоренского гласит: «Блок — подлинно великий русский поэт лермонтовского масштаба и стиля».

Доклад Флоренского тогда же, в 1931 году, был опубликован Н. Бердяевым в своем журнале «Путь» (№ 26, Париж). В целях маскировки его выдали за доклад «петроградского священника, уже умершего». Публикацию сопровождала статья самого Бердяева под названием «В защиту Блока». В статье с таким названием с удивлением читаем: «Русский поэтический ренессанс начала XX века заключал в себе смертоносные яды, и в него вошли элементы онтологического растрепания (говоря онтологического, а не морального)»*.

Но ведь это почти то же самое, что говорит «петроградский священник», от которого защищает Блока редактор журнала «Путь»...

Андрей Белый еще в 1908 году витийствовал:

**Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя**.**

Вот она и исчезла — спустя девять лет, не вынесла всех этих заклинаний и кликушеств.

Из всех известных русских поэтов только две женщины — З. Гиппиус и М. Цветаева — пошли против течения и создали целые сборники, как еще вчера говорили, «контрреволюционных» стихов. Причем судьба этих сборников была совершенно различной. Гиппиус выпустила книгу тогда же, немедленно, в 1918 году, и дала ей выразительное название «Последние стихи». Читаем:

**Блевотина войны — октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!**

**Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил — засек кнутом.**

**Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!**

29 октября 17***.

Сказано сильно, но очень уж не по-христиански: разве место народа в хлеву? При всей выразительности и афористичности, это все-таки стихи брезгливой дамы с лорнетом. Гиппиус было тогда 49 лет...

* Журнал «Путь», Париж, 1931, № 26, с. 109.

** Белый А. Стихотворения и поэмы, М.—Л., 1966 («Библиотека поэта»), с. 160.

*** Гиппиус З. Живые лица. Стихи. Дневники; Тбилиси, «Мерани», т. 1, 1991, с. 149.

Совсем иной характер носит книга Цветаевой «Лебединый Стан». Цветаева всего прожила на земле 49 лет, а к моменту окончания «Лебединого Стана» ей было 29 лет. Только вот издана книга не была: ни тогда, ни позже и вообще при жизни Цветаевой она не выходила. Если верить Эренбургу, даже посмертное мюнхенское издание 1957 года вышло в нарушение воли Цветаевой: «...много раз ей предлагали издать «Лебединый Стан», она всегда отказывалась»*. Далее увидим, насколько все это соответствует действительности. Пока же добавим только следующее: кроме «Лебединого Стана», Цветаева написала еще обширную поэму о защите Перекопа Русской армией генерала Врангеля — «Перекоп» (1928—1929) и едва ли не еще более обширную «Поэму о Царской Семье» (1929—1936). Ни та, ни другая тоже не были опубликованы при жизни Цветаевой, а «Поэма о царской семье» и вовсе пропала и до сих пор не найдена. Какая странная одинаковая судьба у всех трех книг «белой» Цветаевой... Разумеется, все это получилось не случайно и, скажем мягко, не совсем по воле Цветаевой. Но чтобы понять, почему и как это получилось, необходимо восстановить соответствующие факты биографии Цветаевой.

МАРИНА И СЕРЕЖА

Вся тема «белой» Цветаевой неразрывно связана с ее мужем, Сергеем Яковлевичем Эфроном.

Они познакомились в Коктебеле 5 мая 1911-го на усыпанном галькой берегу рядом с домом Волошина. Об этом подробно рассказано в «Воспоминаниях» младшей сестры Марины Ивановны, Анастасии Ивановны, которой через год исполнилось бы сто лет. Марина Ивановна прожила ровно половину, даже чуть меньше (1892—1941)... Но послушаем, как она сама рассказывает об этом: «Лежу на берегу, рою, рядом роет Волошин Макс.

— Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой самый любимый камень.

— Марина (вкрадчивый голос Макса), влюбленные, как тебе, может быть, уже известно, — глупеют. И когда тот, кого ты любишь, принесет тебе (сладчайшим голосом)... булыжник, ты совершенно искренне поверишь, что это твой любимый камень!

— Макс! Я от всего умнею, даже от любви.

А с камешком — сбилось, ибо С. Я. Эфрон, за которого я, дождавшись его восемнадцатилетия, через полгода вышла замуж, чуть ли не в первый день знакомства открыл и вручил мне — величайшая редкость! — генуэзскую сердоликовую бусу, которая и по сей день со мной**.

Несколько будничнее рассказывает об этом чуде дочь Цветаевой Ариадна Сергеевна Эфрон: «...Марина загадала: если он найдет и подарит мне сердолик, я выйду за него замуж! Конечно, сердолик этот он нашел тотчас же, на ощупь, ибо не отрывал своих серых глаз от ее зеленых — и вложил ей его в ладонь...»***

Сергей Эфрон был замечателен не только своими огромными, «в поллица», выразительными глазами. По материнской линии он принадлежал к русской аристократии — роду Дурново, его дед Петр Дурново был адъютантом Николая I. Мать же, Елизавета Петровна, была уже революционеркой-террористкой. На одном из конспиративных собраний она познакомилась с Яковом Эфроном, сыном раввина, ставшим тоже революционером-бомбометателем.

Вот как Цветаева описывала своего мужа в письме к В. Розанову от 7 марта 1914 года: «В Сереже соединены — блестяще соединены — две крови: еврейская и русская. Он блестяще одарен, умен, благороден. Душой,

* Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книги I—II, М., «Советский писатель», 1961, с. 373

** Цветаева М. История одного посвящения. В сб. «Проза», М., 1989, с. 300—301.

*** Эфрон А. О Марине Цветаевой. М., 1989, с. 50.

манерами, лицом — весь в мать. А мать его была красавицей и героиней. Мать его урожденная Дурново»*.

Началась мировая война, и Сергей Эфрон, студент I курса Московского университета, отправляется на фронт братом милосердия, но по состоянию здоровья (он всю жизнь болел туберкулезом) его скоро вернули в тыл. Тогда он поступил в юнкерское училище. Это определило и всю его последующую судьбу в революцию и гражданскую войну.

В октябре 1917 года Эфрон в Москве, служит в 56-м полку, который защищал Кремль от большевиков. Марина в это время в Крыму, но, узнав о боях в Москве, бросилась к мужу. Из газет, покупаемых на станции, узнавала все более страшные подробности боев за Кремль. К счастью, Сергей оказался жив и невредим. Впрочем, обо всем этом сама Марина рассказала в очерке «Октябрь в вагоне», написанном тогда же, в октябре — ноябре 1917 года. Клятву, которую она дала в эти дни: «Если Бог сделает это чудо — оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака», — она сдержала, когда летом 1939 года поехала за мужем в страшную сталинскую Москву. 24 ноября 1917 года Марина вместе с мужем и его другом прапорщиком Гольцевым отправилась на юг: мужчины решили пробраться на Дон, где формировалась белая Добровольческая армия.

Сергею Эфрону удалось осуществить свой план и влиться в Добровольческую армию. Но из-за гражданской войны он оказался отрезан от своей семьи и Марины почти на целых пять лет. Все эти годы она часто не знала даже, жив ли он, потому что письма приходили очень нерегулярно.

С помощью Эренбурга Сергея Эфрона удалось разыскать летом 1921 года. Он участвовал в обороне Перекопа, а после его падения вместе с белой армией эвакуировался в Турцию, оттуда — в Чехословакию, в Прагу, где снова поступил студентом в университет.

Когда 14 июля 1921 года Марина получила от мужа первое письмо, она решила ехать к нему вместе с дочерью Ариадной. Но сборы затянулись, и отъезд в Берлин состоялся только в мае 1922 года. Сергей смог приехать к ним в Берлин только в июле. Там состоялась встреча после пятилетней разлуки.

«ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН»

Почти все эти годы — с 1917 по 1920 гг. — Цветаева писала книгу стихов о революции и гражданской войне, книгу, посвященную и обращенную к мужу — своему белому лебедю. Лебединый стан — это белое движение и Добровольческая армия А. Деникина и П. Врангеля. Всего в книге 59 стихотворений, расположенных в хронологическом порядке, так что получается настоящая летопись революции и гражданской войны.

В революционной Москве Цветаева не раз выступала с чтением стихов из «Лебединого Стана», и — что сейчас кажется почти невероятным — стихи встречались аплодисментами. Незабываемый рассказ об одном из таких выступлений Цветаева оставила в своем очерке о Брюсове — «Герои труда».

Вечер поэтов в Политехническом музее зимой 1921 года. Во вступительном слове председательствующий В. Брюсов сказал, что женщина может писать только о любви и страсти.

Цветаева решила читать только гражданские стихи и притом самые белогвардейские. Смущенный Брюсов поспешил передать слово следующей: «Г-жа Цветаева, достаточно», — но все-таки целых семь стихотворений из «Лебединого Стана» она успела прочесть. Выступала Марина в платье, стянутом юнкерским ремнем, через плечо — офицерская сумка мужа. Словом, сплошной вызов, и все-таки все сошло благополучно.

В эти трудные годы Цветаева жила в сохранившемся до наших дней двухэтажном доме в Борисоглебском переулке (ныне улица Писемского,

* Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. М., 1988, т. 2, с. 451.

здесь теперь Музей Цветаевой). Незабываемую картину жилища Цветаевой оставил Борис Зайцев в своих воспоминаниях «Далекое»:

«Квартира немалая, так расположена, что средняя комната, некогда столовая, освещается окном в потолок, боковых нет. Проходя по ледяным комнатам с намерзшим в углах снегом, стучу в знакомую дверь, грохочу на пол охапку дров — картина обычная: посредине стол, над ним даже днем зажжено электричество, за ним в шубке Марина со своими серыми, нервномигающими глазами: пишет. У стены, на постели, никогда не убираемой, под всякой теплой рванью Аля. Видна голова и огромные на ней глаза, серые, как у матери, но слегка выпуклые, точно не помещающиеся в орбитах. Лицо несколько опухшее: едят они изредка... <...>

— Мама, я крысов боюсь, вон опять за шкафом пробежали. Ты уйдешь, они на кровать ко мне вскочат...

— Глупости, ничего не вскочат*.

Чтобы раздобыть еду, Цветаева даже сделала попытку стать мешочницей: в сентябре 1918 года отправилась менять вещи на продовольствие на станцию Усмань Тамбовской губернии. В мандате Цветаевой было написано: «Вольный проезд (провоз) в полтора пуда». Об этом в очерке «Вольный проезд» (1918).

Почти во всех публикациях «Лебединого Стана» читатель найдет многочисленные пометки и пояснения, сделанные самой М. И. Цветаевой в 1938 г., незадолго до отъезда в СССР, когда она решила переписать рукопись «Лебединого Стана» и оставить ее на хранение Эльзе Малер, профессору Базельского университета (Швейцария). Все без исключения издания «Лебединого Стана» сделаны по этой рукописи. В нашей стране «Лебединый Стан» опубликован впервые только в 1990 году в издании: М. Цветаева. Сочинения в 3-х томах, т. 1, изд. «Прометей».

Таким образом, следует помнить, что примечания к стихам Цветаева писала почти два десятилетия спустя после их написания и накануне отъезда в Москву 1939 года...

Некоторые места в стихах могут озадачить читателя. Вот хотя бы третье стихотворение книги — «Царю — на Пасху»:

— Царь! Вы были не правы.

Помянет потомство

Еще не раз —

Византийское вероломство

Ваших ясных глаз.

Что все это значит в книге по сути дела монархических стихов? Цветаева осуждает Николая II за малодушный, по ее мнению, акт отречения от престола за себя и за наследника Алексея в пользу своего брата Михаила. Однако Михаил согласился принять престол только после соответствующего решения Учредительного собрания. (Чем закончилось единственное заседание этого собрания, мы помним: «караул устал»...) Все разъясняется к середине книги, в стихотворении «Это просто, как кровь и пот»:

Царь с небес на престол взведен:

Это чисто, как снег и сон.

Царь опять на престол взойдет —

Это свято, как кровь и пот.

Белое движение, в том числе и Добровольческая армия, отнюдь не были однозначно монархическими. Форма правления будущей России подлежала уточнению после гражданской войны. Но в книге «Лебединый Стан» Цветаева объективно выступает поэтом монархии.

Вслед за «Царю — на Пасху» идет мольба за наследника Алексея («За Отрока, за Голубя — за Сына»).

* Зайцев Б. Далекое. Вашингтон, 1965, с. 131—132.

Цветаева вспоминает, как удивился Андрей Белый, зайдя в ее комнату в пражском пансионе, где она жила сразу после приезда за границу (летом 1922 года):

Белый «...стола не увидел, ибо весь он был покрыт фотографиями Царской Семьи: Наследника всех возрастов, четырех Великих княжон, различно сгруппированных, как цветы в дворцовых вазах, матери, отца...

И он, наклоняясь:

— Вы это... любите?

Беря в руки Великих княжон:

— Какие милые!.. Милые, милые, милые!

И, с каким-то отчаянием:

— Люблю тот мир»*.

А как отнесся к «Лебединому Стану» его непосредственный герой и адресат — Сергей Яковлевич Эфрон? Об этом мы располагаем только свидетельством их дочери, и, думается, это свидетельство небеспристрастное:

«Помню один разговор между родителями вскоре после нашего с матерью приезда за границу:

— И все же это было совсем не так, Мариночка,— сказал отец, с великой мукой все в тех же огромных глазах, выслушав несколько стихотворений из «Лебединого Стана».

— Что же было?

— Была братоубийственная и самоубийственная война, которую мы вели, не поддержанные народом; было незнание, непонимание нами народа, во имя которого, как нам казалось, мы воевали. Не «мы», а лучшие из нас. Остальные воевали только за то, чтобы отнять у народа и вернуть себе отданное ему большевиками,— только и всего»**.

Трудно поверить, чтобы вчерашний «доброволец» уже в 1922 году говорил шершавым языком агитпроповского плаката. Да, спустя два года, в 1924 году, он действительно опубликовал в журнале «Современные записки» (№ 21) свои краткие заметки «О добровольчестве», укрывшись за инициалами «С. Э.». Но эти заметки совсем не похожи по тону на приведенные слова.

Одно бесспорно — с годами «белый лебедь» все больше становится «красным гусем», а закончил и вовсе платным сотрудником НКВД. Скажут: тоска по родине. Но разве у Цветаевой эта тоска была меньше (вспомним ее дивное стихотворение «Тоска по родине», написанное как бы «от противного», где две последних строки ружат все предыдущие). А ее великая «Лучина» («Россия моя, Россия, зачем так ярко горюшь?»). Но самое страшное было в другом: и дочь Ариадна, и обожаемый сын Мур были целиком на стороне отца, были такими же «советскими патриотами». Юрий Иваск вспоминает одну из последних встреч с Мариной Ивановой и приводит ее слова:

— Теперь Мур не учится, вытурили его из школы за совращение старших товарищей в коммунизм! Может быть, поеду в Россию: для сына, чтобы он учился. А писать стихи не буду, займусь переводами***.

Следует учитывать и еще одно обстоятельство. Неискушенный читатель, вероятно, полагает, что журналы «Современные записки» и «Воля России», в которых в основном печаталась Цветаева,— журналы «белогвардейские». Ничего подобного. И тот и другой журналы эсеровские, то есть органы партии социалистов-революционеров, вчерашних террористов-бомбометателей. Монархизм для них был неприемлем почти так же, как для большевиков. Предлагать в эти журналы «Лебединый Стан» или «Перекоп» было бы верхом наивности. Вот и остались они неопубликованными при жизни Цветаевой, а «Перекоп» даже неоконченным, по-

* Цветаева М. Проза. Нью-Йорк, 1953, с. 338.

** Эфрон А. О Марине Цветаевой. М., 1989, с. 51.

*** Цветаева М. Лебединый Стан. Перекоп. Париж, 1969, с. 30.

сколькo главный перекопец, дневниками которого она пользовалась при написании поэмы, вдруг эти дневники куда-то убрал (речь идет, конечно же, о С. Я. Эфроне).

М. Слоним в своих воспоминаниях о Цветаевой приводит такой ее разговор с одним из редакторов «Воли России», старым эсером Егором Егоровичем Лазаревым. Лазарев решил «подколоть» Цветаеву:

«— Недаром о белых сочиняете, небось генеральская дочь?

— Да,— ответила Марина,— но генерал до 12 лет без сапог ходил, как и вы в детстве, Егор Егорович»*.

Ответ Цветаевой вполне серьезен и точен: сын бедного сельского священника из села Талицы Владимирской губернии, Иван Владимирович Цветаев в конце жизни дослужился до генеральского чина (действительный статский советник).

«ПОЭМА О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ»

Под таким названием известно, может быть, самое загадочное из произведений Цветаевой. Загадочное потому, что мы его до сих пор не знаем, хотя Цветаева работала над этой обширной поэмой долго и упорно, на протяжении восьми лет (с 1929 по 1936 гг.), завершила ее в 1936 году и тогда же несколько раз читала в обществе друзей, в частности, в доме В. И. Лебедева (одного из редакторов «Воли России»).

Цветаева не была убежденной монархисткой, хотя рассказ о единственной в ее жизни встрече с Николаем II проникнут нескрываемой симпатией. Во всяком случае, вплоть до 1989 года этот рассказ неизменно вымарывался советской цензурой или редактурой из всех изданий ее хорошо известного очерка «Открытие музея» (1933).

В мае 1912 года в Москве состоялось открытие Музея императора Александра III (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). На открытие приехал Николай II с семьей. Вот как описывает это Цветаева: «...Красная дорожка—одна, и ясно, что по ней сейчас пройдет, пройдет...»

Бодрым ровным скорым шагом, с добрым радостным выражением больших голубых глаз, вот-вот готовых рассмеяться, и вдруг—взгляд—прямо на меня, в мои. В эту секунду я эти глаза увидела: не просто голубые, а совершенно прозрачные, чистые, льдистые, совершенно детские**.

И далее—«За государем—ни наследника, ни государыни нет—»

**Сонм белых девочек... Раз, два, четыре...
Сонм белых девочек? Да нет—в эфире
Сонм белых бабочек? Прелестный сонм
Великих маленьких княжон***.**

Заканчивается рассказ так: «—Папа, на меня государь посмотрел!

— Так на тебя и посмотрел?

— Честное слово!

Отец философски:

— Все может быть, нужно куда-нибудь смотреть»****.

Это воспоминание о единственной встрече Цветаева хранила всю жизнь. И вот в 1928 году ей попало на глаза стихотворение высоко ценимого ею В. Маяковского «Император». Она могла прочесть его или в журнале «Красная новь» (1928, № 4), или в сборнике Маяковского «Новые стихи» (М., «Федерация», 1928). Это длинное трехстраничное стихотворе-

* Слоним М. О Марине Цветаевой. «Новый журнал», Нью-Йорк, 1970, № 100, с. 165.

** Цветаева М. Поклонись Москве. Московский рабочий, М., 1989, с. 341.

*** Там же.

**** Там же, с. 342.

когда еще звался Искер или: Сибирь, отсюда страна Сибирь). Предстоит: Семья в Тобольске, дорога в Екатеринбург, Екатеринбург — дорога на Рудник Четырех братьев (там жгли). Громадная работа: гора. Радуюсь.

Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за «левизны» («формы» — кавычки из-за гнусности слова), там — туда просто не дойдет, физически, как все, и больше — меньше — чем все мои книги. «Для потомства»? Нет. Для очистки совести... из любящих только я смогу. Потому и должна»*.

Предлагать в эсеровские журналы эту поэму было бессмысленно, и все-таки один нейтральный фрагмент (царской семьи здесь нет вообще) под названием «Сибирь» Цветаевой удалось напечатать в «Воле России» тогда же (1931, № 3—4). По-видимому, это первоначальный вариант пролога к «Поэме о Царской Семье» (из приведенного выше плана ясно, что поэма должна была начинаться с пребывания в Царском Селе, то есть еще до Тобольска).

Перед отъездом в СССР в 1939 году Цветаева отдала поэму на хранение в семью Лебедевых, в их парижскую квартиру на улице Данфер-Рошера. Потом началась война, Лебедевы уехали из Парижа, а бумаги Цветаевой отдали на хранение солдату-французу, который положил их в подвал, где вскоре лопнули трубы, и бумаги затопило водой. Пришлось все выбросить. Так полагали до самого последнего времени. Но вот в новейшей и самой полной биографии «Быт и бытие Марины Цветаевой» (Париж, 1988) находим нечто новое, луч надежды:

«М. Л. Слоним писал, что часть цветаевского архива, в том числе поэма о Царской семье, с помощью друзей-эсеров была передана в международный социалистический архив в Амстердаме — никаких следов его до сих пор не обнаружено»**.

И все-таки будем верить, что рукописи не только не горят, но и не тонут. Одно маленькое чудо, связанное с поэмой, уже свершилось: в феврале 1991 г. вышел том Цветаевой в Большой серии «Библиотеки поэта», составленный хранительницей архива Цветаевой в ЦГАЛИ Е. Коркиной. И вот — не верю своим глазам — в самом конце оглавления — «Поэма о Царской Семье». Фрагменты». Почти 120 неизвестных строк из поэмы! Правда, радость слегка омрачена — это те строки, которые, по мнению Цветаевой, нуждались в доработке, то есть самые неудачные, и она перенесла их поэтому в одну из своих черновых тетрадей для дальнейшей работы. И все-таки это счастье! Вот Распутин:

**Возле люльки — гляди-ка —
Вторая тень:
Грудь кумашная, шерсть богатая,
Нянька страшная, бородатая.**

Вот Распутин заговаривает кровь наследнику Алексею:

**— Свернись катышком,
Заткнись пробочкой!
А ну, матушка!
А ну, кровушка!
.....
А ну, милушка!
Теки, кровушка,
Домой — в жилушки***.**

Какая-то сила заставляет верить, что великий труд М. Цветаевой не был напрасным, и «Поэма о Царской Семье» когда-нибудь найдется — в Амстердаме или Париже... — не так важно.

* «Минувшее. Исторический альманах», Париж, т. 8. 1989, с. 220.

** Швейцер В. Быт и бытие Цветаевой. Париж, 1988, с. 445.

*** Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990, с. 669.

После завершения поэмы все повторилось, как с «Перекопом»: домашние советуют не печатать, даже не пытаться, отложить для потомков.

В 1934 году, когда поэма еще не была окончена, появился очередной 60-й том Большой Советской Энциклопедии (первое издание). В нем есть небольшая — 12 строчек — статья о Цветаевой. Прочитаем этот шедевр марксистской критики, поскольку он имеет непосредственное отношение к «Поэме о Царской Семье».

Итак, читаем: «Представительница деклассированной богемы (дочь профессора Московского университета, труженица двуужильная! — С. Д.). Ц. культивирует романтические темы любви, преданности, героизма и особенно тему поэта как существа, стоящего неизмеримо выше остальных людей. (Об этом послушаем саму Цветаеву: «Быть человеком важнее, потому что нужнее. Врач и священник важнее поэта, потому что они у смертного ора, а не мы... За исключением дармоедов, во всех их разнovidностях — все важнее нас». Это в статье «Искусство при свете совести» * (— 1932 г. Но это при свете совести, а не БСЭ.— С. Д.).

Заканчивается статья в БСЭ вовсе удивительно:

«В последние годы Ц. дошла до воспевания семьи Романовых, а ее маэра стихосложения выродилась в голый ритмический формализм».

Каким образом в Москве уже в 1934 году узнали о не только не опубликованной (она не опубликована до сих пор), но даже еще не законченной «Поэме о Царской Семье»? Не иначе как из цитированных выше интервью Цветаевой газете «Возрождение» от 7 марта 1931 г. Значит, кто-то в Москве имел возможность читать эту весьма правую, отнюдь не эсеровскую, парижскую газету. А может быть, просто устная информация кого-то знающего русский литературный Париж? Как бы то ни было, слова соответствовали действительности. Зато последняя часть этой фразы — «голый ритмический формализм» (то есть утрата смысла, содержания, совести) особенно больно должны были ранить автора «Искусства при свете совести». Цветаева не терпела самого слова «форма» (вспомним, как она взяла его в кавычки в цитированном ранее письме к Р. Ломоносовой). Для Цветаевой формы вне смысла, вне смыслового задания не было: «Не верю в форму (об этом много писала), никогда ее не встречала, кроме как в виде разбитой скорлупы или три дня лежащего покойника. Если мои стихи о том мире сильные, то только потому, что я никогда не ощущала его «формы», всегда жила жизнью будь то XVIII в. или 17 год...» (письмо к Ю. Иваску от 4 апреля 1933 г.)**.

Кто бы поверил, что через шесть лет Цветаева вернется в страну, где любой чиновник может снять с полки том БСЭ на букву Ц и прочитать о ней вышеприведенную статью.

ФЕНОМЕН ЦВЕТАЕВОЙ

Помню, как поразила меня одна строчка Цветаевой в «Искусстве при свете совести»: «К искусству подхода нет, ибо оно захват»***. И вспомнилось, как в детстве, положив на стол сильный магнит, а рядом кнопку или металлическую скрепку — начинал осторожно двигать ее в сторону магнита. Кажется, что так и будет двигаться, подступать, но нет — вот скрепка-кнопка вдруг сдвинулась и сама летит по воздуху, почти над столом. Произошел захват.

Если осторожного, аналитического подступа к искусству нет, то остается захват — с помощью бросаемого кольца, лассо метафоры. Далее будут три метафоры, три попытки охарактеризовать (захватить) поэзию Цветаевой.

1. Поэзия Цветаевой — это гигантский синхрофазотрон, где слова разгоняются до огромных скоростей и энергий.

* Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. М., 1988, т. 2, с. 407.

** См. «Русский литературный архив», Нью-Йорк, 1956, с. 216.

*** Цветаева М. Сочинения в 2-х томах, т. 1, М., 1988, с. 406.

2. Цветаева — укротительница слов. Ирина Бугримова нашего языка. Любит их, и они ее любят. Даже самые длинные (многосложные) и неподатливые с рычанием и оскалом ложатся в ее стихи на указанное им место. Гордые и упрямые слова, которые неподвластнее львов и тигров, слушались эту несчастную женщину.

3. Дожи Венеции, морской владычицы, вступая в должность, совершали обряд обручения с морем — бросали в море обручальное кольцо. Так Марина была обручена со стихией русского языка (во сне обменялись кольцами).

Словесное могущество Цветаевой. Знают ли его? Прочитана ли Цветаева? Прошло тридцать лет со времени первого голубенького сборника 1961 года, а спроси культурного человека с улицы, какие стихи Цветаевой он больше всего любит — и мы к своему смущению и ужасу услышим неизменно: «Моим стихам, написанным так рано...» или «Идешь, на меня похожий». Позвольте, но это ведь не Цветаева, это пред-Цветаева, Цветаева началась несколько позже! Не слышат и не внемлют. Языковые пиры Цветаевой в «Молодце», «Егорушке», «Переулочках», а кто их читал? А совсем «темные» ее вещи — например, «Поэма воздуха»? Мы просто не представляем, что подобное словесное исчерпывание предмета (в данном случае — стихий воздуха) вообще возможно. И такое ощущение, что до сих пор никто не последовал за Цветаевой, никто не прочел по-настоящему поэму. Во всяком случае, Ахматова прямо сказала, что это заумь. Но у Цветаевой зауми вообще нет (каждое слово взвешивалось на десяти весах, просматривалось во всех смысловых аспектах). Это не заумь, а просто не взятая вершина, ждущая своих альпинистов.

Кажется, я понимаю, откуда это нежелание отдаться зрелой Цветаевой. У нее все слишком сверхчеловеческое, все всегда на верхнем «до», игра «на разрыв аорты». Это высоко, но там нельзя жить: трудно дышать, разреженный воздух, слишком высоко, а земля так далеко и люди такие маленькие. Нет, лучше вниз, к ним, к Ахматовой. А может быть, надо привыкнуть к разреженному воздуху? Нет, надо жить и там, и здесь, на небе и на земле, с Цветаевой и Ахматовой.

Их и в самом деле было четверо — Ахматова, Цветаева, Пастернак, Мандельштам. Два мужчины-еврея и две русских женщины. Мог бы быть хотя бы один русский, но его убили (Гумилев).

Цветаева немного завидовала Ахматовой: «Четки», «Подорожник», «Белая стая» — три тоненьких книжечки, какая легкая ноша. С ней так легко войти в бессмертие. Не было у Ахматовой таких громоздких грехов молодости, как «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь».

Сама же Ахматова искренне была убеждена, что всех переживет поэзия Мандельштама. Только она достиг невозможного и идет в бессмертие.

У Мандельштама же болела голова от постоянных размышлений о Пастернаке. Он был уверен, что Пастернак его стихи не знает и не ценит.

Пастернак же сразу почувствовал, что такого языка, как у Цветаевой, ни у кого нет и что формальных трудностей (над которыми он сам бьется) для этой амазонки просто не существует (он ошибся: Цветаева работала упорнее его: писала столбиком варианты строк, потом подводила черту и начинала новый столбик).

Цветаева же немного завидовала Ахматовой: «Четки», «Подорожник», «Белая стая»... Впрочем, это уже я писал. Вот такой хоровод и водили все четверо. Впрочем, одно дополнение: Цветаева ценила поэзию Пастернака едва ли не выше, чем он ее. Почти как Ахматова — Мандельштама. Двое москвичей понимали друг друга. Как и двое петербуржцев...

Были и любви. Была громадная, как пожар, любовь Цветаевой к Пастернаку и полное почти равнодушие Пастернака к Цветаевой — женщине (она не могла и не умела этого понять). Было короткое увлечение Мандельштама Цветаевой. Пастернак же, по слову Ахматовой, любил только грузинских поэтов и их красавиц-жен. Сама Ахматова была настолько скрытна, что ничего не узнаешь ни об ее чувствах к этим двум, ни об их чувствах к ней (хотя в приведенных выше ее словах о Пастернаке звучит

легкая ревность). Так что будем считать, что ничего не было, одна дружба. Только старая Россия, уничтоженная революцией, могла создать эти четыре чуда. Разве не трогательно, что рождались они строго по порядку, по одному в год и без единого пропуска: Ахматова — 1889-й, Пастернак — 90-й, Мандельштам — 91-й, Цветаева — 92-й... Сейчас мы попали, как в хвост кометы, в полосу их столетних юбилеев... Но родятся ли ныне будущие поэты? Или вообще перестанут рождать (как сказала одна моя приятельница: ты будешь рожать в сумасшедшем доме?). Социальные эксперименты, как языческие божества, требуют человеческих жертв.

Что значила для нас проза Цветаевой? Запрещенная желтая книга в бумажном переплете, со статуей Свободы внизу — («М. Цветаева. Проза. Издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1953»). (Все спорили: какого Чехова: писателя или артиста?)

Первый же очерк — «Мой Пушкин». Цветаева вводила читателя в «тайное тайных» своей души и своего отношения к Пушкину. Только представим на миг, что какой-нибудь советский критик захотел бы ввести в тайное тайных своей души. Сразу улыбка: во-первых, потому, что никакого «тайного тайных» у критика нет: он плоский, как фанера. Во-вторых, если бы и было это тайное отношение к Пушкину, он не смог бы его выразить, потому что он безязыкий. Он умеет писать только готовыми блоками, которые заранее преформируют всякую мысль, исключая все тайное, глубинное и просто свое. И в-третьих, если бы это тайное все-таки (без языка?) оказалось возможным вскрыть, мы увидели бы такую мерзость запустения, такую «баню с пауками» или такую скучную упорядоченность, «нотную разлинованность», что сами не захотели бы читать.

Все это очень грустно, но без этого не понять, почему мы так балдели и шалели от прозы Цветаевой, будь то «Живое о живом» (которое можно назвать «Мой Волошин», потому что на самом деле он был, конечно же, не такой) или письма к Пастернаку (на машинке, хорошо, если хотя бы второй экземпляр, а не четвертый).

Да, балдели и шалели. Так домашние гуси смотрят на пролетающих в небе — к какому-то немислимому Югу — перелетных гусей. Мы тоже могли бы быть перелетными, но нас «приручили», мы отяжелели и ожирели, в нас нет даже воспоминания о полетах, потому что их не было: крылья подрезали чуть ли не с первых дней жизни... Цветаева все это возвращает нам. Мы все, ее читатели, задарены ею.

«Мой Пушкин». В этом «мой» весь секрет. У нас все стало «ничье», «общее». Разве у пушкиниста имярек «его Пушкин»? Что вы, Пушкин у нас общий, государственник, как фабрики и заводы. Да и личность (читателя и критика) подлежала такой же национализации, как фабрики...

Цветаева приехала в СССР в июне 1939-го. Приехала против воли, повинаясь долгу, как пушкинская Татьяна — ради сына и мужа. Через год и два месяца она делает такую запись в записной книжке (5 сентября 1940 г.): «Я год примеряю смерть. Все — уродливо и — страшно. Проглотить — мерзость, прыгнуть — враждебность, исконная отвратительность воды. Я не хочу пугать (посмертно), мне кажется, что я себя уже — посмертно — боюсь. Я не хочу — умереть. Я хочу не быть... Господи, как я мала, как я ничего не могу!

Доживать — дожевывать Горькую полынь*.

Не знаю, что в этой записи больше потрясает: ее страшный смысл или чудовищная, сверхчеловеческая словесная выразительность. «Доживать — дожевывать». Так чувствовала слово только она. Но советской литературе ее дар не требовался. Перед смертью она просила о месте судомойки в писательской столовой в Чистополе. Недавно прочитал, что зря она поспешила в петлю. Место судомойки со временем все-таки могли дать.

* Цветаева М. Поклонись Москве. М., 1989, с. 490.

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

«Кто убил Джона Китса?» — спрашивал в своей известной эпиграмме Байрон по поводу безвременной кончины поэта. «Я, — отвечало Квартальное Обозрение, жестокое и тарабарское. — Это был один из моих подвигов».

Но то, что Байрону показалось журнальным выстрелом, на самом деле было эхом рождения новой звезды. Неудача, постигшая Китса с его юношески громоздким «Эндимионом», конечно, не могла оставить поэта равнодушным, однако отразилась скорее на его творчестве, чем на здоровье. Да и можно ли поэму «Эндимион» считать неудачей, если та имела определенный успех в среде, близкой Китсу, а при издании ее отдельной книгой издатели даже предполагали украсить ее иллюстрациями художника Хейдона, ставшего одним из друзей и почитателей таланта поэта? Не многим книгам, с иллюстрациями или без иллюстраций, выпадает на долю дать миру хотя бы одну бессмертную строку. Из «Эндимиона» сразу три довольно обширных отрывка обрели статус хрестоматийности, а первая строчка поэмы:

Прекрасное — есть радость навсегда —

стала просто крылатой фразой.

Тем досаднее, что современная поэту критика недооценила его первое значительное, и по масштабу, и по заложенным в нем возможностям, произведение. Это была эпическая по размаху вещь, названная самим автором «Поэтическим романом», что само по себе было достаточно ново и смело. Но Эндимион не героичен, — какой может быть героизм со стороны вечно спящего короля пастухов, очарованного луной? Напротив, поэма полна прекрасных частностей, а покорение такого большого стихотворного пространства, четыре с лишним тысячи строк, не может не вызывать уважения. К тому же надо учитывать задачу, поставленную Китсом перед собой. «Вымысел — пробный камень для большой поэмы», — утверждал он. «Гиперион» его вторая попытка в эпическом жанре, отличалась уже всеми признаками зрелости и мастерства, и несмотря на то, что поэма, к сожалению, не была закончена, она была признана его крупной удачей. Критика, пусть и недоброжелательная, не может нанести ущерба такому могучему таланту, каким обладал Китс. Она только побудила его еще упорней искать свою поэтическую форму. Он перепробовал все, от робингудовских песен и баллад вплоть до опытов в духе Шекспира. Шекспировской трагедии Китс не создал, но его мощному таланту было суждено великое поприще на крошечном пространстве сонета.

Итак, журнальный выстрел если и не был абсолютным промахом, то уж, во всяком случае, в цель не попал. Джон Китс, лондонский кокни, образованный представитель низов, как ни странно, не был убит наповал, и Байрон зря погорячился. Герой дня, Байрон держал в руках клубок человеческих страстей и даже поэзию воспринимал в основном через социальную призму. Ему и всегда хотелось быть политическим оратором в большей степени, чем поэтом. Его вражда со всем миром наделала много шума и была одной из причин его шумной славы. Для него-то уж точно журнальные стычки носили политический характер и требовали серьезного рассмотрения и отпора, смотря по обстоятельствам. Китс не имел врагов и

не враждовал с миром. Его тщеславие не подвергалось таким превратностям, каким поминутно подвергался гордый лорд. Китс никогда не забредал туда, где Байрон стремился играть первенствующую роль и блистал. Китс также не питался манной небесной, но меньше всего понимал жизненную борьбу как политический акт. Чем больше он видел вокруг человеческой розни и неустроенности, тем выше он запрокидывал голову. Это не было проявлением гордыни и уж никак — слабости. Юноша-поэт очень быстро превратился в поэта-мудреца. И это вопреки тому, что в двадцать четыре года с творчеством для него будет покончено раз и навсегда, а в неполные двадцать пять — он уже уйдет из жизни под равнодушным итальянским солнцем. И понесется за ним в вечность звук шелкнувшего бича байроновской эпитагмы. И образ легкоуязвимого юноши-поэта надолго утвердился в памяти поколений. Однако тот же Байрон недаром как-то обмолвился, что «Гиперион» внушен титанам. Китс был не только одержим внушениями титанов, он и сам готовился им стать. Разве не титанических усилий стоило ему зажечь свою звезду? В этом нет ничего героического, кроме того, что звезду зажжет хрупкий на вид мальчик, лишенный львиной поступи и крыльев, стоящий на самом пороге смерти.

Китса убила не журнальная критика, а элементарная чахотка. Вся его семья была подвержена этому недугу, буквально на его руках умер от чахотки его младший брат Том. Ухаживая за больным, Китс писал. Когда врачи вынесли и ему смертельный приговор, — он продолжал писать, пока не отказали физические силы. Впрочем, это неверно: физических сил еще какое-то время хватало на письма — письма, исполненные поразительного присутствия духа. С поэзией произошло иначе. Около двух лет в нем зрела идея его шедевра, и когда этот шедевр был запечатлен на бумаге, Китс почел свою задачу выполненной и навсегда отложил поэтическое перо. Этот шедевр — его последний сонет «Bright star, would I were stradfast as thou art» (обычно его называют «Звезда»). Долгое время этот сонет завершал все издания стихов Китса. Позже был найден ранний список сонета, принадлежавший одному из друзей Китса — Брауну. Для литературоведения это весьма основание, чтобы переместить стихотворение с последней страницы в глубь книги. Но без этого сонета в конце книги стихов Джона Китса его творчество представляется незавершенным, оборванным на полуслове, а это совсем не так. Творчество Китса шло неизменно по восходящей, и если бы в конце этой линии не было такого полного и гармонического аккорда, можно представить себе, каким диссонансом отозвалось бы чувство неудовлетворенности собой в последних письмах Китса, и без того близких к отчаянию. Жизнь была кончена, едва началась любовь — и это было мучительней всего. Но звезда была зажжена, и при свете этой звезды — нет, умирать было не легче, но уже не требовалось борьбы. «Мое воображение — монастырь, а я монах в нем». Это служение длилось до тех пор, пока длилась молитва, пока душа гармонически не излилась.

Звезда, зажженная Китсом, позволяет многое понять и в его характере, и в его жизни. Кстати сказать, Китс первый подметил, что «Шекспир вел аллегорическую жизнь. Его произведения есть комментарий к ней». Трудно судить, что он разумел под комментариями, но аллегоричность жизни Шекспира он почувствовал точно. Можно ли считать произведения самого Китса комментариями к его жизни? Кажется, его жизнь совсем не аллегорична, и вместе с тем они только ее и объясняют. Объясняют, но не показывают. В то время, как большинство романтиков воспринимало поэзию как дневниковую исповедь, — для Китса поэзия оставалась методом постижения прекрасного, а не только способом самовыражения. «Я за старых поэтов», — признавался Китс и следом за ними алмазной стезей поднимался над человеческим хаосом, оставаясь поэтом позитивного начала. Это не значит, по его словам, «остыть к человеческим судьбам». Он находил себя монахом в храме Красоты и этим-то своим служением рассчитывал принести людям добро. Его книги, которых он так боялся не успеть собрать, теперь хранят это бесчисленное богатство. «Правда — есть красота, красота — правда» — звучит в них, как заповедь, и при этом никакой

напыщенности. Китс нес факел своей поэзии без аффектации, разбрасывая его благотворные искры в своих письмах. Щедрость — была его философия, и он в избытке нес людям энергию слышимых им гармоний. Но он лишен был социального Эго, проще говоря, эгоизма уверенности, что в силах преобразить действительность и устроить жизнь людей к лучшему. Пределом его мечтаний было — «достичь поэтических вершин, хватило бы только духу... Меня не оставляет чувство, что я должен писать из одной тяги и любви к прекрасному». Поэт не собирался сделать поэму из своей жизни, сознательно принимая то, что «поэт — прозаичнейшее из всех созданий Творца», равносильное пушкинскому «среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Ему претило даже драпироваться в живописный плащ мученика и страдальца. Английский романтизм зародился на подмостках шекспировского театра, но сойдя на твердую почву реальной жизни, мало чем мог воспользоваться из театрального репертуара. Искусство драпироваться принадлежит уже другим поколениям романтиков. Для титанов английского романтизма обычные театральные условности обернулись жестоким противостоянием жизни и смерти. Китс ощущал и пережил это, как никто, и все же он нашел в себе силы преодолеть и это противостояние, что дополняет его образ чертами трагическими, но в них нет обреченности. Его дух был закален на огне старых мастеров, которые воспринимали вселенную как магический кристалл, оттого и земной мир казался более устойчивым и не нуждался в «переоценке ценностей», по выражению Ницше, а только в отборе ценностей высшего порядка. Благодаря этому творчество Китса приобрело более уравновешенный характер, а уравновешенность — далеко не из добродетелей романтизма его современников, ни тем более тех, кто шел за ними, — те же прерафаэлиты. В этом усмотрел тенденцию к самовырождению романтизма Гёте, когда противопоставлял ему душевное здоровье и упорядоченность античности. Но все это касается последователей и эпигонов. Романтизм на гребне своего развития — мощный английский дуб, быть может, посаженный еще Робин Гудом. Не его вина, что желуди дали слабые ростки. Китс был природным романтиком, а следовательно, борцом, борцом за право быть сожженным на берегу Мирового Океана, как был сожжен великий безумец и бунтарь Шелли. Китс умер в душной комнате в Риме, так распорядилась судьба, поэт остался до конца «прозаичнейшим созданием». Его триумфом стала его поэзия. Чем обыденней и страшней была его смерть, тем выше и прекрасней всходила его звезда.

Жизнь Китса можно назвать триумфальной. Ему было отпущено всего около пяти лет творчества — за это время он создал три книги стихотворений и поэм, многие из которых стали гордостью английской поэзии.

За это время — он написал два тома писем, причисленных к шедеврам английской эпистолярной прозы.

За это время — вокруг него сложился кружок, который можно назвать кружком Китса. Дружба с Китсом была предметом отличия и гордости. Его ближайший друг, поэт Рейнольдс, прожил долгую жизнь и ничего не нашел более достойного пожелать для своей надгробной надписи, кроме одной: «Друг Китса».

За это время — Китс пережил и свою большую и единственную любовь. Нет, такого человека не убить журнальной пулей, тут по крайней мере потребовалась бы Этна со своей пылающей чашей. Я молюсь в эту ночь, то есть перечитываю его последний сонет.

Как сказано выше, сонет «Звезда» уже не считается последним. Список Брауна, помеченный 1819 годом, заставляет усомниться в точности датировки, сделанной самим Китсом. Переписав, как считается, именно всего лишь переписав этот сонет на одной из свободных страниц сборника произведений Шекспира, автор проставил под ним дату — 29 сентября 1820 года. Этот год — последний творческий год в жизни Китса. Но был ли сонет только переписан или, быть может, заново создан?

В доказательство того, что сонет был написан раньше 1820 года, обычно приводятся некоторые выдержки из более ранних писем Китса, в кото-

рых находят текстуальные совпадения с этим сонетом. Действительно, еще в 1818 году, в одном из писем к брату Тому из Шотландии, уже фактически дан самый образ звезды, никогда не смыкающей век и постоянной,—эпитет, положенный в основание всего сонета в целом. Но что же это доказывает? Только то, что идея стихотворения могла прийти поэту когда угодно и даже могла быть вчерне набросана. Охотно делившийся с друзьями всем новым, Китс на сей раз оставил этот набросок при себе, по видимому, продолжая над ним работать. Как результат и явилось то, что в 1820 году, на том же материале, было создано принципиально другое стихотворение. Чтобы это показать, достаточно сравнить эти два варианта, хотя бы частично. Смысл такого сравнения не в том, что окончательный вариант совершенней, а в том, что они разнятся по существу. Идея сонета по списку Брауна заключена в следующем:

**Вечно бодрствуя в сладостном непокое,
Все слушать, чувствовать ее нежноотдающееся дыханье
В полузабытьи, и с этим погрузиться в смерть.**

Подстрочный перевод

Здесь одно состояние сна переходит в другое — и только. Второй, окончательный вариант, а точнее — другой сонет, резко контрастен. Там для поэта желателен плавный переход из любовного сна в сон смерти, здесь он ставит вызывающее условие — либо так жить, как звезда, вечно, неизменно, либо — не жить вовсе:

**Вечно бодрствуя в сладостном непокое,
Все слушать, слушать ее нежноотдающееся дыханье,
И так жить вечно — или, иначе, погрузиться в смерть.**

Подстрочный перевод

Всего один оборот — и все стихотворение выстраивается по-новому. Это вспышка, озарение — той звездой, которую Китс созерцал на шотландских озерах. В письме к брату он назвал ее Северной Звездой, но после знакомства со своей будущей невестой Фанни Брон ему хотелось бы, чтобы эта звезда стала Звездой Любви. «Я хотел бы вообразить тебя Венерой сегодня вечером и молиться, молиться, молиться твоей Звезде... Всегда твой, прекрасная Звезда». Северная Звезда — она же Полярная, — символ вечного постоянства, совершенного созерцания и не равнодушного постижения всего видимого мира. Точнее, сама звезда своим постоянством делает этот мир видимым и прекрасным. Но этого уже слишком мало или слишком много, когда стоишь на пороге вечности. Требовалось иное постоянство, отдав бестрепетно всю красоту мира, вечно ощущать, слышать дыхание любимого человека.

Отчаянье посещало Китса, и тогда творчество поэта обретало реквиемное звучание. Ничего нет исключительного в том, что стоящему на краю гибели высшим блаженством представлялось как можно безболезненной избавиться от мучений. Ему и песнь соловья в торжественной «Оде к соловью» слышалась порой как реквием:

Под твой высокий реквием смешаться с дерном...

Подстрочный перевод

Но чем ближе подвигался Китс к краю бездны и чем ярче разгоралась Звезда его любви, тем меньше компромисс первого варианта сонета мог удовлетворить его. Китс как бы стоял перед выбором. Одиноким на берегу вселенной, он отчетливо понимал, что смерти что-то должно противостоять. Но что же? То, что было на земле твоим, все отнимается. Не размахивать же перед оскалом смерти книжкой стихотворений! Необходимо было качественно измениться самому. В какую-то из мучительных ночей осенью 1820 года, наверное, и произошел такой перелом в душе

Китса. Это его новое состояние дало только одно произведение, но этим единственным произведением была «Звезда», его последний сонет. Китс испытал такой подъем духа, что повторить его или продлить нельзя было и думать. Потому он и написал «Звезду» в том Шекспира, что интуитивно создавал: созданное им уже за пределами здешних оценок. Эти четырнадцать строк последнего сонета кажутся звуковыми ступенями органа, по которым человек по своей воле поднимается туда, где уже теряются различия между ночной звездой и им самим.

28 сентября 1820 года Китс и сопровождавший его в поездке в Италию художник Джозеф Северн вынуждены были провести еще один день на английской земле. Из-за разыгравшейся непогоды задержались в Портсмуте. Отплытие было назначено на завтра. Вечером измученному Китсу все еще казалось, что он в Хемпстеде, его тянуло на воздух, на волю. Как только он вышел из дома, демон Хемпстедских холмов набросился на него. Луна, как заговоренный воин, пробиваясь сквозь тучи, посыпала земле свой заемный свет. Китс любил эти холмы. Вездесущий демон Хемпстедских холмов приворожил его. Он подставлял под хлещущие порывы ветра свое лицо — и на минуту приходило облегчение.

— Юноша умирает! — казалось, выкрикивал демон. — Пошлем ему пару прохладных, авось придет в себя.

Но юноша действительно умирал и уже не воспринял шуток ветреного приятеля.

— Прощайте, Хемпстедские холмы! Подмостки, арена... плосковато для моих амбиций! Горы Шотландии — вот это подходяще, не говоря об Олимпе! — Китс засмеялся, как тот мальчишка озорной, который удивлялся, что и в Шотландии двери сделаны из дерева, как в Англии. Еще была там эта звезда, но он привез ее с собой.

— Ты поймана, звезда, ты здесь, в моей черепной коробке, и ты останешься здесь, пока я не заполню твоим сиянием хотя бы полстраницы. Подгоняемый ветром, Китс быстро вернулся и увидел, что вокруг дома шумит ненастное море. Но там, в вышине, вокруг его звезды, все было другое. Только что перестал падать снег, и горы и вересковые пустоши осветились мягким светом.

— Я сделан из тусклого вещества, как луна. Но Фанни — она подобна тебе. Прости мне, Боже, эту банальность и мальчишество, и все, все!

Внезапно ему показало, что с него снимают лицо. Так было, когда с него снимали гипсовую маску. Гигантская вспышка ударила ему в глаза — это была она, его звезда. На мгновение он ослеп, но тут же он открыл глаза и уже посмотрел сверху вниз, легко, словно знакомый почерк, разбирая карту зимней ночи. Вот так бы и всегда себя чувствовать! Продолжая смотреть сверху, далеко внизу, на белом гипсовом пространстве своего лица, он увидел странную тень. Там почему-то стояла смерть. Она будто ожидала, что он вот-вот радостно вскрикнет и бросится с ночной вышине к ней в объятия.

Китс перевел глаза и увидел берег океана. Волны били в оснеженный берег. На снегу жили люди, должно быть, пастухи. Они сидели у огня и говорили о яркой звезде, что так неожиданно вспыхнула, но не на востоке, а на севере, и они спорили, что это была за звезда. Первые их слова, которые он, наиболее ясно расслышал: «Так вечно жить или —...» — последние слова слизнуло пламя. Но было и без того понятно: или — пусть придет смерть.

Взяв машинально книгу со стола, он при свете побеждающего воина с кривой саблей записал на свободном листе видение своей звезды. Лицо вернулось, оно нестерпимо болело. Актерский грим был отравлен.

Ненастное море обступило со всех сторон. В этом море Китс все время куда-то проваливался и все реже пытался за что-нибудь ухватиться. В душе он давно сдался, но сердце еще сопротивлялось. Фанни жила в его сердце и не отпускала его от себя, заставляя перечитывать строки, записанные на свободной странице Шекспира.

Ките на смертном одре (1821 г.). С рисунка Джозефа Северна.

Звезда, как ты, хочу быть постоянным,—
Но не в блаженстве одиночества сиять
С высот ночных и взором неустанным
Отшельником бессонным наблюдать:
Движенье вод, вокруг земного лона
В священном долге омывающих простор,
Иль снежной маски дышащие склоны
На пустошах и на уступах гор.
Иначе — да! — но быть, как ты над нами,—
Склонясь возлюбленной на зреющую грудь,
Все слушать снег и негу над холмами,
И век своих вовеки не сомкнуть,
И волновать, и волноваться впредь.
И так жить вечно — или умереть.

«Мария Кроузер», несмотря на продолжавшееся ненастье, вышла в море. Демон Хемпстедских холмов отчаянно перескакивал с волны на волну, хватаясь за ее гладкие бока. Где-то здесь, за одним из этих окон, должен был находиться тот мальчишка озорной, что когда-то брел с ним наугад, куда придется, но все больше на север, на север. Ему бы заглянуть в знакомое лицо, но вместо него на подушках покоилась незнакомая ему яркая звезда. В каюте было светло.

Мастерская художественного перевода

М. Л. ГАСПАРОВ

ВОСКРЕШЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Если какие-нибудь наши книги имеют право стоять на золотой полке впереди других, то это «Илиада» и «Энеида», национальный греческий и национальный римский эпос, один — выросший из фольклора, другой — полноценно литературный. На русском языке у них оказалась разная судьба. «Илиаду» перевел Н. Гнедич, положив на это целую жизнь и создав для этого новый, небывалый, вневременной (и, к сожалению, никому не понадобившийся) русский язык. Его перевод был канонизирован, его чтут, хотя и недостойно мало читают. «Энеида» нуждалась в таком же — не похожем ни на что иное — переводе. Этого она не дождалась. Все появившиеся переводы ее воспринимались или как индивидуальные причуды (В. Петров в XVIII в. и даже В. Брюсов в XX в.), или как скучные несвоевременности (Г. Шершеневич, Н. Квашнин-Самарин и даже А. Фет в XIX в. и — что особенно досадно и несправедливо — С. А. Ошеров в наши дни). Накопление опыта продолжается. Поэтому публикация неизвестного перевода «Энеиды» — хотя бы в небольшом отрывке — может быть сейчас совсем не лишней.

Георгий Аркадьевич Шенгели (1894-1956) был одним из крупнейших русских поэтов-переводчиков XX века. Ему принадлежат огромные массивы переводов из Э. Верхарна, В. Гюго, Дж. Байрона, не говоря о множестве меньших авторов. Он был из того поколения писателей начала века, которых советское время оттеснило из самостоятельного творчества в переводы и которые чувствовали себя в них держателями и хранителями высоких культурных традиций. Античные авторы не были главным предметом его внимания; но когда в 1950 году Гослитиздат предложил конкурс на новый перевод «Энеиды», он не мог не принять в нем участия. Он представил пробный перевод книги I; экземпляр его (вместе с незаконченной статьей «Некоторые технические предпосылки перевода «Энеиды»: а) Стих») сохранился в архиве переводчика Ф. А. Петровского и печатается по этому тексту (на обложке штемпель: «сдано 11.IV.1950. Г. Шенгели»). Кто еще участвовал в этом конкурсе, я не знаю; но что нового перевода «Энеиды» русской литературе он не дал, это знают все.

Здесь печатается самое начало перевода Шенгели: знаменитая сцена бури, пробный камень для всех переводчиков. Греки («данайцы», «аргивяне») разрушили Трою (царство «тевкров»); троянский вождь Эней, сын Венеры, плывет со спасшимися троянцами мимо Африки («Ливии», с Карфагеном, городом «гирийцев») в еще неведомую Италию («Лаций», земля «латинов»), где сын Энея построит город Альба Лонгу, а дальние потомки — Рим. Богиня Юнона (Гера), враждебная троянцам, с помощью бога ветров Эола поднимет против них страшную бурю, бог моря Нептун ее укрощает. Троянцы спускаются на берег Африки, Эней расскажет карфагенской царице Дидоне о падении Трои и своих скитаниях, а потом, после их трагической любви, продолжит свой сужденный роком путь в Италию. Аквилон, Эвр, Австр-Нот, Африк, Зефир — ветры, подчиненные Эолу; Тритон и Кимотоя — морские божества, подчиненные Нептуну; «Эакид»-Ахилл, едва не убивший Энея «сын Тидея» Диомед и оскорбивший богиню Афины Палладу Аякс, сын Оилея, — греческие герои Троянской войны. Обилие прописных букв в названии мест и народов передает орфографию латинского подлинника.

ПУБЛИЙ ВЕРГИЛИЙ МАРОН

ЭНЕИДА

Книга I

[Я, тот самый, кто песню когда-то на нежной свирели
Ладил и, кинув леса, понудил окрестные нивы
Повиноваться крестьянам, хотя бы и жадным (приятный
Пахарю труд), — теперь жестокие, милые Марсу]

- I Битвы пою и героя, кто первый с троянских прибрежий, Рокom гонимый,
В Италию прибыл, к Лавинскому берегу,
И, по земле и по морю кидаемый силой всевышних
И озлобленьем Юноны злопамятной, много сражений
Выдержал также, покада город построил и ларов
В Лациум переселил, — откуда и племя Латинов,
И Альбалонги отцы, и стены высокого Рима.
Муза, напомни причину мне: божества ль оскорбленье,
Скорбь ли иная царицу богов пробудила подвергнуть
- 10 Мужа, прославленного благочестьем, таким испытаньям,
Мукам таким?.. Небесным ли душам свойственна ярость?..
Древний город стоял, Карфаген, владенье Тирийцев
Против далеких берегов Италийских и Тибрского устья,
Дивный разным добром и суровый в искусстве военном.
Больше всех стран его, говорят, любила Юнона,
Даже больше Самоса; ее там оружие хранилось
И колесница; с давней поры помогалась богиня,
Чтобы, коль судьбы позволят, он стал владыкой народов.
Но слыхала она, что восстанет от крови троянской
- 20 В будущем род, который низвергнет замки Тирийцев,
А от него народ многовластный и войнами гордый
Явится рушить Ливийское царство: так Парки решили.
Этим тревожась, Сатурния помнила также былые
Битвы у Трои, — те, что вела за милых Аргосцев,
И сохранила в душе причины гнева и злобы
Яростной: где-то глубоко в уме затаились
Суд Париса неправый, презревший прелесть, и племя
Ей ненавистное, и похищенье и честь Ганимеда;
Этим пылая, в просторе морском гонимых Троянцев,
- 30 Что уцелели от злобных Данайцев и гнева Ахилла,
Прочь от Лация гонит она, — и долгие годы
Те, покорные року, по всем морям прокружили.
Вот с какими трудами римское племя слагалось!
Только они от земли Сицилийской отплыли в просторы,
Парус веселый подняв и медью пену взрезая,
Как, с вековечною раной в груди, шепнула Юнона:
«Мне ль отступить, побежденной, безвластной, от цели заветной
И от Италии не отвратить повелителя Тевкров?
Правда, рок не велит. Но сжечь не сумела ль Паллада
- 40 Флот Аргивян и в пучине их всех потопить — за безумства
И за вину одного Оилеева сына, Аякса?
Быстрый Юпитеров огонь сама она с тучи метнула
И раскидала суда, и ветрами воды разверзла,
Недруга же, выдыхавшего пламя пронзенною грудью,
Вихрем вырвав из волн, на острый утес наколола.
Я же, являясь царицей богов и сестрой и супругой

- Для Громовержца,— столько лет с одним лишь народом
 Войны веду! Кто же будет потом величье Юноны
 Чтить и к ней на алтарь возлагать приношенья смиренно?
- 50 Все это в сердце клубя пламенеющем, мчится богиня
 К родине туч, в Эолию,— место, родное свирепым
 Австрам. А там владыка Эол в пещере громадной
 Неукротимые ветры и полнозвучные бури
 Держит во власти своей, смирять в цепях и в темнице.
 Те, негодуя, с ропотом громким у горных затворов
 Воют; Эол же сидит на вершине высокой, и держит
 Скипетр, и дух умягчает, и гнев умиряет. Не делай
 Этого он, то и море, и сушу, и неба глубины
 Быстро они бы умчали с собой, разметав по просторам.
- 60 Но Всемогущий отец, уstraшенный, их в темные гроты
 Бросил и грузом на них взгромоздив высокие горы,
 И даровал им царя, чтобы, верный закону, умел он
 Вожи натягивать и ослаблять согласно приказу.
 Вот к нему-то Юнона с мольбою речь обратила:
 «Так как тебе, Эол, Отцом богов и Владыкой
 Смертных— дано смирять и зыбить ветрами волны,
 Род же, враждебный мне, плывет по Тирренскому морю,
 Мча Илион в Италийскую землю и павших пенатов,—
 Волю ветрам вручив, потопа погруженные челны
- 70 Иль размети их, гоня, и тела раскидай по пучинам.
 Дважды семь нимф подвластны мне, прекрасные телом;
 Ту из них, что прекраснее прочих, Деиопею,
 Браком прочным связав, тебе отдам во владенье,
 Чтоб за такие заслуги она с тобою все годы
 Прожила, сделав тебя отцом потомков прекрасных».
 «Это, царица, дело твое,— Эол ей ответил,—
 Знать, чего ты желаешь; мое же — ловить повеленье.
 Ты ведь снискала мне милость Юпитера, скипетр и это
 Царство, и мне возлежать даешь на пирах меж богами,
- 80 И повелителем бурь и туч меня утверждаешь».
 Это сказав, он повернутым скипетром дуплистую гору
 По боку стукнул,— и ветры, как будто стая густая,
 Рвутся в разверстый пролом, овевая вихрями земли.
 Море сплошь они облегли и до глубей безмерных
 Роят совместно и Эвр, и Нот, и грозами полный
 Африк, и гонят клубя, на берег огромные волны.
 Тут последовал крик моряков и скрежет канатов.
 Тучи внезапно от взоров Тевкров и день отторгают,
 И небеса, и черная ночь ложится на море.
- 90 Твердь загремела; густыми огнями эфир полыхает;
 Неотвратимая смерть угрожает мужам отовсюду.
 Тут у Энея мигом слабеют от холода члены;
 Он простонал и, сложив, простирает к звездам ладони,
 Так вопия: «О, трижды, четырежды благословенны
 Те, кто пред ликом отцов под высокими стенами Трои
 Встретили смерть! О, ты, в роду Данайцев храбрейший,
 Сын Тидея! Зачем не мог я на поле Илииском
 Пасть, и душу мою твоя не исторгла десница?
 Там, где копьем Эакида сбит яростный Гектор, где мощный
- 100 Пал Сарпедон и где Симоэнт влачит под волнами
 Столько щитов, и шлемов мужей, и тел многосильных!»
 Так восклицал он, и вот Аквилонм взревевшая буря
 Парус пред ним сорвала и взводни к звездам взметнула.
 Сломаны весла, и кузов заворотило, и волнам
 Отдало борт, и над ним взбугрилась гора водяная.
 Те — на гребне волны висят; этим — вал, разверзаясь,

- Дно являет меж вод; на песках бушуют буруны.
Три корабля, подхватив, Нот на скрытые камни кидает
(Их, эти скалы меж волн Италицы зовут «Алгарями»:
110 Страшный кряж при высокой воде!); три — с открытого моря
Гонит на косы и отмели Эвр (мучительно видеть!)
И, на бродах дробя, их буграми песка окружает.
Тот же корабль, что вез Ликийцев с верным Оронтом,
Вдруг на глазах у Энея пучина крутнем огромным
Бьет под корму с размаха, и кубарем катится кормчий
Вниз головой, а корабль этим валом трижды повернут
Вкруг самого себя и жадно пучиною пожран.
Редкие лишь пловцы возникают средь хлябей обширных,
Доски, доспехи бойцов и сокровища Трои сквозь волны.
120 Илионея же крепкое судно и судно с Ахатом
Сильным, и то, где Абант, и то, где Алет престарелый,
Буря сломила тоже: скрепы в бортах ослабели,
И враждебную влагу вбирает зияние щелей.
А между тем почуял Нептун, что понт переполнен
Ропотом грозным, что спущена буря, что в недрах пучины
Схлынули воды со дна, и, встревоженный тязко, чтоб море
Сверху увидеть, из волн величавую голову вынес.
Видит Энея флот, по всему разметанный морю,
И угнетаемых бурей и рухнувшим небом Троянцев,—
130 И не укрылись от брата козни и злора Юноны.
Кличет он Эвра к себе и Зефира и так говорит им:
«Вот как теперь в свою вы начали верить породу?
Землю и небо уже без моих повелений вы, Ветры,
Смеете смешивать и громоздить вот такие громады?
Я вас!.. Но лучше сперва усмирить возмущенные волны.
Впредь вам за дело такое невиданной карой воздам я!
Прочь поскорей! И царю своему скажите вот это:
Власть над морями и грозный трезубец Судьбы вручили
Мне,— не ему! Пускай он хранит огромные скалы,
140 Ваши притоны, Эвр; пусть он чванится в этих палатах,
Ваш Эол, и ветрами в темнице замкнутой правит!»
И, скорей, чем сказал, укрощает он вздутые воды,
Скопища туч разгоняет и снова солнце выводит.
Тут Кимотоя и с ней Тритон сдвигают с натугой
С острых камней корабли; он сам их трезубцем подъемлет
И раздвигает широкие косы, и море смиряет,
И ускользает по глади морской на легких колесах.
И, как бывает нередко в толпе, когда возникает
Бунт, и беснуется духом низкая чернь, и камень
150 Реют уже, и лучина, и ярость оружием правит,
Но предстанет вдруг муж, благочестьем и доблестью славный,—
Все умолкают, теснятся вокруг и слух напрягают;
Он же — словом царит над сердцами и страсти смягчает.
Так вот и рокот моря замолк, лишь родитель, морскую
Даль озирая, поехал под небом открытым и вожжи
Бросил, коней повернув, летя в колеснице послушной.
-

Перевод Г. ШЕНГЕЛИ

ВЕХИ. Интеллигенция в России. Сборник статей. 1909 – 1910. – М.: Молодая гвардия, 1991.

В истории российской общественной мысли существуют книги, появление которых вызвало небывалый общественный резонанс: споры, дискуссии, яростное столкновение мнений, восторженную хвалу сторонников и ожесточенную хулу недоброжелателей и даже репрессивную реакцию властей по отношению к автору. Первой такой книгой было вышедшее двести лет назад «Путешествие из Петербурга в Москву». Ее автора, А. Н. Радищева, приговорили к смертной казни, а затем помиловали, заменив казнь сибирской ссылкой. В 1836 г. в 15-м номере московского журнала «Телескоп» было опубликовано первое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, взбудоражившее умы различных партий и направлений, осмысливающих судьбы России. Журнал тотчас закрыли, а автора объявили сумасшедшим. Самый значительным политическим произведением второй половины XIX века, безусловно, стал роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», написанный в одиночной камере Петропавловской крепости.

К числу таких книг, всколыхнувших всю мыслящую Россию, относится и сборник статей о русской интеллигенции «Вехи», вышедший в 1909 году. В короткий срок сборник приобрел поистине небывалую популярность. За неполный год он выдержал пять изданий, вызвал огромный поток негативных откликов – в газетах и журналах самой различной ориентации было опубликовано более 220 статей и рецензий. Самым оперативным образом было подготовлено и издано несколько контрвеховских сборников: «В защиту интеллигенции» (М., 1909), «По вехам. Сборник об интеллигенции и «национальном лице» (М., 1909), «Интеллигенция в России» (СПб., 1910), «Вехи» как знамение времени» (М., 1910). Виднейшие общественные, политические и религиозные деятели, разведенные своими социально-политическими воззрениями по полюсам, непримиримые друг к другу, объединились в своем неприятии идей, провозглашаемых авторами «Вех».

С исторической дистанции более чем в восемьдесят лет можно и должно разобратся в этом феномене удивительного единства мнений политических противников относительно «Вех». Хотя эта книга, по-видимому, еще ждет свое-

го нового прочтения и серьезного осмысления. «Вехи» подводили итоги общественного развития России, определяли бесперспективность ее исторического пути – «...путь, которым до сих пор шло общество, привел его в безвыходный тупик» (М. О. Гершензон) – и давали концентрированную критику мирозерцания русской интеллигенции, прежде всего, ее революционно-демократической ветви, которая завела, по мнению авторов «Вех», страну в этот тупик. В какой-то мере это приговор русской интеллигенции или, во всяком случае, признание ложности ее основных устремлений. Понятна и бурная реакция в интеллигентских кругах на сборник.

Интересно, что многие авторы «Вех» (П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк) прошли искус марксизма, штудировали марксистские труды, были его пропагандистами. Некоторые из них подвергались репрессиям со стороны царского правосудия. Хотя с самого начала они признавали марксизм лишь в социальной сфере, то есть воспринимали его как чисто практическое, прикладное, утилитарное учение и при этом отрицали материализм в философии. При таком дуализме в позиции «легальных марксистов» – так позже стали называть эту группу философов – разрыв с марксизмом был неизбежен, и впоследствии они перешли на позиции философского идеализма. В этом смысле сборник «Вехи» отразил важнейший этап их духовной эволюции, расставание с их прошлыми, присущими молодым годам иллюзиями.

Система аргументов, которыми оперируют на страницах сборника его авторы, призвана доказать два основополагающих, базисных для них тезиса. Первый – о первичности теоретических и практических сторон духовной жизни над внешними формами общежития. И второй – о тупиковом характере того направления общественно-политической деятельности русской интеллигенции, которая признает первичность общественных форм.

Отмечая героизм, самопожертвование и подлинное народолюбие русской интеллигенции, авторы «Вех» утверждают, что в ее сознании «...всегда доминировали... интересы распределения и уравнивания» (Н. А. Бердяев), господствовали идеи равномерного и справедливового распределения благ всем людям. При всем благородстве порывов интеллигенции облагодетельствовать весь народ идея «коллективной пользы» вред-

на, деструктивна с позиций культуры, просто безнравственна, ибо подавляет личную свободу отдельного индивидуума. Это и подтвердил деструктивный, варварский характер революции 1905—1907 годов. Выход же — не в облагодетельствовании страждущих силами, внешними по отношению к ним, а в «творческом личном самосознании» (М. О. Гершензон) всех и каждого, в том числе и страждущих, в выработке новых универсальных религиозно-нравственных идеалов. «Вехи» заканчиваются итоговыми словами С. Л. Франка, знаменательными главную общую мысль авторов сборника: «От непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма мы должны перейти

к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму».

Разумеется, существуют и другие оценки русской интеллигенции. В книгу, изданную «Молодой гвардией», вместе с «Вехами» вошел и контрвеховский сборник «Интеллигенция в России». Читатель, погрузившись в атмосферу идейной борьбы начала века в России, сможет провести сравнительный анализ, сделать самостоятельные выводы. А самое главное, он познакоится с работами выдающихся русских мыслителей, пытавшихся ответить на важнейший для них вопрос — куда пойдет Россия?

Книжная полка «ЛУ»

ЧААДАЕВ П. Я. Цена веков (Ввод. глава, сост. Б. Н. Тарасова) — (Б-ка «Дороги человеческой мысли») — М., «Молодая гвардия», 1991.

В новое издание творческого наследия одного из наиболее ярких и оригинальных русских мыслителей XIX века П. Я. Чаадаева отобраны только те произведения, в которых наиболее полно и отчетливо выразились его собственно философско-исторические взгляды, размышления о «цене веков», о фундаментальном значении основополагающих традиций в жизни и судьбе разных цивилизаций и народов. Это не только популярные «Философические письма» или «Апология сумасшедшего», но и до недавнего времени недостаточно известные статьи «Несколько слов о польском вопросе», «О зодчестве», «Отрывок из исторического рассуждения о России», «Воскресная беседа сельского священника Пермской губернии, села Новых Рудников», «1851», а также письма к Ф. И. Тютчеву, Ю. Ф. Самарину, М. П. Погодину, А. И. Тургеневу, А. де Сиркуру и иным адресатам.

Другая отличительная черта сборника заключается в том, что мысли Чаадаева о различных сторонах русской и западной культуры сопровождаются многочисленными иллюстрациями. Православные и католические храмы, греческие скульптуры и египетские пирамиды, исламские мечети и языческие идолы, иконопись и живопись, бытовые сцены и природные ландшафты не только придают весомую зримость и дополнительный объем противоречивым представлениям Чаадаева о развитии мировой истории и ее развороте в

пределах России и Европы, но и своей незаидеологизированной предметностью вступают с ними в свободный спор.

Широкая и многообразная палитра диалогических откликов на неоднозначные идеи Чаадаева и их метаморфозы — еще одна примечательная особенность настоящего издания, в котором печатаются не только ответы его корреспондентов, но и всесторонне освещено так называемое «телескопское эхо», т. е. самая непосредственная и разноречивая реакция современников (А. С. Пушкин, А. С. Хомяков, Е. А. Баратынский, П. В. Киреевский, А. И. Герцен, П. А. Вяземский, А. Н. Карамзин, В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский) на публикацию в октябре 1836 года в журнале «Телескоп» первого философического письма. Более того, в соответствующих местах сборника приведены многочисленные высказывания В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, П. В. Флоренского, В. В. Розанова и др., чья собственная мысль протекала в границах историко-софской проблематики Чаадаева, возбуждаясь его идеями, соглашаясь с ними или вступая в принципиальную полемику.

Диалог, возникающий на страницах необычной книги, звучит как нельзя более актуально, ибо позволяет читателю на новых поворотах истории пристальнее взглянуть в ее неизбывные противоречия и разнородные начала, рассмотреть их, говоря словами Гоголя, «многосторонним взглядом старца», чтобы мудро оценить современное положение вещей и не блуждать по скользким путям в невнятное будущее.

ПИСЬМА ИЗ СОЛОВЕЦКОГО ЛАГЕРЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Находясь в ссылке и в лагерях, священник Павел Флоренский, «не снявший с себя сана», как отмечалось во всех следственных документах, систематически — насколько позволял режим — посылал письма семье; значительная часть их сохранилась благодаря подвижничеству его жены Анны Михайловны Флоренской. Из Соловецкого лагеря в разные периоды разрешали писать от одного до четырех писем в месяц. Их сдавали незапечатанными, а на клапане писали фамилию корреспондента и обозначение письма: Основное («Осн») или дополнительное («Доп»), № 1, 2 или 3 — в зависимости от обстоятельств, в том числе и от трудовых успехов заключенных, поэтому быть «ударником» значило иметь право на дополнительные письма. Помимо официальной нумерации, П. А. Флоренский вел собственную, сквозную, что позволяет судить об объеме написанных и о полноте сохранившихся писем. Последнее известное письмо помечено № 103 (от 18—19 июня 1937 г.).

Письма адресовались жене — в б. Сергиев Посад и матери — в Москву, но обычно предназначались нескольким близким, как правило, детям. (Об адресатах смотри в именном указателе.) Поэтому каждое письмо распадается на несколько самостоятельных, и текст (обычно двойная страница из тетради) П. А. Флоренский писал каждому адресату с двух сторон листа в виде полосочки, и каждое письмо можно было отделить. Для экономии места П. А. Флоренский не делал абзацев, а ставил большие тире. Писал мелким почерком — обычно чертовым перышком, присыпать которые просил в письмах. Целое письмо нередко составляет десяток машинописных страниц. Написанное подвергалось двойной цензуре. Во-первых, П. А. Флоренский не хотел печалить близких, и лишь изредка в обращении к матери прорываются трагические ноты, а во-вторых, письма перлюстрировались чекистами: приходилось учитывать и этого читателя.

Главной задачей издания мы считаем точное — по автографам — воспроизведение текстов писем. В соответствии с установившейся традицией публикации трудов П. А. Флоренского, авторская пунктуация и орфография сохранены, сохранены сокращения слов. В конце концов можно оставить за автором многих трудов по филологии право ставить знаки препинания по-своему.

Среди особенностей авторской пунктуации и орфографии, которые мы принципиально сохраняем, обратим внимание на приставки типа раз- и без-. Различие их написания через с или з было введено после революции и вызвало особенное неудовольствие. По словам Елены Митрофановны Григоренко, бывшей, как и отец Павел, духовным чадом епископа Антония Флоренсова, это неудовольствие было усилено тем, что приставка бес- воспринималась как слово. Получалось, например, бес смертный или бес сильный. Так что написание буквы — з — своего рода протест.

Конечно, полный научный библиографический и биографический комментарий — дело будущего. Мы кратко расскажем об адресатах и близких, там, где это возможно, раскроем спрятанные за инициалами или намеками имена современников. В письмах мало говорится о родственниках П. А. Флоренского, о них можно подробнее прочитать в книге: Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогическое исследование. Из соловецких писем. Завещание. М., Московский рабочий, 1992, 560 с.

В 1966–1977 годах мы с Алкаеном Альбертовичем Санчесом, тогда преподавателем Института восточных языков МГУ, по разрешению А. М. Флоренской приступили к разборке и перепечатке писем; эта работа еще не завершена, хотя и подготовлен значительный объем. Начата публикация писем целиком – кроме того, публикуются тематические подборки отрывков из его писем, которые наполняют также биографические и исследовательские статьи, нередко являясь основным источником.

Настоящая публикация содержит семь писем Флоренского, охватывающих период с мая по июль 1936 года. Письма Флоренского были подготовлены к печати, когда я познакомился с Николаем Романовичем Литвиновым, сыном з/к Литвинова Романа Николаевича, «одного химика» в письмах П. А. Флоренского, – пожалуй, последнего близкого к нему человека. Письма Флоренского сопровождаются отрывками из писем Литвинова за те же дни.

Публикации отдельных писем:

П. А. Флоренский. Письма из Соловков. – Наше наследие, 1988, № 4, с. 114–129. Публикация из архива семьи Флоренских, М. С. Трубачевой, игумена Андроника (Трубачева), П. В. Флоренского и А. А. Санчеса; предисловие и примечания П. В. Флоренского.

(Публикация первой открытки от 1934.X.13); № 8 от 1935.I.22.II.4; № 8 а от 1935.I.24–25; без номера 1935.II.8; № 17 от 1935.IV.27–V.13; № 56 от 1936.IV.8–9; № 99 от 1937.V.11–13).

П. А. Флоренский. Письма из тюрем и лагерей (1933–1937). – Вестник РХД. № 152. Изд. YMCA-PRESS, Париж, 1988, с. 154–181.

(Дополнение к письмам из Богословских трудов № 23, изд. Московской Патриархии, 1982, с. 274–276.)

П. А. Флоренский. «... Не во сне ли я вижу все происходящее?» – Северные просторы, 1990, № 3, с. 19–22. Предисловие П. В. Флоренского. Публикация П. В. Флоренского и М. С. Трубачевой. Публикация последнего письма № 103 от 18–19 июня 1937 г.

Памяти о Павла Флоренского. – Север, № 9, 1990, с. 113–118. М. С. Трубачевой и П. В. Флоренского. Предисловие и комментарии П. В. Флоренского. Публикация письма № 59 от 23 марта 1936 г. Священник Павел Флоренский. Письма с Соловков. Публикация П. В. Флоренского и М. С. Трубачевой. Вступление и комментарии П. В. Флоренского. Вестник РХД № 160, с. 33–70. Изд. YMCA-PRESS, Paris, 1990. Публикация писем от 24.X.1934; 21–24.III.1936 (№ 54); 23–25.IV.1936 (№ 58); 20–21.III.1937 (№ 95); 4.VI.1937 (№ 101).

То же, с сохранением математических разделов писем: Сб.: Возвращение. Изд. «Советский писатель», М. 1991, с. 350–384. Публикация М. С. Трубачевой и П. В. Флоренского. Вступление и комментарий П. В. Флоренского.

Письма з/к Флоренского П. А. семье из концлагеря. – Знамя. 1991. № 7, с. 161–184. Вступление и комментарий П. В. Флоренского, публикация М. С. Трубачевой и П. В. Флоренского: письма от 5–6, 8.IX.1935 (№ 29); 15–16.IX.1935 (№ 30); 24–25.IX.1935 (№ 31); 24–25.IX.1935 (№ 32) и сообщения с/с за те же дни.

Подборка фрагментов писем из Соловков.

Флоренский П. А. О литературе. Вопросы литературы, 1988, № 1, с. 146–176. Публ. П. В. Флоренского, А. С., М. С. и С. З. Трубачевых, А. А. Санчеса и А. П. Мумрикова. Вступительная статья А. С. Трубачева и Н. К. Боневой.

В. И. Вернадский и семья Флоренских (материалы из архивов). – «Вопросы истории естествознания и техники». № 1, 1988, с. 80–98; № 2, 1988, с. 54–69. Подготовка писем к печати, предисловие и примечания П. В. и В. К. Флоренских.

Ближе к жизни и миру (П. А. Флоренский о культуре). – Советская культура, 1988, 3 ноября, № 132 (6544), с. 6. Публикация С. З., М. С. и А. С. Трубачевых и П. В. Флоренского. Предисловие С. З. Трубачева.

Переписка В. И. Вернадского и П. В. Флоренского. – «Новый мир», 1989,

№ 27 с. 194–203. Публикация, вступительная статья и примечания П. В. Флоренского.

Возвращенные имена. Павел Александрович Флоренский. 1989. «Северный комсомолец» (Молодежная газета, г. Архангельск). Печаталась как книга «Говори, история» в газете, с. 62–83. Начиная с № 18 (10450), 29.V.–5.V.– по № 24 (10456), 10.VI.–16.VI.

То же (с изменением). П. А. Флоренский. «В мире ничего не пропадает». – Наука и религия, 1989, № 2, с.56–58, публикация М. С. Трубачевой и П. В. Флоренского. Предисловие О. И. Генисаретского.

Письма П. А. Флоренского. – В сб.: П. А. Флоренский: философия, наука, техника. Ленинград, 1989, с.58–65.

Флоренский Павел: Под гениальностью я разумею. – «Северный комсомолец» (Молодежная газета, г. Архангельск), № 44 (528), 1990.X.27, с.11. Публикация П. В. Флоренского.

П. В. Флоренский. В. И. Вернадский и семья Флоренских 1930–1941 гг. Бюллетень комиссии по изучению научного наследия В. И. Вернадского. М., «Наука», 1993, с. 66–139.

То же сокращенный журнальный вариант. П. В. Флоренский. В. И. Вернадский и семья Флоренского. Письма П. А. Флоренского из ссылки. – «Новый журнал», The New Review № 186, Нью-Йорк, 1992, с. 226–261.

П.В.Флоренский

№ 60

Конверт:

г. Загорск (б. Сергиев)

Московской области.

Анне Михайловне Флоренской

Пионерская ул., д. 19

На клапане:

Флоренский Павел Александрович

Сп. 2, Осн.

Штемпель:

Рабоче-Островск АК ССР

23.5.36

Загорск 25.5.36

Рукой А. М. Флоренской

Получено 1936 г. 25 мая.

1936.V.8 Соловки № 60. Дорогая Аннуля, наступила сразу весна, снег в окрестностях Кремля стаял и почва, песчанистая, почти просохла. На командировках, т. е. по острову, снег, говорят, еще лежит, но вероятно и там скоро сойдет, кроме лесов, где он держится долго. На озерах лед где потемнел и черен, а где сошел. Авиационное сообщение прекратилось уже дня 3–4, навигации ждут с 15 мая. Т. о. мы отрезаны от мира, если не считать радио, но и волновая передача весной работает слабо. Ночная темнота длится очень короткое время. Поэтому северного сияния не видно, если оно и есть. Зато начался сезон других метеорологических явлений – миражей. По утрам на западе, от севера до юга, над морем бывают видны с удивительной отчетливостью крутые утесистые берега, покрытые снегом, фиорды и, будто, здания; последних я лично не видывал и сомневаюсь в действительности этого сообщения. Не знаю, отражение какого именно берега видно – м. б. Терского Белого моря, м. б. и более далеких в юго-западном, западном и сев-западном направлениях. Представляющееся зрелище так живо и четко, что трудно поверить его призрачности и только когда оно рассеется и видишь одно только море, то убеждаешься в миражном происхождении картин этих высоких северных берегов, – северных, потому что они осыпаны снегом. Никакой растительности на них не видно, голые безлюдные скалы заполярья. Миражи эти видны в 9–10 ч. утра; я наблюдал их напр. 6 и 7 мая. Как всегда в местностях с коротким летом, прозябание растительности на Соловках идет чрезвычайно быстро. Вот уже всюду побеги трав, растущие по часам. Примерно с неделю тому назад наблюдал я мошкарку – толкачиков, возле одной хижинки. На солнце совсем тепло, почти так же, как здесь бывает летом. Почему-то видятся яркие сны. 25 апреля очень живо видел

покойных Ек. Ив. Лис. и твоего брата Мишу, а как будто не было никакого повода вспомнить ни об одном из них, даже подсознательно. У меня было, впрочем, подозрение, что в папиросе, которую я выкурил, содержался гашиш; на дешевые папиросы идут отходы и крошка от более дорогих, а в некоторые сорта экспортных («Египетские») кладется гашиш; при плохом размешивании массы в одну папиросу могла попасть сплошь масса особого состава. Но тем не менее это не объясняет почему приснились именно упомянутые мною.

1936.V.14. Мне не хотелось заканчивать это письмо, не получив твоего, тем более, что за прекращением навигации этому письму все равно было бы суждено лежать на Соловках. Но от тебя письма так и не получил, а навигация начнется на днях. После теплых дней внезапно настало похолодание. Погода осенняя. Холодные северо-западные штормы, сбивающие с ног. Руки забнут в 5 мин., пока дойдешь до Кремля с баульчиком, содержащим хлеб, и с моей обычной палкой (хожу всюду с палкой вроде посоха). Этими штормами разбило лед на море и следовательно путь открыт. Вместо белой пелены на месте моря видны голубовато-серые, стальные поверхности воды. По Святому озеру бегут белые гребни. Неистово кричат чайки, то по гусиному, то по утиному, то по курячьи, то по индюшачьи, то по павлиньи. Кто-то мне говорил, или читал я, что у чаек нет своих собственных криков и что они подражают звукам, которых слышались. По-видимому это так. Природа тревожно-унылая. А я, что бы ни делал, думаю всегда о Вас и живу с Вами. Для тебя изготовлена деревянная коробочка на память, скромная, но сделанная тщательно. Однако не знаю, когда ты ее увидишь. V.16. Сегодня ночью пришел наконец первый пароход. Все находятся в ожидании писем, но пройдет еще время, пока их пропустит цензура. Ты интересовалась подробностями моей жизни. Могу сообщить, что последнее время значительно чаще стала появляться за столом рыба — не знаю только, свежая или мороженная. Это морской окунь, треска, раз была ряпушка. Морской окунь к окуню стоит вероятно в таком же отношении, как морской лев, корова, чорт, конек и т. д. к соответствующего наименования сухопутным. Это крупная, плоская, лещеобразная по форме и очень жирная рыба, почти без костей. Сильно прожаренная она приемлема, а при водянистости на мой вкус противна. Треска и в особенности ряпушка очень вкусны. Существующее у нас предубеждение против трески, якобы она неприятно пахнет, совсем неосновательно; вероятно оно возникло от пользования несвежей или плохого засола треской. Свежая же — вроде наваги, но с менее выраженным запахом моря. Мне стало теперь понятно пристрастие северян к треске, над которым смеялись у нас в Загорске. Попадается здесь также щука, налим и др. Целую тебя, дорогая Аннуля. Думаю, ты долго не получала моих писем, но теперь вероятно получишь сразу несколько.

Дорогой Кирилл, постоянно думаю о тебе, и в частности это выражается в собирании данных из попадающихся книг и природных явлений — данных, которые могут тебе пригодиться. Недавно заинтересовался в связи с генезисом углистых минералов одним минералогическим новообразованием, достопримечательным именно как новообразование. В свое время я занимался балхашитом, наиболее юным членом углистого семейства. А теперь наткнулся на другой минерал, родственный балхашиту, и представляющий, думается, первую стадию образования пирониссита или Папиерохле, как называют его немцы. Это похожая на размякший картон или слои бумаги корочка, лежащая на валунах по берегу Грязной Губы Б. Соловецкого острова на протяжении до 1 1/2 км по длине и шириною (пропуск цифры. — П.В.Ф.) Толщина корочки ок. 1,5 мм. Весьма гибкая и рвущаясь подобно слабому картону, бежевая (бледно-серо-коричневая) с одной стороны и грязновато-темно-зеленая с другой она так похожа на бумагу, что у меня был большой спор с химиками, которые уверяли, что это бумага (безсмыслица хотя бы потому, что некому складывать бумагу по пустынному берегу уединенного острова!). На

поверхности корочки видны листочки травы и водоросли, причем стебли входят в толщу корочки, местами выступая из нее; есть также стебельки с семенными корочками. Влажность корочки 12,8 %. После обработки в течение 5 час. 30 % NaOH и затем 3 суток 5 % NaOH корочка сильно набухла, до 2,5–3 мм и разлоилась на 3–4 слоя, из которых один был зеленый, прочие — светло-коричнево-серы. Зеленый слой набух сильно и стал особенно рыхлым, прочие меньше. При промывке водою слои отошли друг от друга и при легком трении разползли на тонкие нити длиной до 1 см., зеленый слой расчленился особ. легко, прочие — труднее. Внутри корочки обнаружилась раковинка. Масса издавала запах тины, скоро исчезнувший. Зеленый цвет, ставший после щелочи ярким, от солнечного света через 12 часов почти исчез, и все нити приняли зеленовато-буровато-серую окраску. Иодидного иода в корочке не содержится. Положительная реакция на целлюлозу (хлорцинкиод) и на белки (на нитратное ядро). При нагревании запах горелой целлюлозы и жареной рыбы. Азота (по Кьельдалю) 1,78 % на абсолютно сухое вещество, что соответствует 11,12 % белковообразных соединений на абс. сухое вещество, или 9,62 % на воздушно-сухое. Из всего этого явствует, что корочка — скопления нитчатых водорослей, подвергшихся некоторому преобразованию и скопившихся в несколько отдельных приемов. Генетическая связь ее с бумажным углем весьма вероятна (я видел его на плоскогорье Эйдель по Рейну в 1894 г.). Так связываются в конкретный ряд образования от водорослей до антрексолита, шунгитов, карбурана, тухолита и разных графитов. — В связи с мыслями о пространстве и времени я задумал сделать, как подготовительный материал сводку временно-пространственных характеристик различных явлений и объектов и вычертить по этим данным диаграммы для наглядного охвата всей картины конкретного расчленения пространства-времени в целом. Диаграммы в логарифмическ(ом) масштабе. Сюда входят: протяженность объектов и явлений, длительность их, скорость, численный состав, точность количественной оценки и др. Это — своего рода энциклопедия космоса, как временно-пространственного образования, но уплотненная до 6–7 листов — с текстом таблиц. Кроме своего вспомогательного значения, для ряда выводов, она может быть полезна и самостоятельно, в качестве наглядного пособия и ориентировочной справки. Я уверен, что имея такие диаграммы перед глазами, можно быстро обогатить учащегося большим запасом сведений и пониманием конкретного строения мира. Крепко целую тебя, дорогой. Пиши и сообщи о своих летних намерениях и о результатах зимней работы. Присылаю тебе 2 схематических рисунка строения водоросли Лам. Цлоустари. (Два цветных рисунка на ватмане — П. В. Ф.)

Дорогой Васюшка, с беспокойством и волнением ожидаю маленького, и особенно скверно, что именно теперь связь с материком нарушена. Кроме того все больны — моя мать, бабушка, мама, Оля, Мик — и ничем помочь не могу. Конечно, и будучи дома, я едва ли смог бы изменить состояние здоровья, но все же было бы не так тревожно. Поэтому стараюсь усиленно заниматься, для себя и для вас всех. В частности меня захватило желание сделать сводку всего, что есть (а есть очень немного), и это немного почти недоступно мне по местным условиям) по геохронологии. Решенных вопросов слишком мало; поэтому я собираю чужие и свои мысли не только по уже имеющимся данным, но, и пожалуй преимущественно, по возможной методике геохронологических определений. Вот, в частности, один из возможных путей, по-видимому, не проработанный: во многих местах имеются образования неоднородные, причем одна порода разрушается быстрее другой. В результате выветриваний и др. разрушительных процессов получается разность высот. Мы не можем определить в большинстве случаев, во сколько лет произошло данное разрушение, т. к. не знаем исходных мощностей или высот образования. Но измерив разность высот $h-h'$ что доступно, мы можем сказать $h-h'=(V-V')$ t, где V и V' — скорости разрушения той и другой породы. Если эти ско-

рости или хотя бы разность их известна по прямому наблюдению, то тогда время, протекшее от возникновения данного образования до момента наблюдения находится из равенства $t = \frac{\Delta p}{V - V'}$. Таковы напр. дайки, столбы, столовые горы и т. д. двух — или несколько — породные геологические образования. Скорости же V и V' могут быть найдены для данной породы и данных климатических условий путем наблюдения над могильными плитами, древними зданиями и т. д., вообще таким объектам, начальная дата разрушения которых известна. В свое время я подбирал литературу по такого рода данным. Все это пропало. Тебе следует заняться собиранием такого материала, который позволит многое уяснить. В литературе разбросаны подобные данные, и если бы их собрать, то можно было бы сделать выводы. Но попутно надо делать наблюдения и самому, это нетрудно. Стараюсь понемногу подбирать подобные данные, но здесь нет литературы, и их приходится выуживать случайно.

V.9. Дорогой Олень, так давно не получал от тебя известий, что даже не представляю, как ты живешь, чем занята, чем интересуешься. А из этого становится трудно писать и самому, ведь не следует же заполнять письма всем, что подвернется под перо. Хочется сказать что-нибудь интересное для тебя именно, а не вообще, в пространство. О том, как я живу, ты узнаешь из писем к маме и другим всем в нашем доме. Поэтому не стану повторяться. По мере возможности я перечитываю классиков, конечно, очень медленно, т. к. нет времени (да и классиков трудно добывать). Сейчас на очереди Мольер. Мне не хотелось брать его; и не до смеха и с детства у меня остался от него какой-то осадок. Теперь, при перечитывании через почти 4 десятка лет, убеждаюсь в верности детских своих впечатлений. Конечно, Мольер очень значителен. Но он непрозрачен и возбуждает смутное и неприятное чувство внутренней запутанности. Его комедии построены совсем не в духе французской мысли, всегда четкой и определенной. Поэтому концепция нецельна, типы двусмысленны — в значительной степени аллегоричны. Главное же, эти произведения морально мутны и никогда не поймешь, что же собственно хочет сказать автор и чем сам он живет. Немного как в ярмарочном Петрушке: Петрушка всех дубасит, но это остается просто голым фактом из хроники событий и не просвещено изнутри. Тут нет ни гибели от трагической вины, ни расплаты за комическую вину, а впечатление неловкости и досады, как когда попадешь на уличную перебранку или свалку пьяных, что не очищает нравственно и не веселит, даже не забавляет, несмотря на тонкость (у Мольера) работы в деталях. Но произведение не должно быть фотографией — ни в смысле материала (этим Мольер не страдает), ни в смысле моральном. Автор может изображать что угодно и как угодно, но над его изображением должно светить моральное лицо Творца, такового в произведениях Мольера нет — или я неспособен его видеть. Общая ситуация определяется внедрением буржуазии в аристократию. Аристократы Мольера сплошь негодяи, на разные лады пользующиеся тщеславием глупых буржуа и дурачащие этих последних. Но смешав с грязью аристократию, в конце концов пьесы, вопреки всему ходу ее, Мольер начинает проявлять свои симпатии к тем, которых он только что очернил, и своего рода удовлетворение, что буржуа одурачены. Что-нибудь одно. Можно было бы представить взаимоотношения сословий как трагическое, в котором обе стороны по своему правы, но не могут не столкнуться. Можно было бы стоять на стороне аристократии и вести борьбу против буржуазии — но тогда аристократия должна была бы быть представлена благородно. Можно было бы стать на сторону буржуазии и представить ее обманываемой, но не вследствие тщеславия и глупости, а по причине добродушия и неукосновенности в плутнях. У Мольера нет ни того, ни другого, ни третьего. Тогда требуется показать, кто же стоит над этими сословиями, заслуживающий уважения. Никто. Это только потасовка, только глупость одних и шулерство других, причем все оказывается в порядке вещей. V.12. 4 часа утра. Т. о., эти комедии можно назвать

занятыми, но отнюдь не веселыми; веселость несовместима с чувством недоумения и внутренней путаницы.— Прочитал роман Шишкова «Угрюм-река», из жизни сибирских золотопромышленников. Говорили о нем, как об интересном. Однако интересность его напоминает по характеру таковую же романов-приложений к мещанским романам: грубая, аляповатая работа с претензиями под Достоевского. Из действующих лиц один только черкес (душегуб и разбойник) внушает симпатии, остальные все дрянцо, каждый на свой лад. Герой романа Прохор Громов, долженствующий быть сильной личностью, самородком и русским Фордом, на самом деле неврастеник, спившийся до галлюцинаций, весьма плохо обоснованных. Герония, роковая женщина Анфиса, такова, что тошно думать о ней и увлечение ею совершенно непонятно. Приемы изложения у Шишкова заимствованы из киносеансов, равно как и сюжет киношки. Описания природы явно без знания сибирской природы, а когда автор пытается вдаться в технику, то говорит чепуху. Напр., в качестве сибирских драгоценностей упоминает колчедан (!) и янтарь (в Сибири не существующий). В общем же — бульварный роман, но притязаний на глубину и реализм. V.16. Сейчас прослушал аллегро Крейслера и D-dur-ный концерт Моцарта и получил некоторое освежение, несмотря на 70 % шумов в передаче. Вообще же передача такая скверная по качеству и пустая по содержанию, что музыки я не слушаю, м. б. неудачно попадаю в Красный уголок. От отсутствия же музыкальных впечатлений, или без природы, или ото всего вместе я чувствую себя заплесневевшим. К тому же — весна, да еще соловейская, а «весной я болен» и изсякают если не источники творчества, то способности их копировать (что значит копировать источник — спроси у Киры). Целую тебя, дорогая, будь здорова и весела. Как твои экзамены?

V.14—15. Дорогой Мик, сегодня пришел с обхода по командировкам один рабочий, который работает вместе со мною. Рассказывал, где какие лежат водоросли. Он три раза встретил оленей неподалеку от берега и подходил к ним шагов на 15—20. Одно стадо было в 6 голов. Олени лежали, но при подходе к ним вскопили на ноги и убежали. Мне хотелось бы посмотреть на оленей среди природы — очень этот зверь изящен и приятен. Тут на озерах лед сошел. В Соловках наблюдается замечательный процесс вскрытия озер. Только что озеро было покрыто льдом, который постоянно темнел. Но в несколько часов, после того, как лед разобьется на части, он исчезает, словно тонет, — хотя лед потонуть не может. Куда он девается — непонятно, так как растаять так быстро, да еще в ледяной воде, ему невозможно. Единственно, что приходится предположить — это распадение его на тонкие иглы, как вообще распадается речной и озерный лед на берегу, которые просто незаметны в воде, хотя и остаются в ней некоторое время. Исследовать это своеобразное явление мне не удалось. V.16. Здесь молодые люди, можно сказать все поголовно, заняты усиленным изучением языков, гл^{авным} образом немецкого и английского — ходят на уроки, упражняются в свободное время в коридоре, стараются разговаривать между собою или совместно усваивать параграфы учебника. Помнишь ли, я писал Вам о пластических массах из сфагнового мха, связанных отходами водорослевого производства. Массы эти предназначаются для тепловой и звуковой изоляции. По своим качествам, а именно по прочности, легкости и теплоизолирующей способности, они оказались очень удачными. Одному знакомому я дал несколько плиток, чтобы он сделал из них термос, для опыта. Этот термос хорошо бережет тепло, так что чайник с водою более 8 часов остается горячим. Попробуй и ты сделать термос. Тепловую изоляцию сделай из сфагнового мха между листами фанеры или картона, толщина ее должна быть около 3—5 см, чем толще, тем лучше. Дно и крышка должны быть также с торфяной набивкой. Корпус лучше всего согнуть из фанерного листа, а второй слой, если не удастся сделать из фанеры же, можно сделать из картона, или, лучше, из жести. Такой термос удобно держать в комнате, он может служить тумбочкой или столиком, а поверхность его можешь

как-нибудь украсить. Мамочке он будет очень кстати — держать для вас наготове горячий чай или обед, особенно если приходите домой не вовремя. Крепко целую тебя, дорогой Мик, береги свои глаза (приводятся рисунки-схемы термоса — П.В.Ф.).

Дорогая Тика, всегда скучаю по своей дорогой дочке, особенно же теперь, не получая известий о том, как она живет. Когда вижу или слышу что-нибудь занятное, думаю, хорошо было бы показать ей. Сегодня, например, мы шли в Кремль обедать и на дороге нашли огромную головку из кованого железа, как будто от гигантского гвоздя квадратного сечения, грубой кузнечной работы (приводятся рисунки — П.В.Ф.). Вероятно, эта работа весьма старинная, от какого-нибудь монастырского строения. Сторона квадратной шляпки не менее 15 см. Один из спутников, ленинградец, хотел блеснуть знанием текстов и замечает: «Это — гвоздь вопиющего в пустыне», — гвоздь вместо глас. Все очень смеялись. С каким нетерпением я жду, чтобы закончились твои занятия и экзамены, и ты могла бы отдохнуть и поправиться. Вероятно летом ты будешь не одна, наверно, придет Аня. Часто вспоминаю, как ты родилась, в столовой, у зеркала печки и какая была маленькой. Помнишь, ты боялась своего папы. Продолжаешь ли бояться теперь? Мик и Кира спорили, кого из них ты сестра. А теперь как? Спорят ли? Помнишь, как ты боялась леса? Я в детстве тоже боялся, хотя очень интересовался лесом, а особенно боялся эхо. Когда мой отец водил меня в Боржоме в одно место, над парком, которое называется Елизаветинское плоскогорье, откуда очень ясно слышно многократное эхо и начинал кричать, то я просил его перестать, так мне становилось страшно. Вообще, я очень боялся всяких новых для меня явлений, но они привлекали. Я чувствовал в них открытую дверь к тайнам природы и в каждом таком явлении видел затаенные ее силы и жизнь. Поэтому мне, потом, хотелось, чтобы и ты ощутила природу в ее глубине, как живую и таинственную. Попроси мамочку, Васю, Киру, Олю и Мика рассказывать тебе побольше обо всем, скажи им, пусть они это делают вместе взамен меня. Кланяйся бабушке, скажи ей, чтобы она была здорова; кланяйся С. И. и А. Ф. Слушается ли тебя твой Буська (теперь уже я знаю, что это он, а не она)? Пусть он ходит с тобою, когда идешь за город, чтобы тебе было смелее. Видишь ли ты бабу Олю? Снабжают ли яйцами тебя твои куры? Корми их рубленой и ошпаренной кипятком крапивой, такой корм им полезен. А если Буська будет гоняться за курами, то его надо хорошенько отхлестать прутиком, чтобы сразу отучить от такой охоты. Крепко целую тебя, дорогая Тика, очень поздно, пора кончать письмо, чтобы завтра отправить. У нас уже начались белые ночи, так что темно не бывает, а в 2—3 часа и совсем светло, несмотря на облачное небо. Еще раз крепко тебя целую. Поцелуй за меня мамочку.

ИЗ ПИСЬМА ЛИТВИНОВА Р. Н. ОТ 22.III.1936

⟨...⟩ Мне с каждым месяцем становится все труднее и труднее писать письма. В сущности, все существенное уже описано многократно, и возвращаться к нему не стоит. А нового ничего нет. Зима сменяется весной. Но это было всегда так. Перспективы на перену положения видны лучше на континенте, а тут ничего известного нет ⟨...⟩ Мои первоначальные оптимистические предположения теперь выщвели, и я не очень полагаю на возможность улучшения в частном порядке. Придется еще по-сидеть в нашей консерватории. В ней совсем не так плохо, как ты могла слышать от знакомых бывших соловчан. Во-первых, другие времена. Во-вторых, даже и раньше разные люди жили по-разному. Во всяком случае, мое существование в отношении жилья, работы, питания и свободы передвижения по острову можно назвать первоклассными. Климат тут чудесный; виды очаровательны, нигде нет таких необыкновенных полутонных красок на небе, как тут. Работа совсем замечательная. Приходится все время изобретать и изворачиваться. Совсем как Робинзон на своем

острове. Но у него не было промфинплана. А это очень воодушевляющее обстоятельство. Нет посуды, скажем, — открываем цех. Достаем глину, делаем гончарный круг и начинаем вертеть горшки особой формы. Пав. Алекс. большой любитель речи — регистрации через лагерный БРИЗ. Если БРИЗ доволен, он посылает ЦСе БРИЗ наш БК. А если и тот доволен, то заявка идет уже КОМ ПО дел ИЗОБ. Оттуда нам прислали авторские свидетельства, по разным применениям водораслевых продуктов. Здоровье мое в удовлетворительном состоянии, и даже в хорошем. <...> Газеты получаем довольно свежие, но читать их как-то не хочется. Книги — английский все перечитал, а русские получаешь случайно. Отчасти и некогда, а главным образом выбор так себе. Достанешь что-нибудь историческое — прочитаешь, а беллетристика — тристика. <...>

№ 61

Конверт:

г. Загорск (б. Сергиев)

Московской области

Анне Михайловне Флоренской

Пионерская ул., д.19

На клапане:

Флоренский Павел Александрович

Сп. 2, Доп. 2

Штемпеля:

Отправление:

Рабоче-Островск АК ССР

18.6.36

Получение:

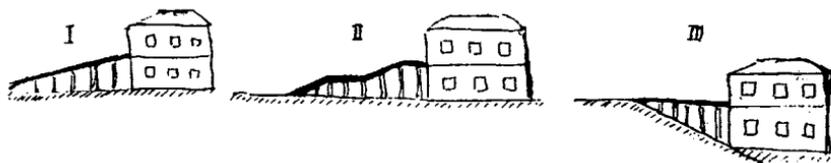
Загорск, Моск. обл.

21.6.36

Рукой А. М. Флоренской:

получили 1936 г. 21 июня

1936. V. 22. № 61. Соловки. Дорогая Аннуля, в этом письме хочу описать тебе путешествие по острову, совершенное мною 20 и 21, за 27 км от Кремля. Как видишь, б. Соловецкий остров настолько велик, что можно проходить по нему такие расстояния, но не по береговой линии, а по самому острову, на 23 км (4 по морю). Общее впечатление от острова — большой благоустроенности, которую трудно себе представить в Москве, если учитывать отдаленность острова у Полярного круга. Везде дороги, канальная система сообщения между озерами, плотины; время от времени командировки (бывшие скиты), часовни, разные служебные постройки — все добротное и солидное. В местных постройках обращают внимание подъезды ко вторым этажам зданий складского назначения. Насколько знаю, эти подъезды — северного изобретения, мне же пришлось их впервые видеть на Соловках. Вот три наблюдавшихся мною типа их:

На одной из командировок, где скотоводческая ферма, я сидел в ожидании пока кормили Геркулеса — коня, который вез груз. Передо мною на горизонте высилась г. н. Секирная гора; на самом деле конечно не гора, а холм — оконечность оза. Зазвонили в колокол. Выгнали бычков и телок. Все они — комбинация черной и белой масти, начиная от совсем белых до совсем черных, большинство пегие, все породистые. Площадь, окруженная постройками, чисто выметена. Все залито солнцем. Весна этого года солнечная, тепло, я хожу в рубашке, хотя про запас по местному климату на возу держу полушубок. — Поверхность острова неровная, вся в озах и моренах, между неровностями бесчисленные озера. В солнечную погоду темносини. То справа, то слева от дороги, а то и по обе стороны сразу, открываются новые озера. Иногда видна синяя же поверхность губы — губами называются глубокие, почти замкнутые бухты, похожие на озера, но

солёные. Весь остров представляет сплошь остатки ледника: валуны, валуны, валуны, без конца валуны всех размеров — из гранита, гнейса и др. кристаллических пород. Как будто сверху выбросили гигантское лукошко с картофелем и засыпали всю поверхность этими гигантскими картофелинами. Местами озы обнажены, и видишь, что они сложены валунами, пересыпанными песком, или же состоят из ледникового песка. Представь себе вал, тянущийся на километры и высотой 100 м, напр., состоящий из валунов и песку, поросший сверху лесом и травой. За ним другой вал, третий, и так без конца. Ледниковые образования под Москвою в виде редких валунов и ледникового песка и глины не производят впечатления убеждающего: все кажется, что ледниковое их происхождение м. б. есть выдумка. Тут же воочию видишь и ощущаешь, как отступающий ледник оставлял за собою приташенные им груды камней, и сомнений в их генезисе не возникает. Если бы был один оз и десятки валунов, то вероятно оставалось бы опять неубедительным, как именно они произошли. Но вместе взятые они поражают своею грандиозностью. Валунными засыпан и берег моря и самое море. Из воды торчат отдельные камни, местами виднеются луды, т. е. отдели из валунов и песка; некоторые обнажаются только во время отлива. Мы шли к северо-западному берегу. Достойно внимания, что именно эта часть острова покрыта хорошей растительностью, тогда как юго-восточная болотистая и представляет лесотундру, с чахлами лесными насаждениями. Там же, где были мы, стоят стройные высокие березы и высятся крупные ели, тем более замечательные, что рост деревьев здесь очень медленный, годичные слои тонки и требуются столетия, чтобы получилось толстое высокое дерево. В лесу лежал местами снег. Сильная растительность в северной части острова объясняется, как думают, теплым течением, входящим чрез горловину Белого моря. Считают это течение отрогом Гольфстрима (надо говорить Гольфстрим, а не Гольфштрем), хотя Шокальский и отрицает заход Гольфстрима в Белое море. — С берега на меня пахло детскими впечатлениями. Морской ветер, поверхность голубая, вдаль высится массивом о. Анзер. Берег низкий, далее первая терраса подымается лишь на 1—1½ м. На ней лес. Итти приходится у самой воды, точнее не итти, а прыгать с камня на камень, т. к. берег заболочен или просто мокр. Между камнями либо грязь от перепревших водорослей, либо песок. За полосой валунов идет полоса песка или болотца. Эта полоса сплошь покрыта баланами, т. е. обрывками от разбитых плотов или м. б. барок, выброшенными на берег. Соловки, можно сказать, живут этими баланами, и все-таки запасы их огромны. Видно, их наносит на берег течением. Некоторые участки берега, валуны, песок, грязь желто-ржавого или буро-ржавого цвета — покрыты пленкою окислов железа от источников, впадающих в море. Вот загадка. Безчисленные озера Соловков — ледникового происхождения. Прошло много тысяч лет, как вода из них стекает в море, а они не иссыкают, хотя и не получают видимых притоков. Чем питаются эти озера? Ведь почвенные воды Соловков, при песчаном составе грунта, должны были бы быть солёными, вода же в озерах не только пресная, но исключительно пресная, почти дистиллированная. — Над морем вьются и кричат птицы. Один из моих помощников по работе видел накануне нашего прихода крупного морского зайца на отмели, совсем близко. Говорят, их очень много там. В лесу еще сохранилась брусника, а по болотам — земляника. Проходя мимо, я набрал горсть брусничных ягод, они после морозов стали совсем вкусными, но набрать больше не было времени.

На песке разбросаны ракушки, однако очень однообразные, вроде беззубки (анодонта), но прочные, перламутровые внутри, а снаружи покрыты как бы коричнево-красным лаком. Когда он со временем слезает, то обнаруживается красивая сиреневая поверхность, очевидно окраска от пурпура древних, который добывался из раковин тех и применялся для окрашивания драгоценных тканей. — Изредка попадает панцирь морского рака, оранжево-красный. На песке многочисленные конусы,

вроде вулканических конусов с кратерами, высотой примерно до 7 см. Из этого кратера выходят, обвивая конус червеобразные образования, состоящие из песка. Конусы эти — жилища морских червей, а песочные образования — продукты их переваривания. Очевидно черви пропускают через себя песок, чтобы усвоить органические вещества, в нем содержащиеся. До сих пор я не написал о водорослях, хотя именно они и были целью путешествия. Надо было выяснить, каковы запасы анфельции, идущей на агар, в каком состоянии эта водоросль, как ее собирать и прочее. Вдоль всего берега простирается полоса выброшенных штормами водорослей. Это вал, местами в 50—70 см шириною, местами же распространенный на несколько метров. Вал представляет смесь различных водорослей, много фукусов разных видов (наши рабочие называют их «фокусами»), ламинарий и разных других. В этих водорослях запутана и анфельция, так что ее приходится выбирать отсюда. Работа эта не трудная, но кропотливая, и рабочие, которые посильнее и любят работать с налету, как они говорят «аккордно», ворчат, что это работа «бабская». В некоторых местах анфельция разбросана самостоятельно, отдельными кустиками. В то время как прочие водоросли выбрасываются штормами, анфельция выносятся приливом. В отлив ее надо брать, т. к. иначе при следующем приливе ее занесет песком, и тогда найти ее уже труднее да и от песка отряхать ее — лишняя работа. Есть место, где приливом многие годы наносило водоросли, которые тут же не перепревали. Там образовалась топкая жижа, пахнет сероводородом. Стекающие из подобных мест источники, наверное, иодиносны, но пока испытаний их не удалось провести. Красивое зрелище — эта полоса выбросов. Море голубое, а она разных тонов около коричнево-желтых, бурых, коричнево-зеленых, коричнево-фиолетовых, местами розовых и красных. Хорошему колористу была бы богатая тема передать эту гамму цветов. На командировках работают мои зимние помощники по работе. Я был приятно удивлен, увидев, что они усвоили себе то, что рассказывал им на лекциях. Из анфельций наварили себе кушаний, получился агаровый кисель на березовом соке, агаровое заливное с воблой, картошка с агаровым студнем. Эти кушания в плоских разложили на снегу. Я попробовал, зацепив ракушиной вместо ложки, понравилось, но сами кухари были довольны в особенности. Один объяснял: «как я услышал, что в других странах готовят кушанья на агаре, я подумал, почему же это мы не делаем, и целую ночь продумал, а утром изготовил». — Когда-то в детстве я мечтал увидеть приливы-отливы и северное сияние. Теперь видел и то и другое. Море отступает значительно, в тех местах, где я был, метров на 15. Но дно в этих местах мало занятое, так что особого впечатления эти приливы-отливы не делают.

Крепко целую тебя, дорогая Аннуля. Пишем от тебя все не получаю безпокоюсь, а кроме того не знаю и того, получаешь ли ты. Еще раз крепко целую тебя.

Дорогой Мик, в письме к маме, которое ты прочтешь, я написал уже все то, что мне казалось интересным тебе. Добавлю некоторые мелочи. На морском берегу лежит много водорослей фукусов. Засыхая, они темнеют и становятся чернобурыми. Но на многих из них замечаются белые крапинки, как бы пуговички покрывающие водоросль и красиво выделяющиеся на темном фоне. Разглядев эти пуговички, я убедился, что они — не крапинки, а мелкие ракушки, вероятно ракушечьи дети, укрепившиеся на водоросли с обеих сторон плоского ее слоевища (слоевищем, как ты вероятно знаешь, называется все тело водоросли). Присылаю тебе кусочек такой водоросли. Затем, на берегу валяется много беломорских губок. Они, однако, очень непрочны и легко растираются между пальцами. Не знаю, таковы ли они и в своем первоначальном состоянии, или стали такими, перепрев за время лежания на берегу. Однако, в Белом море водятся и более прочные губки, образцы я видел в здешнем музее. Если ты попадешь когда-нибудь на сфагновый торфяник, то постарайся найти там рослянку (мухоловку) и с помощью миллиметровой бумаги возьми заме-

ры между последовательными пучками корешков, как напр. это показано на рисунке. Эти расстояния указывают на величину годичного прироста торфяника, и собрать таких данных побольше было бы очень интересно. Есть еще способ измерения годичного прироста торфяников. Для этого находят болотную сосну, конечно маленькую, т. к. жаль срезать большую, и измеряют расстояние от поверхности мха до утолщения на стволе, где находится корневая шейка. Затем срезают сосну и сосчитывают число колец. Тогда можно сказать, что слой измеренной мощности вырос за столько лет, сколько насчитано годовых колец у сосны. Полезно оба способа измерения вести одновременно — для взаимного контроля. Конечно, измерения по тому и по другому способу надо вести многократно, напр. раз 20 на каждом болоте, только тогда средние из полученных результатов будут надежны. Для Псковской губ. нарастание торфяников составляет 1,4—1,7 см в год. Я сейчас стараюсь собрать возможно больше данных по измерению скорости различных природных процессов, как материал для датировки геологических образований. М. б. и сам ты придумаешь какие-нибудь новые, по растениям, животным или еще чему-нибудь. — Тике я писал о кедровых орехах. Сообщи тебе продолжение, которое Тике вероятно не интересно. На сибирском кедре вырастает от 30 до 150 шишек, которые весят 3—16, и даже до 50 кг. Выход орехов ок. 30 %, так что одно дерево дает 2,5 кг, но урожай бывает не каждый год, то считается, что дерево дает ежегодно 1,5 кг (только!). За день один человек может собрать ок. 53 кг орешков, а т. к. сезон сбора длится 12 дней, то за год собирает 640 кг, в среднем. С 1 га чистый сбор 125 кг, а общий сбор орешков 33 тысячи тонн. Но орешки содержат 36 % воды, подсыхая на воздухе они теряют в весе и тогда содержат 9,2 % воды. Пустышек 2 % по весу и 11 % по объему (объясни, почему эти числа различные). В орешке ядро по весу составляет 43 %, скорлупа 55 % (и до 58 %), пленка 2 %. Масла получается 59 % от веса ядра — из 8 кг орехов подсохших 3 кг масла. Сбор орехов происходит в сентябре, а цветение кедра — в июне. Кедровые деревья ты наверно видел с поезда, когда ехал в Сквородино, а можешь также посмотреть в академическом саду, если только они еще остались целы. — Я занимаюсь сейчас варкою агара из водоросли анфельция пликата. Был разработан процесс зимнего изготовления агара, с вымораживанием. Теперь надо придумать, как добывать агар летом, не имея холодильной машины. Не знаю, удастся ли, т. к. нигде за границей агар без вымораживания не получают. Т. е. получить его, конечно можно, но трудно добиться светлого цвета и трудно просушить, чтобы выпустить как товар. Когда какой-нибудь продукт получается в количестве нескольких граммов, то ряд трудностей и осложнений вовсе не возникает, но они обнаруживаются, как только переходим к десяткам килограммов; а наоборот, при десятках килограммов, когда придумано и устроено соответствующее оборудование, нередко устраняются затруднения, бывшие в лабораторном процессе. Обычно лабораторные работники плохо представляют эту существенную разницу между малым и большим масштабом добычи, но она приводит к новым задачам, нередко не только практически важным, но и теоретически интересным. Естественно испытателю необходимо знать их, т. к. процессы в природе можно сравнивать скорее с заводским производством громадных размеров, чем с лабораторным опытом. — Крепко целую тебя, дорогой Мик, не забывай своего папу.

Дорогая Тика, что же ты не пишешь мне? Скучаю и беспокоюсь. С нетерпением жду известия об окончании учебного года, чтобы ты отдохнула и поправилась. Здорова ли мамочка? Как здоровье бабушки? Кланяйся ей от меня. Напиши также про здоровье Мика и Оли. Когда ты станешь тетей? У нас тут с наступлением весны открылся сезон чаек. Они так привлекают к излюбленным местам, что не покидают их, несмотря на множество людей. Например пара чаек гнездившихся среди двора, на клумбе,

опять расположилась там же, хотя внутри ограды с клумбами толпится народ. Две чайки, муж и жена, повадились летать к одному окну в 3-м этаже. Они летали в прошлом году, а теперь снова принялись за то же. Сядет одна из них на подоконник, стучит клювом в окно, кричит, разевая клюв и требует еды. Получив кусок хлеба, требует еще, много раз. Затем улетает, и прилетает другая. И так каждый день. — Сегодня разговорился с одним коренным сибиряком о кедровых орехах. В Сибири, как ты, вероятно, знаешь, много кедров (кедрач — по-сибирски) и потому кедровые орешки употребляются во всех видах, как на Кавказе грецкие орехи. Когда приходят гости, первым делом им ставят миску с орехами, — чтобы не занимать разговорами. И гости и хозяйка принимаются за грызение, молчат и грызут, грызут и молчат. Поэтому в Сибири эти орешки называются «сибирскими разговорами». Но грызть надо умеючи — не попереk, как это делают приезжие (по сибирски «навозные» или «навозники», т. е. наведенные в Сибирь), а вдоль; тогда ядрышко целиком выскакивает прямо в рот. Сибирячки делают это с большим искусством и истребляют горы орешков. А навозникам подают к орешкам булавки, для выковыривания ядра. Навозники — это по большей части городские, переселенцы же крестьяне называются «самоходами». Местное население подразделяется на старожилков (просто русских), киржаков (русские старообрядцы) и гуранов (казаки). Местные бережно обходятся с кедром, влезают на него и осторожно сбивают шишки; приезжие напротив портят кедр, колотят по стволу или даже срубая дерево, и за это местные их очень осуждают. Из ядрышков делают масло. Вся семья усаживается грызть орехи, ядра которых собираются и прессуются, масло очень вкусное. Кедровый жмых называется забыл как, он вкусный и питательный. Крепко целую тебя, дорогая Тика, будь здорова и отдохни получше.

Дорогой Олень, весна кончается, т. е. астрономическая, а весна жизни здесь только начинается, 20-го мая я нашел в лесу цветущее волчье лыко (*Daphne mezereum*), калужницу у канав, а сегодня, 23-го, розовые бутончики гонобобеля, на болоте. Показалась трава, хотя в большинстве мест еще держится осень, засохшая. Похолодало. Царит какое-то уныние, и здешняя весна скорее похожа на осень, чем на весну. Только над водорослевыми выбросами множество мух заставляет думать о близости чего-то вроде лета. Морские впечатления переносят меня к детству. Море было мне самым близким и родным, и все, связанное с ним, казалось особенно желанным и заветным. Одно огорчало, что на Черном море нет островов. Многократно я спрашивал об этом родителей и, желая получить положительный ответ, повторял свой вопрос. (Впрочем, теперь я узнал, что острова на Черном море все-таки есть, хотя ничтожны и в небольшом числе.) Остров казался таинственным и полным смысла. Жить на острове, видеть приливы и отливы, собирать ракушки, морские звезды и водоросли — это было пределом желаний. При этом остров представлялся непременно небольшим, вроде кораллового рифа. Он должен был быть таким, чтобы с одного места можно было охватить разом всю береговую линию и ясно ощущать обособленность острова от материка. Мечтал плавать по морю. Во дворе у нас в Батуме, в доме Айвазова, стоял ящик, в котором мой отец производил испытания цемента и извести. Я влезал в этот ящик, брал палки вместо весел и видел себя плывущим по безбрежной глади океана. Выскакивали из воды летучие рыбки, в глубине виднелись кораллы и водоросли, а я плыл в упоении, забывая обо всем окружающем. Иногда сооружал из досок плот и плавал на нем, тут же по двору. Это, воображаемое, море сливалось с действительным, и все дары его, в Батуме, кстати сказать очень бедные, принимались с теплотою: обточенные кочерыжки кукурузы, обточенные палки, дощечки и пробки, рогатые орехи *Tara patans* (чилима — этого названия я не знал), медузы и разнообразные морская галька и гравий.

⟨ Письмо, вероятно, адресовано О. П. Флоренской в Москву. Лагерной цензурой номер его (на клапане): Сп. 2, доп. 3. 2/3 первого тетрадного листа вырезаны, вероятно тем, кому они предназначались. Конверт утерян. ⟩

Дорогая Наташа, письмо Ваше я получил, благодарю за сообщения о Васе, которые дали мне знать то, о чем другие не пишут, вероятно потому что сами не знают. Как мне хотелось бы помочь всем Вам, но увы помощь невозможна. Я не знаю, когда ожидается маленький; полагаю, что скоро. Однако, напишите точнее. Полагается просить об осторожности с собою в ожидании маленького. Однако припомню, как далекий как бы родственник, старик 80 лет Пекок, Готлиб Федорович, прислал мне письма, когда Анна ждала Васюшку, и убеждал остерегаться пожара и бешеных собак. Опасаюсь, не вышли бы мои просьба и советы в таком же роде, и потому молчу. Для Вас эти события — давно прошедшее, предыстория, для меня же — вчерашний день, и все бывшее тогда помнится с такой яркостью, как буквально было вчера. Даже больше, вчерашний день забывается, и мне трудно вспомнить, что я делал или говорил вчера, а тогдашнее живо в малейших подробностях. Васю, только что родившего представляю, как будто он сейчас предо мною в пеленках и тюфечке. Впрочем эти пеленки и тюфячок Вы тоже можете представить, т. к. наверное Анна передала их Вам для нового маленького. Будьте здоровы и бодры, жду известия, кланяюсь Вашим родителям и всему семейству.

1936.V.24. Соловки

Дорогой Васюшка, Наташа писала о твоих успехах, которым я весьма радуюсь. Но мне неизвестно, что же будет в дальнейшем с проделанной тобою работой, неужели она — только для архива, как и прежние? Если это предположение верно, то сделай из нее хотя бы извлечения в обобщающей работе небольшого размера и постарайся напечатать. В настоящее время за границей подымаются голоса против печатания работ вообще, ввиду их многочисленности. Предлагают, например, изготовлять лишь небольшое число копий для главных библиотек мира и по мере надобности снимать с этих копий фотокопии, печатать же лишь краткие рефераты. Если бы эта мера была осуществлена, то она повела бы к большим затруднениям, т. к. получение фотокопий затруднительно. А главное, это еще больше разобщило бы отдельные дисциплины. Но действительно, необходимо наряду с журналами выпускать достаточное количество оттисков каждой работы, чтобы частные лица могли приобретать себе не весь громоздкий и дорогой журнал, а лишь то, что им нужно не только просмолетреть, но также иметь у себя. Продолжаю размышлять о гранитах (конечно, без книг), и все яснее становится невозможность провести границу между ними и гнейсами, с одной стороны, и невозможность приписать гнейсам происхождение из расплава — с другой. Перечитываю книгу Вегенера — классическую по стройности аргументации и убедительную по существу, по крайней мере в основном. В своей сути теория Вегенера мне близка еще и потому, что подчеркивает поверхностный характер геологических явлений, в отличие от прежних геологических воззрений, представлявших его глубинным. (Ведь Колумбово яйцо Вегенера — в замене вертикальных перемещений горизонтальными.) Между тем, процессы в трехмерном мире должны быть двухмерными, т. е. поверхностными, и если бы было доказано существование процессов трехмерных по существу, то этим была бы доказана четырехмерность мира. Таким образом, по своим тенденциям Вегенер, хотя вероятно и не сознавая того, отвечает одной из основных установок общего естествознания. Мой интерес к изучению формы, как фактора природы, исходит из тех же основных начал, ибо форма определяется поверхностью, а на поверхности ⟨нрзб⟩. Кстати сказать, хотя и очень понемногу, я стараюсь

размышлять об измерении формы и по-видимому намечается некоторая общая методология морфометрии. Но пока еще я не успел проверить ее аналитически. Когда сделаю это, то напишу тебе. Сейчас же, хотя и пишу о всякой всячине, но на самом деле больше думаю о маленьком, о Наташе, обо всех жизненных отношениях и трудностях и о радостях, предстоящих тебе. Но что же говорить, а тем более писать об этом, когда ничем не можешь помочь. И мамочка вероятно мало чем может помочь, т. к. не сможет оставить детей, бабушку и дом. Видаешься ли с дядей Шурой? Поцелуй его за меня и скажи ему, что я часто его вспоминаю. Бываешь ли у бабушки? На твои вопросы об именах я уже писал несколько раз, но не знаю, дошли ли до тебя эти письма. Повторяться не хочется, буду надеяться, что дойдут, хотя и с опозданием. Целую тебя, дорогой Васюшка, будь здоров и не переутомляйся,— так и работа пойдет плодотворнее.

Дорогой Кирилл, м. б. тебе будет интересно узнать найденную мною по данным уже опубликованной формулу зависимости между коэффициентом искажения вертикальных угловых размеров при глазомерной оценке K и высотой h , в астрономическом смысле, т. е. угловою. Это:

$K=3,0815 \cdot 10^{-0,01434h}$. Параметры относятся к некоторым средним атмосферным условиям и, вообще говоря, могут несколько варьировать. Если предмет небольшой и находится на высоте h , протяжение же его по высоте есть h_2-h_1 (h_2 и h_1 высота его краев), то на глаз ты оценишь его размер (угловой, по кругу высоты), $a=K(h_2-h_1)$. Если же предмет значителен, то тогда необходимо последнее выражение проинтегрировать, что даст: $a=30,2859(10^{-0,01434h_1}-10^{-0,01434h_2})$

Эти формулы могут быть полезны при глазомерной съемке, при оценке высоты гор, скал и т. д., величины облаков и проч., т. к. глазомерная оценка может без поправки привести к существенным ошибкам. Так например размеры солнца и луны у горизонта оцениваются в 2,7 раза больше, чем при высоте этих объектов 65° . Именно в связи с ошибочностью глазомерных оценок происходит неудовлетворенность фотоснимками горных цепей: на снимке они оказываются ничтожными, тогда как на глаз были значительны. Точно так же условия высоты оцениваются на глаз крайне ошибочно, и необходима поправка, если хотят использовать результаты оценки для каких-либо выводов. Видишь ли ты когда-ниб. Вл. Ив. Я перечитываю его книгу по радиогеологии и мыслю в духе его построений.

Долго я дождался от вас писем и потому сам не писал, оставляя место для ответа. Теперь приходится писать крайне спешно, т. к. уже $4\frac{1}{2}$ часа, а до 8 надо сдать письмо. Целую тебя, дорогой, пиши. Не голодаешь ли ты? Об этом я часто думаю, но боюсь писать, т. к. все равно не могу помочь тебе. А что переутомляешься, так это я знаю.

№ 63.

Конверт:

г. Загорск (б. Сергиев)

Московской области.

Пионерская, 19.

Анне Михайловне Флоренской

На клапане:

Флоренский Павел Александрович.

Осн.

Штемпель:

Рабоче-Островск АК ССР

28.6.35.

Загорск Мос. обл.

2.7.36

1936.V.31. Соловки № 63.

Дорогая Аннуля, наконец-то получены письма от тебя № 16, 17, 18, Киры и открытка А. И. Сажусь писать тебе именно сегодня в связи с нашими домашними праздниками этих дней. Сегодня же утром в 3 часа я постарался закрепить для вас цвета зари, и, кажется, вышло довольно похоже. Присылаю эту зарисовку Тикульке. Краски неба — самое красивое, что есть на Соловках. Вчера вечером, возвращаясь из Кремля, я не мог отор-

ваться от изумительного богатства цветовых тонов на небе: пурпур, фиолетовые, сиреневые, розовые, оранжевые, золотистые, серые, багровые, голубые, зеленовато-голубые и белые цвета играли на небе, перерезанном длинными тонкими слоистыми облаками фиолетового тона. Причудливо изрезанная береговая линия моря, луды (отмели каменные), острова, бледная луна и пышное заходящее и почти не способное зайти солнце. Пышность Клод Лоррена, но богатство и разнообразие тонов гораздо больше, чем у него. Море индиговое. Тут часто к вечеру солнце дает снопы лучей, вырывающихся через облака на морскую поверхность, и снопов этих не 3–4, как у нас, а 15–16. Помнишь Рафаэлю «Видение Иезекииля»? Вот, такие же лучи, но числом их гораздо больше. Однако солнечно далеко не всегда. Белое море, наряду с Северным ледовитым (надо подразумевать морем, а не океаном, ибо оно не считается теперь океаном), как я узнал, характеризуется наибольшей облачностью в мире. VI.4–5. Соперничает с ними только Южный Ледовитый океан. Так напр., в восточной части Кольского полуострова средняя годовая облачность неба 8,8, а в ноябре и декабре 9,4. Это значит, что в среднем ежедневно чистого неба видно лишь 0,12 части (облачность — по десятибалльной системе), а зимою 0,06 части. Полная противоположность Д. В, где небо почти всегда безоблачно, зимою же — в особенности. Людям свойственно тщеславиться если не собою, то хотя бы внешними условиями, значит, я могу тщеславиться наибольшей облачностью под старость, наибольшей в мире древностью горных пород в Карелии (21 миллиард лет!), наибольшей молодостью Соловков (ледникового происхождения) — это тоже под старость, и наибольшей осадочностью местопребывания моего в детстве, Батума. Надо же находить себе утешение! Еще можно было бы отметить исключительную неустойчивость погоды в Соловках: меняется всегда, а за 2–3 часа происходят превращения, почти смешные. Вот, для примера: 25 мая была слышна первая кукушка, а я лично слышал ее 27-го мая. Дни стояли теплые, совсем весенние. 27-го же видел первую молнию, правда почти без грома и жиденькую. Кстаи сказать, в среднем гроза бывает здесь 4 раза в год. В этот же день я испытал удовольствие от первого комара, ужалившего меня в руку, когда я с засученными рукавами перемешивал агар. А 29–30 — шторм, холодный сев. ветер, выпал снег и 30-го все было бело, на дворе и даже в комнатах холодно. Потом пошли осенние дожди. 1-го июня — парит, 3-го молния и ливень, 3–4, в ночь, гроза с ливнем, потом туман. 4-го с утра непроницаемый туман, потом же просветлело, а затем снова дождь. И т. д. 3-го июня: мне запомнились два странных случая. Вхожу я в комнату. Вдруг в окне сверкает свет и раздается оглушительный удар, словно что-то взорвалось. Я подумал, не произошло ли чего с эл. лампой. Но оказалось, что совпали три самостоятельных события: мой вход в комнату, молния и падение, совершенно непонятное, фрамуги (верней форточки в ширину окна). И в этот же день, вхожу к себе в цех — слышу опять словно взрыв, резкий удар. Оказывается, упала с балки стропил крышка от ящика, давно там лежавшая спокойно; причина падения опять не ясна. Сегодня проходил ближайшим болотом. Распустились болотные лютики, незабудки, появились крупные бутоны морошки и гонобобеля. VI.5. Несколько дней тому назад я получил посылку. Нужно ли снова писать, как мне больно получать эти посылки, вместо того, чтобы Вы использовали их дома. Мои мысли и желания только с Вами, и если мне раньше хотелось что-нибудь получить, то — для Вас. Ты пишешь, что дети заняты своими делами, своими интересами и потому им не до писем. Что же делать, это естественно, и я не могу требовать иного. Любовь не требует всего. Грустно, но не за себя, а за них, потому что когда-нибудь впоследствии дети могут пожалеть об утраченном. Но в жизни мы так много утрачиваем того, о чем после приходится жалеть, что трудно возражать и против этой потери. Во всяком случае, помнят ли дети, или забывают, мое отношение к ним оттого не меняется. Ты пишешь о поездке Киры и намерении его взять с собою Мика. Вам конечно виднее, откуда я не мо-

гу усмотреть условий поездки. Однако, думаю, Мику было бы полезно поехать, набраться впечатлений, втянуться в работу вместо безцельной траты времени. Да и Кира с ним был бы благодарнее и осторожнее. Только хватит ли средств на поездку? Кира пишет, что их вообще мало-вато, а поручений дается много. Во всяком случае, я был бы доволен, если бы Мик с пользой провел лето и не стремился просто уходить из дому без цели и без присмотра. Относительно Оли и Тики тоже скажу, что было бы хорошо им проветриться. Но сможет ли Тика быть без тебя? Куда-нибудь их отправить, хотя бы на короткое время надо. Тебе, конечно, будет тоскливо и скучно одной, а ты поехать не можешь. Но что же делать, нельзя детей всегда держать взаперти. И потом, побыв вне дома, они научатся лучше ценить дом и семью.— О моем здоровье ты безпокоишься напрасно: я здоров вполне; насколько в мои годы можно быть крепким, я и крепок, вероятно значительно больше других. Мускульной же силы, как ты знаешь, у меня никогда не бывало, с детства, так что нечего удивляться, если ее нет и теперь.— Да, чтобы не забыть. Мику я предложил химическую загадку Лоренца. Вот разгадка ее: CaСаО , т. е. какао. Но сразу ему не говори, пусть догадается сам.— Ты писала о прогулке в Глинково. Мне было бы очень радостно узнать, что ты часто выходишь в природу и пользуешься летом. Это мне тем более хочется, что я сижу в четырех стенах и природы не вижу. Впрочем, один из моих знакомых ходит и все твердит: «Если жизнь и не прекрасна, то во всяком случае превосходна». По-видимому, этой формулой надо пользоваться чаще, чтобы было жить сносно. Я установил себе новый режим, отчасти и главным образом из-за непрерывного хода производства часов в $8-8\frac{1}{2}$ ложиться спать, когда это возможно при отсутствии какого-либо заседания или лекции, спать часов до 10, даже до 11 иногда, а затем вставать и работать со свежими силами часов до 5, затем снова спать до 8 час(ов) утра. Так меньше устаешь, в ночной (относительной) тиши (тоже относительной) можно несколько сосредоточиться на работе, наблюдать за производством водородсодержащих продуктов и время от времени взглянуть в окошко на небо, условно можно сказать на восход — здесь всю ночь восход. В это же время думаю о Вас и стерегу Ваш сон. На производстве, когда спускаюсь вниз в цех, перекинусь несколькими беглыми фразами с дежурным рабочим, ему тоже надо подбодриться в ночной работе. Рабочие по большей части молодые, им, понятно, одиночная работа ночью томительна. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, будь здорова, бодр и весела.

1936. VI. 5. Дорогой Кирилл, письмо твое получено. Задача, данная тебе В. И., очень интересна. Фигуры травления указывают, каков вектор скорости химической реакции, они представляют собою отрицательный кристалл. Само собою понятно, что процесс кристаллизации может изменяться в зависимости от среды кристаллизации; кристаллизация в известных условиях идет принудительно, так что изменяются элементы решетки, грани, ребра и углы. Поэтому и обратный процесс декристаллизации, разрушения кристалла, вообще говоря, не может быть независим от среды. Это в особенности относится к случаю среды и асимметрическим факторам воздействия. Пусть имеется среда, не содержащая в себе никакого признака асимметрии (предположение условное и внутренне противоречивое, ибо, как укажу ниже, этого быть не может). В отношении такой среды асимметрический фактор не мог бы проявить своей асимметричности, ибо нет достаточного основания, чтобы одно направление отличалось чем-нибудь от любого другого. Но стоит только асимметрическому фактору попасть в среду асимметрическую, все равно будет ли это асимметрия структуры целого (кристалл, решетка), молекул, атомов и т. д., как направление перестанет быть безразличным и асимметричность фактора скажется тем или иным явлением. В частности она м(ожет) сказаться различной скоростью реакций по различным направлениям. Припоминаю случай. Прихожу раз в редакцию «Тех. Энци.» и машинально просматриваю корректурные гранки: вижу, в статье Беркенгейма утверж-

дение, что энантиоморфные молекулы по всем химическим признакам вполне тождественны. Вступаю с ним в спор: как это м. б.? Если говорится о реакциях с симметрическими молекулами, то это условно верно, но в отношении асимметрических реакций с ними асимметрических не могут быть одинаково и независимо от правой или левой системы этих последних. После долгого спора Беркенгейм сдался, и статью успели исправить. — Химический потенциал, скорость реакции, свойства получающихся соединений не могут быть тождественны, если с некоторым асимметрическим фактором встречается среда, сама обладающая в том или другом отношении асимметрией, — разумею это свойство в общем смысле и в частности, считаю, что молекулы, хотя бы и симметричные сами по себе, попадая в кристаллическую сетку, уже перестают быть элементами симметрическими, как это в случае кальцита. И тогда реакции пойдут по разным направлениям с различными скоростями. Можно (в первом приближении сказать), что в твоих опытах фигуры травления — это отрицательные кристаллы (который мог бы получиться) гумата кальция, а он, гумат кальция, характеризуется своими скоростями роста граней, своими осями, углами и т. д. Ведь что такое травление? — Это есть образование мономолекулярных поверхностных кристаллов, которые затем диссоциируют (растворяются). Но растут эти кристаллы, повторяю, по своим законам, отличным от законов кристаллизации самого кальцита. Т. о. оси, углы, ребра, грани вообще говоря должны смещаться и лишь в частном случае могут совпадать с таковыми же исходного вещества. Пишу тебе все это оч(ень) приблизительно — нет ни места для точного изложения, ни времени для точных формулировок. Но суть дела, думаю, все-таки выражена. — В частности ты спрашиваешь, что делать для лучшего растворения образующейся пленки. Думаю, надо взять не гуминовую кислоту, а апокреновую (но не креновую). Эти вещества вообще близки друг к другу, но кальциевая соль апокреновой водорастворима, тогда как креновой и гуминовой — нет. О получении этих кислот, напр. из торфа, и о разделении их найдешь в курсах почвоведения, напр. см. литературу у Глинки. Другой путь к решению вопроса о гуматной пленке был бы в нахождении диспергирующего вещества для гумата кальция. Для подобных коллоидов диспергатором обычно служат щелочи или гидрат окиси аммония, но в дан. случае они неприменимы, т. к. могут парализовать процесс травления. Вероятно можно было бы найти диспергирующее средство без этого недостатка. Однако сомневаюсь, чтобы добавка хлор. натрия или подобных электролитов могла быть полезной, т. к. подобные электролиты вызывают коагуляцию гуматов и следов., уплотняют пленку их. Попробуй поискать данные о диспергаторах в коллоидн. химии Пескова, а также в трудах Свен Одена. В этом письме нет места, в следующем я напишу, почему отрицаю симметрию и что вытекает из этого отрицания. Пока же обращаю твое внимание на синтез асимметрических веществ в поляризован. свете (свет неба тоже поляризован!) и на замечательный факт ускоренного гниения органич. веществ в поляризован. свете (Е. У. Bryant, «Chem. und industric» [вероятно, «Chimie et industrie»] 42, 681, 1923), которым объясняют существующее поверье о легком загнивании мяса и рыбы, освещавшихся луною (свет поляризованный). Загнивание происходит в 12—14 часов, тогда как контрольные образцы остаются без изменения. — Целую тебя, дорогой. Я, по мере слабых здешних возможностей, готовлюсь к попутной работе по алабанию (экаиду) хотя далеко не уверен, что в наших условиях можно добиться успеха. Еще раз целую тебя.

ИЗ ПИСЬМА ЛИТВИНОВА Р. Н. ОТ 20.VI.1936

{...} Последние дни я много шатался, вернее плавал. Я имею так называемое право плавать, т. е. могу плавать на лодках и на моторной шхуне. Несколько дней тому назад я ходил на Кузовые острова. Они в 35 километрах от нас, ближе к берегу. Я поехал туда на разведку по водораслевой части. Выехали на нашей моторной и парусной шхуне. Это малень-

кое суденышко с командой в 5 человек и возможностью загрузить с полтора пуда груза. Дул попутный ветер. Мы вышли из гавани на моторе, подняли парус и понеслись. Ветер был сильный, волны большие, и суденышко кидало как щепку. Никто не знал, куда приставать. Наконец мы выскочили в пролив между двумя скалистыми островками, отдали якорь и, спустившись в шлюпку — вышли на берег. Берег — почти отвесная стена красноватого гранита. Слабые следы вели наверх. Мы поднялись туда — там было единственное жилье на всем архипелаге в 45 островов — домик из 4-ех комнат, где живет охрана. В этом домике мы переночевали, попили чаю и начали экскурсию с целью увидеть много ль есть выброшенных водорослей. Начали с того острова, на котором были, обошли кругом — версты четыре водорослей не было. Но зато нашли большую слюдяную жилу, в которой торчат пачками черная слюда. Может быть, ее можно будет со временем разрабатывать... На следующее утро пошли на другие острова. Переехали на лодке и пошли по самому большому. Нужно сказать, что никогда я не видел картины более угрюмой и более величественной. Сплошные гранитные скалы, первозданные породы, на которых уже миллионы лет нет почти никакой жизни. Горы довольно высокие — около 150 метров и круты. В некоторых низинных местах набралось немножко земли. Там растет тундровый лес. Густейший мох и на нем мелкие елки и скрученные в спираль березки. Все это карликовое, но страшно древнее. Много сухости и валежнику. На берегу пролива стоит давно покинутая изба, построенная неизвестно когда и неизвестно кем. Море прозрачное и голубое, довольно спокойное с подветренной стороны — а с наветренной — волны бьют в гранит, взлетают чайки белой пеной и рассыпаются и опять набегают и шумят. Со всех сторон острова и острова — целый лабиринт. Мелких, средних и больших, голых, полуодетых зеленой и совсем зеленых. На некоторых птичьи базары — целые тучи морских птиц прилетают и улетают и кричат своими дикими голосами. Они в основном белые — с черными иногда крыльями. Они в основном не спят (ночи тут нет), носятся над водой, плавают, и иногда не сообразишь, что белее на воде — птица или морская пена. В тундровом лесу, между извитых ветрами берез я шел с товарищем, и мне представилось, что со мной ты. Может быть, потому, что воздух пах свежей зеленью и весной и близкой водой. На нашем суденышке я почти замерз — хотя был одет тепло, потому что не хотелось лезть в каюту, вернее в кубрик, так было хорошо на море. Оттуда мы шли против сильного ветра, и когда мы вышли из-под прикрытия островов, поднялась настоящая морская волна — волна открытого моря. Нас швыряло и качало, и это было весело. На палубе ходить было трудно, а волны разбивались о нос судна брызгами на палубу и на нас. Потом из вод показался наш обманчивый Китез. Мы вошли в бухту, ошвартовались и пошли «домой» обедать и главное пить чай. С собой мы привезли образцы слюды, сильный аппетит, и не знаю — как называть склонность ко сну. Дня три спустя никак не мог отоспаться. Погода установилась жаркая, необычная здесь. Привыкши уже к прохладе, как-то странно себя чувствуешь. И как будто бы приятно, а с другой стороны утомительно. Почти нет ветра. Море неподвижное и опаловое. Массы облаков, а барометр идет вверх и вверх. На заводе что-то не ладится с перегонкой иода. Позтому ближайшие дни придется возиться на заводе, оставив более приятное занятие — возню с моторной шхуной. Мотористы из урока и думали воспользоваться непотребностью нового хозяина, но пока что я их держу в строгости, ибо потребность мотора в смазке, горючем и ремонте знаю слишком точно. Теперь я с грустью отправляю «пароход» в рейс, а сам сижу в сублимационной, где совершенно невозможно курить, так как комбинация табака с иодом — что-то ужасающее, вроде самого тяжелого наказания. Вообще, с точки зрения артериосклероза иодный завод должен дать зарядку на пару, другую лет. А вообще — скучность. И как-то не высыпашешься. Завтрак от 8 до 9, до 9 еще сбегашь на завод с утренним распоряжением. Раньше часу не ляжешь. Хотя раб. день кончится в 6 часов и после обеда можно

поспать, но чаще не успеваешь, особенно если есть неполадки. Самые блаженные дни, это когда куда-нибудь уйдешь или уплывешь. А то нормально вечером сбегаешь на мехзавод с заказами, ночью два сходаешь в цеха. Все оборудование, в сущности, придумано мною и построено из редкой драни. Вот и поглядываешь, не лопнет что-нибудь. Но пока что все работает ладно. Когда я пришел, 16 человек давали 30 кг иода, а теперь 12 дают 120 кг. Компания у нас хорошая, приятелей много, а друзей нет. Из письма от 23.VI.1936. Порядок жизни не меняется, живу и работаю и питаюсь все так же. О жилье я уже писал. Дом — памятник трех эпох: 16, 18 и 20 в. Как в английском романе, дом в старинном поместье, строенный многими поколениями и приобретший целостный характер и приятную индивидуальность. Но у нас 16 с 18 гармонирует. Но 20 никак. Таких архитекторов следовало бы не в Соловки посылать, а предавать высшей мере наказания. Живу в смысле работы и в смысле житейских удобств неплохо. Вероятно, на материке таких условий нет. Самое неприятное, что здесь бывает — невозможность передвигаться в пределах острова меня не касается. В кармане у меня лежит пропуск по всем островам и разрешение на плавание в пределах архипелага. В нашем распоряжении есть небольшая моторно-парусная шхуна японского рыболовного типа. В ней мы перевозим золу с участков, где мы пережигаем водоросли. Наши участки расположены по всем берегам основных островов и на отдельных островах. Приходится ездить на некоторые участки, что я делаю с удовольствием. Нужно сказать, что Соловецкие острова ледникового происхождения, а потому в основном состоят из валунов и гравия разных размеров. Если и есть известь, то привезенная монахами. Северный берег живописен и волнистее южного. Как ни странно, но климат там осязательно лучше и теплее. Это потому, что сюда заплывает язык Гольфштрема, как говорят старожилы. Растительность там настоящая и приличная. Крупные сосны, березовые роши и масса всякой зелени. К югу все это мельчает и портится. Сосна заменяется елью, появляются осины, становится больше тундровых участков, а местность становится гладкой. И все-таки всюду и везде озера. Очень красивые и очень пустынные. Штук 70 из них соединены перетоками и каналами, по которым может ходить и ходит небольшой пароходик и таскает баржу с грузами. Из этой же канальной системы вода поступает и в Б. Святое озеро, на берегу которого стоит кремль и оттуда на турбину электростанции. Все это сделано (кроме парохода и турбины) игуменом Филиппом, который по преданию был задушен Малютой Скуратовым, который в те времена занимал соответствующую должность. Но самое поразительное путешествие я совершил на нашем «Кавасаки» на Кузовые острова. Они лежат километрах в 35 от нас и примерно в 20 километрах от берега. Я поехал туда на разведку водорослей. Их там было мало, но пейзаж был ослепительным. Туда шли при попутном ветре: подняли парус и пустили мотор. И резали волны так, что пена шипела под носом и побрызгивала на палубу. Подошли к архипелагу. В нем 45 островов: больших, малых, средних. Это первичные гранитные породы, сплошная древняя скала, говорят самая древняя в мире. Геологи исчисляют возраст карельских гранитов в 30 000 000 лет. На островах есть один жилой дом, несколько брошенных избушек, и жило два стрелка из охраны, и на месяц пришли на карбасе из-под Архангельска 2 помора на тюлений промысел. И больше никого. Кое-где на островах зеленеют свернутые в спирали березки, хилые елки и мхи. На Вороньем острове, на вершине скалистого плато уйма цветов мороши, которая «у нас» растет исключительно на болотах. Мы обошли штуки 4 островов, и я был поражен чудесной красотой этой каменной пустыни, залитой морем, ветром и морской пены. Так в ушах и повторяется напев варяжского гостя. А картин таких еще не писано. В конце концов я нашел там сплундяную жилу, и туда поедет экскурсия геологов. Не знаю, может ли она быть с толком разрабатываема, но теперь мне почти жалко, что я сказал об этой находке. Если жила окажется путной, то может быть ее станут разрабатывать и испортят эту чудесную пустыню людьми, жильем и т. д.

Конверт
г. Загорск (б. Сергиев)
Московской области
Пионерская ул., д. 19
Анне Михайловне
Флоренской
На клапане:
Флоренский
Павел Александрович
Сп. I, Доп. I.

Штемпели:
Отправление: Рабоче-Островск
АК ССР 29.9.36
Получение: Загорск Мос. обл.
2.7.36

№ 64

Дорогой Мик, сейчас поздно, я устал и потому начну с наиболее пассивного занятия, перепишу отрывок из того, что я написал для тебя стихами.

XXI

Осенним вечером на грудь
Любил он к матери прильнуть,
И к ней, бывало, прислонясь
Прослушивал старинный сказ,
Как пращуров и дедов ряд
Был знатен, славен и богат,
Как наезжал китайский гость
Скупать таинственную кость,
Пушнину с золотом, меняя
На них пальмú или кинжал
И как бежал во тьме подчас,
Лишь о налете весть неслась.
Но предки менее влекли,
Чем духи неба и земли.
Оро внимал, всегда готов,
В своей душе их тайный зов.
Была ль то явь, или во сне?
Бежал холодный ток в спине,
Струился вихрем тонкий хлад.
Ответ давался наугад.
Оро и сам решить не мог,
Страданье ль больше, иль восторг.
Захлестывал надмирный вал.
В экстазе детский лоб пылал.
И тайной мира упоен,
Оро звучал ей в унисон,
Пронизан звуком. Так струна
Поет, смычком возбуждена.
И мир в торжественный хорал
Все голоса свои сливал.

XXII

Но не всегда восторга звук
Рвал грудь Оро. Ночной испуг
Был не слабее. Налетал
На душу страха грозный вал
И ужасов полночных рой.
Теснились призраки порой:
Олень проклятый — эркакár —,
Коварный, полный жгучих чар

Чулугди* об одной ноге
И злая птица гошэго.
Потом минувшие дела
Припоминались; мысль влекла
К былому, за шестнадцать лет,
Когда старик изрек обет:
«Родится если сын — духам
Его в служение отдам».
Клубами ширился туман,
Куда вступил тогда шаман.
И к рубежу проник миров,
Где трещина — бездонный ров,
Где духи-стражи, — дарышал, —
Как кость белы, тверды, как сталь —,
Несокрушимую рукой
Содержат души за рекой.
Там нгектар сонный, мертвых дол,
Томил Оро в плену и гнел.
О, как вещественность сладка,
Как страшна призраков рука!

XXIII

Гость полюбил. И стал вникать,
Чём развивала сына мать,
Как незатейливый вопрос
В уме ребенка пышно рос.
Мать: «Скажи, какой на свете
зверь
Без рук, без ног стучится в дверь?
Не знаешь? — Ветер то, один
Самодержавный господин,
Он рыщет всюду. Но без ног
Ни троп не зная, ни дорог».
Оро: — «Да, но отцовская стрела,
Летит, не требуя крыла...
Ужель ее быстрее нет?
А знаешь, ноно, верно свет
Быстрее ветров и стрелы
Вонзит конец своей иглы.
А Время? Ведь оно вперед
Разящих солнцестрел идет.
Но вот, быстрееший зверь опять:
Всех быстрых может перегнать
Мысль, безудержная, и вид
Того, что время лишь сулит,
Покажет четче нам, ясней,
Чем видим в полдень ярких
дней.
Бывает, словно дикий гусь,
Вперед я Времени помчусь
И мыслию живу в **потом**
Как в ныне близком иль в былом,
И даже будущего мгла
Ее сдержать бы не могла.
Искрит и плещет Мир в игре,
А я — как будто на горе
И с высоты холодной мог

* . чулугди — леший.

Увидеть время поперек». Умудрена годами мать: Умела сына не прервать, Своим молчанием остра. Серела, догорев дотла, Полуостывшая зола. Лишь стон тайги гудел вдали, Да звезды ясные цвели.

XXIV

Он мыслил образом. Вставал, Как лучезарный интеграл, Всей вещи в целом яркий лик: Одно мгновение — и возник. Звенит в груди призывный звук: Натянут туго звонкий лук. К полету просится, смела, Пернатокрылая стрела, Но путь воздушный ей закрыт. Она заряжена, дрожит. Вдруг сорвалась. Раздался гул, И луч серебряный сверкнул, К лазури брызнувший дугой. Так образ набухал тугой, Томил, ворочался и рос. По коже пробежал мороз, И мука мысли то в озноб, То в жар бросала юный лоб.

Во глубине, во тьме пещер — Бытья смесительный кратер. Вещественней самих вещей, Точится Вечности ручей. Но в подсознательной Ночи Томятся чистые ключи, — Непроницаемый шатер Над ними плотный мрак простер, Не допускает, чтоб родник На свет сознания проник. И вот, растет, растет напор. Надтреснут свод — сияй простор! И мысли вытекший кристалл Вдруг сформирован засверкал. Клубами ладона повит, В живом движенье умный вид, — Свет света, красота красот. Не знает тленья, но живет. И больше собственного Я Волнует бытие бытья.

Пока будет, дорогой. Подумай, как ответить на загадку, которой угощал знакомых знаменитый физик Лоренц: «Каковы свойства химического соединения CaO_2 ?» Часто думаю о тебе, наверное ты теперь уже подрос. Когда что-нибудь рассказывают мне, хочется, чтобы ты узнал о том же или посмотрел сам, но рассказы быстро забываются и сидя за письмом обычно не могу вспомнить. Вот, впрочем, недавно рассказывали мне, что на Зайчихах, или Заячьих островах, в начале мая было великое множество перелетной птицы. Лед с моря еще не сошел, но был в полыньях. Эти полыньи и самый ледяной покров казались словно посыпанными

перцем от уток, чаек и др. птиц, которые все ворковали и кричали, каждая по-своему. Знакомый говорил, что подобного «воркования» (как он выразился) он не слышал никогда в жизни. Целую тебя, дорогой. Не огорчай мамочку и заботься о Тике. Береги свои глаза, они тебе еще очень понадобятся. Еще раз целую.

Дорогой Олень, ты совсем забыл своего папу. Но папу еще ничего, а я боюсь, что ты, по своему обычаю, предаешься какому-нибудь одному увлечению, в шорах идешь к нему и не воспринимаешь окружающего. Это очень грустно и плохо, прежде всего для тебя самой. Мудрость жизни — в умении пользоваться прежде всего тем, что есть, и в правильной оценке каждого из явлений сравнительно с другими. В данном случае я имею в виду мамочку, братьев, Тику и других близких. Школа и все, с ней связанное, мимолетный эпизод в жизни. Товарищеская среда сегодня есть, а завтра рассеется и все забудут друг о друге. Так бывает всегда. И тогда можешь оказаться в пустоте. Ведь товарищеская среда потому перетягивает к себе все внимание, что товарищеские отношения в сущности безответственны, каждый отвечает сам за себя и каждый занят своими интересами. Поэтому в ней легко. Но эта легкость, есть легкость пустоты, а все подлинное требует усилия, работы и несет ответственность. Зато доставшееся с усилиями, действительно внутренне проработанное, остается на всю жизнь. Того, что может дать родной дом, не даст потом никто и ничто, но надо заработать это, надо самой быть внимательной к дому, а не жить в нем, как в гостинице. Может быть я ошибаюсь и преувеличиваю твое состояние, я был бы рад ошибиться. Но смотри сама, если в моих словах есть хоть частичное указание на неправильную оценку тобою окружающего, то потом ты будешь горько раскаиваться в ошибке, которой уже не исправишь.

Теперь о другом. Недавно прочел «Травяил» Э. Зола, «Труд». Раньше не приходилось читать это произведение. И был поражен, до чего оно слабо. Художественно это пустое место. Нет ни одного живого лица — все схемы отвлеченных понятий, как (в) средневековых «Моралитес», т. е. нравоучительных представлениях, где выступают вместо действующих лиц различные пороки и добродетели. Зола воображает, что он идет по стопам Бальзака. Но какое это глубокое самообольщение. У Бальзака все плотно, конкретно, человечно, построено. У Зола безплотные призраки, пустота, отвлеченные разсуждения. Он хочет быть близким к жизни, но никакой реальности у него не чувствуешь. Тщетно пытается он возместить пустоту образов подробными описаниями вещей и обстановки: эта инсценировка бутафорская, описания рассыпаются на отдельные, не образующие ничего целостного, признаки — описания Зола — это каталог, а не картина, даже не фотоснимок. И наконец идеология — наивная, без мудрости жизни, какие-то гимназические упражнения на социальные темы. Мне, пожалуй, даже любопытно было читать эту книгу, чтобы воочию убедиться, какой убогой пищей питались люди того времени и сколь мало они понимали жизнь и предвидели будущее.

По поводу Тютчева и отчасти Пушкина давно хотел отметить тебе один прием — версификации, сообщающий их стихам полнзвучность ритмики. Это именно постановка в начале стиха многосложных слов, преимущественно составных слов, в которых ударение первого слова слагающего ослабевает, и потому ударяемый слог становится слабым, но зато его ударение компенсируется долгою: «Но светла / Адмиралтейская игла», стих читается не так «Адмиралтейская игла», а так: «Адмиралтейская звезда» (так в тексте — П. В. Ф.).

VI.7. Сейчас, при виде зари, скользящей вдоль горизонта, мне звучит стих: «Спешит зря сменить другую», и думается: ведь это не Полтава и не Украина, а Псковская губ., если не Царское Село. А в Полтаве зря отнюдь не «спешит» сменить другую, между ними темная летняя ночь. Это один из немногих примеров неточности у Пушкина, вообще же он точен до научности и фактичен до мельчайшего штриха. У Пушкина было ис-

ключительное чувство реальности, и он, при всем полете творческой фантазии, никогда не порывал с конкретными впечатлениями реальности. Замечательны мелкие подробности и штрихи повествования и описания у Пушкина. Внимательный анализ всегда позволяет установить их фактичность. Один из таких примеров не отмечен в пушкинской литературе, это образ Трике. Казалось бы, он выдуман. Но Трике в самом деле существовал, и именно в Тамбове жила семья Трике, близкая к Левшиным (о Левшине в связи с Тамбовом Пушкин тоже упоминает), и фактическое доказательство этого хранилось у Ив. С., но к сожалению сгорело в пожаре. Даже фамилий и имен Пушкин не любил выдумывать, а брах их из жизни. Отсюда такая прочность его творений, насыщенных реальностью и полных жизни, несмотря (или вследствие, что точнее) фотографичности случайных обстоятельств, как у натуралистов. Зола гонится за реальностью с кодаком, — и ничего не улавливает. Пушкин идет, «куда влечет свободный ум», и всегда верен реальности, всегда ощущается его образ как плотный и полноценный. Пушкин и Гете, самые свободные в отношении внешней близости — и самые реальные из поэтов. Отсюда следует вывод: об ошибочности пассивного закрепления случайных подробностей, столь свойственного русской литературе вообще.

Крепко целую тебя, дорогая Оля, будь здорова и отдыхай. Кланяйся бабушке и Ан. Ф., кланяйся С. И., поцелуй мамочку.

Дорогая Тика, надеюсь, что пока это письмо дойдет до тебя, ты уже закончишь свои экзамены и освободишься от школьных обязанностей. Ходишь ли ты в лес? Выкапываешь ли для сада лесные растения? Присылаю тебе зарисовку зари, м. б. тебе она покажется интересной. Ведь тут заря не возникает, а лишь скользит по горизонту с северозападной части его к северо-восточной и не гаснет вовсе. Сегодня я сделал другую зарисовку зари ровно в полночь, но цвета такие нежные и своеобразные, что взять их моими грубыми карандашами удалось плохо. Впрочем, пришлось и эту зарисовку, в следующем письме. Как-то недавно мне рассказывали, как в Вятской области медведи едят малину (там очень ее много). Он обхватывает куст малины передними лапами, сжимает его в пук и сосет конец этого пучка. Меня раньше удивляло, как же медведь может есть малину, не собирает же он ее по яголке, но только теперь узнал, как это делается.

Здесь, в одиночестве, я часто возвращаюсь мыслию ко временам своего детства, и образы моих младших братьев и сестер сливаются с Вами. Особенно памятны Гося и Андрей. Андрей родился в 1899 г., когда я был в 8 классе гимназии, Гося 3—4 года раньше. Поэтому я нянчил их, особенно когда студентом приезжал на летние каникулы домой, водил гулять по лесным тропам, горам и зарослям, а больше, впрочем, не водил, а носил на руках. Гося заставляла меня рассказывать ей сказки, и я сочинял их часами. Собирали растения, ягоды. Почему-то особенно запомнилось мне, как я тащил в Сураме Андрея по крутой ложбинке в гору за черничкой. У меня в руках была большая корзина с ручкой и Андрей. Лезть приходилось продираясь сквозь заросли и подтягиваясь руками за кусты. Все склоны Сурамских гор покрыты черничкой — но не северной черничкой, растущей мелкими кустиками, а крупными кустами, на переходе к настоящим деревьям. На более удобном месте я спускал с рук Андрея, ставил корзину на ветки и принимался за сбор черничной ягоды. Самым трудным было возвращение домой, т. к. корзина была полна, а Андрей раскисал от жары и подъема, хотя и не подымался собственными ногами. А раньше, когда я был значительно моложе и мы обычно ездили в Коджоры, по несколько раз в день я бегал в парк по грибы. Парк был небольшой, но мне казался таинственным и жутким. Почему-то я никак не мог освоиться с его расположением, а м. б. и не хотел портить себе чувство безпредельного таинственного пространства. Но каждый раз я входил в этот парк, как в заповедный девственный лес и, найдя несколько грибов, спешил убежать с замиранием сердца. Особенно занимали ме-

ня заросли папоротников, легких, сырых, с их особым таинственным запахом. Свои грибы я чистил и тут же жарил — либо прямо на плите, шляпкою вниз и насыпав щепотку соли на внутреннюю сторону гриба, либо на сковородке, с маслом. Мне казалось, что грибы все недожарены и что недожаренными грибами отравишься; а кроме того на Кавказе грибы своеобразны и ими действительно часто отравляются. Поэтому я переставал свои грибы почти до сухости и ел, одновременно с наслаждением и со страхом. У тети Лизы, где было много фруктов, я принимал меры против заболевания (мне было 7 лет и я почти всегда, как потом Васюшка, ходил с разстроенным желудком): принимал впрок изрядную дозу мятных капель. Вообще, с тех пор, как помню себя, т. е. чуть не с 1 года, я привык возиться с душистыми и лекарственными веществами, с ядовитыми растениями, с различными химическими соединениями, и удивительно, как со мною ни разу не случилось какой-либо беды, несмотря на опасность моих опытов. Вероятно это объясняется большой привычкой с детства обращаться со всякими веществами и моею осторожностью. Крепко целую тебя, дорогая Тика. Кланяюсь твоему Буське.

Конверт:
Москва
Угол Долгого пер.
и Новоконюшенной ул., д. 12. кв. 7
Ольге Павловне Флоренской
На клапане:
Флоренский Павел Александрович
Сп. I. Доп. 2

Штемпеля:
Отправление Рабоче-
Островск АК ССР 14.7.36
Получение: Москва 121,
Фрунзенская 16.7.36

1936.VI.24. Соловки № 65. Дорогая мамочка, как давно не получаю от тебя известий. Правда, Анна писала мне, что была у тебя, но о тебе толком ничего не сообщает. Вполне ли оправилась ты? Мне очень хотелось бы, чтобы ты пожила летом в Посаде, если только сможешь доехать. Но вероятно в настоящее время это стало легче, чем неск(олько) лет тому назад, и эл(ектрическая) ж(елезная) д(орога). Не слишком перегружена. Рассчитываю, что маленький тоже будет дома, так что вы соберетесь все вместе. И Анне будет спокойнее, а это необходимо, т. к. дети вероятно разъедутся в разные стороны, особенно мальчики. Тут лето пролетает с чрезвычайной быстротою, все природные процессы словно спешат воспользоваться коротким временем тепла и света, при каждом, впрочем редком для меня, выходе в природу, находишь все совсем измененным. Лично я лета почти не вижу, хотя в этом году оно до последнего времени (до 24) было совсем несоловцевским, даже теплым, и лишь сегодня похолодало. У нас здесь нес(колько) раз можно было даже видеть молнию и слышать некоторое слабое подобие грома, что представляет на Соловках редкое явление. Несколько дней тому назад я вернулся из небольшой по общечеловеческим и большой по соловцевским масштабам экспедиции: прошел-проехал с нашей, южной части Б. Соловецкого о-ва по восточной его стороне на северный берег и вернулся по западной обратно, так что составил себе некоторое поверхностное впечатление о геол. строении всей нашей земли. В сев. части рельеф выражен резче, чем в южной. Дорога идет упругими волнами, словно слегка растревоженная поверхность океана, а на севере — многочисленные каменные гряды, т. н. озы, ледникового происхождения. Хотя к ледниковым наносам я и не питаю склонности, но они здесь представлены так ярко и, для ледниковых образований, так величественно, что вызывают чувство удовлетворения. Пейзаж здесь очень красивый — клад для художника. Безчисленные озера, на солнце индиговых тонов, зелень, которая все покрывает и свежа, как нигде, море принимающее самые необыкновенные оттенки — розовый, пурпурный, индиговый, серовато-голубой, необыкновенные формы и цвета облаков и самое небо — все это вместе замечательно красиво. Однако, несмотря на насыщенность пейзажа красками, даже в солнечное, можно

сказать совсем не соловецкое, лето, он все же остается призрачным, словно сон или туманное воспоминание чего-то виденного ранее. Это акварельный пейзаж, и глядя на него никогда не получаешь чувства уверенности в действительном существовании воспринимаемого. Помнишь ли пейзажи раннего Нестерова? Вот, вроде них, но еще призрачнее. Трудно понять, отчего это так, ибо, повторяю, краски, пейзаж, особенно в этом году, никак нельзя назвать слабыми. Цветы здешние пахнут тонко и приятно, но слабо. На северном побережье я нашел несколько растений новых для себя, но за неимением определителя не мог установить их названий. На прибрежных болотцах северной части острова я нашел, между прочим, заросли примул с весьма нежным и приятным ароматом. Этого вида примул я раньше никогда не видывал и, в частности, не находил его в южной части острова. Мне хочется думать, что это новый вид, но конечно пока еще это преждевременно высказывать. Образец присылаю, передай его Анне при случае. На всякий случай я заранее, для себя, назвал этот вид Примула Тхинатхинае примулой Тинатины, в честь Тики и юбилея Шота Руставели, справляемого в этом году. Возможно, впрочем, что эта примула уже известна и окрещена до меня. На командировках, где я побывал (командировками называются здесь наименьшие, территориально обособленные, административные единицы лагеря) и где заняты сбором водорослей и пережогом некоторых водорослей в золе для последующей добычи иода, я занимался сбором анфельции, из которой добываем агар-агар, с целью установить запасы этой водоросли и проверить правильность норм на сбор. Занятие сбора анфельции легкое и приятное — на берегу моря, под солнцем (когда оно имеется), при чириканьи морской птицы. Однако большое но составляют комары, которых видимо-невидимо и ужаления которых оставляют следы на несколько дней. Одно хорошо: говорят, малярийных комаров на Соловках нет, но без малярии эти существа отравляют все удовольствие сбора. Попутно со сбором анфельции я собирал и другие водоросли, более редкие, имея в виду прощупать их и установить степень их интересности технической. В настоящее время именно этим и занимаюсь. По своей работе и по т. н. общественной нагрузке (лекции, уроки и т. п.) мне приходится иметь дело с молодежью, в возрасте от Кириного, примерно, до Васиного и постарше. Молодежь эта во всех отношениях самая разнообразная. Отношения с нею неплохие. Память о собственных детях способствует поддержанию этих отношений, впрочем однако на соответственной дистанции. — Понемногу занимаюсь математическими вопросами; для более серьезных занятий нет ни времени, ни, главное, нужной литературы, а выдумывать все из головы — труд слишком малопродуктивный. С более развитыми рабочими Иодрома, где я работаю, т. е. прошедшими 8-летний курс или техникум, или несколько курсов высшего учебного заведения, организовал физический кружок, цель которого — научить пользоваться имеющимися, но мертвыми, сведениями по физике, математике и, отчасти, химии, освоить их и несколько восполнить и углубить. Таким образом суммою различных работ и занятий заполняется все время, не только день, но большая часть ночи. Стараюсь после обеда, т. е. часов с 2 поспать, чтобы ночью работать свежим. Вот, дорогая мамочка, кажется и весь отчет о моей жизни, сказать как будто больше нечего, разве что упомянуть о предполагаемой на ближайших днях геологической экспедиции на один из мелких архипелагов Белого моря. Мыслями же я всегда с Вами, хотя к сожалению знаю о Вашей жизни недостаточно и должен восполнить недостающее фантазией. Конечно, не могу не беспокоиться — и вообще и болезнями всех вас в частности. Если жизненные тяготы и болезни заставляют задумываться и при непосредственном знании их, то на расстоянии они кажутся еще более волнующими, точнее — не кажутся, а действительно таковы, поскольку мелочи не заслоняют главного. Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Целую Люсю и Шуру. Напиши привет Андрею и Лиле с их семьями. Еще раз целую. Кланяйся тете.

1936. VI.24—25. Соловки. Дорогой Васюшка, от мамочки я получил известие о рождении маленького. Надеюсь, что здоровье Наташи и его неплохо, однако хотел бы узнать об этом точно. Мне хотелось бы также, чтобы маленький прожил хотя бы лето дома, т. е. в Посаде, тем более, что там хороший воздух и ближе к природе. К сожалению, я не знаю, что есть у меня, и потому не могу ничего подарить ему. Но ты сам выбери, что найдешь подходящим и полари от меня. Тебе же надо воспользоваться летним солнцем и хорошенько отдохнуть к зиме, а также предаться размышлениям, чтобы накопление знаний и опыта не было загромождением и обременением памяти, а действительно обогатило общее миропонимание. О судьбе твоих работ я так и не знаю. Главное, мне представляется необходимым фиксировать их, чтобы они не были нагромождением, которое легко выветривается, забывается и не оставляет прочных следов. Старайся по возможности подводить итоги составлением таблиц, схем, диаграмм,— это не только фиксирует, но и придает материалу легко обозреваемый вид, необходимый для сопоставлений и выводов. Кроме того подобная координация материалов и данных служит хорошим пособием для преподавания, даже если схемами и прочим не пользоваться как непосредственно показываемым пособием,— т. к. мысль и изложение приобретают достаточную четкость. У нас в стране и раньше и теперь мало кто умел излагать четко, а этому между тем учиться особенно важно. Сейчас, напр., читаю «Пегматиты» Ферсмана и нахожу, что изложен материал на редкость тяжеловесно, неоформленно и неусвояемо: типично — немецкое изложение, с которым надо всячески бороться. Вернадский, несмотря на свои французские симпатии, тоже излагает свой драгоценный материал совсем не так, как следовало бы и как изложил бы его любой француз, даже на много голов ниже Вернадского. Должно быть живое чувство архитектуры произведения и его ритмики, а для этого нужна внутренняя ясность мысли. Среди различных работ я занимаюсь, правда очень медленно чуть двигаясь вперед, проблеме морфометрии. Наметил один путь, кажется он должен дать хорошие результаты, но для него необходима большая предварительная проработка ряда математических вопросов. К этой проработке я подбираюсь, пока же вывожу ряд формул. К сожалению, намеченный мною путь аналитически сложен и представляет математические трудности, в возможность преодоления которых при наличии весьма скудных, почти детских пособий и отсутствии других, хотя бы скудных, я далеко не уверен. Однако, выводимые мною формулы вероятно будут полезны и сами по себе, если бы и не удалось изпользовать их по прямому назначению.— В Полном собрании сочинений К. Ф. Рылеева (Academia, 1904, стр. 297, № 88) я нашел заметку «Об Острогжском». Острогжск, «ныне уезд. город Воронежской губ.», был главным городом Острогжского слободского полка. Он построен в 1652 г. и первоначально населен по указу царя Алексея Мих. заднепровскими казаками, в числе 1000 человек, пришедшими с полковником своим Дзекжовским... и т. д.» Это сведение заинтересовало меня в связи с одной из могил в б. Гр. Серг. Давре, в которой погребен житель Острогжска,— по всем данным из числа потомков тех казаков.— На ближайших днях думаю проехать к выходам коренных первично метаморфических пород, м. б. найду что-нибудь интересное и полезное. Видимо там имеется выход пегматитовой жилы.— Постарайся воспользоваться летом и побольше побывать с мамочкой, бабушками, Олей и Тикой, чтобы наверстать опущенное за много лет. Кроме того побольше гуляй и вспоминая о своем папе. Когда мой отец приехал на один день в Посад, он был в восторге от видов и растительности, все твердил — «Это просто парк»,— а он видел много на своем веку. Крепко целую тебя, дорогой!

Дорогая Наташа, приветствую маленького и радуюсь его появлению. Надеюсь, Вы будете его растить в музыке, чтобы он пропитался насквозь ее ритмом. Я уже писал, что хотел бы слышать о Вашем нахождении летом в Посаде, и чем скорее — тем лучше,— чтобы не терять короткого те-

плого в наших широтах лета. Передайте мой привет Вашим родителям и прочим членам семьи.— Читая В. А. Бильбасова «Историю Екатерины Второй» (т. I, 1895, стр. 279), я сделал заметку, которая, может быть, заинтересует Вас. Бильбасов рассказывает, что 17 июня 1745 г. Вел. Кн. Петр Федорович был объявлен совершеннолетним и вступил в управление Голштинским герцогством. В 1746 г. был образован при П. Ф. особый Совет для управления Голштинией. Секретарями Совета были назначены ф. Брэмзен и Цейс. Сообщая Вам это сведение, т. к. исторические мелочи нельзя собрать сразу, они накаплиются, для образования цельной картины, годами и с большим трудом. Советую и Вам копить их, записывая на лоскутах или в общую тетрадь, но тогда под номерами, чтобы можно было после составить указатель имен и предметов. Теперь, после рождения сына, на Вас эта обязанность культурного накопления ложится уже со всею тяжестью. Но Вы молоды и, надеюсь, энергичны. Поэтому не раскисайте и не откладывайте на завтра то, что можно и должно сделать сегодня. А именно записывайте, то что прочтете по истории из необходимого, чтобы установить свое (в лице своего рода) место в историческом прошлом, запрашивайте, выжимайте сведения из кого можно,— да, выжимайте, ибо, как Пушкин сказал с горечью «мы нелюбопытны», а нелюбопытство к своему прошлому есть порок. Мы же, к сожалению, не только не любопытны, но всегда стараемся забыть о прошлом и потому не научаемся в настоящем и повторяем ошибки прошлого.— Живя в Посаде, надеюсь, Вы будете играть, это полезно (не — пропущено — П. В. Ф.) только для Вас, но и для всех, особенно же для малыша. Всего хорошего, поправляйтесь и радуйтесь.

П. Флоренский.

Конверт:
г. Загорск (б. Сергиев)
Московской области
Пионерская ул., д. 19
Анне Михайловне Флоренской
На клапане:
Флоренский Павел
Александрович
Сп. I, Осн

Штемпели:
Отправление: Рабоче-
Островск АК ССР 26.7.36.
Загорск Мос. обл. 27.7.36

1936. VII.4—5. Соловки. № 66.

Дорогая Аннуля, письма твои № 17, 18, 19 и Кирино получил, а сегодня — от 16 и 26 июня, оба за № 22. Т. о. 2 письма не дошли. Почему ты не получала моих раньше — не знаю, а июльские письма тут задержались по причинам не от меня зависевшим. Главная же, вероятно, — это перегруженность цензоров. Как-то я подсчитал, сколько им надо прочитывать в день писем, не говоря о посылках и бандеролях, и подумал об утомительности их работы. Недаром один из цензоров на БАМ'е жаловался на нервное расстройство.

Написал было тебе большое письмо и в частности с мотивировкою своего нежелания писать кому бы то ни было, кроме близких родных. Но потом подумал о несоответствии тона минорного моему прирожденному рэ дизз мажор, и письмо осталось на Соловках. В конце концов люди могут понимать и сами, что мне не [до — пропущено — П. В. Ф.] светских обязанностей, всегда мне чуждых, а если не хотят понимать, то пусть не понимают. Относительно поездки Мика я тебе писал неск. раз. Повторю: считаю полезным, чтобы он приучался к работе и рости в себе интерес к делу в таком возрасте, когда формируется личность на всю последующую жизнь. Наша родовая природа такова, что мы можем успешно работать лишь там, где надо работать творчески и пионерски. Все мои предки по прямым и по боковым линиям были пионерами. Кроме того, наше мышление не отвлеченное, а конкретное, опирающееся на непосредственное наблюдение и опыт. Мику надо обогатиться впечатлениями

природы и ее жизни, без этого книжное изучение у него не пойдет успешно. Повторяю, нашей мысли не свойствен формализм и академизм. Да и Кире полезно участие в работе Мика, не только с точки зрения успешности работы, но и большей осторожности в путешествии. Да, часть писем послана на адрес мамы, боюсь, что они застрянут у нее в квартире. Неск. раз я посылал Мику стихи, доходят ли они до Вас и доходят ли до Вашего сознания. Ведь они автобиографичны и генобиографичны, т. е. передают основные свойства нашего родового мышления (*γενος* — род); поэтому мне хотелось бы, чтобы Вы видели в них не просто стихи для развлечения, а итоги жизненного опыта, которые могут быть полезны как направляющее начало в работе и жизни.

В № 154 от 8.VI «Правды» было помещено объявление об издании «Academia» поэмы Шота Руставели. Мне хотелось бы, чтобы ты и дети читали эту поэму, вспоминая обо мне, т. к. она очень передает мой внутренний мир, — хотя и не во всем, т. е. не передает моего отношения к природе. Но все же, если вы хотите понимать строй моей души, то у Руставели он выражен особенно внятно. Правда, Бальмонт обальмонтил это монументальное создание XII века, сделав величественное салонным, но все же лучше такой перевод, чем никакого. Твое письмо от 16.VI меня огорчило, когда я узнал, что мамы нет в Посаде и что маленький будет еще где-то отдельно. Мне хочется, чтобы Вы были все вместе и чтобы маленький набрался ранних впечатлений от дома. Но письмо от 26.VI исправило дело, и я очень рад, что Вы собрались вместе, жаль только, что нет Мика и Киры. Мама и Вы все смотрите на цветы, мне это гораздо приятнее, чем смотреть самому. Да и Васюшка будет чаще дома. Письма Наташи я не получил, как, по-видимому, не получили моих писем мама, Вася и Наташа. Подожду немного, м. б. они и дойдут до Вас, а Ваши до меня: получение писем в обращенном хронологическом порядке у нас здесь дело очень обыкновенное. — Если увидишь Е. М., передай ей мой привет и скажи, что я часто вспоминаю ее. В частности, меня беспокоит кончина ее приятельницы, забыл как ее звали, жены Н. В. Передай привет также Н. Б. П. и А. И. Спрашиваешь о водородсеревой работе. На командировках я бываю, но на короткое разстояние. К тому же на Соловках больших разстояний нет и нет места, куда было бы нельзя дойти пешком в несколько часов. Это уютно, и если бы Соловки не были Соловками, то вполне соответствовало бы моему эллинисткому миропониманию. Не люблю безграничных пространств и безформенности, ищу великого, а не большого, а малое пространство легче воспринять, как великий мир, чем большое... Мне часто вспоминается кончина папы. У него были не то сны, не то видения — путешествия, или скорее кочевья в безграничных азиатских пространствах. И его ужасала мысль об избытии. «Вот, обычно думают, что человечество погибнет от недостатка, говорил он, а мне стало ясно, что оно погибнет от избытия». Много меня пугало с детства, казалось — врывается неоформленный хаос, с которым не справишься, который не освоишь. Где нет композиции, там нет и понимания, а композиция предполагает ограничение. Что самое главное в художественном произведении? — рама, рампа, пределы во времени, начало и конец. Если нет ограничения, то невозможно и умиротворение. Умение ограничить себя — залог мастерства (Гёте). В себе я боролся всю жизнь с безграничностью, и кажется безуспешно, в этом моя слабость.

Хочется закрепить (это из другой области) нечто о папе. Когда я был в Тифлисе, опасность, по утверждению врачей, миновала, и мне было сказано, что я могу спокойно ехать, вернуться к своим студенческим обязанностям. Поехал. Сажу раз у себя в комнате, за большим столом перед окном. Было светло еще. Пишу. Как-то утратилось сознание, где я нахожусь, забылось, что я далеко от Тифлиса и что я вырос. Рядом со мною, слева, сидит папа и внимательно смотрит, как это бывало нередко, когда я учился в гимназии, ничего не говорит. Было так привычно для меня, что я не обращал особого внимания, только чувствовал себя хорошо. Вдруг я сообразил, что я ведь не в Тифлисе, а в Посаде, поднял голову и

посмотрел на папу. Вижу его вполне ясно. Он взглянул на меня, видимо ждал, чтобы я понял, что это он и что это удивительно, и когда убедился, то внезапно его образ побледнел, как бы выцвел, и исчез — не ушел, не расплылся, а стал очень быстро утрачивать реальность, как ослабляемый фотографич. снимок. Через несколько часов я получил телеграмму, извещавшую о кончине папы. — Знаешь, уснувших я ощущаю гораздо живее, чем знакомых, с которыми разстался, — кроме Вас, домашних. Знакомые всплывают как бледные тени, а умершие ощущаются изнутри. Однако не думай, что я болен. Я вполне здоров и даже не хвораю обычными мелкими болезнями, живу гладко, несмотря на усиленную работу, дневную и ночную. Водоросли мои расширяются и углубляются, хотя и медленно, но крепнут и переходят в производство. То, что два года тому назад было смутной мыслью, сейчас запаковывается в ящики и даже отсылается на материк. Но мысль влечет все дальше, к большему, к более углубленному и к лучшему. Крепко целую тебя, дорогая. Распустилось много (в этом году) прекрасных кашек, розовых и белых, но не удается побыть среди них. Еще раз целую.

Дорогой Мик, присылаю тебе стихи, написанные для тебя.

XXV

Он был охвачен жаром — знать
Еще ребенку — не под стать
Круг детских песен и забав.
Он научился пылкий нрав
Таить под черствую корой.
Один, угрюм, своим не свой,
Всходил он на лесной бугор.
Вперяя вглубь сверлящий взор.
Упорной думою пронзая,
Вскрыть мерзлоту пытался он.
Какие силы вознесли
Те булгоняхи, грудь земли?
Не ледяной ли холм сокрыт
В бугре из мха, ином на вид?

Он расчищал олений мох.
Но, хрупкий, быстро изнемог
И выбился из детских сил...
Хрустальный купол проступил,
— Заголубевший небосвод.
Но небеса — не тот же ль лед?
Быть может, искры пузырьков
Замкнуты в ледяной покров?
Пустоты в бирюзовой мгле?
Изыяны в горнем хрустале?

Оро пробить старался свод.
Удар кайла другой зовет.
Вдруг грек внезапный. Оглушен,
Отброшен, перепуган он.
Бугор растрескался, и бьет
Из недр источник чистых вод.
И ниспада застывая
Слоями наледный кристалл.
Заветной встречи мирный час!
Ликуя луч последний гас,
И лепестки даурских роз
На снег синеющий нанес.

Чернятым облаком заря,
Зарделась ранняя разя,
И сизым сегментом легла
Земная тень — в пространствах
мгла.

За ней смарагдный горизонт
Ночь многоокою ведет.
Взволнован, потрясен, влюблен,
Оро в ту ночь не вспомнил сон.

XXVI

Так сблизились: Алжаристан,
Полузатухнувший вулкан,
И с огнедвижной мечтой
Эвенков край над мерзлотой.
Оро в томящуюся грудь
Свободу мысли мог вдохнуть,
А в гостя хмурого проник
Прохлады девственной родник.
Оро ходил за гостем вслед.
Ждал упоительных бесед,
Ему на рассмотрение нес
Он за вопросом вновь вопрос,
В надежде твердой, что вперед
Вожатая верный поведет.
В уме влюбленном яркий свет
Сиял навстречу, как привет,
И долгий, углубленный гул
Ответ полученный гянул.
Любовь, привычка и расчет
Оро все далее влечет.
Надеждою разгорячен,
Он тщится изменить закон
Орбиты жизненной — итти
По своевольному пути.
Мечтает тайно: может быть,
С Сандро удастся жизнь прожить

И прочно, крепче кровных уз,
Спаяет мыслию союз.
Сам от себя с своей мечтой
Сперва закутывался тьмой,
Упорной тайной окружил
Надежд заветных жгучий пыл
И не давал себе отчет,
К чему желание влечет.
Стремленьем властным ослеплен,
Оро глушил разлики стон.
Любил свой дом. Отец и мать...
Он жизнь без них не мог понять.
Страшила мысль покинуть их.
Но замысел,— мерцавший шлик,—
Путь в мерзлоте себе прорвал,
И вот, расплавленный металл
Струей слепящею потек —
Времен река, событий рок.
Но в слове находил предел
И под корою цепенел.

XXVII

И так тянулось. День за днем
Оро молчал, палим огнем.
Но близился разлики срок.
Таиться долее не мог
Орон и в сбивчивых словах
Отцу поведать о мечтах.
Старик: «Ужели мрачный уруса
Тебе дороже, чем краса
Пустынных гор, глухой тайги,
Где человеческой ноги
Следа не встретишь? Ах, Оро,
Ты рвешься взяться за перо,
Забыть смолистый наш костер,
Отдать безропотно простор,—
Чтоб схоронить навек в стенах
Луши иссохшей жалкий прах,
Чтоб все с урусом потерять —
Народ и дедов, даже мать.

Поберегись, мой сын, обой!
Смотри, ты борешься с Судьбой.
Она ж не терпит, коль идем
Мы к цели собственным путем.
Она желанье утолит,—
Однако странен будет вид
Вотще осуществленных нужд,
И замысл жаркий станет чужд.
Все должное само собой
Придет, когда в неравный бой
Вступить не будешь. Но не снести
Судеб властолюбивых мести
За вызов, ежели мечты
Покорно не отрелся ты.
Судьба свой кубок поднесет,
Но горький, горький вкусишь мед:
Она согласьем отомстит,
Подлив язвительных обид.

Вручит она напрасный дар,
Когда ты сердцем дряхл и стар,
Когда о просьбе позабыл
И отступил в покорный тыл.
Она припомнит всякий вздох.
Воздаст тебе, что тайно мог
Желать в безмолвии ночном,
Когда хотел оставить дом,
Когда не чувствовал, что сир,
Когда в атаку шел на мир.

Поберегись, мой сын, обой!
Не спорь с ревнивою Судьбой». Оро в молчании поник:
Слова нейдут, и нем язык.

XXVIII

Текут минуты. Нет, века.
Порыв уносит старика
Сказать Оро, друзьям, родне,
Всей обезлюдевшей стране.
Старик: «Могучий край,
пустынный край,
Свои сокровища скрывай
От алчных западных волков,
От хищных касс и сундуков.
Златые россыпи тай
Под ржавым мусором хвои.
В молчаньи тихом берегись
Двуногих и лукавых лис
Своим безмольем мерно стой.
Огонь, огонь — под мерзлотой!
Но вспыхнут недра древних гор,
Лишь осквернит их жадный взор.
Обуглится лесная сень.
Лишится пастбища олень,
Обрыщет ластивая лиса
На юг склоненные леса.
На достояние толпы
Пойдут заветные тропы.
Распуган, зверь лесной сбежит
Туда, где гнейсы да гранит.
И на бездетство обречен,
Исчезнет древний ороchon.
Подземных кладов, мирный край,
Врагам тиши не отрывай...»

Тут входит гость. Не слышал он
Вещаний сих, но сам смущен.
Он ищет слов — издалека
Повесть атаку старика.

Крепко целую своего дорогого Мика, который забывает своего папу. Получили ли Вы мои зарисовки зорь Соловецких? Целую Васю, привет Наташе. Напишу им в след. раз. Еще раз целую.

Дорогой Олень, хотелось бы о многом написать тебе, но к сожалению места мало, да и число писем в июне было сокращено, не знаю как будет в июле. Надеюсь, ты закончила свои экзамены и теперь отдыхаешь. Прочел книжку Грабаря о Репине и Серове. Написано бойко, пожалуй занимательно, но поверхностно, с уклоном как от биографич. деталей, так и от эстетич. анализа.— Вроде фельетона в панегирическом тоне. Вопросы техники, формы, собственно творческ. замысла оставлены без освещения. Разве так надо писать о художнике, да еще художнику! Из биографии Репина, по приведенным данным, я подсчитал, что Репин в среднем писал по 1 1/2 произведения в год. Очень интересные материалы содержится в книге «Мастера искусства об искусстве». К сожалению, мне не остается, на неск. часов, только 2-й том. Для понимания живописи эта книга оч. важна. Наверное, она должна быть у Никиты или у его родителей. По музыкальному творчеству отдельные места интересные в книге заметок и воспоминаний Сен-Санса (С. Saint-saons, Ecole Vueboungere), несмотря на чересчур легкий тон *causerie* этого автора.

По поводу живописи: мне, при виде Соловецкого неба, постоянно вспоминается слово Викт. Васнецова — что небо невозможно передать голубой краской, а можно только золотом. Действительно, здешнее небо, насыщенное уже неразличимыми золотыми блестками, производит впечатление золотого, несмотря на свою голубизну. Однако последнее время оно больше сумрачно и сыро. Начался период дождей и холодов. Говорят, уже с середины июля здесь могут быть первые заморозки — утренники.

Тика спрашивает, как надо писать экзамен или экзамин и пр. Напишу тебе, это и тебе полезно. В грамматике установлено понятие об *основе* слова, т. е. той совокупности звуков, из которых получаются прибавлением флексий падежные формы (или суффиксов и флексий другие образования). Основа — это не корень и не именит. падеж. Напр. *имя* им., пад. *имен* — основа. Именит. пад. *examen*, основа *saexamen*. Русские слова, происходящие от иностран., либо пересаживают им. п., либо опираются на основу. Поэтому экзамен, но экзаминовать, экзаминационный. Крепко целую тебя, дорогой Олень. Отдыхай и пользуйся летом.

Дорогая Тика, я получил от тебя лепестки пионов, маргаритку и незабудку. Листья же тархуна, при получении мною посылки, выбросили. И я их лишился. Пион, лепестки которого ты прислала, называется пионом Млокасевича; а Млокасевич, открывший этот пион, и семья Млокасевича — хорошие знакомые дяди Шуры. Пион этот — редкий. На ДВ пионов много, но других видов; там они не палевые, а розовые и красные. Тут все уже в середине июня было в цвету, а теперь морозка зреет и скоро будет готова. Но стало значительно холоднее, по-видимому лето окончилось. Лисы осмелели: одна напала на коша, но сбежала от него с уроном и поглаживала себе мордочку. Другая пыталась похитить у нас агаровый студень, стоявший снаружи, но отдавав ушла недовольная. Они таскают чайные яйца. Впрочем, сейчас чайчата уже вылупились и подросли, гуляют с родителями по кремлевскому двору и видимо несколько не боятся людей, так как последних — десятки ходят тут же, а чайки важно переступают у самых ног и выпрашивают себе подачки. Знаешь ли ты травку звездчатку, или звездицу (*Stellaria*), сочную, зеленую, с белыми цветочками в виде звездочек, растущую в мокрых местах — на болотах, у канав и т. д. Немцы называют ее *Sumpfkraut*. Из нее выходит очень вкусный салат, ее можно также варить, как шпинат. Скажи маме, чтобы непременно она попробовала ее — очень вкусно (надо с зеленым луком). Поблагодари Аню за письмо и поцелуй. Поцелуй бабушку Олю и маленького, кланяйся другой бабушке и Ан. Ф. Кланяйся С. И. Похлопай Буську, чтобы не куролесил.

УКАЗАТЕЛЬ

- А. И.— см. Архангельский А. И.
Айвазов — сосед А. И. и О. П. Флоренских по Батуму в 1890—1900-е годы.
Письмо № 61.
Александра Владимировна — см. Ушаковы.
Алина — см. Пекок.
Ан. Ф.— см. Хлебникова А. Ф.
Андрей — см. Флоренский Андрей Александрович.
Анна Мих., Аннуля, Анна — см. Флоренская (Гиацинтова) А. М.
Анфиса Уаровна Флоренская (Соловьева. 30.III.18? — 7.XI.1850) — первая жена И. А. Флоренского, бабушка П. А. Флоренского по отцу. Аня — см. Гиацинтова А. В.
Архангельский Алексей Иванович — ученик о. Павла Флоренского по Московской духовной академии; писал ему письма и посылал посылки в Соловки. О нем см.:
Отзыв священника Павла Флоренского о кандидатском сочинении студента XVIII курса Московской Духовной Академии Алексея Архангельского на тему «Типы диссолюционных воззрений в церковной письменности и в светской науке». 10 июля 1913 г. — «Богословский вестник», 1914, т. I, № 1, с. 196—198.
То же.— В кн.: Журналы собрания Совета имп. Московской Духовной Академии за 1913 г.
То же.— Оттиск из «Богословского вестника», 1913—1914. Сергиев Посад, 1914, с. 196—198.
В письмах — А. И.
Письма: № 63, 66.
Бабушка — см. Гиацинтова Н. П.
Бальзак Оноре (1799—1850) — французский писатель.
Письмо № 64.
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт.
Письмо № 66.
Беркенгейм — ?
Письмо № 63.
Биар — автор книг о приключениях и путешествиях.
Письмо № 63.
Бильбасов — автор «Истории Екатерины Второй». М. 1895.
Письмо № 65.
фон Брэмзен — советник Великого Князя Голштинского Петра Федоровича, возможно родственника Н. И. Флоренской (Зарубиной), бабушка которой по отцу была Генриетта Густавовна, урожденная фон Брэмзен.
Письмо № 65.
Васнецов Виктор Иванович (1848—1926) — художник.
Письмо № 66.
Вася, Васюшка — см. Флоренский В. П.
Вернадский Владимир Иванович (1863—1945) — академик. Переписывался с П. А. Флоренским, писал ему в Сковородино и в Соловецкий лагерь (Архив АН СССР, фонд 518, оп. 3, № 1730). См.: Иеромонах Андроник (А. С. Трубачев). Предисловие к публикации «Священник Павел Флоренский. Микрокосм и макрокосм». — «Богословские труды», вып. 24. М., Изд-во Московской Патриархии, 1983, с. 230—232.
Письма П. А. Флоренского и В. И. Вернадского. — «Былое», т. I. Париж, изд. «Atheneum», 1985, с. 272—293.
То же.— М., «Мысль» — «Atheneum», 1990.
Переписка В. И. Вернадского с семьей Флоренских. — «Вопросы истории естествознания и техники». 1988, № 1, с. 80—98.
Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского. — «Новый мир» 1989, № 2, с. 194—203.
П. В. Флоренский. В. И. Вернадский и семья Флоренских. Письма П. А. Флоренского из ссылки. — The New Review. Новый журнал. Нью-Йорк. 1992, кн. 186.
С 1935 г. до мобилизации (1942) у В. И. Вернадского работал сын П. А. Флоренского — Кирилл, которому В. И. Вернадский писал на фронт (Архив АН СССР, фонд

518, опись 1729). См.: Р. М. Федоров. «Так хочется работать». Переписка академика и солдата.— «Правда», 1985, 21 марта, № 80 (2438);

Т. А. Шутова. «Свое вы сделали» (Из военной переписки В. И. Вернадского и К. П. Флоренского).— «Природа и человек», 1986, № 5, с. 36—39.

Переписка В. И. Вернадского с семьей Флоренских. Публикация П. В. и В. К. Флоренских.— «Вопросы истории естествознания и техники», 1988, № 2, с. 54—69.

В письмах — В. И. или Вл. Ив.

Письма № 62, 63.

В. И., Вл. И.— см. Вернадский В. И.

Вятская область и ее житель — см. Кузубай Герд.

Письмо № 64.

Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель.

Письмо № 66.

Гиацинтова Анна Васильевна (22.X.1922 — 4.IV.1987) — племянница П. А. Флоренского.

В письмах — Аня.

Письмо № 60.

Гиацинтов Михаил Михайлович — шурин П. А. Флоренского.

Письмо № 60.

Гиацинтова Надежда Петровна (16.VIII.1862 — 19.V.1940) — теща П. А. Флоренского, жила в его семье, в Загорске.

В письмах к А. М. Флоренской — твоя мама, к детям — бабушка.

Письма № 60, 61, 65, 66.

Глинка Николай Леонидович — химик, автор учебника «Общая химия», выдержавшего при его жизни двенадцать изданий и пять после его смерти.

Письмо № 63.

Гося — см. Флоренский Р. А.

Григоренко Елена Митрофановна, духовное чадо, как и П. А. Флоренский, епископа Антония Флоренсова, в 1950-е годы жила в доме Флоренских в Загорске.

В письмах Е. М.

Письмо № 66.

Грабарь Игорь Эммануилович — академик, художник, искусствовед, директор Третьяковской галереи.

Письмо № 66.

Е. М.— см. Григоренко Е. М.

Ек. Ив. Лисева — см. Лисев В. И.

Елизавета Владимировна — см. Ушаковы.

Ефимов Иван Семенович (1878—1959) — скульптор, народный художник СССР, автор книги «Об искусстве и художниках» (М., «Советский художник», 1977). Муж Н. Я. Симанович-Ефимовой.

В письмах — И. С.

Письмо № 64.

Золя Эмиль (1840—1902) — французский писатель.

Письмо № 64.

Иван Андреевич — см. Флоренский И. А.

Ив. С., И. С.— см. Ефимов И. С.

Кира — см. Флоренский К. П.

Кониева Елизавета Александровна (Флоровская) (7.V.1880—1960) — вторая сестра П. А. Флоренского, художник, педагог, жена Георгия Георгиевича Кониева (Кониашвили).

В письмах — Лиля.

Письмо № 65.

Коренной сибиряк — имя этого з/к не установлено.

Письмо № 61.

Кузубай Герд — литературный псевдоним Кузьмы Павловича Чайникова (4.I.1898—1.XI.1937). О нем рассказала мне в январе 1989 г. во время моей поездки на Соловки сотрудница музея и собиратель материалов о Соловецком лагере А. В. Мельник, которая разыскала родственников Кузубая Герда. 29 июня 1989 г. я ехал в поезде вместе с ленинградским отделением «Мемориала» в Соловки на Дни Памя-

ти, когда там в музее была открыта посвященная СЛОНУ-УСЛОНУ экспозиция. Стараниями председателя райсовета Таранова установлен мемориальный камень, а одна из улиц названа именем Павла Флоренского. Во время ночного разговора в купе выяснилось, что со мной едет внук Кузебая Герда, Николай Иванович Герд. Вот что он сообщил мне в письме от 4 февраля 1989 г.: «...помощником был мой дед — Кузьма Иванович Чайников (литературный псевдоним — Кузебай Герд, ставший потом его фамилией) — удмуртский классик, поэт и прозаик, драматург и фольклорист... Рассказы содержат характерную для моего деда безграничную любовь к своему народу, не умершую даже в застенках соловецкого концлагеря... Еще одним важным доказательством общения двух ученых, а также влияния П. А. Флоренского на К. П. Герда являются строки письма из Соловков жене (моей бабушке), Н. А. Герд: «Надя! Я никогда не верил в Бога, но тут поверил», где П. А. Флоренский влияет на Герда уже как священнослужитель. О Кузебае Герде:

Ермаков Ф. К. Удмуртский поэт и ученый. — Ижевск, «Удмуртия», 1988;
Кузебай Герд. В полете к солнцу. Ижевск, «Удмуртия», 1989.

В Ижевске праздновалось 100-летие со дня рождения писателя, в связи с чем сестра писателя опубликовала предоставленные мною отрывки из писем П. А. Флоренского:

Р. Кувшинова. Кузебай Герд: годы в неволе. — «Удмуртская правда», 1990, 16 июня, с. 3.

Письмо № 65.

Лиля — см. Кониева Е. А.

Лисев Василий Иванович — сотрудник П. А. Флоренского по Всесоюзному экспериментальному электротехническому институту (ВЭЭК), один из изобретателей карболита (диэлектрик, который в первые годы после революции заменил дорогостоящий импортируемый бакелит). В. И. Лисев пригласил в 1920 г. П. А. Флоренского работать на Московском заводе «Карболит», деятельность которого была связана с планом ГОЭЛРО. В эти годы П. А. Флоренский жил у В. И. Лисева по адресу: Москва, Большая Спасская, д. 11, кв. 1 (по рукописи воспоминаний Е. К. Апушкиной о П. А. Флоренском).

В письмах — В. И. и Е. И.

Письмо № 60.

Литвинов Роман Николаевич — з/к, профессор, химик, с которым П. А. Флоренский разрабатывал технологию получения иода и агар-агара из водорослей, в Иодпроме. Завод, созданный ими, работает до сих пор. В публикации приведены отрывки из писем Р. Н. Литвинова, любезно предоставленных мне его сыном Николаем Романовичем.

Письмо № 64.

Лорен Клод — французский художник.

Письмо № 63.

Лоренц Генрих Антон (1853—1928) — голландский физик-теоретик.

Люся — см. Флоренская Ю. А.

Малыш, маленький — см. Флоренский П. В.

Мама твоя — см. Гиацинтова Н. П.

Мамочка — см. Флоренская О. П.

Мика — см. Флоренский М. П.

Миша — см. Гиацинтов М. М.

Миокасевич — ботаник, знакомый А. А. Флоренского, в честь которого он назвал открытый им на Кавказе тюльпан — тюльпан Флоренского.

Письмо № 66.

Мольер (псев., наст. имя Жан Батист Поклен) (1622—1673) — французский драматург.

Письмо № 60.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791) — австрийский композитор. О восприятии П. А. Флоренским музыки Моцарта см.:

С. З. Трубачев. Музыкальный мир П. А. Флоренского. — «Советская музыка», 1986, № 8, с. 86; № 9, с. 99;

С. З. Трубачев. «Только в Моцарте защита от бурь». — «Музыкальная жизнь», 1989, № 13, с. 23—26; № 4, с. 1—21.

Письмо № 60, 66.

- Н. Я.— см. Симанович-Ефимова Н. Я.
 Наташа — см. Флоренская Н. И.
 Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942) — художник, автор картины «Философы», где изображены П. А. Флоренский и С. Н. Булгаков (1917 г.).
 Письмо № 65.
 Никита — см. Фаворский Н. В.
 Огнева (Киреевская) Софья Ивановна (1846—1940) — жена профессора Московского университета гистолога Ивана Флоровича Огнева (1855—1928), которого П. А. Флоренский почитал, говоря, что он похож на его отца. С. И. Огнева составила обширные, до сих пор неопубликованные воспоминания. Ей П. А. Флоренский диктовал ряд своих работ, в том числе «Иконостас».
 В письмах — С. И., Соф. Ив., Микина Катя.
 Письмо № 64, 66.
 Оден Свен — шведский химик.
 Письмо № 63.
 Один из знакомых, з/к, говоривший о прекрасности жизни — лицо неустановленное.
 Письмо № 63.
 П. Н.— см. Каптерев П. Н.
 Петр Федорович — Великий Князь герцогства Голштинского, позже император Российский Петр III.
 Письмо № 65.
 Пекок Готтлиб Федорович, муж Александры Владимировны Ушаковой, сестры Елизаветы Владимировны Флоренской (Ушаковой). Дочь матеихи А. И. Флоренского — Александра, певица, выступала в «Ла Скала» с псевдонимом Алина Марини. Была замужем в Италии и имела детей.
 Письмо № 62.
 Песков — химик.
 Письмо № 63.
 Пушкин Александр Сергеевич. Об отношении П. А. Флоренского к творчеству Пушкина см.:
 Из высказываний П. А. Флоренского о Пушкине.— «Вестник РХД», 1989, № 149. Изд. УМСА-PRESS, Paris, с. 116.
 П. А. Флоренский. Ближе к жизни мира. Публикация С. З. Трубачева, М. М. Трубачевой, А. С. Трубачева и П. В. Флоренского. Предисловие С. З. Трубачева.— «Советская культура», 1988, з. XI. № 132, с. 6.
 О литературе. Публикация П. В. Флоренского, А. С. Трубачева, М. С. Трубачевой, С. З. Трубачева и А. А. Санчеса.— «Вопросы литературы», 1988, № 1, с. 146—176.
 Письмо № 64.
 Пятых — з/к художник-самоучка, прикладник из Москвы. 1904—1905 года рождения. Он не расставался с чемоданом с инструментом, который однажды у него все-таки утащили. По мнению бывшего з/к Николая Николаевича Рацена, это о нем пишет П. А. Флоренский; в семье потомков з/к Тверинова Валерия Феликсовича (1913—1937), чья внучка была студенткой, сохранилась сделанная Пятых шкатулка и рамка для фотографии, обклеенная соломкой. Вероятно, он и делал коробочку.
 Письмо № 60.
 Рафаэль Санти (1483—1520) — художник Возрождения.
 Письмо № 63.
 Родители Н. И. Флоренской — см. Флоренская Н. И.
 Руставели Шота — грузинский поэт XII в.
 Письмо № 65, 66.
 Саша — см. Флоренский Александр Андреевич.
 Сен-Санс Камиль (1835—1921) — французский композитор.
 Письмо № 66.
 Симанович-Ефимова Нина Яковлевна (1877—1948) — художник, автор книг «Записки петрушечника» (М., ГИС, 1925; 2-е издание — Л., «Искусство», 1972), «Записки художника» (М., «Советский художник», 1982). Вела записи бесед с П. А. Флоренским. К «Запискам петрушечника» П. А. Флоренский написал предисловие, которое опубликовано сначала с небольшими сокращениями:
 И. С. Ефимов. Об искусстве и художниках. М., «Искусство». 1977, с. 170—172.

То же.— В сб.: «Что такое театр кукол?» М., Изд. Союза театральных деятелей СССР, 1990, с. 69—73.

То же.— Священник Павел Флоренский. У водоразделов мысли. т. I. Статьи по искусству.— Собрание сочинений под общей редакцией Н. А. Струве. Изд. YMCA-PRESS, Paris, 1985, с. 383—388.

То же.— Das Puppentheater der Efimovs. In Dar Pfalz fabrbuch aus Niemandland zwischen Kunst und Wissenschaft, 3. München, 1986, p. 43—46.

Кроме того, Н. Я. Симонович-Ефимова — автор портретов П. А. Флоренского, двух маслом и четырех углем. Портреты неоднократно публиковались, в частности, в названном выше Собрании сочинений на обложке, а также:

И. С. Ефимов (1878—1959), Н. Я. Симонович-Ефимова (1877—1948). Каталог выставки, скульптура, живопись, графика. Калуга, 1975, с. 33.

В письмах — Н. Я.

Письмо № 64.

Тика — см. Флоренская Мария (Тинатин).

Трубачева (Флоренская) Ольга Павловна (род. 21.II.1918) — старшая дочь П. А. Флоренского, ботаник.

В письмах — Олень, Оля.

Упоминается во всех письмах, адресат писем.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — поэт.

Письмо № 64.

Ушакова Елизавета Владимировна (1826—1911) — вторая жена И. А. Флоренского; ее сестра Александра Владимировна Ушакова, в замужестве — Пекоч.

Фаворский Владимир Андреевич (1886—1964) — народный художник СССР, академик Академии художеств СССР. В 1920—1939 гг. жил в Сергеевом Пасаде (Загорск). Дружил с П. А. Флоренским и сотрудничал с ним во время их преподавания во ВХУТЕМАСе в 1920-х годах. Об этой дружбе свидетельствуют эскизы П. А. и В. П. Флоренских и обложки книг П. А. Флоренского — «Мнимости в геометрии» (М., «Поморье», 1922) и неизданной — «Число как форма», — вырезанные В. А. Фаворским; известны также упоминания П. А. Флоренского о книгах В. А. Фаворского и о нем.

Письмо № 66.

Фаворский Никита Владимирович (1915—1941) — старший сын В. А. Фаворского, талантливый гравер, друг К. П. Флоренского; погиб на фронте.

В письмах — Никита.

Письмо № 66.

Фаворская (Дервиз) Мария Владимировна (1890—1959) — жена художника В. А. Фаворского.

В письмах — М. В.

Письмо № 66.

Ферман Александр Евгеньевич (1853—1945) — академик, геолог.

Письмо № 65.

Флоренская Анна Михайловна (31.I.1889—18.III.1973) — урожденная Гиацинтова, жена П. А. Флоренского, родилась в крестьянской семье в Сапожковском уезде Рязанской губернии. Сохранение наследия П. А. Флоренского во многом ее заслуга. У П. А. и А. М. Флоренских было пятеро детей: Василий, Кирилл, Ольга, Михаил и Мария-Тинатин. Об А. М. Флоренской:

Игумен Андроник (Трубачев). «Голубка моя бедная». — «Литературный Иркутск», октябрь 1989 г., с. 14—15.

В письмах — Анна.

Упоминается во всех письмах, адресат писем.

Флоренская Мария-Тинатин Павловна (род. 11.X.24) — младшая дочь Флоренских, химик.

В письмах — Тика.

Упоминается во всех письмах, адресат писем.

Флоренская Наталья Ивановна (род. 5.IX.1909) — урожденная Зарубина, старшая невестка П. А. Флоренского — жена В. П. Флоренского с августа 1935 г. Ее родители — Иван Иванович и Анна Лаврентьева.

В письмах — Наташа.

Письма № 60—63.

Флоренская Ольга Павловна (25.III.1895–30.X.1951) – урожденная Сапарова (Сапарьян) – мать П. А. Флоренского, с 1915 г. жила в Москве в Долгом переулке (ныне ул. Бурденко), где общественность Москвы пытается сейчас создать музей П. А. Флоренского.

В письмах – мама, мамочка.

Письма часто написаны на ее адрес; в других упоминается.

Флоренская Ольга Павловна – см. Трубачева О. П.

Флоренская Раиса Александровна (6.IV.1894–5.IX.1932) – младшая сестра П. А. Флоренского, художник, участник объединения «Маковец». О ней: Раиса Александровна Флоренская, Павел Александрович Флоренский во ВХУТЕМАСе и «Маковце». Каталог выставки. М., изд. МПИ, 1989, 32 с. Сост. М. С. Трубачева и А. О. Флоренский. Авторы статей А. С. Трубачев и О. И. Генисаретский.

В письмах – Гося.

Письмо № 64.

Флоренская Юлия Александровна (1.VII.1884–27.IX.1947) – старшая сестра П. А. Флоренского, врач-психиатр-логопед.

В письмах – Люся.

Письмо № 65.

Флоренский Александр Александрович (7.III.1888–XII.1938) – средний брат П. А. Флоренского, геолог, археолог, этнограф. Арестован в 1937 г., расстрелян в Магадане, в концлагере, описанном Варламом Шаламовым. О нем: «Восток дымит пожаром». Письмо А. А. Флоренского к В. И. Вернадскому. Публикация, предисловие и комментарии Т. А. Шутовой. – «Литературная Россия», 10.VIII.1990 г., № 32 (1436).

В письмах – Шура, дядя Шура.

Письма № 62, 65, 66.

Флоренский Александр Иванович (30.IX.1850–26.I.1908) – отец П. А. Флоренского, инженер.

В письмах – папа.

Письма № 65, 66.

Флоренский Андрей Александрович (I.XII.1899–14.VII.1961) – младший брат П. А. Флоренского, специалист по корабельным и береговым орудиям, лауреат Государственной премии.

В письмах – Андрей.

Письма № 64, 65.

Флоренский Василий Павлович (21.V.1911–5.IV.1956) – старший сын П. А. Флоренского, доцент Московского нефтяного института (МНИ) им И. М. Губкина, педагог геолого-петрограф, исследователь глубинного строения нефтегазоносных областей. После ареста отца стал основным кормильцем семьи. Женат на Н. И. Флоренской (Зарубиной).

В письмах – Вася.

Адресат писем; упоминается во всех письмах.

Флоренский Кирилл Павлович (14.XII.1915–9.IV.1982) – второй сын П. А. Флоренского. Ученик академика В. И. Вернадского, один из создателей сравнительной планетологии, его имя дано кратеру на обратной стороне Луны. Именно его усилиями и авторитетом была начата систематическая публикация в 60-е годы трудов П. А. Флоренского; он заложил принципы нашей публикаторской деятельности.

В письмах – Кира.

Упоминается во всех письмах; адресат писем.

Флоренский Михаил Павлович (26.X.1921–14.VII.1961) – третий сын П. А. Флоренского, специалист в области бурения скважин; погиб во время экспедиции на Камчатке.

В письмах – Мик, Мика.

Упоминается во всех письмах; адресат писем.

Флоренский Павел Васильевич (род. 7.VI.1936) – старший внук П. А. Флоренского.

В письмах – маленький.

Хлебникова Анастасия Ивановна – зубной врач, жила в доме Флоренских до своей кончины в 1940 г.

Письма № 64, 66.

Цейс — советник Великого Князя Петра Федоровича Голштинского.

Письмо № 65.

Чебышев Нафнутий Львович (1821—1894) — академик, математик.

Письмо № 67.

Чирков Юрий Иванович (25.XI.1919—11.VIII.1988) — находился в Соловецком лагере, а позже — в тюрьме, одновременно с П. А. Флоренским в 1935—1937 годах. У меня сохранилась запись его рассказа от 17 июля 1968 г.: тогда они велись шепотом. Позднее Ю. И. Чирков написал о своих лагерных воспоминаниях. Их рукопись предоставила мне его вдова, Валентина Максимовна. Публикации Ю. И. Чиркова:

Большой Соловецкий турнир. — «Шахматы», 1988, № 9, с. 28—30;

Соловки. — «Советская культура». № III.1989;

Узник в пятнадцать лет. — «Ветеран». 1990, № 11 (115), с. 12—18.

Но главное — это то, что в его книге сохранены имена почти двухсот узников:

Ю. И. Чирков. А было все так. М., Изд-во политической литературы, 1991, 302 с.

О П. А. Флоренском в ней говорится на с. 5, 69, 85, 107, 132, 170 и 173. Некролог

Ю. М. Чиркова см.:

«Метеорология и гидрология». 1989, № 1, с.126—128.

Упомянут в примечаниях.

Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — писатель.

Письмо № 60.

Шокальский Юлий Михайлович (1856—1940) — океанолог, внук А. П. Керн.

Письмо № 61.

Шура — см. Флоренский Александр Александрович.

ПЕРЕПИСКА З/К ФЛОРЕНСКОГО П. А. С БЛИЗКИМИ. (1934—1937)

Перечень включает сведения о всех почтовых отправлениях (письмах простых и заказных, телеграммах, денежных переводах и посылках), которые отсылал и получал з/к Флоренский.

В круглых скобках указаны служебные отметки, в квадратных — примечания, в том числе предположения об отсутствующих письмах. Письма он посылал только в Загорск — жене А. М. Флоренской и детям [Загорск, бывший Сергиев Посад Московской области, ул. Пионерская, д. 19] и в Москву — матери О. П. Флоренской и детям [Москва, Плющиха, угол Долгого и Новоколюшениного, д. 126 кв. 7] Порядок описания писем: номер по сквозной нумерации П. А. Флоренского — дата написания — надпись для цензуры на клапане конверта — специальные почтовые отметки — штампы отправления и получения.

1934

[без №] — 13. X. — из Кеми в Москву. — (...10—20.10). (открытка).

[21. X. — из Москвы в Загорск — телеграмма Ю. А. Флоренской о получении открытки].

[№ 1 — усл.] — 24. X. — 3-я т. к. [трудовая колонна — место пребывания]. — В Загорск. — (1.11—3.11).

[№ 2 — усл.] — 5.7.XI — 58.10.11 [статья осуждения]. — В Загорск (21.11—24.11).

[№ 3 — усл.] — 26.30.XI, 7.XII — Флоренский. — В Загорск (...— 14.12).

[№ 4 — усл.] — 13,14,15.XII — 1 т. к. [место пребывания]. — В Москву (22.12.—24.12).

[№ 5 — усл.] — 16—19.XII — В Загорск (29.12.—1.1).

Предлагаю перечень корреспонденции, полученной з/к Флоренским П. А., мы сознаем, что он в ответных письмах мог не сообщать о всей

респонденции — пропустить не столько по невниманию, сколько по понятным причинам, не желая сообщать сведения о близких. Имена корреспондентов даны в сокращении — А. М. — жена, А. М. Флоренская; О. П. — мать, Ольга Павловна Флоренская; дети названы так, как названы в письмах, другие корреспонденты поименованы полностью. Письма расположены по времени их получения (первая дата), далее назван корреспондент, дата написания письма (если она известна), форма корреспонденции (если это не простое письмо). В квадратных скобках — номер письма П. А. Флоренского, где об этом письме сообщается.

4.11 — Телеграмма от Мика (4.XI) [5.XI].

29.11 — А. М. (18.XI), три посылки, денежный перевод [26.XI].

12.11 — семья (1.XII). [13.XII]. Тика [16.XII].

1935

Письма П. А. Флоренского

№ 6 — 1,2,6,9.I — основное. — В Загорск. (19.1—21.1).

№ 7 — 14,16,18,19.I — 1 колонна. Список № 1. письмо 1-е дополнительное. — В Москву (31.1.—2.2).

№ 8 — 22—29.I, 2—4.II — 1 колонна. Основное письмо. — В Загорск (18.2—21.2).

№ 8 [ошибка нумерации] — 24—25.I — 1 колонна. Иодпром. список № 1. Доп. письмо № 3. — В Загорск (7.2—10.2).

[без №] — 8,10,16,18.II — 1-я колонна, дополнительный список № 1. Дополнительное письмо № 1. — В Загорск (22.2.—25.2).

№ 9 — 22,24.II — 1 Труд. колонна. Список Подпрома № 1, дополнительное письмо № 2. — В Загорск (10.3.—13.3).

№ 10 — 3,5,7.III — 3-я кол., основные, Иодпром. — В Загорск (15.3—18.3).

[№ 11 отсутствует: возможна ошибка в нумерации: до этого было два письма № 8 и один без номера]

№ 12 — 13—14, 15,16,III — 1-я колонна. Иодпром. Список № 1. Дополнительное 1-е. — В Москву (11.4—13.4).

[№ 13 — 17—31.III — Список № 1, доп № 2. — В Загорск. Письмо отсутствует].

[№ 14 — 1—5.IV — Список № 1. Осн. — В Загорск. Письмо отсутствует].

№ 15 — 6—7,12.IV — Сп. № 1. Д.1. — В Москву (25.5.—28.5).

№ 16 — 22—23.IV — 1 кол. Доп. 2. Список № 1. — В Загорск (25.5—28.5).

№ 17 — 27—28.IV, 13.V — Список № 1. Основное. — В Загорск (...4—4.6).

№ 18 — 16,21.V — Список № 1. Д. 1. — В Москву (1.6.—5.6).

№ 19 — 25.V — Список № 1. Д. 2. — В Москву (1.6—5.6).

№ 20 — 27.V., 1,4—6.VI — 1 кол. Список № 1. Основное. — В Загорск (15.6.—17.6).

№ 21 — 13—14.VI — Список № 1. 1-е допол. — В Загорск (30.6.—2.7).

№ 22 — 21.VI — Список № 1. Доп. 2. — В Загорск (13.7—7.7).

№ 23 — 29.VI — Список № 1. Основн. — В Москву (2.8—5.8).

№ 24 — 12—19, 21.VII — Список № 1. Доп.1. — В Загорск (2.8—6.8).

№ 25 — 24—25.VIII — Список № 1. Доп. 2. — В Загорск (2.8.—5.8).

№ 26 — 2.VIII — Список № 1. Основное. — В Загорск (15.8.19.8).

№ 27 — [конверт отсутствует] — 12—13,14,15.VIII — доп. 1. — В Загорск.

№ 28 — 21,23.VIII — Список № 1. Доп. 2. — В Загорск (15.9.—10.9.).

№ 29 — 5—6,8.IX — Основное. — В Загорск (22.9.—26.9).

№ 30 — 15—16.IX — Список № 1. Доп.1. — В Загорск (23.8. [Надо:—9]—28—9.).

№ 31 — 24—25.IX — Список № 1. Доп.2. — В Загорск (1.10.—9.10.).

№ 32 — 30.IX,1—3.X — Основное. — В Пушкино, Загорск (12.10.—17.10.).

[№ 33 — 14—20.X — В Загорск — письмо отсутствует].

[№ 34 — 20—30.X — В Москву — письмо отсутствует].

№ 35 — 1—4.XI — Сп. 2. основн. — В Загорск (9.12.—11.12).

— 12.XII. — перевод на 60 руб. — В Загорск (12.12—16.12).

[№ 36 — 5—14.IX — [Сп. 2. доп.1]. — В Загорск — письмо отсутствует].
№ 37 — 15,17—18.XI — [Сп. 2. доп.2]. — В Москву — конверт отсутствует.
№ 38 — 19,21—24.XI — Сп.2. Доп.3. — В Загорск (18.12.—20.12.).
№ 39 — 29.IX., 1.XII — Сп. 2. Доп.1. — В Загорск (23.12.—27.12.).
[осн] № 40 — 7.XII. — В Загорск (2.1—4.1).
№ 40 — 5.XII — Сп.2. Доп.1. — В Загорск (5.1.—7.1).
№ 41 — 16.XII — Сп.2.Доп.2. — В Загорск (1.1.—4.1).
№ 42 — 24—25.XII — Д.2. — В Москву (1.1—4.1).

1935

Письма к П. А. Флоренскому 1.1 — Кирилл (4.XII). [№ 6]
8.2 — А. М., Ольга. [№ 8.]
3.3 — А. М. № 3 (4.II) [№ 10]
6.4 — Василий (23.3) [№ 15]
18.4 — А. М. (23.III) [№ 16]
22.4 — А. М. № 10 (8.IV) [№ 16]
26.4 — А. М. № 11 (13.VI) [№ 17]
17.5 — О. П. (17, 18 и 26.IV) [№ 18]
25.5 — Оля, Тина [№ 19]
12.6 — А. М. № 16 (VI.4) [№ 21]
18.6 — А. М. № 17 (VI.7), № 18 (12.VI), Оля (VI.7) [№ 22]
11.7 — А. М. № 21 (22—25.VI), О. П. [№ 24]
24.7 — А. М. № 20, № 22, № 23, № 24 [№ 25]
2.8 — А. М. № 26, Ольга (27.VII) [№ 26]
14.8 — А. М. № 27 (3.VIII), Василий [№ 27]
17.8 — А. М. № 25 (17.VIII), Кирилл [№ 28]
23.8 — семья (31.XII), Василий, Ольга, Тика, Мика [№ 28]
7.9 — А. М. № 28 (28.8), № 29, без №, Оля [№ 29]
3.10 — О. П. [№ 32]
1.11 — А. М. № 34 (15.VIII) [№ 35]
21.11 — А. М. № 37 (5.XI), А. С. Голованенко (письмо и посылка) [№ 38]
7.12 — Ольга (X.25), Василий, А. С. Голованенко (посылка) [№ 40]
8.12 — А. М. № 37 (19.XI), Тика [№ 40]
30.12 — А. М. № 39 (20.XII), Кирилл [№ 43]

1936

Письма П. А. Флоренского

№ 43 — 1,4—5.I — Сп. 1. — В Загорск (17.I—20.I)
№ 44 — 7—13.I — Сп. 2. Доп.1. — В Загорск (1.2.—3.2)
№ 45 — 16—17,20—21.I — Сп. 2. Доп. 2. — В Загорск, большой конверт с вложенным портретом, заказ. (18.2.—21.2)
№ 46 — 2.I—7.II — Сп. 2. Доп. 3. — письмо отсутствует.
№ 47 — ?.II — Осн. — В Загорск (1...2—22.2).
— 3.II — перевод на 60 руб. (3.2.—14.2).
№ 48 — 7.10,13,11 — Сп.2. Доп.1. — В Загорск (4.3—6.3)
№ 49 — 21.II — Сп. 2. Доп.2. — В Москву (7.3.—9.3).
№ 50 — 21—22,25.II — Сп. 2. Доп.3. — В Загорск (17.3.—19.3).
№ 51 — 29.II, 1.III — Осн. — Загорск. Большой конверт с вложенными рисунками (25.3.—28.3).
№ 52 — 10—11, 13—14.III — Сп. 2. Доп. 2. — В Загорск (7.4.—9.4).
№ 53 — 24,25.III — Сп. 2. Доп. 2. — В Москву (11.4.—13.4).
№ 54 — 21,23—25.III — Сп. 2. Доп. 3. — В Загорск. Большой конверт с вложенным карандашным портретом. (11.4.—15.4).
№ 55 — [Письмо для В. И. Вернадского] — 3.IV. — В Загорск (18.4.—21.4).
— 25.IV — перевод на 45 руб. — В Загорск (25.4.—29.4).

236

- № 56 — 8—9, 16.IV — Сп. 2. Доп.1.— В Загорск (28.4.—30.4).
 № 57 — [М. В. Юдиной] — 17—18, 19—20.IV.— (24.5.—26.5).
 № 58 — 21—22, 23—25.IV.— В Москву (5.5.—7.5).
 № 59 — 27—28.V — Сп. 2. Доп. 1.— Москва (23.5.—26.5).
 № 60 — 8, 16.V — Сп. 2. осн.— В Загорск (23.5.—25.5).
 № 61 — 22.V — Сп. 2. доп.2.— В Загорск (18.6.—21.6).
 № 62 — [конверт отсутствует] — 24.V — [Сп. 2. доп. 3] (В Москву).
 № 63 — 31.V., 6.VI — Осн.— В Загорск (26.6.—2.7).
 № 64 — ?.VI.— Сп. 1, доп.1.— В Загорск (29.6.—2.7).
 № 65 — 25—25.VI — Сп. 1. Доп. 2.— В Москву (14.7.—16.7).
 № 66 — 4—5.VII — Сп. 1. Осн.— В Загорск (26.7.—27.7).
 № 67 — 7,8,9.VII — Сп.1. Доп.1.— В Загорск (26.7.—27.7).
 № 68 — 20—21.VII — Сп.1. Доп.2.— В Загорск (18.8.—21.8.).
 № 69 — 25.VII — Сп. 1. Доп.3.— В Загорск (18.8.—20.8).
 — 28.VII — Перевод на 40 р.— В Загорск (28.7.—1.8).
 № 70 — 2—3, 4.VIII — Сп. 1. осн.— В Загорск (20.9.—23.9).
 № 71 — 13—14.VIII — [конверт отсутствует — Сп.1. доп.1].— В Москву.
 № 72 — 18—19,24—25.VIII — Сп. 1. Осн.— В Загорск (21.9.—23.9).
 № 73 — 25.VIII, 15—18.IX — Сп.1. Доп.1.— В Загорск (4.10.—7.10). Заказное
 в большом конверте с рисунками и пластинками агар-агар.
 № 74 — 20—21, 23.IX — Сп.1. осн.— В Загорск. Заказное в большом кон-
 верте с рисунками. (17.10.—19.10).
 № 75 — 11—12, 16—17.X — Сп. 1. Доп. 1.— В Загорск. Заказное. Большой
 конверт с вложенными рисунками (?10.—27.10).
 № 76 — 12—13.X — Сп. 1. Доп. 2.— В Москву. Заказное. Большой конверт
 с вложенными рисунками (29.10—31.10).
 № 77 — 23.X — Сп. 1. Доп. 3.— В Загорск. Большой конверт с вложенны-
 ми рисунками (9.11.—10.11).
 № 78 — 29—30.X — Сп. 1. осн.— В Загорск. Большой конверт с рисунками
 [С. И. Огневой] (21.11.—25.11).
 № 79 — 11—12.XI — Сп. 1. Доп.1.— В Загорск. Заказное. Большой конверт
 с вложенными рисунками (22.11.—26.11).
 [№ 80 — 13—21.XI — Сп. 1. доп. 2.— письмо отсутствует.]
 № 81 — 22—24.XI — Сп.1. доп.1.— В Загорск. Большой конверт с вложен-
 ными рисунками (4.12.—7.12).
 № 82 — 26—28.XI,1,2—3,5—6.XII — Сп. 1. Осн.— В Загорск. Заказное. Боль-
 шой конверт с вложенными рисунками (15.12.—17.12).
 № 83 — 10—12.XII — Сп. 1. Доп. 1.— В Загорск (...12.—23.12).
 № 84 — 18—19.XII.— [клапан оторван] — В Загорск. Заказное. Большой
 конверт с вложенными рисунками (31.12.—7.1).
 № 85 — 23—24.XII — [Сп. 1. Доп... конверт отсутствует]

1936

Письма к П. А. Флоренскому

- 16.1 — А. М. № 35, № 38, № 40 (12.VII), № 41 (27.XII), № 1 (2.I), № 2 (8.I),
 № 3 (11.I), № 4 (13.I), № 5 (14.I), печатная бандероль, Ольга (4 письма),
 О. П. (3 письма) [№ 45]
 16.2 — А. М. № 6 (26.I) [№ 50]
 24.2 — А. М. № 7 (7.II) [№ 51]
 27.2 — А. М. № 8 (13.II) [№ 51]
 29.2 — А. М. (27.II—без №), Кирилл (2 письма) [№ 51]
 10.3 — А. М. № 9 (29.II), [51] В. И. Вернадский (бандероль и брошюра)
 [№ 52]
 14.3 — С. А. Голованенко (посылка) [№ 52]
 23.3 — А. М. № 10 (4.III) [№ 54]
 8.4 — А. М. № 12 (30.III) [№ 56]
 19.4 — А. М. № 13 (9.IV) [№ 57]
 21.4 — А. М. № 14 (13.IV), без № (14.IV), Василий [№ 58]

- 27.4—А. М. № 15 [№ 59]
 3.5—А. М. № 16, № 17 [№ 63]
 4.6—А. М. № 18,19, Кирилл (3 письма) [№ 63]
 4.7—А. М. № 22 (16.VI), № 22 (26.VI)
 20.7—Ольга [№ 68]
 2.8—А. М. (посылка) [№ 70]
 17.8—А. М. (5.VIII) [№ 72]
 19.8—А. М. № 23 (3—7.VIII) [№ 72]
 20.9—А. М. № 25 (23.VIII), без № (31.VIII) [№ 74]
 11.10—А. М. без № (8.IX), без № (9.IX) № 27 (IX); С. А. Голованенко (4 письма) [№ 75]
 12.10—В. И. Вернадский [№ 76]
 28.10—А. М. № 29 (14.X); без № (20.X), [№ 78]
 11.11—А. М. № 30 (2.XI) [№ 79]
 20.11—А. М. № 31 (12.XI) [№ 82]
 18.12—А. М. без № (17.XII), посылка [№ 84]

1937

Письма П. А. Флоренского

- № 86—4(?) XII, 3—4.1—Сп. 1. Осн.—В Загорск. Заказное. Большой конверт с вложенными рисунками (23.1.—26.1).
 № 87—1—15.1—Сп. 1.—В Загорск. Заказное. Большой конверт с вложенными рисунками (25.2.—28.2).
 № 88—16—17.1—Сп. 1. Доп. 2.—В Москву (28.1.—31.1).
 [№ 89—письмо отсутствует—18.1, 4.11—Сп. 1. Доп. 3.]
 № 90—5.11—Сп. 1. Осн.—В Загорск. Заказное. Большой конверт с вложенными рисунками (7.3.—10.3).
 № 91—13.11—Сп. 1. доп. 1.—В Загорск. Заказное. Большой конверт с вложенными рисунками (7.3.—11.3).
 № 92—21.11—[Сп. 1. доп. 2—клапан оторван].—В Загорск. Заказное. Большой конверт с вложенными рисунками (7.3.—10.3).
 № 93—22.11—Сп. 1. Доп. 3.—В Загорск (16.3.—20.3).
 [№ 94—письмо отсутствует—23.11.—19.111—Сп. 1. Осн.]
 № 95—20—21.111—Сп. 1. Доп. 1.—В Загорск.—(10.4—12.4).
 № 96—23.111—Сп. 1. Доп. 2.—В Москву (9.4.—11—12.4).
 № 97—4.1V—Сп. 1. Осн.—В Загорск (19.4.—22.4).
 № 98—20.1V—Сп. 1. Доп. 1.—В Загорск (3.4.—6.4).
 № 99—11.V—Сп. 1. Осн.—В Загорск (20.6.—22.6).
 [№ 100—письмо отсутствует 12.V—2.VI—Сп. 1.]
 № 101—3—4.VI—Сп. 1. Осн.—В Загорск (22.6.—25. 6).
 [№ 102—5.VI.—17.VI.—[письмо отсутствует, хотя возможна ошибка в номерах] № 103—18.VI—Сп. 1. доп. 1.—В Загорск [Это последнее письмо, пришедшее от П. А. Флоренского]—18.VI—Сп. 1. доп. 1.—Загорск (10.7.—13.7).

1937

Письма к П. А. Флоренскому

- 3.1.—А. М. № 36 (21.XII) [№ 86]
 17.1.—А. М. без № (30.XII), Оля [№ 88]
 4.2.—А. М. № 2 [№ 90]
 5.2.—А. М. № 1, № 3 [№ 90]
 13.2.—О. П. Газеты и журналы [№ 91]
 22.2.—А. М. № 5 (5.11) [№ 93]
 23.3.—А. М. без № (16.11) [№ 96]
 4.4.—А. М. № 8 (14.111) [№ 97]
 20.4.—А. М. № 9 (20.111) [№ 98]
 9.5.—А. М. без № (30.111), без № (6.1V) [№ 99]
 18.6.—А. М. № 5 (31.V), 16, 17, О. П. (4 письма) [№ 103]

Публикация П. В. Флоренского и М. В. Флоренской

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

.....

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятия связи и Союзпечати.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Литературная учеба» во второй половине 1993 года
и в 1994 году опубликует:

Новые переводы книг Священного писания: Псалтирь.
Месяцеслов Русских святых.

Повести и рассказы П. Краснова, М. Иманова, Н. Шипилова,
П. Паламарчука и других.

Стихи В. Казанцева, О. Чухонцева и других.

Иеросхимонах Сампсон. Наставления духовным чадам.

Православная педагогика. Педагогическое наследие св. Иоанна
Кронштадтского, св. Феофана Затворника, подвижника благочес-
тия о. Серафима Роуза и других.

Из истории русской философии: о. Павел Флоренский. Первые
шаги философии (курс лекций по античной мифологии в Москов-
ской Духовной Академии).

Из наследия: работы В. В. Розанова, Е. Н. Трубецкого,
С. Л. Франка.

Неизвестный Гоголь. Неопубликованные рукописи.

Подписка принимается без ограничений во всех отделениях
связи, агентствах Роспечати и стран СНГ.

Индекс 70499.

Розничная продажа ограничена.

Созданием файла в формате pdf

занимался ewgeniy-new

(февраль 2014)